

мои БОГ
ФРАНЧЕСКО
ВИЛЛАРДИТА

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Олег Мальцев

Мой Бог Франческо Виллардита

Язык: русский

Днепр
«Середняк Т.К.»
2019

Олег Мальцев

Мой Бог Франческо Виллардита — Днепр: Середняк Т. К., 2019, — 345 с.

ISBN 978-617-7761-08-1

«Мой Бог Франческо Виллардита» - книга, рождённая в тишине Калабрийских гор, молчаливых древних городов, величественных замков и секретных храмов, которые никогда не покажут туристам.

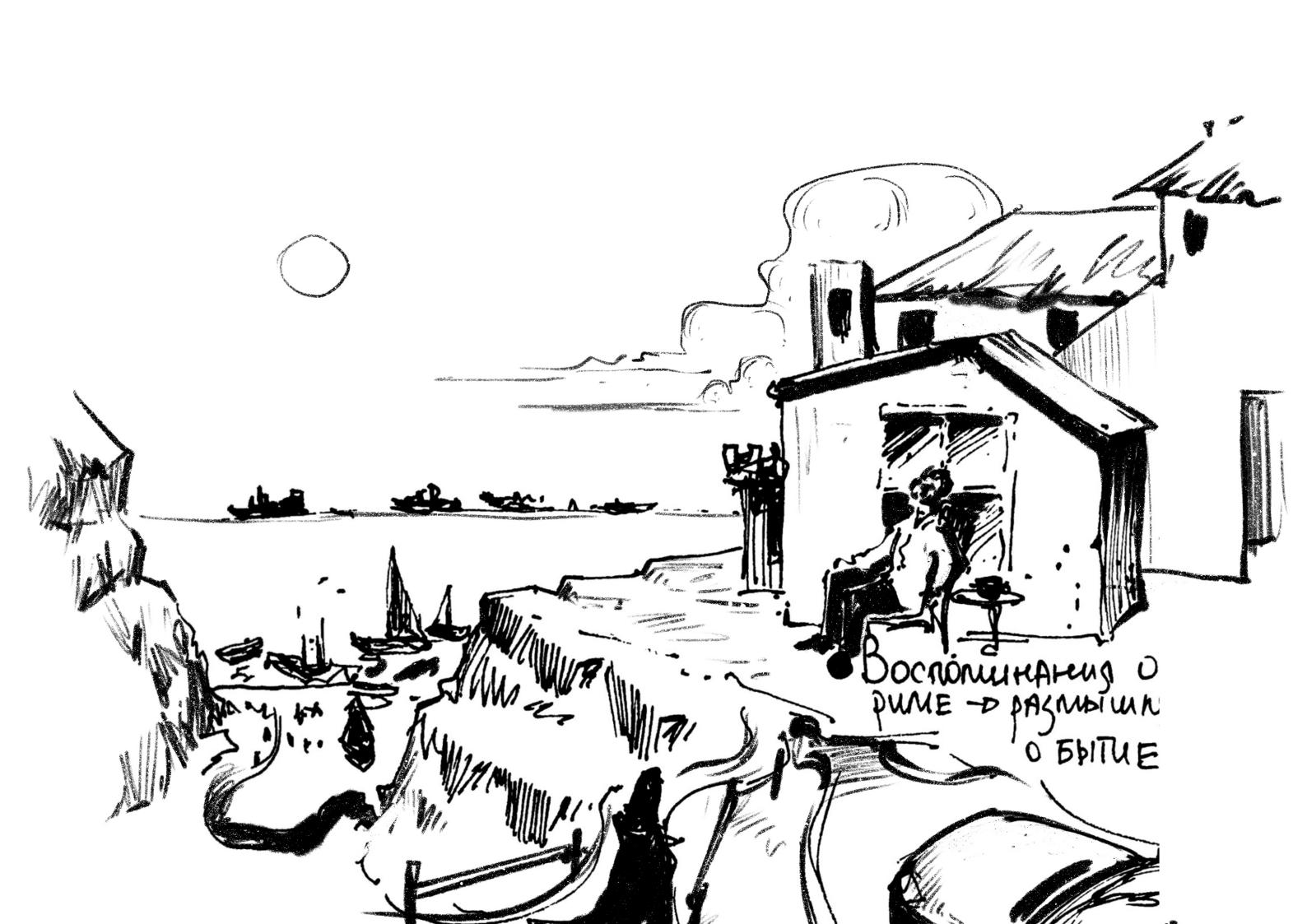
Эта книга не является плодом художественного вымысла, поскольку основана на фактических событиях. Шесть сюжетных линий, переплетаясь, побеждает само время, показывая, как рождается личность, как из никого не известного существа рождается Феномен, как он, приобретая навыки, для многих кажущимися запредельными, становится Богом - навечно. Тем, для кого нет ничего невозможного.

Книга написана особым языком – языком памяти, известным нам как «амальгама». И амальгама эта обучающая. А потому каждому есть, что почерпнуть из этого труда...однако рекомендуется начинать с фундаментального: с философии. Ведь, как это было известно ещё сто лет назад, именно философия отличает Простолюдина от Победителя.

«Мой Бог Франческо Виллардита» написана по результатам научно-исследовательской экспедиции 2018 года департамента НИИ Памяти «Экспедиционный корпус».

© Олег Мальцев 2019

Воспоминания о
Риме → размытие
о бытие

Разговор матери с
сыном за семейным
ужином.

Андрея Паловичини неспешно, зевая, проводит время в родной обители на Сицилии. Да, вскоре заканчивается лето, наступает пора отправляться в университет.

Юный Паловичини бродит в своем отчим доме в Алькамо... и вот, сейчас он уже смотрит на сад, полный фруктов, благоухающих в тени. В преддверии горизонта синеет бухта,— те самые настоящие «Дьявольские ворота», как еще их называют «Ворота дьявола». Он вглядывается в изумрудно-голубое небо Сицилии. И, как любой дворянин, в этот момент времени, безусловно, предается празднествам, восседая на террасе своего родового дома. Сматря на это все, он в общем-то думает, что жизнь не так и плоха, как её рисуют по телевизору, как её описывают всякие политики. Жизнь — она имеет и красивые оттенки, приятные, конечно, не всегда, но в определенные моменты. Единственное, что неприятно на фоне всего окружающего — это необходимость ехать в очередной раз в пыльный, гадкий, мерзкий, поганый Рим. Ехать туда, конечно же, не хочется, ведь из Сицилии ехать в Рим — это ужасно в принципе, по определению. Но университет зовет, учиться надо, его ждет второй курс. И вот еще: мама скоро придет и начнет привычно причитать и «выколупывать из черепушки мозги», говоря «...чего тебе не училось в Палермском университете, зачем ты умчался в Рим? Зачем тебе все это надо? Отчего приспичило? Сидел бы дома, в Палермо. Зачем тебе ехать было так далеко? Ведь ехать из Алькамо до Палермо всего-то 20 минут. Зачем тебе понадобилось ехать в этот...Рим? Неужели учиться больше негде?»

О чём же думает юный Паловичини? Андреа прекрасно понимает, что он с Сицилии не уехал, он оттуда сбежал, именно сбежал «от мамы и папы». Это постоянное сидение дома, хождение в церковь, когда посещаются одни и те же рестораны... все одно и тоже в Алькамо! Поездки в Палермо, безмятежное брожение по городу — всё это просто надоело. И захотелось некой «детской самостоятельности». Но как вы понимаете, никакой особенно детской самостоятельности не существует в природе, и поэтому он всё-таки решил поступать в Римский университет на факультет криминалистики, и в общем-то, наверное, впоследствии хотел бы стать каким-то чиновником на Сицилии. Сицилийский дворянин с известной Сицилийской фамилией, пользующейся уважением. А почему нет? Затем, наверное, в итоге он станет каким-то прокурором в Палермо и нормально себе будет жить, как и вся его родня. Денег у него, как у дурака махорки, полные счета ломятся, коротко выражаясь Огромные производственные сельскохозяйственный площади, множество собственных ресторанов на Сицилии. Отец — авторитетный бизнесмен, я бы сказал, что даже олигарх, эдакий Чепперони,уважаемый человек, который не захотел идти в «верхушку» криминального мира, а остался хозяином определенной территории; Паловичини-старший — человек знатный, безусловно, имеющий отношение к обществу чести Сицилийскому. Но отец занят производственной и хозяйственной де-

ятельностью, а не какими-то злополучными обывательскими преступлениями. Для него членство в преступной организации — это больше традиция, чем необходимость какая-то.

И вот этим праздным беседам и думам Андреа Паловичини предается на веранде своего замка. Он, как и любой сицилиец, искренне любит свою маму. Он еще почти юноша, и конечно он скучает по своей маме, как любой ребенок который уехал от мамы. В принципе не сильно скучаете, так как мама у него нормальная «пилорама» сицилийская, которая вынесет всю голову за 15 минут, и скука пройдет быстро и полностью. Поэтому конечно с одной стороны, он по матери скучает, а с другой стороны, он понимает, что надо «валить» в Рим, по причине того, что мама сейчас придет и сейчас нагнется опять причитания за Палермо, зачем тебе ехать в Рим и так далее. Но домой возвращаются все и папа и мама, так как завтра последний день, перед отъездом провести в семье.

Мама приходит, приказывает накрывать на стол и тут же возвращается отец. Останавливается дорогой лимузин возле замка, с заднего сиденья показывается седой мужчина в возрасте около 60 лет, сопровождаемый двумя крепкими парнями сицилийской внешности, у которых за ремнями виднеются рукоятки пистолетов. Охрана заходит в дом, так как они также являются членами семьи. Отец, в свойственной ему манере, направляется в обеденный зал для совместной трапезы.

Вот они втроём сели за стол: мать, отец и сын. Они беседуют между собой, разговор начинается о простых вещах. «Прелюдия серьезного разговора, который хочет инициировать мама», - думает Андреа. Отец спокойно на это смотрит, в том числе и на мать семейства, он знает свою жену, знает: все равно, как он скажет, так все в доме и будет. Поэтому он, в общем-то, с интересом ожидает того, что сейчас будет происходить за столом. «Он уже за столько лет прекрасно знает свою жену, поэтому просто наблюдает за происходящим», — проносится в голове у Андреа Паловичини. Сын сидит лицом к отцу, а мама — сбоку, слева от него.

Словно по взмаху невидимой дирижёрской палочки, мама начинает свой монолог:

— Посмотри, Андреа, как красиво вокруг, посмотри, какая прекрасная Сицилия, посмотри, как хорошо дома. Какого черта тебе ломиться в Рим?

И тут же обращаться к мужу и говорит:

— Неужели тебе сложно позвонить ректору университета и перевести его в Палермо?

Но Андреа сдержанно отвечает:

— Мам, меня все устраивает. Я не знаю, с чего вы завели весь этот разговор. Я хочу учиться в Риме, я учусь на том факультете, на котором желал. Я хочу учиться в Римском университете, поэтому оставь меня в покое, пожалуйста. Я собираюсь жить в столице, тем более у нас там есть все условия, свой собственный дом, имение, короче, все есть, для

того чтобы там жить как и здесь. Оставь меня в покое, я не хочу чтобы ты дальше продолжала этот разговор.

Но мама не останавливалась и по инерции продолжала дальше.

— Сын, послушай меня, в Риме ничего хорошего быть не может. Все, кто живут в Риме, они люди немного нездоровые, а не дай Бог ты в такого превратишься. Что я тогда делать буду? Я же с ума сойду.

Андреа задумался...

«Начинается... «вгоняй маму в гроб», «делай маму сиротой», все это очень привычно... Пока все это продолжается, отец с большим вниманием наблюдает со стороны, улыбается. Позади на креслах скучает охрана, тоже им интересно, потому что хоть что-то происходит в их жизни. Так как в их жизни вообще ничего не происходит, звон стволов отгремел давным давно, на Сицилии более менее тишина-порядок, и поэтому люди скучают без работы. А тут такой домашний скандал, очень даже и пикантно и интересно, чем же это все закончится. Отец в конце концов, вступает в разговор и говорит:

— Ма, угомонись,тише, пожалуйста. Сын принял решение, он мужчина, пусть едет в Рим. Будем смотреть на развитие событий дальше, если в друг что-то не понравиться, вернемся к этому разговору несколько позже.

Мама, конечно, какой-то промежуток времени пошумела, успокоилась и начала есть. Думает: «Вот уедет сын и я тебе тогда голову вынесу по полной. Раз не хочешь чтобы я ему выносила, я вынесу тебе, как только он нас покинет».

Обед длиться около часа. Отец говорит вслед, что он отбудет на работу и вечером вернется. Мама продолжает ходить хвостом за сыном, и давать ему последние наставления перед Римом. Все это выглядит достаточно смешно. Сын уже прячется от нее и в сад, и в свою комнату. Все очень деликатно, как и положено действовать сицилийскому сыну с сицилийской матерью. Очень деликатно, корректно чтобы маму не обидеть. Он курсирует по замку, мама как акула передвигается за ним и пытается его отловить и все таки его вразумить, поставить ему мозги на место. Папа уехала можно расходиться как угодно. Сын искусно маневрирует по дому. В конце концов мама поняла, что разговаривать с ним бесполезно и отправилась плакать. Села на веранду, плачет, причитает: «...не любите вы меня, ни ты меня не любишь, ни отец твой не любит, все вы против меня». Поплакала, поплакала, раз... смотрит — никто внимание не обращает, все в порядке, значит плакать пора прекращать. Прекратила плакать, накрасилась, привела себя в порядок, как будто ничего и не было.

Вечером возвращается отец, идет в библиотеку и завет Андреа к себе для разговора. Мать понимает, что разговор мужской, вмешиваться в такой разговор женщине на Сицилии не пристало, а потому она и уходит к себе в покой.

•Разговор отца с сыном в библиотеке

Представьте себе шикарную библиотеку, в которой всюду расположены дивные макеты кораблей, где стоят старинные глобусы, где все исполнено в светло-коричневых оттенках, сияют наполированные столы из красного дерева, соревнуясь в блеске с мебелью из черного дерева. Богатая библиотека, очень удобные кресла. Отец закуривает сигару, садится нога на ногу, предлагает сыну присесть подле и начинает беседу. Разговор идет о том, что в общем-то все в принципе неплохо, но так только на поверку.

— Действительно ли ты хочешь учиться в Риме? Надо ли тебе учиться в Риме? Пойми, сын, я — не вечный, имущество и империя наши обширны, род наш древний, тебе это все принимать, да, принимать руководство семейным бизнесом и всего остального. Ты уверен, что тебе не лучше всё-таки остаться на Сицилии и работать у меня, чтобы всё это осваивать? Потому что рано или поздно я отойду от дел, и тебе придется принимать руководство всего этого. Ты же это прекрасно понимаешь, не так ли.

Бессспорно, именно об этом Андреа и размышлял, но помалкивал, в общем-то, по причине того, что доводы с его планами расходились полностью. Он все таки хотел быть государственным чиновником. Но он понимает что отец в общем-то прав, по причине того, что это никому не оставишь, никому не доверишь. Надо как-то возвращаться домой и в конце концов принимать командование. Отец говорит ему:

— Давай так, поучись год еще в Риме. Я тебе даю возможность подумать, и мы вернемся к этому разговору, а через год. Все же второй курс института — это переломный момент, вот ты перейдешь на третий курс можешь и в Палермский университет перейти на третий курс никаких проблем. Надо в любом случае что-то делать с родовым бизнесом и вообще со всей этой ерундой.

Израиль, Тель-Авив 2010 год.

В аэропорт Бен-Гурион в 8:30 утра по плану прибывает некий самолет и идет на посадку. Это спец-рейс из Кейптауна. На борту самолета находится гражданин Израиля Пихнус Данкевич, который совсем недавно, по еще никому непонятным причинам, сошел с ума. Родом он из влиятельной еврейской семьи в Тель-Авиве, его родственники достаточно богатые люди, даже по меркам Израиля.

На взлетной полосе, вместе с остальными, самолет ожидают израильские военные. Дело в том, что человек, который прибыл из Кейптауна является офицером израильской армии. И да, он сошел с ума.

Стремительно приближающийся самолет сам по себе достаточно большой, что немудрено, так как расстояние между Кейптауном и Тель-Авивом превышает 7000 км. Целью данного рейса является транспортировка умалишенного офицера израильской армии. На взлетной полосе стоят врачи, машина скорой помощи и две машины военных Израиля для того, чтобы опознать человека, прибывшего этим рейсом. Пихнус Данкевич был отправлен из Кейптауна в Тель-Авив властями Южно-Африканской республики. Самолет классически заходит на посадку в два поворота и мощная, огромная машина совершают приземление, касаясь взлетной полосы открывшимися шасси. Затем самолет проезжает еще какое-то расстояние, поворачивает и следует на подготовленное место, указанное ему заранее диспетчером. Когда самолет полностью остановился и навстречу ожидающим открылась пассажирская дверь, первый странный факт, что бросился в глаза — это внешний вид человека, которого выводят из самолета. Трудно представить, но и в 21 веке иногда у определенных лиц руки связаны скотчем. Вероятно, это был некий гуманный жест со стороны правительства Кейптауна, что на него не стали одевать наручники.

И вот, этот человек выходит. Что и говорить: у него совершенно безумный взгляд, он как-будто ничего не видит и не понимает, где находится и что происходит, на каком он вообще свете, куда он попал. При выходе из самолета он сопровождается некоторыми сотрудниками израильского посольства южно-африканской республики, специально прибывшими из Претории, чтобы депортировать сумасшедшего гражданина Израиля. И вот его выводят из самолета, спускают по трапу, и он мгновенно «попадает в объятия ко всему готовых санитаров». Сумасшедшего помещают в машину скорой помощи, затем все разом, как по взмаху дирижёрской палочки, направляются в специализированную больницу. Военные опознали своего офицера в лице Пихнуса Данкевича; они безмолвно, не сговариваясь, просто следуют за каретой скорой помощью в расположение специального лечебного заведения. По прибытию в больницу, Пинхуса помещают в одиночную палату, проводят все необходимые процедуры, оформляют пациента и закрывают его там.

Один из старших офицеров в чине полковника обращается к главному врачу больницы:

— Вы можете объяснить, что вообще происходит?

— Пока нет, пока не могу ничего сказать. Необходимо провести обследование в течении нескольких дней и затем, возможно, мы все узнаем,— ответил врач.

В это время в дом семьи Данкевича, расположенному в Рамат Авиве, в одном из самых престижных районов Тель-Авива, приходит друг семьи и близкий друг Пинхуса, подполковник Савва Крамер, служивший вместе с Ицхаком в израильской армии. Вся семья и гость располагаются за огромным столом в столовой дома. Напротив Саввы сидит брат Пинхуса, солидный израильский финансист, Ицхак Данкевич. Он уже много лет находится в инвалидной коляске, поскольку у него отказали ноги из-за последствий врожденного полиомиелита. Рядом с Ицхаком — его жена Сара, обладательница, может, и не самой привлекательной внешности, но дама очень образованная и умная. Также за столом присутствуют отец Ицхака и Пинхуса, господин Арон и еще некоторые родственники, приехавшие из пригорода.

Савва начал разговор первым:

— Пинхуса доставили в больницу, но пока ничего не понятно. Произошли достаточно странные события: человек ни с того, ни с сего улетел в Кейптаун, там, каким-то образом, сошел с ума и вот теперь его доставили сюда. Попытайтесь мне объяснить, что происходит, введите меня в курс дела, хотя бы немного.

Брат Пинхуса ответил:

— Мы сами-то не понимаем, что происходит. Единственное, что известно: он познакомился с какой-то красивой девушкой, журналисткой, которая живет и работает в Кейптауне. Ее зовут Катарина Островская, она, безусловно, еврейка. В Тель-Авиве, насколько мне известно, она находилась по работе, затем улетела к себе в Кейптаун. После этого, буквально через несколько дней, Пинхус сел в самолет, никому ничего не сказал, и тоже улетел в Кейптаун. Что получилось в результате этого полета, вы знаете, его вернули в этом непотребном психологическом состоянии. Он совершенно не в себе.

— А как его сюда доставили, почему его привезли люди из посольства? — спросил Савва.

— У него при себе был паспорт гражданина Израили. Он невменяемый ходил по городу и пугал людей своим видом, а затем попался в руки полиции, которая его и задержала. При этом, он не мог ничего объяснить и не отвечал ни на один вопрос, который ему задавала полиция. Его начали досматривать, нашли паспорт, связались с израильским посольством, объяснили ситуацию. Что он делал на территории ЮАР, никто не знал. Тогда они связались с нами, но мы тоже не знали причину его нахождения там. И потом, только через 50 часов его доставили сюда, потому что ждали представителей посольства из Претории. Журна-

листка, к которой Пинхус полетел, почти сразу улетела в США и по сути, не находилась там в период того, как с ним произошли эти непонятные события. Тоже странно: прилетел к девушке, а девушка улетает в США. И сразу же человек сходит с ума. Ну, не от того же, что она улетела? Чертовщина какая-то... Ситуация очень странная и непонятная.

Подполковник Крамер продолжил расспрашивать родственников, в надежде найти хоть какие-то нити, чтобы хоть за что-то можно было зацепиться, как вдруг Ицхак перебил его:

— Не нравится мне эта история. Пинхус был абсолютно здоров физически и крайне вменяем во всех отношениях. Он служил в израильской армии в звании майора. Это человек, прошедший все профотборы. Что-то, как мне лично кажется, здесь не так. Нечисто, вот и всё.

Отец многозначительно смотрел на своего старшего сына. Ицхак уже много лет являлся приемником семейного бизнеса. Отец отошел от дел и главой семьи, несмотря на физический недуг, по праву считался Ицхак.

Отец не терпел пауз: — Ну, развивай мысль, что ты хочешь этим сказать?

— Просто так,— начал Ицхак,— такие вещи не происходят. Это 100%. И конечно же, первая версия, которая приходит мне на ум, это так называемая бизне-версия. Может это как-то связано с нашим бизнесом?

— У тебя есть бизнес в Кейптауне? — спросил отец.

— Нет. Но может кто-то решил воздействовать на нашу семью, вот таким непонятным способом?

— Если бы хотели воздействовать на семью, то воздействовали бы на семью. А тут, ни с того, ни с сего, человек сам садится в самолет...,— произнёс, наморщив лоб, отец, как бы продолжая мысль, но уже уже про себя.

— Согласен,— тяжело выдохнул Ицхак,— что-то не вяжется в этом рассказе про «воздействие и бизнес». Что же нам делать в этой ситуации, как поступить?

— А что делать, для начала ждать анализов и диагноза врачей. По предварительным осмотрам врачи предполагают, что это шизофрения. Более точно будет известно не раньше завтрашнего дня.

Вдруг подполковник вмешался: — А как зовут эту девушку, известно?

— Да, известно, сказал Ицхак,— брат не скрывал этого. Ее зовут Катарина Островская, она журналист, работала в Тель-Авиве достаточно длительный промежуток времени. Она здесь освещала определенную проблематику, связанную с его увлечением воинскими искусствами. Писала материалы на военные темы, изучала вопросы армии и еще что-то. Это то, что мне известно. На сколько я знаю, она очень красивая. Таких еще называют «светскими львицами». Журналистка, как журналистка, каких немало по всему миру.

— Мой сын — офицер, подхватил отец, — у него есть свой спортзал в Тель-Авиве. Он занимался довольно известной израильской боевой системой Крав-Мага. Преподавал ее другим людям, обучал молодых офицеров. Хотя система какая-то непонятная, но это лично мое мнение. Я не сильно знаю, чем именно он там занимался. Он довольно часто ходил в спортзал, как все офицеры, для которых физическая подготовка стоит далеко не на последнем месте.

Тут уже подполковник встревает: — Да я хорошо знаю, чем он занимался, потому что я — его друг. Действительно, у него есть спортзал и в свободное время он много преподавал. И вообще Пинхус, в свое время, геройски воевал на оккупированных территориях Израиля. То есть, просто так «сойти с ума», средь бела дня да беспричинно — нет, не верю, так не бывает. Человек он подготовленный, психика у него крепкая. От обыкновенной поездки в Кейптаун он бы не сошел с ума. Что-то здесь не так, это 100%.

В это время послышался громкий стук в дверь. На пороге стоял еще один друг семьи, врач-психиатр Елеазар Зильбельман. Выглядел он на высоте, одет был утонченно, в дорогом костюме с саквояжем в руке; на вид ему было лет 60 или около того. Господина Зильбельмана также пригласили к столу.

— Тебе удалось что-то узнать об этой истории? — спросил отец.

— Честно говоря, практически ничего, во всяком случае пока, — ответил врач. — Пинхус лежит в одиночной палате, у него великолепные условия, есть всё, что необходимо. Однако он находится в совершенно непотребном виде. Что можно сказать наверняка, так это то, что мы имеем дело результатом некого психологического воздействия. В этом нет никаких сомнений. Просто так, такие вещи не происходят. Я мог бы совершенно точно определить, что перед нами человек, психика которого полностью расстроена. К сожалению, это единственное, что я могу пока сказать. И больше у меня нет никаких мыслей по этому поводу. В любом случае, завтра будет консилиум, я там буду, поскольку пригласили, как сведущего специалиста. Так что, будьте любезны, наберитесь терпения, господа, и завтра мы все узнаем. Прошли уже почти сутки, сейчас в клинике проводятся все исследования и тесты. Поэтому, мы что-то будем знать уже завтра.

Через какое-то время, все начали расходиться, заниматься своими делами и ждать диагноза, ждать хоть какого-нибудь понимания того, что же на самом деле с произошло с дорогим членом семьи.

На следующий день, доктор Зильбельман, как и говорил, отправился в больницу на консилиум. Однако он выехал заранее, чтобы предварительно осмотреть пациента, нечужого ему человека, которого он ещё мальчиконкой хорошо знал с детства. Возможно это личное знакомство и сыграет какую-то роль, например, поможет наладить контакт, а может даже и диалог с Пинхусом, который до этого момента не произнес еще ни слова с тех пор, как прибыл в Тель-Авив.

Как только доктор Зильбельман подъехал к больнице, на пороге его встретил главврач Левин и сходу выпалил:

— Ты знаешь, я пытался с ним побеседовать, но результата никакого. Он не разговаривает и ничего не отвечает.

— Мда..., интересно. Давай я попробую,— сказал доктор Зильбельман, и они начали подниматься к палате Пинхуса. Возле двери они встретили дежурную медсестру. Доктор Левин спросил ее, не проявлял ли пациент каких-то признаков буйства или хотя бы активности. В ответ медсестра только безнадежно и отрицательно покачала головой.

— Он просто сидит на кровати, смотрит в одну точку и все,— заглядывая в дежурный журнал пробормотала она.

Доктор Зильбельман решительно зашел в палату, взял стул, поставил его перед пациентом и сел так, что их лица оказались друг напротив друга.

— Ты.. ты помнишь меня? — негромко спросил, пристально глядя на Пинхуса.

В ответ тишина. Доктор спросил еще раз, но опять получил в ответ лишь молчание. Он повторял попытки разговорить пациента в течении 30 минут, называл его по имени, как угодно — но все было безрезультатно. Затем он забрал стул, вернул его на место, вышел из палаты и направился в общий зал консилиума, где уже собирались ведущие специалисты в области психиатрии со всего Израиля. Всего их было одиннадцать человек, и они собрались специально для того, чтобы обсудить этот случай. Дискуссия длилась около двух часов. Ее целью выступала постановка диагноза пациенту Пинхусу Данкевичу. После долгих обсуждений, было проведено открытое голосование, которое большинством голосов определило диагноз — шизофrenия. Доктор Зильбельман оказался одним из немногих, кто был категорически против этого диагноза; он всячески обращал внимание коллег на то, что в данном случае имеет место некая особая заторможенность психики, которая пока науке неизвестна. Более того, шизофrenия предполагает галлюцинации, а их наличие у пациента не выявлено. Однако консилиум путём голосования вынес свой вердикт, и он был принят. Доктор Зильбельман расстроился. Он посмотрел еще раз на пациента, на человека, которого он хорошо знал и еще совсем недавно разговаривал с ним по телефону. Но сейчас, рассмотреть в этих пустых глазах близкого человека стало практически невозможно. Он как-будто находился не здесь, не в своем теле.

— Что же с тобой произошло? — проговорил он про себя и направился к выходу больницы. Затем доктор Зильбельман сел в такси и направился в дом пациента, к его родственникам, которые его уже ждались. Еще в дверях, не дожидаясь вопроса, он начал:

— Пинхусу поставили диагноз шизофrenия. Однако я уверен, что это не так. Это какая-то особая заторможенность психики. За полчаса он не произнес ни слова, то есть, он вообще не разговаривает и не реагирует на окружающих его людей.

Было около 4 часов дня, брат Пинхуса, только вернулся из офиса. Он вкатился на коляске в зал, и подъехал к столу. Позади Ицхака стояла его жена Сара. Ицхак начал говорить:

— Если Пинхусу поставили такой диагноз... позволь уточнить: ты уверен, что они хуже разбираются, чем ты?

— Смотри же, подхватил его доктор Зильбельман,— шизофрения в обязательном порядке сопровождается галлюцинациями. А мы не знаем о том, наличествуют они у Пинхуса или нет. Поэтому ставить такой диагноз пока рано, я в этом уверен. Но, поскольку нужно было поставить диагноз быстро — уж не стояла задача быстро и правильно — большинство всё же проголосовали за шизофрению.

— Меня интересует правда, а не то, за что проголосовало большинство, пусть даже именитых врачей нашей страны,— решительно сказал Ицхак.— Что с моим братом?

— То, что я могу сказать однозначно, что все это произошло с Пинхусом в Кейптауне, ответил доктор.

— Это я и без тебя знаю. А еще?

— То, что у него какое-то особое заболевание психики, о котором мы ранее не слышали, это 100%. У него полностью заторможенная психика, вплоть до потери речевой функции. Во всяком случае пока что он не проронил ни единого слова.

— Понятно. И что делать в этой ситуации? — разводя руками от немой беспомощности, спросил Ицхак.

— Для начала понаблюдать за ним.

— Я боюсь, что это никак не изменит ситуацию. Мы только потеряем время.

В это время раздался стук в дверь. На пороге стоял подполковник Крамер. Он незамедлительно прошел к столу и, устраиваясь, сказал:

— Вот, что мне удалось узнать: действительно, Пинхус несколько раз встречался с этой журналисткой. Она приходила к нему в спортзал. Это подтвердили все ребята, которые у него занимались. Они общались и он несколько раз приглашал ее на ужин. Когда она улетала, Пинхус её провожал, это подтвердили служители аэропорта. А затем, через 2 дня, он купил билет и полетел к ней в Кейптаун. Это все, что мне удалось выяснить в настоящий момент времени.

— Прекрасно,— сказал Ицхак,— нужно искать эту Катарину. Возможно, именно она наш ключ к разгадке.

— А ее не надо искать, сказал подполковник. Она не скрывается. Она живет и работает в Кейптауне в центральной газете, и говорит, что не в курсе того, что произошло с Пинхусом. Мы только сегодня с ней разговаривали по телефону. Я спросил, давно ли она вернулась в Кейптаун и она ответила, что сутки назад. Затем сразу вышла на работу и продолжила заниматься привычными рабочими делами. А когда я спросил ее, где находится ее израильский друг, представившись его товарищем, она ответила, что не знает где он и что они не созваниваются с ним уже

какое-то время. Она назвала день, когда он прилетел к ней, сказала, что они встретились, поговорили и на этом все. На следующий день, с её слов, она улетела в Штаты. Я сказал ей, что Пинхус приболел и по этой причине мы интересуемся, чем они занимались в Кейптауне. Она пожелала ему скорейшего выздоровления и на этом наш разговор закончился. Так что, она не находится в бегах и похоже, что она ничего не скрывает. По телефону говорит спокойно, и я не заметил в ее голосе, что она что-то утаивает от нас. Однако, я уверен, что она каким-то образом причастна к заболеванию Пинхуса.

Ицхак прервал подполковника: — Лично я не знаю на счет того, причастна она или нет, но факт остается фактом. Человек находится в больнице в очень тяжелом состоянии, а единственное связующее звено с Кейптауном — журналистка Катарина. Поэтому я думаю, что нужно лететь в Кейптаун. Остается только решить, кто полетит.

— Я могу полететь, — вызвался подполковник, как в армии, — и мне бы прихватить с собой уважаемого психиатра, потому что я ничего в этом не понимаю, если честно, но задавать вопросы я умею неплохо.

Доктор Зильбельман не особо обрадовался перспективе будущей поездки, что отчётили читалось по его выражению лица и начал, как будто на ходу, сочинять множество причин, по которым он «...не то, чтобы не хочет, но не может поехать разбираться в этом таинственном деле». Он говорил о каких-то делах, пациентах, которых ему не на кого оставить, даже вспомнил домашних животных, но Ицхак перебил его решительным, даже строгим голосом и сказал:

— Это даже не обсуждается, ты друг семьи и ты должен лететь. Чего ты боишься? Что ты там тоже сойдешь с ума? Ты же психиатр.

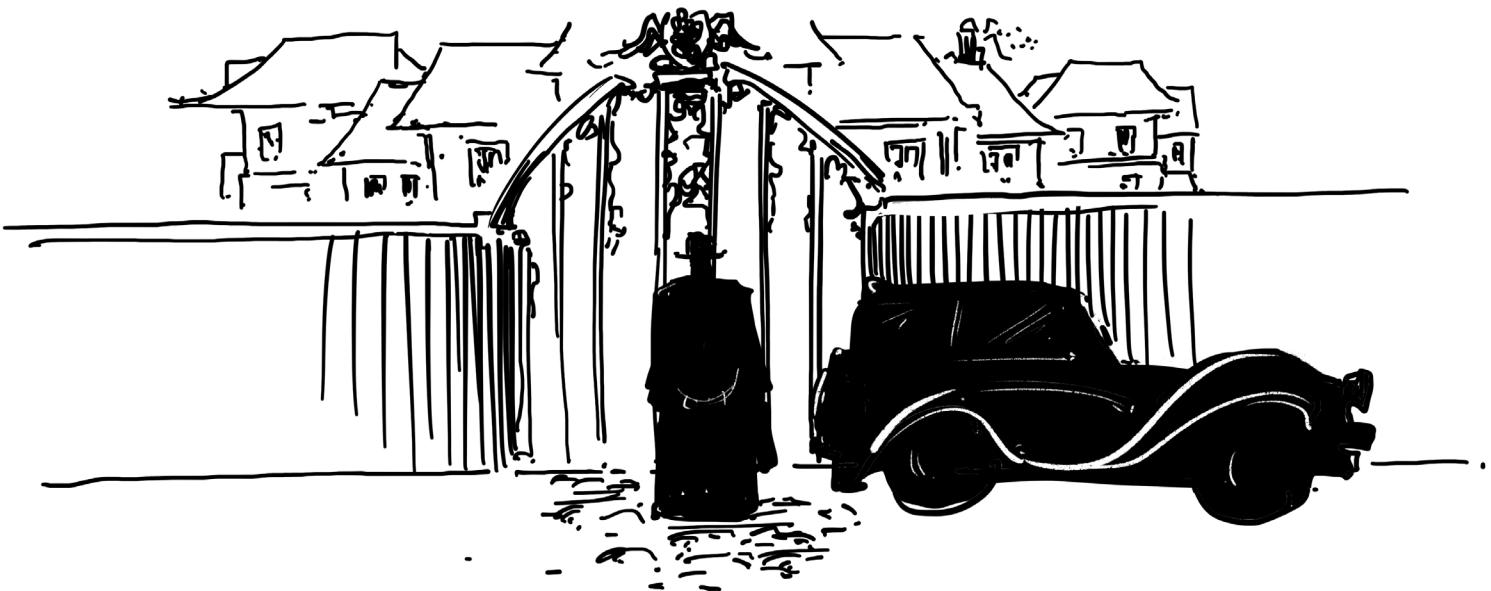
— Нет, конечно я этого не боюсь, — как бы оправдываясь, сказал доктор.

— Отлично, тогда решено, — сказал Ицхак, — все расходы я беру на себя. Сегодня все организуют, в том числе и билеты.

Затем он достал две крупные пачки денег, положил их на стол и сказал, что это деньги на расходы.

— Пожалуйста, сядьте в самолет, найдите эту девушку и подробно ее расспросите о том, что произошло с Пинхусом в Кейптауне, как бы напутственно проговорил Ицхак, выкатываясь из-за стола.

На этом разговор был окончен.

Нью-Йорк, боро Манхэттен, Аппер-Ист-сайд.

Неподалёку от неспешной Ист-Ривер, к богатому таунхаусу, отделанному мрамором, подъезжает самый обыкновенный автомобиль. Из автомобиля выходит седой мужчина и направляется к дому. Звонит в ворота. Навстречу ему выходят два рослых парня, одетые в тёмные лоснящиеся пиджаки, и сходу, без приветствия, спрашивают:

— Кто Вы? Что Вы хотите?

А затем, приглядываясь сквозь сумрачный свет, один из них, уже сменив тон на более располагающий, говорит:

— Извини, не признал. Заходи, пожалуйста. Тебя уже ждут.

И гость, жестом указав своему водителю сидеть в машине, заходит в дом, минуя небольшой ухоженный сад. Такую резиденцию на Манхэттене, замечу, себе мог позволить далеко не каждый — человек, живущий в этом доме, очень богат, я бы сказал, что даже по меркам нового времени хозяин резиденции неприлично состоятельный.

Седой мужчина поднимается по лестнице в один из домов, находившемся на садовом участке, привычным шагом, не задерживаясь ни подле восточных панно, ни подле венецианских холстов, проходит вестибюль и направляется в библиотеку. Видимо, он в резиденции бывал уже неоднократно, потому как свободно ориентируется даже ночью.

В библиотеке за шикарным столом из красного дерева сидит молодёжный мужчина, лет 44, невысокого роста, худощавый, я бы сказал, внешне совершенно не производящий впечатления. Знаете ли, существует такой тип личностей, который по первой не цепляет взгляд и не производит впечатление — вот это и есть тот самый тип, сидящий за резным столом. Вероятно, этот спокойный и безразличный образ был

выработан годами... потому как хозяин библиотеки, резиденции, сада и очень многое за его пределами был не кем иным, а именно преступным авторитетом, человеком, который в криминальном мире Нью-Йорка играет не последнюю роль. Внешнее отсутствие излишнего вызова и помпезности говорило об одном: «Я — не литературный «Крестный отец», мне эта броскость совершенно не нужна. Я не «голливудская звезда», меня печатать на обложках журналов ни к чему».

Увидев старика, хозяин словно оживает: широко улыбается, идёт на встречу гостю, обнимает его и приглашает следовать за круглый журнальный стол — удобный и массивный, в чём происхождении угадывалось итальянское изящество и рука мастера. Мужчины присаживаются в шикарные кресла — сначала хозяин, затем, по приглашению, его гость. По бессловесной команде хозяина резиденции приходит служанке вежливо просят накрыть на стол: принести закуски, выпивки...

Невооружённым глазом видно, как мужчины рады видеть друг друга, что старики подтверждают, говоря:

— Давно я тебя не видел!

— Всего лишь неделю. Как по мне, пролетело время незаметно.

Старик начинает философствовать, дескать, в разном возрасте время воспринимается по-разному.

— Ты молодой, поэтому у тебя время бежит быстро, а я уже старик, вот и время у меня тянется медленнее.

Они вместе посмеиваются.

Перед нами, в общем-то, два итальянца. Один из них старик — знаменитый тренер по боксу, не нуждающийся в специальных представлениях — Кас Д'Амато, а второй — никому неизвестное лицо. Некий Фрэд Брикчерс. По крайней мере, так к нему обращается сам Д'Амато.

Они знали, что в этот вечер к ним присоединится и третий друг, и сядет он рядом, за этим же столом, но прибудет он несколько позже, буквально через пару часов.

Ночь обещала быть длинной... и разговаривать предстояло долго и обстоятельно, на те важные темы, ради которых они, в общем-то, и собирались.

Человек этот... он говорил очень медленно, такое впечатление, что он отдавал отчет каждому слову, и его мысли были точными и крайне содержательными. Так как он сидели, ели, пили и ждали своего друга, старики (так мы будем называть Каса Д'Амато) задал ему вопрос. Он ему говорит:

— Ты знаешь, всегда хотел тебя спросить. Что же тогда произошло?

На лице у незнакомца застыла нехорошая улыбка. Такое впечатление, что он начал вспоминать какое-то прошедшее время, которое, наверное, ему самому было не сильно понятно. Потому что речь его стала менее точной, менее содержательной. И он ответил старику:

— Честно говоря, Кас, я сам не знаю.

— Любопытно.

— Я спрашивал нашего друга, тот тоже особа ничего сказать не может.

На что, этот человек ему начал пояснять:

— Понимаешь, тогда на сеансе гипноза, я ни о чем в общем-то не думал. Ты же помнишь. Я тренировался у тебя в зале, все было в полном порядке и я знал, что я не стану знаменитым боксером, и я знал что мне карьера боксера не светит. И поэтому ходил в зал заниматься для поддержания формы. Сначала мне, конечно же, хотелось стать чемпионом, но мой вес и прочие вещи, говорят о том, что это не совсем та вещь, которая меня в общем-то всю жизнь интересовала. Мне хотелось пьедестала, то есть первого лица в этом. А в боксе я такого добиться не мог, и ты все время говорил, что видимо у меня либо таланта недостаточно, или еще чего-то. Поэтому, я пробовал конечно добиться больших результатов, но ты помнишь у меня не сильно и получалось. И когда мы

в очередной раз поехали к этому гипнотизеру, то я был третий по счету, с которым твой гипнотизер работал. И я достаточно смутно помню тот день, но достаточно хорошо помню события после гипноза. Я не помню событий «до», особа не обращал на них внимание, но зато я очень хорошо помню события «после». Я много прочитал книг на эту тему, мне все хотелось, что же как бы произошло. Но, я так и не смог.

Старик ему сказал, что он много раз разговаривал с этим гипнотизером, после этого, и он ему тоже толком ничего пояснить не смог. Они еще некоторое время походили вокруг личности, этого самого гипнотизера, и отправились дальше по ходу разговора. Этого старика все интересовала, что же произошло.

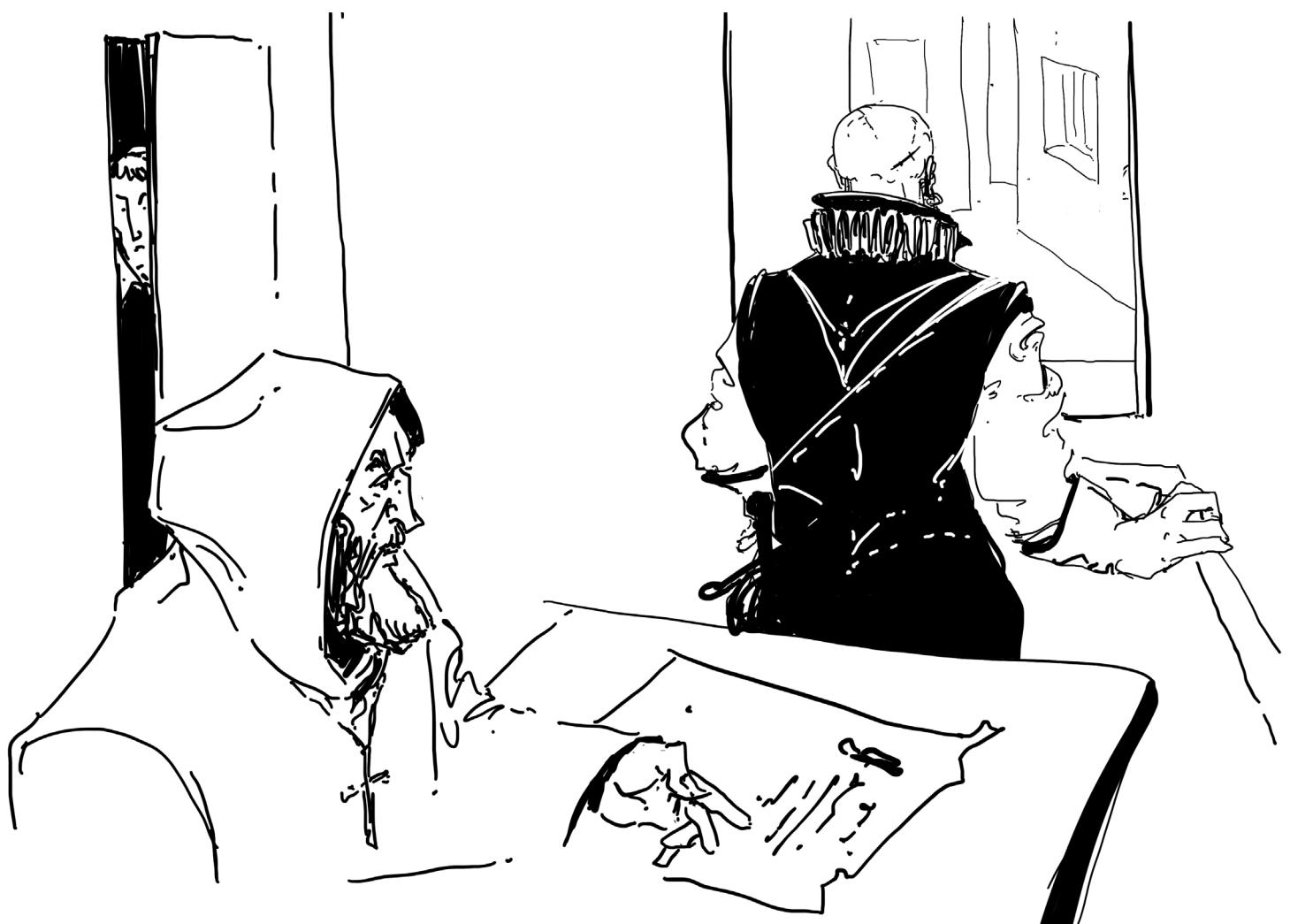
Он говорит:

— Ну я могу говорить, Кас, только о том, что я помню. Сам сеанс я не помню. Я не могу ничего о нем рассказать. Ну я помню некое состояние, знаешь, представь себе что ты задумался. Задумался так глубоко, что ты отключился полностью от внешнего мира. А теперь представь себе состояние, что ты приходишь в себя, возвращаешься мыслями в этот

мир. Вот что-то в этом роде и произошло со мной. То есть по сути своей, я не помню ни гипноза, ни самого сеанса, ничего. Я помню, что я провалился и попал в некое задумчивое состояние. В этом задумчивом состоянии я и начал приходить в себя. Но там где я пришел в себя, это был уже не Нью-Йорк, это была совершенно другая местность, и мне неизвестная. То есть я себя привел в сознание в совершено в другом месте. Я потом, много лет пытался найти это место, и нашел его. Это Юг Италии, это Неаполь. Я ездил несколько раз туда, ходил по этим же местам, по которым я ходил в этом регрессивном сне. Но честно говоря ничего кроме скал, стен и прочих вещей, и храмов я не увидел.

— Что же было дальше? — спросил старик.

— Понимаешь, когда я пришел в себя, я пришел в себя не где-то на улице, я пришел в себя в неком доме. И стал свидетелем очень интересного диалога между двумя людьми. Я достаточно четко помню это диалог, когда некий монах, священник, сидя, вот так же как мы, в дорогом доме в Неаполе рассуждал о поле о пользе дела и смысле существования с неким дворянином. Дворянин был очень похож по телосложению на меня, единственное у него в правом ухе была серьга. Очень такой интересный господин. Вы знаете, он философ, крайне образованная личность, рассуждал он очень спокойно, медленно, мне очень понравилась его манера держать себя с этим монахом.

— Дело в том, что с моей точки зрения, священники, люди умные и образованные, чаще всего. И они обычно, когда человек с ними разговаривают, они личность эту подавляют своим образованием. Здесь ничего подобного не было. Вот этот священник, он как заискивал перед этим дворянином, то есть, он вел себя как слуга со своим господином. Вот такое было отношение между этими двумя людьми. Очень сложно сказать, что этот человек был набожным и кланялся падре в ноги. Нет. Он стоял, смотрел в окно, на нем была дорогая одежда, очень дорогие сапоги, с левой стороны висела шпага, с право стороны кинжал. Перед нами был богатый, очень значительный человек. При этом видно было, что этот человек прошел огромное количество событий в жизни. Потому что внешний вид у него был такой, как будто он обожжен этой жизнью, и при этом достаточно серьезно. Он никуда не спешил, говорил он медленно, размеренно, он не напрягался совершенно. Он смотрел на этого священника как командир смотрит на сержанта в армии, вот такое я бы привел сравнение. Эти люди обсуждали создание чего-то, я так и не понял с начало, чего... но, так как диалог я запомнил на всю оставшуюся жизнь свою. Я помню что вот этот дворянин сказал:

— Мне поручено в кратчайшие сроки навести порядок в этом городе, и вы падре в этом мне обязательно поможете. Священник кивнул головой. Дальше они начали обсуждать само дело. Священник очень обстоятельно описал ему обстановку связанную с тем, что происходит на улицах, в кварталах этого города. Дворянин стоял не переводя взгляда на него и продолжал смотреть в окно. Такое впечатление, что он его не слушал. Но это было не так, когда его что-то интересовало, он задавал уточняющие вопросы, и вопросы были настолько точные, что священнику приходилось переходить на более детальная обсуждение того или иного вопроса. Далее, я подошел ближе к двери, для того чтобы мне лучше было слышно. В этот момент времени, этот господин, совершенно спокойно, как-то даже ненавязчиво пошел в сторону двери. Я оцепенел, испугался, я не знал, что делать в этой ситуации. Он медленно открыл дверь и уставился на меня глазами.

— Здравствуйте молодой человек,— сказал он.— Что вы здесь делаете?

— Я честно говоря не знаю, как я попал в этот дом, но я вот здесь нахожусь.— и не найдя больше ничего что можно было бы ответить на этот вопрос, просто замолчал.

Дворянин на меня посмотрел и пригласил внутрь. Я зашел. Комната была не большая но очень уютная, место хватало, чтобы разместить человека 5 в этой комнате. Окно было достаточно большое, по тем меркам, и выходило на какую-то мне незнакомцу улицу. Так уже смеркалось, людей на улице было не много, я может быть заметил одно или двух людей, смотря в окно. Дворянин уставился на меня своими черными глазами, предложил мне присесть и задал следующий вопрос:

— Молодой человек, что вы здесь делаете, я вас еще раз спрашиваю?

Я начал объяснять, что я не знаю как я попал в этот дом и вообще что я здесь делаю. Видимо, на преступника я был не поход, поэтому никаких вопросов связанных с тем, «залез я в дом чтобы его ограбить» или еще что-то, у дворянина не возникало. Он изучал меня как зоолог паука, сверля черными глазами и постоянно мне казалось, что он хочет задать мне вопрос, но он мне его не задавал, он просто на меня смотрел. Я опять начал говорить ему, что я не знаю как я попал в этот дом, для меня это загадка, я просто попал в этот дом и все. Дворянин посмотрел на священника.

— Падре, чудеса - это по вашей части.— сказал он.

Священник не добрым взглядом уперся в меня.

— Я правда не знаю как я попал в этот дом.— я уже обратился к священнику.

Священник совершенно такой огромный мужик, грузный, с огромными кулачищами, с огромными руками, просто спокойным голосом сказал:

— Предположим, что вы не знаете как вы сюда попали. А что вы здесь делаете в таком случае?

Я долго смотрел на священника, и сказал:

— Я не знаю.

— Прекрасно. Хорошо. Предположим, я вас сейчас отпущу, куда вы пойдете?

И вот здесь ответ на этот вопрос его просто убил.

— Я не знаю.

— То есть, вы не знаете куда вы пойдете из этого дома, если я вас сейчас отпущу?!

— Нет, в том то все и дело.— говорю я.

— А у вас с головой вообще все хорошо? — спросил священник

— Я не знаю, но наверно нет, не очень хорошо.

И тут священник совершенно спокойно повернувшись к дворянину сказал:

— Такие состояния у людей бывают. То есть, ничего нового я здесь не вижу. Вероятно это человек с потерей памяти. Он потерял память. Бывает что когда с человеком что-то произошло, ударили его по голове или что-то еще, то у него может возникнуть амнезия. Я вижу что этот юноша искренен в своих словах. Я не вижу вранья. Он действительно не знает как он сюда попал.

Дворянин меня спросил:

— Вы потеряли память?

Я подумал что это самый лучший выход из положения, который только существует и я сказал:

— Да.

— Прекрасно. И вы ничего не помните?

— Нет.

— Тогда, я думаю что вы могли бы начать новую жизнь, молодой человек.— сказал дворянин.

Я посмотрел на дворянина и не двусмысленно его спросил:

— Что значит новая жизнь? Что вы под этим подразумеваете?

— Ну если вы ничего не помните из старой жизни, вам нужно создавать какую-то новую жизнь. Потому, если нет ни какой жизни, то вы никогда ничего и помнить не будете в дальнейшем.

«Да» подумал я.

— А что же мне делать? — поинтересовался я

— Вам? Спуститесь на этаж вниз, вас там встретят, накормят. Посидите и подождите меня, пока я закончу разговор.

И священник меня взял под руку и повел вниз. Когда мы спустились на первый этаж, там были слуги, которые с удовольствием встретили гостя, отвели меня за стол, посадили, дали мне какой-то еды, еда оказалась на редкость вкусной. Я её съел, запил это все каким-то вином, и принял сидеть и ждать того господина, который меня усадил на этот стул.

| ПАЛЕРМО 1970г. |

Палермо, 70е года двадцатого века. Здесь в Гетто (в нетуристическом Палермо) живёт парнишка по имени Джузеппе. Это обыкновенный парень, который родился в обычной семье, живет с мамой, папой и дедушкой. Бабушка давно умерла. Джузеппе — мальчишка, который практически ничем не занимается, в школу ходит редко, в основном ошивается в гетто среди своих друзей. Живёт он и его семья не богато, даже совсем бедно. Да, кусок булки с маслом в день он может съесть, но и это происходит не часто. Но как-то семья перебивается, мама напоит чаем, по воскресеньям бывает, даже, мясо перепадает. Но, откровенно говоря — беднота полная. И вот, попивая свой чай с булкой, Джузеппе часто мечтает о светлом будущем. Все его мысли заняты о безбедной жизни. Потому что в туристическом Палермо он видит и красивые машины и хорошо одетых людей, который могут купить себе вкусную еду.

Джузеппе, как это обычно бывает, когда у него в кармане появляется немного мелочи, пошел в местную лавку купить себе булку. Он прошел мимо дворца Норманнов, и здесь недалеко слева располагалась булочная, которой вот уже почти 150 лет. Когда Джузеппе гулял здесь, в этой части Палермо, он постоянно думал, почему все так не справедливо в жизни. Мимо него проезжают красивые автомобили, и их так много, и в одну сторону едут, и в другую, кто-то едет в центр Палермо... Джузеппе стало очень очень грустно от той несправедливости, как он считал. Он всегда в такие моменты ругался и сетовал на жизнь за такую несправедливость. Он не ругает своих родителей, нет, не ругает своего дедушку. Он ругает жизнь за такую несправедливость. Ему просто очень хочется есть. И чем больше он думал, мысли о справедливости и несправедливости заглушали это неистовое чувство голода. И в какой-то момент, пока он думал, на мгновение он понял, что даже есть перешел от возмущения, от злости. В таком расположении духа он добрёл до булочной, как обычно он взял одну булку, потому что денег на больше у него не было. Пока он стоял в очереди, он увидел, что за ним стоит мужчина, в одежде священника. Джузеппе купил булку и отошел в сторону, жаднокусая булку. Священник покупал много булок, целый пакет. И вот Джузеппе, держа в руках свою булочку, глядя на пакет с булками священника как-то так смотрел на него, что священник заметил взгляд этого мальчика. Священник знал этого мальчика, потому как тот был прихожанином его церкви.

— Джузеппе, почему ты так смотришь на меня? — обратился священник к нему. Тебе кажется, что я купил много булок, тогда как ты можешь купить всего одну булку?

Джузеппе, стоя на ступеньках булочной, даже не знал, что священнику ответить. Спускаясь по ступенькам, священник протянул мальчику три булки

— На, кушай. Мне никогда не было жалко ни для кого ничего. Зря ты так на меня укоризненно смотришь. Я купил булки не только себе,

но и братьям своим, мы хотели вместе попить чаю. Ты зря обижаешься на меня, я ничего плохого тебе не сделал. Зачем ты смотришь на меня таким взглядом? Я себя неловко чувствую. Я человек, который верит в Бога, и никогда не допускал никакой несправедливости, и всех своих прихожан учу тому же самому. Зря ты на меня так смотришь. Бери булки, кушай, если ты голодный. А хочешь, пойдем со мной, вместе попьем чай.

Ребёнок смотрел растерянными глазами на священника и не знал, что ответить. Действительно, священник ни в чём не виноват, проносились мысли в голове Джузеппе. Нельзя его обижать, даже взглядом.

Но обида все равно поедала Джузеппе.

— Пойдем со мной, Джузеппе,— сказал священник, увидев на лице мальчика все его мысли. Расскажи мне, что тебя гнетёт.

Они шли по улице, и Джузеппе решился поделиться со священником своими переживаниями.

— Падре, вы понимаете, вот смотрите, хожу я по улицам и вижу, что кто-то ездит на красивых машинах,— Джузеппе указал на машины, которые проезжали мимо них. Люди, которых я вижу, живут хорошо. И я никак не могу понять, почему Бог в этой жизни сделал так, что одним людям достаются богатства, а другим мало, что достаётся, или вообще ничего. Мы живем очень бедно.

— Ты знаешь, мальчик мой, Бог не про это. Вообще не про это.

— А про что, падре? — удивлённо посмотрел Джузеппе на священника.

— Ты не того ругаешь, Джузеппе. Это Дьявол. То, то ты сейчас ругаешь — это Дьявол. Бог про другое. Что ты вообще, сын мой, знаешь о Боге? — вдруг спросил священник.

— Что я знаю? Я знаю, что есть Бог, мы все его дети, и мы все должны верить в Бога.

— Нет, сын мой, всё это к Богу не имеет никакого отношения. Это то, что тебе какие-то люди говорят о Боге. На самом деле Бог — это то, что может из нищего мальчика, такого как ты, сделать богатого, обеспеченного, справедливого, честного, достойного человека. Вот это Бог. А всё остальное Дьявол. Так что ты не того ругаешь. Ты не Бога ругай, а Дьявола.

Джузеппе, открыв широко глаза спросил

— А где же он, этот Бог?

— Известно где- спокойно ответил падре. В храме.

— В храме? — с еще большим удивлением спросил Джузеппе. То есть я могу прийти в храм, позвать Бога и он мне явится?

— Я так не думаю, мой дорогой Джузеппе. Не явится он к тебе. Но я хочу тебе немножко рассказать про тот город, где мы с тобой живём. В этом городе случаются разные чудеса. Вот что ты, сын мой, знаешь про свой город, про Палермо?

— Честно говоря, падре, только то, что в школе говорили.

Послушай меня внимательно, Джузеппе. Эта земля обильно полита кровью. Здесь принесено в жертву огромное количество жизней людей. Здесь очень много мистики и в этом городе всюду случаются чудеса. Поэтому я не знаю, как Бог придет к тебе, Джузеппе. Но, когда он к тебе придет, а поверь мне, он обязательно к тебе придет, он тебя не забудет — ты должен быть готов к этой встрече, к встрече с Богом. Ты не должен пропустить эту встречу. Тебе нужно быть внимательным и не пропустить её, потому что Бог придет тебе помочь. Сделать из тебя действительно обеспеченного, честного, достойного человека. Поверь мне, мальчик мой. Бог искренне любит каждое чадо своё и поэтому Бог обязательно тебе постучится. Обязательно. И, если ты не откроешь ему дверь, то Бог всё равно к тебе вернётся, но через какое-то время. Тебе придётся ждать, потому что людей, таких как ты, их же много на Земле, ты же не один, ты должен это понимать, мальчик мой. Но, даже, если ты ему в первый раз не откроешь, Бог к тебе снова постучится. Но придётся ждать... ждать... а пока ты будешь ждать Бога.. всё это время ты будешь его ругать. Но он же не виноват в том, что ты ему не открыл.

На этом священник попрощался с мальчиком и пошел к себе в храм.

Этот разговор очень запал в сердце маленькому Джузеппе. Он проник до самой глубины его души. И он, завороженный, побрел к себе домой. Он прокручивал этот разговор в своей голове, голос падре звучал в его мыслях. Маленький Джузеппе залез на каменный бордюр, неподалеку от своего дома, сидел, мотая ногами, и тут пронеслась мысль, которая заставила его встрепенуться

— А как же я узнаю, что это Бог пришел?

Вот так он сидел и думал, как незаметно наступил вечер. Идти домой Джузеппе не хотел, делать там было нечего, еды дома не было, и он решил пойти походить по городу, а вдруг удастся найти чего-нибудь поесть. И вот он слонялся по гетто, смотрел на людей вокруг, занимавшихся своими делами, футболя камни стертыми старыми ботинками. И вот так, идя, не зная куда, миновав гетто, он вышел на улицу Витторио Эмануэле. Вокруг горели красивые огни туристического Палермо, из уголков улиц доносились музыка и смех людей, и в этой полутьме города Джузеппе увидел храм, который располагался наискосок к нему. Джузеппе показалось, что двери храма приоткрыты. И тут он вспомнил слова падре, что в Палермо случаются чудеса. Внутри у Джузеппе задребежжало что-то, и радостное и тоже время тревожное. А вдруг двери действительно открыты, подумал Джузеппе. И решил подойти к храму и попробовать. Он потянулся к ручке двери и большая, увесистая дверь начала открываться, а изнутри пробивались огни храма. Джузеппе, робко заглядывая вовнутрь, сделал шаг. Он поднял голову наверх, над ним раскинулись великолепные картины. Храм был совсем пуст. Стояла какая-то удивительная тишина. Джузеппе уже увереннее, но все еще осторожно, озираясь по сторонам, прошёл глубже. Его поражала красота и покой в храме, с каждым шагом он видел всё новые статуи и картины.

Джузеppе подошел к алтарю, где стояли две Мадонны. Для мальчика всё было непонятным, всё для него было просто красивым и богатым.

Вдруг Джузеппе услышал странный звук, доносящийся из-за алтаря. Звук был похож на некий скрип, словно кто-то деревом по дереву ёрзal.

Джузеppе, как любому пытливому уму, стало интересно. Он сел на первую скамейку с левой стороны от алтаря и стал смотреть, что же это могут быть за звуки. Скрип усиливался. Вдруг Джузеппе увидел, что за алтарём есть дверь, которая находилась в стене, и её даже не было видно. Вдруг из двери появился человек, это был священник. Но он был какой-то странный, подумал Джузеппе. Он никогда такого не видел. Одет он был в черном балахоне, на голове капюшон был, который полностью скрывал лицо человека. И вот дверь открылась, священник вышел и начал идти через алтарь на выход. Шаги его были столь тихими и мягкими, словно у кошки, шагающей по храму.

Священник увидел сидящего мальчика. Остановился возле него, несколько секунд, рассматривая его молча, а потом спросил

— Сын мой, а что делаешь в такое время в храме?

— Я пришёл встретиться с Богом — удивительно уверенно и без раздумий ответил Джузеппе.

— А как тебе, сын мой, такая мысль в голову пришла? Ответь мне,— почти бархатным голосом произнес священник.

— Вы знаете, я сегодня повстречал возле булочной одного священника, и он сказал мне, что к каждому человеку обязательно придёт Бог,— сказал Джузеппе.

Джузеппе, как и все дети, был таким наивным малым, что он считал, что если ему сказали, что Бог придёт, то он должен был сразу прийти.

— Обязательно придёт и ко мне тоже. И я пошёл его искать, чтобы с ним встретиться.

— А зачем тебе, сын мой, Бог? — спросил его человек в чёрном балахоне.

— Священник обещал, что Бог сделает меня богатым, счастливым и достойным человеком.

— Достойная цель,— сказал спокойно человек. Особенно — стать достойным человеком. Ты уверен, сын мой, что ты готов к встрече с Богом?

— Я очень хочу. Я не уверен, что я готов, но я очень хочу встретиться с Богом, потому что Бог — это добро, счастье, любовь.

— Хорошо, сын мой. А если тебе встречаться с Богом придётся не один раз?

— А сколько надо? — оживлённо спросил Джузеппе

— Ну, скажем, 12 раз,— спокойно ответил священник.

Человек в чёрном балахоне подошёл ближе к Джузеппе, сел на скамейку за спиной мальчика. Джузеппе повернулся к нему и оказался так близко лицом к лицу со священником, что он смог увидеть горящие глаза падре. Падре пристально посмотрел на мальчика и снял капюшон. Перед Джузеппе был мужчина, совсем не похожий на священника. Он, скорее, ему напомнил человека из древности, Джузеппе видел таких на картинах: у него была аккуратная испанская борода, аккуратно постриженные волосы, стальные горящие глаза, в них как будто искры вспыхивали.

Священник, как бы мысленно внушиая ребёнку, еле-еле слышно еще раз его спросил: а если тебе не один раз придётся встретиться с Богом?

— Я очень хочу этого, падре!

— Скажи мне, как тебя зовут, сын мой?

— Джузеппе. Мне 10 лет, я живу здесь недалеко с мамой, папой и дедушкой.

— Как часто ты ходишь в церковь, сын мой?

— по субботам. Каждую субботу я с мамой хожу в церковь. Она меня с собой берет. У нас чаще никто не ходит. Вы знаете, падре, мне

нравится в церкви, здесь так красиво, и наверное, если бы меня брали каждый день в церковь, то я ходил бы каждый день.

— Сын мой, я тебя познакомлю с Богом. Ты мне понравился. Запоминай, что тебе нужно сделать.

Мальчик напрягся, посмотрел в искрящиеся глаза падре, но огоньки в его глаза вдруг потухли и стали спокойными, умными, смиренными. Теперь он казался не человеком из прошлого, а обыкновенным монахом, который живет в Палермо, его одеяние было такое же, и канат на поясе. Единственное, что его отличало от всех монахов, это капюшон, который он надевал, и тогда лица становилось практически не видно.

— Слушай меня внимательно,— сказал монах совершенно другим голосом, которого до этого Джузеппе не слышал.

— Я слушаю вас внимательно, падре.

— Неделю не ходи в церковь. Даже в субботу, когда мама тебя будет с собой брать — сбеги. Не иди в церковь. Ровно через неделю придешь сюда. А сейчас пойдём со мной.

Священник встал, взял за руку Джузеппе и повёл его к алтарю. Они обогнули алтарь и с левой стороны, на стене, висело что-то вроде вензеля. Это было зеркало.

— Придешь в церковь в это же время. Сейчас 10 часов вечера. Пойдешь к этому вензелю — остановись. Смотри в зеркало, и ты впервые встретишься с Богом. Слушай внимательно дальше,— продолжил монах. В следующий раз ты встретишься с Богом через месяц. Месяц в храм ни ногой. Придешь в эту же церковь ровно через месяц в 10 часов вечера и опять подойдешь к этому зеркалу. Когда ты второй раз встретишься с Богом, я скажу, что тебе делать дальше. А сейчас пойдем, я провожу тебя домой и, если всё сделаешь всё, как я сказал, то обязательно станешь достойным человеком.

Они вышли из храма, фонари так и горели на улице, монах попрощался с Джузеппе и пошел по улице, свернул направо и исчез за углом. Джузеппе стоял и смотрел ему вслед, не знал, что думать. Какой-то странный монах,— думал он,— обещал встречу с Богом, может так и будет?! И с этими мыслями Джузеппе побрёл к себе домой, в Гетто.

Через неделю, как они и условились с монахом, в десять часов вечера Джузеппе пришёл в храм. Прошел через весь храм быстрым шагом, в храме никого не было, он обогнул алтарь, подошёл с левой стороны к зеркалу и начал в него смотреть. Какое-то время ничего не происходило. Но, спустя мгновение, Джузеппе почувствовал, что с ним что-то происходит, ему казалось, что он попадает в сон, потом вернулся из этого полусна. Затем снова он как — будто проваливался в полусон. Так происходило несколько раз и вдруг, откуда ни возьмись, в зеркале появились образы, и они становились все отчётилее и отчётилее, как на экране телевизора. Он увидел двух людей. Один из них был одет в средневековую одежду, а второй был монахом.

Монах подвёл странного путника в древних одеждах к какой-то стене, украшенной дивным орнаментом и стал показывать да объяснять.

— Вспомни, сын мой, как в первый раз в жизни ты всматривался в водную гладь моря, которое дало тебе жизнь, ибо подарило пищу, промысел, дело и новые горизонты. Оно необъятно, море, и хоть называем мы его одним простым словом, никогда не обманывайся этой кажущейся простотой.

*Зеркало → встречи с Богом.
Матеус и М. Виллардига.

Что видит человек, когда взгляд его приковывает море? Все постигают его по-разному, сын мой. Одни замечают лишь то, что на поверхности, другие — ищут тайны, сокрытой в её толще, третьи — жаждут знать, что же там на дне моря, в самом его сердце.

Первые — обыкновенно искатели приземлённого, смертного да обыденного. Вторые — ищут тайны, трети — жаждут божественного откровения.

Но ни первые, ни вторые, ни трети не могут по достоинству сказать, что они познали море. Ибо оно, как и любое иное чудо нашего мира, имеет три уровня постижения: первичный — приземлённо-материальный, тайный — сокрытый от глаз, как в толще морской, и мистический — или божественный.

И каждый раз, когда человек ищет правды, он всей душой своей и естеством жаждет постичь и первичное, и тайное, и сакральное. И неважно, в чём он ищет правды — в деле своём, в науке жизни, в воинском пути, в движении небесных светил — всегда существует три ступени постижения правды.

— Знай же это и никогда не забывай. Не забывай, что, как море таит в себе многие богатства, так и в любом ином мире нового и неизведанного всегда существуют три грани... и не обманывайся тем, что хочется тебе видеть взором своим — глаза твои не всевидящие, но холодное сердце и добрый ум позволяют тебе не обманываться впредь.

Всегда ищи этих трёх...

Джузеppе, сияющий от изумления и торжественности происходящего ребёнок, стоял и смотрел на это все в зеркале. Длилось всё это около 30 минут. Всё происходящее в зеркале исчезло так же неожиданно, как и появилось и всё, что он увидел перед собой — это кусок камня, больше ничего. Джузеppе развернулся и ошеломлённый медленно побрёл к выходу. Уж никогда бы себе не мог представить, что так выглядит Бог. Странно,— с изумлением думал мальчишка. Но какая-то неведомая сила толкала его в спину из храма. Он вышел на улицу, побрёл по Витторио Эмануэле, дошёл, не поняв как, до фонтана стыда и уселся на парапет.

— Да уж, монах. Не обманул меня. Очень интересные слова говорил монах в зеркале,— продолжал прокручивать в голове всё увиденное Джузеppе. Что каждый человек имеет разную стадию проникновения в этот мир. И последняя стадия — это секрет. И, наверное, я так живу, потому что я не знаю какую-то тайну,— подумал Джузеppе. Интересно, а кто же знает эту тайну. Наверное, только Бог. Я так хочу её узнать, но мне падре сказал месяц в храм неходить. Пойду я домой и подумаю над тем, что было в зеркале.

Украина, 25 сентября 2017 год
Профessor Г. Явтушенко

Профessor Явтушенко уходит в отпуск. Начнем мы со звонка определенного в университете и с реплики наконец-то я в отпуске.— Все, фух, закончено. Прошла последняя лекция в университете по уголовному праву и закончили.

...Накопилось у меня и отпуск и отгулы, все вместе почти 40 суток всего этого — буду отдыхать. Наконец-то буду отдыхать, хватит работать, целый год работал, теперь отдых и только отдых. Вечером пойду в фехтовальный зал, чуть позанимаюсь, расслаблюсь, потом ресторан, выпью как следует, закушу и спать. Завтра лечу на Сицилию отдыхать к своему другу. Билеты взяты, все приготовлено, сумки давным давно собраны, жена морально-психологически подготовлена к тому, что я уезжаю. Иду фехтую, сбрасываю последние учебные «присоски», посылаю ко всем чертям университет, ох надоел он мне как горькая редька. Наконец-то сваливаю с Украины, хватит, надоело уже одно и тоже, студенты, эти постоянные склоки на кафедре к которым я никогда не имел ни какого отношения, вечный бред сумасшедшего. Не хочу, надоело, хочу отдыхать. Поеду я к другу своему, профессору Палермского университета, отдыхать к нему домой, хочу уже давно поехать на Сицилию, пожить на острове, проникнуться фехтовальным духом. Хочу немного углубиться в традицию и вообще это мне намного интереснее, чем объяснять этим недоразвитым детям в университете какие-то азы криминалистики уголовного права, которые им совершенно не нужны. Сидят они на лекциях, вытаращат глаза и смотрят на меня как на идиота, при этом копаются в своих айфонах и айпадах и делают всяческий вид, что их этот вопрос совершенно не интересует, а я должен им стоять и объяснять заумные вещи.

На самом деле университет меня не так и сильно гнетет, я там не часто бываю, всего лишь два раза в неделю. Но каждый раз когда я тут прихожу, у меня остается какой-то совершенно пакостный, гадкий осадок, от того «что я тут вообще делаю». Но научный мир предполагает преподавательскую деятельность в университете, и конечно если бы это можно было бы не делать, то я бы с удовольствием этого бы и не делал.

На самом деле работаю я в адвокатской конторе, я очень приличный востребованный адвокат. Жизнь у меня прекрасна и удивительна, с деньгами у меня все в порядке. Меня считают большим специалистом в области уголовного права и криминалистики. Я защищаю людей, получаю свои деньги, увлекаюсь фехтованием испанским и южно-итальянским. В принципе жизнь у меня по сравнению с другими украинцами более менее приличная. Часто бываю за границей на различного рода профессиональных международных симпозиумах. Университет у меня не самый плохой который существует, университет Тараса Григорьевича Шевченко. Мой юридический факультет не самый плохой в Украине, у этого университета большие связи в Европе. Мне часто приходится бывать в Европе от трех до пяти раз в год. Надоело мне все в этом университете, но ничего с этим не поделаешь. Зато существует научный статус, я кандидат юридических наук, я адвокат. У меня прекрасная жена, прекрасный дом, все у меня в принципе хорошо по сравнению с другими. Единственно что мне не нравиться в этом во всем, это то, что я немного устаю от этих идиотах в университете. Я никогда

в жизни не уставал от своей работы, а вот от дураков в университете устаю сразу же как только прихожу. И вот эта вот каторга в качестве пар она мне не очень нравиться, вообще я подумываю как бы это дело игнорировать. Но пока ничего не получается, вот этот вот зав кафедры малохольный он требует чтобы я преподавал в университете хотя бы два раза в неделю по одной паре. А я совершенно не хочу этого делать, но статус кандидата наук меня в общем-то заставляет это делать. Вообще, была бы моя воля, я бы хрен когда бы либо ходил бы в этот университет и вообще появлялся бы на его пороге, у меня и так все хорошо.

Адвокатская контора в которой я работаю очень неплохая, возглавляет ее бывший военный прокурор, человек большого ума, больших организаторских способностей. С шефом у меня отношения безупречные, великолепные, он очень человек реалистично смотрящий на мир, с ним проблем вообще ни каких нет. Он меня уважает как адвоката, как специалиста, очень мне доверяет, практически все сложные дела передает мне, мы с ним все это обсуждаем в месте работает. Так что в принципе на работе проблем ни каких нет.

В последнее время я настолько обнаглел, что я даже начал подумывать о каких-то девках которые шляются по Киеву. При этом понимаю что на девок нужно время, денег та у меня слава Богу немерено, и понимаю что времени та у меня совсем и нет. Жена, работа, университет и прочее количество вещей, а тут если еще и девки будут — нет, надо уезжать быстро на Сицилию. Потому что здесь это все слишком плохо заканчиться. Нужно срочно уезжать на Сицилию. Слава Богу улетаю завтра, слава Богу!

Да, потому я тут в Киеве могу сойти с ума. Потому что тут вообще не понятно что твориться, то революции, то еще что-то происходит. То какой-то дурак издает какой-то новый закон, который я почему-то должен читать и потом что-то с этим придумывать. У меня такое впечатление, что у них там в Верховной Раде сидят и просто выдумывают какие-то сложности, которые вы должны потом героически преодолевать адвокаты. Ну и хрен со всем этим, уезжаю на Сицилию, может 40 дней не буду слышать и видеть все этой ерунды.

Короче говоря, собираюсь на Сицилию. Но надо же позвонить другу, сказать ему что «я уже усё, такой як вам треба» и что я уже почти лечу. Благо телефон Украинский позволяет звонить куда угодно, в любую точку мира, у нас проблем с мобильной связью в Украине нету, а уж в Италию тем более. Снимаю с пояса свой любимый телефон, благо телефон у меня дорогой, самый лучший который только можно придумать. Звоню.

На том конце телефона на Итальянском языке отвечаю:

— Pronto.

Я переходжу на английский язык и говорю своему другу о том, что:

— Тебе чего не видно что это я звоню? Ты чего «пронто»? По определителю номера ты не видишь, что звонок от меня?

Друг смеется и говорит:

— Извини, по привычке. Тут звонишь не только ты, тут звонят все кому не лень. Поэтому я даже не смотрю, кто звонит, а просто поднимаю трубку.

И я ему говорю о том, что:

— Я закончил все свои дела в университете. Билеты у меня на завтра, рейс в 6.50, я лечу в Мюнхен, а с Мюнхена в Палермо и через 3 часа буду. Так что встреча меня в Палермо, я буду завтра около трех часов дня.

Друг мой очень рад что я наконец-то еду, ему там тоже очень грустно дома одному. Поэтому сын взрослый, тоже уже учится в университете, жена у мамы, по этому в принципе в двоем нам будет не грустно, и все будет очень даже хорошо.

Профессор Джоварзи, после звонка друга думает, вот ведь друг приедет, надо что-то организовывать, какую-то культурную программу, 40 дней сидеть дома или ходить по Палермо, это же мозги съедут. Надо же куда-то ехать, что-то делать. Покатаемся по Сицилии, есть такая вероятность, еще что-то, может в Рим съездим, может еще что-от придумаем. Но определенно что-то нужно делать в этой ситуации, потому что сидеть дома и целыми днями пить вино, это просто надоест очень быстро. Позвеним клинсками, попьем вина, покурим сигары, а дальше нужно что-то придумывать. Надо куда-то ехать, или по Сицилии кататься или еще где-то. Короче, нужна какая-то культураня программа, потому что надоест делать одно и тоже.

• ОЖИДАНИЕ
В БИБЛИОТЕКЕ

И вот наш главный герой сидит у себя в библиотеке и ждет машину.

Не хочется ему лететь частным самолетом, потому что это может привлечь внимание людей, а значит, кто-то может выяснить, что более его в городе нет. А ему не хотелось бы чтобы кто-то об этом знал, поэтому и людей с собой он тоже взял ограниченное количество. Только пару из «ларца», каких-то пару «друзей», здоровенных гангстеров, больших пацанов которые полетят вместе с ним.

И его секретарь, молодая женщина лет 30–35, которая знает великолепно итальянский язык и английский — в общем-то, больше говорит по-английски, итальянский её также великолепен, ведь, самое интересное, она еще и с этих мест, потому что она родилась в Неаполе. Это тоже его радует. И так как они сняли всю правую сторону бизнес класса, он даже не полетит эконом-классом, потому её не хотел персонализировать себя отдельно от всех. Они сняли три ряда кресел бизнес класс, для него одно кресло, для «двоих из ларца» — впереди, и секретарь, ей два кресла впереди, и она может ходить, садиться рядом с ним и туда уходить, когда она не нужна.

Кто этот человек? Вы его уже знаете.

И вот они собираются, в этот момент времени, появляется секретарь, говорит, что все готово, и машина подана. Оказалось, что она не одна, что машины две: одна джип какой-то черного цвета, вторая — приличный лимузин S — класс, какой-то американский Кадиллак, весь кожаный, мягкий.

Подручные несут багаж, выходят из дома, подходят к машинам, там уже стоят «двою из ларца» (условно, учитывая всю секретность происходящего, назовем их Антонио и Альберто). Антонио открывает боссу дверь, он садиться на заднее сиденье, секретарь садиться впереди, охрана — в джип. И каретаж движется в направление аэропорта Кеннеди.

Кортеж движется в аэропорт, прибывает в аэропорт, непосредственно в вип-терминал. Паркует машины в «Випе» аэропорта, выходит один из охранников с переднего сиденья, открывает дверь Брикчера, тот выходит из машины.

Надо сказать, что это чуть ли не его первый межконтинентальный рейс, он никогда в жизни не летал из США так далеко. Вся жизнь Фрэда Брикчера прошла в США: он никогда не был в Италии, это его первая поездка в Италию вообще за всю жизнь.

Брикчес выходит из машины и с неподдельным интересом рассматривает аэропорт «Кеннеди», точнее Вип-зал с которым он так знаком, так как много красно летал по всем Соединенным штатам Америки. И тут ему предлагают такую компанию как «Алиталия», с её отменным сервисом, особенно рекомендуют большой здоровый самолет, и конечно же, это все вызывает неподдельный интерес для того чтобы это изучить. Все равно грустно, он понимает, что делать нечего, впереди полет его ждет в Рим, это около 8 часов, а оттуда, из Рима в Неаполь. То есть полет с пересадкой. По сути Нью-Йорк — Рим.

Сидеть пришлось недолго: паспорта все проверили, особого пограничного контроля, как такового и не было: лишь неулыбчивая тетка молча полистала «пасапорто». До вылета остается час, охрана из двух человек оккупировали огромный диван с необъятным столом, сидели и что-то пили и ели.

Брикчерс сидит с тетрадкой в руке, с ручкой с золотым именным пером, и делает какие-то пометки в блокноте. Здесь нам уже пора в самолет (нужно посмотреть что тогда в самолете давали в те времена, скорей всего полет был в Рим, с Рима в Неаполь. Посмотрите возможно был такой рейс. Нам в любом случае надо как-то до Неаполя добраться, где они приземлились, где прилетели. Ну полет будет точно с пересадкой. На каких самолетах. Может с Рима на поезде в Неаполе. Можно так долетаем до Рима, а уже в Риме едим на вокзал и оттуда на поезде до Неаполя).

В самолете скучно, делать нечего (интернета ведь нет, как сейчас), телевизоров нет. Остаётся только читать только книжку. Но не читать же книгу 11 часов! Никто такого не выдержит...

Вот и Фрэд Брикчерс, немного полистав томик какой-то американской детективной серии, спустя несколько мгновений провалился в сон...

Прошло около двух часов, прежде чем господин спустился вниз. Да, он был закутан в черный плащ, и то оружие которое на нем весело, было скрыто под этим плащом. Он посмотрел на меня, показал мне головой «подымайся» и сказал:

— Пошли.

Мы вышли из дома. Теперь я понял что этот дом принадлежал этому монаху. Вероятнее всего дворянин здесь не жил, раз он ночью куда-то собрался идти. Притом шли мы пешком. Ни каких коней, лошадей не было. Шли мы по квартала пешком и он осторожно начал меня расспрашивать, о том, что я помню что я не помню, как меня зовут. Я сказал, что я не знал как меня зовут, в том то все и дело. Он говорить:

— Хорошо. Тогда надо придумать тебе имя, как к тебе обращаться, если мы не знаем как тебя даже зовут.— сказал он.

Он предложил несколько имен на выбор, и я себе выбрал, какое я не помню если честно, уже забыл. И стал тем именем которым и назывался. Тогда я спросил как зовут моего спасителя, вот этого дворянина. Дворянин сказал чтобы я его называл просто Мастер, и этого достаточно. Я согласился и стал к нему обращаться «Маэстро», просто без имени и фамилии.

Мы почти пришли к очень красивому, большому дому, с очень мощными стенами. Дворянин три раза ударил железным набалдашником в дверь... тук-тук-тук. На той стороне все защевелилось, дверь открылась и со словами «Добро пожаловать домой, господин!», мы вошли в дом. Дом был очень просторной большой, в середине дома был квадрат. Я пытался осмотреться, понять где я нахожусь, но так как я был здесь первый раз и было довольно темновато, горели только факела, и я достаточно плохо понимал, как тут все устроено, куда идти, поэтому меня вели чуть ли не за руку. Меня завели в дом, указали мне на комнату, где я буду жить. Я зашел в нее, комната была достаточно просторной, в этой комнате было все необходимое для того чтобы в этой комнате мог существовать человек. Одежда на мне была какая-то странная по сравнению с теми людьми которые ходили, и мне принесли переодеться. Я переоделся, долго не мог привыкнуть к той одежде которую мне дали, но в конце концов привык, и в общем-то выглядеть я стал для себя как-то смешно в этой одежде. Я ходил в этой одежде по комнате пытаясь к ней привыкнуть и у меня слабо это получалось. В конце концов я как-то приспособился к этой одежде и через несколько минут ко мне зашла тот дворянин и сказал, что я могу ложиться спать и что мы говорим завтра утром.

И я спокойно пошел к кровати, разделяя и увалился спать. Я достаточно быстро проснулся, уже было светло, на улице уже был день. Я встал, умылся в каком-то рукомойнике, я такой никогда не видел. Надел на себя ту одежду которую мне дали и вышел из дверей своей комнаты. Дверь комнаты вывела меня на террасу, по которой я спустился вниз и вошел в сад. В саду за столом сидел мой спаситель, вот этот вот

господин, который придумывал мне вчера имя. Я остановился смотря на него, чтобы он мне указал что дальше делать. Дальше он показал мне рукой «присаживайся». Я присел рядом, господин смотрел на меня изучающим взглядом. У него вообще был какой-то странный изучающий взгляд, он постоянно на меня смотрел так, как будто он как высасывает с меня информацию.

— Маэстро,— сказал я,— где мы? Что это за дом?

— Все просто — это мой дом. Дом в котором я живу. Один из моих домов, скажем так.

— Хорошо. А что это за город где мы находимся?

— Город, как город. Зачем тебе? Какая тебе разница, все равно ты ничего не помнишь. Обыкновенный город.

Я посмотрел на него, мне показалось странным что человек даже название города не называет мне. Ну он продолжал говорить, и я внимательно слушал. Потому что я действительно не представлял себе, что мне в общем-то дальше делать. Это лицо, смотрело на меня изучающе... и в момент когда я захотел задать ему очередной вопрос, заговорил. Он сказал мне, что:

— У человека который ничего не помнит, у него очень большие преимущества перед другими людьми.

Я удивился.

— Так а что же хорошего в том, что человек ничего не помнит?

— Этого человека на земле ничего не держит. У этого человека нет воспоминаний, соответственно, ты можешь очень много добиться в жизни. Большинство людей ничего не могут добиться в жизни, потому что у них есть воспоминания.— сказал он.

Я метался.. я пытался осмыслить то, что он мне сказал, но у меня ничего не получалось. Была какая-то суматоха, воспоминания, ночь, дом, священник, потом эта прогулка по ночным кварталам, новый дом, одежда, отсутствие воспоминаний, при том при все, что помнил я все прекрасно. Я вообще не понимал какая здесь оказалася. Я никогда не страдал сентиментальностью, и никогда в жизни не верил в какие-то чудеса, или в какие-то мистические, фантастические превращения которые могут произойти в жизни человека. Но здесь, как будто моя память отключилась, полностью. И я ей не владел. То есть по сути, там где я находился, это было единственное воспоминание которое у меня действительно существовало — все остальное было как бы замыслено. Я помнил мать, помнил отца, помнил всех, но все это было как бы далеко и не в этом мире. Как будто где-то в другом месте совершиенно. Но в настоящую секунду это никак меня не касалось и ни как меня не задевало.

Дворянин продолжил.

— Тот, кто ничего не помнит, может сделать больше чем тот, кто имеет множество воспоминаний.— сказал он.

Я посмотрел на него и мне все равно все было непонятно.. я не понимал все равно, что происходит. Ну не помню я ничего и что значит, ну не помню и ладно. В этот момент времени открылась дверь и зашел тот самый священник, которого я видел вчера, ведя рядом с собой парня приблизительно моего же возраста. Я испугался. Зачем сюда привели этого парня, что здесь делает этот священник, подумал я. Священник подошел к столу, попросил разрешение присесть. Дворянин кивнул головой и нас оказалось за столом уже четверо.

— И так, господа,— промолвил священник.— вы двое должны подружиться между собой.

Я смотрел на своего будущего друга, это бы молодой парень, итальянец, вероятнее всего как мне показалось, а может испанец, непонятно. Он был чуть крепче меня телосложением, чуть выше меня ростом, очень как-то по-звериному пренебрежительно на меня смотрел. Я человека этого не знал, мне было даже как-то странно, и в общем-то страшно, по причине того, что это человек, как мне показалось, не сильно был воодушевлен нашим знакомством и вообще была бы его воля, он бы со мной вообще не общался. Но дворянин повторил:

— Вам нужно подружиться между собой.

Младший Виньярдита из Палермо

Прекрасное солнечное молчаливое утро озарило мощёные камнем молчаливые улицы.

Джузеppe Виллардита возвращается к себе домой, в многолицую сицилийскую обитель. Он едет один в карете, едет достаточно долго, около двух часов в прекрасную Багерию. В Палермо же он отправлялся гулять да проветривать голову, ибо надоело сидеть дома.

Несспешно пройдясь по центральным кварталам, Джузеppe в который раз восхитился этим городом, утопающим в богатстве и великолепии храмов, резиденций и постоянных домов. Вдоволь налюбовавшись одним особенным, дорогим ему сердцу храмом, он решил-таки зайти в trattорию и предаться вкусному обеду, да с сицилийским вином. А после — сел в свою карету, и отдал приказ подручным обратно направляться домой.

И ехал он... и смотрел на улице Палермо... и острым приступом на него нахлынули воспоминания. Отца нет уже в живых, да, отец умер, точнее он исчез, и никто из ныне здравствующих не знает, где именно его отец.

Прямо сейчас острой болью в глазах отзывается та картина... и слова отца: «...достань шпагу быстрее меня». И сколько он ни пытается достать шпагу быстрее него, тупой конец тренировочной шпаги упирается ему в грудь, снова и снова, постоянно, из разных положений... Виллардита-младший никак не может быстрее отца достать шпагу! Сколько ни старается!

Ему даже стало смешно какой он был тогда, в те времена. Сейчас он уже победил самого Паловичини, сегодня он уже Гранд Мастер, да что там говорить — опора калабрийской организации людей Чести.

И хоть обыденно живет Виллардита-младший в Палермо, всё же он часто бывает в Калабрии у себя в замке, но в основном живет в Палермо, в Багерии на своей вилле. И по сути своей там праздно бездельничает!

Поверьте, ему очень безрадостно. Джузеppe даже подумывает открыть школу фехтования, просто от скуки. Все вокруг надоело — всё одно и то же, куча умников, которые делают, непонятно что, а выдают — за венецианское золото... Да что говорить: здесь в Палермо у него отсутствует хоть какая-то компания, хоть какое-то общество для общения, то, которого он хотел. Может, общество дворянское появится в том случае, если школу всё-таки открыть? А то — ни друзей, ни душ родной — никого... даже с соседями по вилле он только здоровается.

А недавно и вовсе его постигла серьезная утрата, умер его дорогой Учитель, если так вообще можно сказать о человеке, который сделал для него невозможное... умер монах Магнус.

Джузеppe Виллардита остался один, по сути, он и его слуги в доме.

«Не открыть бы мне школу фехтования?» — снова и снова обдумывает он эту навязчивую мысль. С таковыми размышлениями и воспоминаниями он направляется к себе на виллу в Багерию.

И вот он приезжает к себе в дом, там его встречает вышколенная прислуга. Смотритель сообщает хозяину, что его друг, рядом живущий дворянин Никколо Армарино, приглашает его на обед к себе, буквально на следующий день.

«Как же я рад этому приглашению! Хоть какое-то... изменение, что ли, в моём праздно-одинаковом существовании. Да и Армарино — человек приятный, с ним действительно можно поговорить на разные темы, в том числе более возвышенного порядка, нежели урожай винограда или чего хуже, поголовье скота на севере...»

Но — впереди ещё целый вечер, а домой Джузеппе вернулся только к трём часа дня. Надо что-то делать, как заполнить эту пустоту... а потому Виллардита-младший решает немного посидеть у себя на веранде, да почитать книгу. Начал читать какую-то книгу по истории Испанской империи, прочитал две страницы, отложил; чтivo не шло. Попросил слугу принести ему вина, а тот ему и говорит:

— Господин, привезли просто потрясающее вино. Такое легкое и в то же время такое терпкое и густое.

— Ну, что, было бы неплохо отведать замечательного вина. Подай мне твоего хвалёного вина.

Слуга, спустя несколько минут, выносит небольшой деревянной бочонок, затем наливает Виллардита вина, тот выпивает почти залпом и... на него словно волной накатывает странное цепенеющее состояние... И буквально сразу, после стакана вина, Джузеппе Виллардита снова переносится в воспоминания.

— Атакуй! Атакуй, я говорю!

Тот пытается... Но куда ему, зелёному юнцу, бросаться на отца!

Рывком Джузеппе со шпагой ринулся вперёд, в попытке атаковать... но не туту-то было! Отец каким-то нечеловечески ловким движением переводит его шпагу, устремляя в землю и ударом ноги ломает её!

Джузеppе вспоминает, каким был отец. Что большого мастера он не видел и не встречал никогда: ни среди военных, не среди дворян. Вся его память концентрируется на одной мысли: «В чем же был секрет отца?» Отец — это вечная неразгаданная загадка. Никто не знал, кто он, кем он был, куда он исчез в один бездушный, предательски солнечный день.

Никто и никогда не знал, в чём секрет Франческо Виллардита.

Сын же смотрит на свою усадьбу. Глядит на уходящее в закат солнце, уже почти наступил вечер. Джузеппе, словно обездвиженный, всё равно сидит на веранде своей виллы. Уже темнеет.

Он дальше продолжает пить вино, вот и захмелел. И понимает, что он хочет спать, а читать он уже не хочет, воспоминания его гнетут... и Джузеппе посещает простая мысль: «Утро вечера мудренее — надо идти и немного поспать. И вот, высокий, здоровый парень встает с любимого кресла и такими шатающимся шагами, на ватных ногах, медленно поднимается к себе на второй этаж виллы и прямо в одежде заваливается к себе на кровать и засыпает.

Просыпается он от порывов ветра, что нещадно пробиваются в спальню сквозь распахнутое окно. Он немедля вскакивает, понимает, что пора переодеваться и ехать к Армарино.

Виллардита-младший вызывает слуг, принимает ванну, приводит себя в порядок, надевает новую одежду, в том числе камзол, расшитый камнями... И глядя на себя в зеркало, он понимает, что одного этого камзола ему бы хватило на много лет безбедной жизни. И более того: Джузеппе сказочно богат; отец оставил ему потрясающее денежное состояние, и золото, и бриллианты, и драгоценные камни. Никто не знает,

где хранится всё это богатство, кроме него самого... Ранее знал ещё почивший монах Магнус, но, увы, и этот родной его сердцу человек уже в мире ином, где все богатства земные — бесполезны. Джузеппе Виллардита же знает, что всех этих денег, всего состояния ему хватит не то чтобы на десять жизней, может, даже на целую вечность. Он, по сути,вольно-невольно стал одним из самых богатых людей Неаполитанского королевства после исчезновения отца.

Эти мысли... нельзя сказать, что они радуют, напротив: жизнь привела его в определенный тупик, а вопрос «Что делать дальше?» буквально измучил. Но делать нечего, приглашение на обед к Армарино принято, и действительно надо идти.

«Может, хоть там я развеюсь,» — думает он.

Джузеппе спустился к завтраку, легко перекусил, чтобы не перебивать аппетит перед обедом. «До обеда еще несколько часов,— думает он,— стоит немного прогуляться по саду».

Ему показалось, что он как-то застоялся, словно мышцы неприятно каменеют, а потому он наказал принести шпагу и все необходимые к фехтованию принадлежности. Джузеппе приглашает своего слугу, решая немного поупражняться со шпагой, чтобы кровь молодую разогнать после завтрака, недолго, буквально в течение получаса, часа, как настроение будет. Но стоило Джузеппе коснуться шпаги, как на него снова нахлынули воспоминания.

Несколько повернув голову, Виллардита-младший видит дерево в своем саду, и именно дерево спровоцировало эти воспоминания... как в молодые годы отецставил его напротив старого, необъятного бессловесного дерева, давал в руки шпагу и командовал бить.

Каким же неповоротливым он был тогда! Сегодня же Джузеппе неразлучен с шпагой, да весьма искусно с ней управляется. Слуга, глядя на своего господина и внимая его мастерству, невольно улыбается. Поистине, на это смотреть можно бесконечно! Такого виртуозного владения шпагой более нигде не встретить. И да, слуга давно уже знает, что его господин — великий Мастер, но он всегда удивляется тому, как он управляетя с оружием даже совершая выпады по воздуху. Виллардита размялся, вернул шпагу своему слуге и собрался уже ехать на обед.

Салясь в коляску он снова обдумывает навязчивую, как комар, мысль:

«Что же мне делать дальше? Надо либо школу фехтования открывать и окружать себя какими-то достойными людьми, в обществе каком-то начинать вращаться... либо... даже не знаю. Впрочем, у моего отца никогда не было общества, он ни в каком обществе не вращался. Он как-то умел справляться с этим одиночеством, с которым ему справляться пришлось самому.

Да, я, может, и занял место своего отца, но вот с одиночеством справляться не научился. Это как-то печально. Даже кажется, что отец вообще никогда и не окружал себя никем. Да, у него был монах Магнус,

были еще подручные — но это всё! Он в общем-то был нелюдим, пожалуй, в силу специфики своей работы, специфики профессии, специфики деятельности не для всех. Поистине, он всё время находился в каком-то одиночестве, но как-то продолжал жить».

Джузеppе не то что переживает, он не понимает, почему отец мог в этом одиночестве находиться, а его одиночество гнетуще поедало изнутри и подтачивало каждый день. «Вот почему вот так,— продолжал он рассуждать,— я вроде сын своего отца. Я должен быть таким, как мой отец, а мне на самом деле тяжело. Мне хочется общества, каких-то развлечений, что ли, мне хочется, чтобы на меня обращали внимание. На ум же приходит только одно: вероятно, эта гора поступков отца создавала такое признание ему, что он и не нуждался ни в каком обществе. Всю славу, весь почет, все награды, которые можно было получить при жизни — он получил. И вот это одиночество, это, наверное, отдых от этого славы, от этих наград, вот этого всего, от публичного признания. Но я молод, мне не от чего отдохнуть, ...как же тяжело, тяжело одному.

Когда рядом со мной был Магнус, все было настолько хорошо, что даже не замечал ничкого кругом. Магнус учил меня уму-разуму, вместе с мной читал книги, даже вслух. Когда рядом был Магнус — всё было ровно и даже замечательно... помню, как мы вместе ходили к молитве, вместе гуляли по Багерии. Как он рассказывал про Африку, про Испанию, про Мадрид, про Канарские острова, рассказывал про мать его, рассказывал про дом.

Но что дальше? Да, у меня осталось огромное состояние в Испании на Канарских островах. И понятное дело, что там все в порядке и по-другому быть и не может. Там управляющий и все отложено, как часы.

Как-то очень захотелось домой на Канары, в родовой замок. Может, хоть это поможет как-то изменить мою жизнь? Забрать моё безраздельное одиночество? Но вариант ли это?

Во-первых, на Канары нужно идти на корабле достаточно длительный период времени. Вероятно, там люди, там есть, с кем общаться, скорее всего у меня остались родственники. Я приеду туда и найду их, мне будет хоть с кем по вечерам разговаривать, сидеть возле камина и обмениваться мыслями. Возможно там я хоть как-то взбодрюсь.

Между тем, пока идея появилась, и открытая коляска тронулась, и поехал Виллардита-младший к своему другу, а так как к Армарино было всего 5 минут, в общем-то поездка закончилась очень быстро.

Стоило им поравняться с резиденцией Николло Армарино, как ворота уже были приветливо распахнуты, а хозяин её уже стоял на лужайке и встречал своего друга Виллардита. Стол уже был накрыт стол, всюду сияли белоснежные скатерти и ароматный запах блюд привлекал немедля приступить к трапезе. Жена и прислуга тоже были нескованно рады видеть своего соседа, потому как считали, что человек он образованный, и с ним приятно иметь беседы за обедом на самые разные темы. Семейство Армарино встретило Джузеппе как самого дорого гостя:

предложили самое лучшее место, прекрасное вино, отменные блюда. Виллардита даже приободрился от такого приёма: «Может, в принципе, и не надо никуда ехать, здесь тоже очень хорошо».

Хозяева пригласили музыкантов, они играли что-то весёлое и не-навязчивое. Двум молодым господам — Виллардита и Армарино — было уже хорошо, ибо они выпили вина прекрасного да вели разговоры неспешные. Уже даже к трапезе спустилась дочь друга, настоящая скромная красавица — и вся семья Армарино была полностью в сборе. Начали подавать следующие блюда, гуляния продолжались, вино не заканчивалось. Сад был полон веселья, смеха, смех, сыпались шутки, гремел хохот, в общем веселие — в самом разгаре.

И ровно на пике прекрасного обеденного времяпрепровождения один из слуг Армарино объявил, что к хозяину прибыл определенного вида человек. Николло Армарино медленно встал из-за стола... и тени вина и веселия — как ни бывало! Мрачный как туча, Армарино вышел навстречу новоявленному гостю, к которому наперебой побежали и слуги.

Открылись ворота резиденции. Взору восседавших за столом предстал достаточно мрачный человек в цилиндре, с тростью, со страшным похоронным лицом, а вслед за ним зашли шесть солдат с ружьями. Новоявленный гость, откашлявшись, объявил господину Армарино, что если в течение 10 дней он не рассчитается по долгам своим, в общем-то они у него заберут этот дом.

Несложно догадаться, что переживает человек, сидящий за праздничным столом, который только что веселился, а его внезапно заставляют грустить. Мужчина в цилиндре сделал своё объявление, прочитал грамоту, закрыл её манерно, и прямиком спросил Армарино, намерен ли тот платить. Хозяин начал объяснять, что на текущий момент денег у него не было.

— Послушайте, господин! Это всего лишь дело времени: как только урожай уберем, его продадим — будет соответствующая сумма денег — и тогда я с вами любезно рассчитаюсь.

Мрачный гость же ответил так:

— Нет, вы рассчитаетесь в течение 10 дней по всем векселям, иначе мы заберем у вас это имение.

И тут он слышит низкий незнакомый голос, раздавшийся, как гром, из-за стола:

— Нельзя ли повежливее?

Шестеро солдат удивлённо перевели взгляд. Изумлённый государственный чиновник вопрошающе смотрел на молодого человека, сидящего за столом.

— А вы кто такой?

Он встает и представляется:

— Меня зовут Джузеппе Виллардита.

У чиновника чуть инфаркт не случился! Представьте себе, как мужчина резко сгибается в три погибели и из обладателя похоронного вида превращается в скрюченную ссохшуюся мумию, меньше в размерах на три сгиба колена. Солдаты резко попятались назад.

— Чего вы так испугались, не могу понять?

— Слухи о ваших делах, ггосподин Виллардита, моё Вам почтение... Приммите, пожжжалуйста!!! Слухами полнится Неаполитанское Королевство.

— Вспомнили о почтении? Вот и прекрасно. А в чем виноват мой друг, за что ему портить вечер да являться так бестактно?

Чиновник и говорит:

— Извольте, милорд! Дело в том, что Николло Армарино позаимствовал в банке достаточно приличную сумму денег для создания некоего сельскохозяйственного производства. И поскольку данное производство, вероятнее всего, медленнее дает отдачу, чем он предполагал, поскольку почему-то до сих пор он не рассчитался с банком.

— Какова сумма расчета? — спросил Джузеппе Виллардита.

Государственный пристав и говорит:

— Она, молодой человек, велика, поверьте мне, крайне велика.

— Я же задал вопрос, какова сумма, а не большая она или маленькая.

И чиновник, позеленев, называет какую-то достаточно внушительную сумму стоимости имения и так далее и тому подобное... Виллардита, не вдаваясь во всю эту ерунду, прищурившись, спрашивает:

— Сколько?

Государственный пристав, несколько осмелев, называет ему поистине сказочную сумму, превышавшую стоимость имения не менее, чем в два раза.

Джузеппе Виллардита стиснув зубы, задал прямой вопрос:

— И из-за всей этой ерунды и каких-то бумажек у меня за обедом происходит это цирковое представление... да вы что, издеваетесь надо мной?!

— Вы понимаете, милорд, закон есть закон: человек одолжил деньги, и он их должен банку вернуть. Поэтому, пожалуйста, поймите, либо он их за 10 дней возвращает, либо мы забираем это имение.

Джузеппе Виллардита снимает перстень с пальца и кидает чиновнику прямо в руки.

— Чиновничий деятель, а ну, лови!

Тот ловит перстень, открывает ладонь, ошелошло смотрит на баснословное сокровище в своих руках... а там — многокаратный крупный бриллиант.

Джузеппе же холодно спрашивает:

— Этого достаточно, чтобы покрыть все ваши «векселя» и удовлетворить банковские аппетиты?

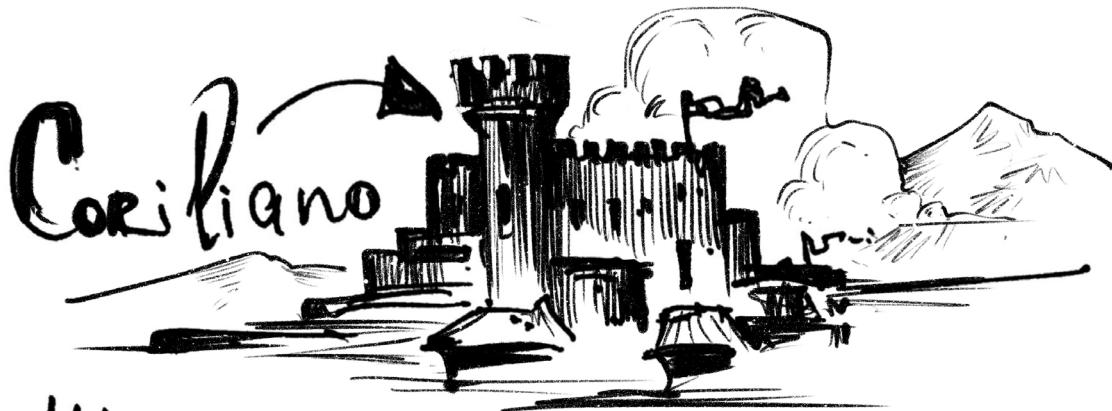
Пристав более не был способен подбирать уместные слова:

— Люди говорят, что вы сумасшедший, господин Виллардита, но чтобы настолько... я, право, никогда себе и не мог бы представить! Для меня честь знакомство с вами, господин Джузеппе Виллардита. Я никогда еще не видел в своей жизни, чтобы хоть кто-то так легко возвращал долги! И да, с этой минуты ваш друг ничего не должен. Вот грамота о том, что он рассчитался и все долги погашены. Извините за беспокойство.

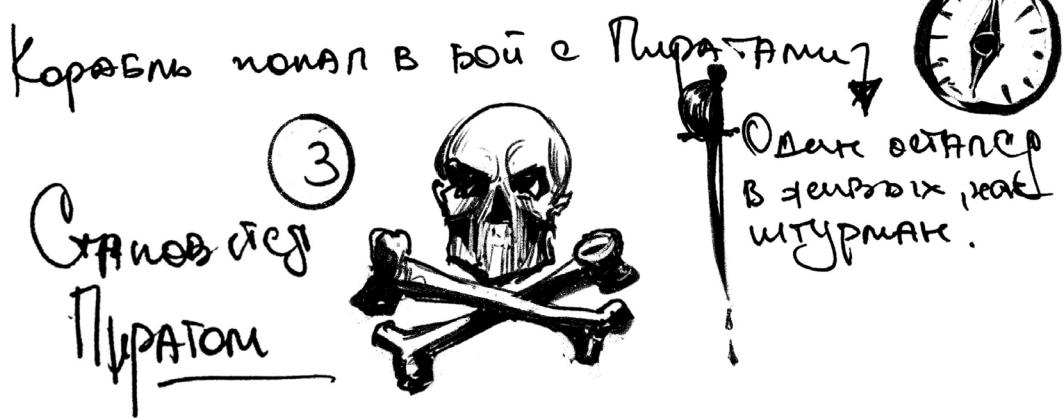
— Пожалуйста. Вы можете идти отсюда.

- Канада
- Несколько человек

Штурман

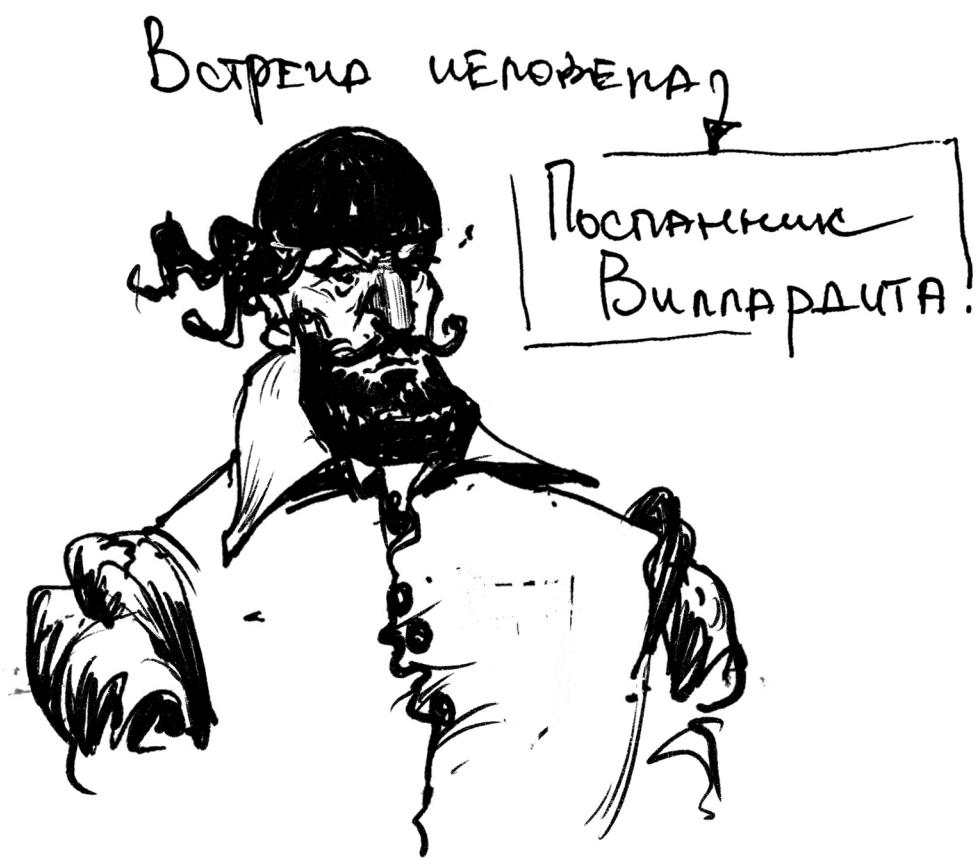

В очередной погоне за испанским галеоном их корабль настиг суроный шторм. Судно потерпело крушение, капитан и две трети команды погибло, а Матиас и немногие уцелевшие смогли чудом доплыть до берега. Вот так бывший граф Олигверо Матиас, а теперь пират, попал в Калабрию. Оставшиеся в живых понимали, что им нужен новый корабль, новый капитан, тот, кто их поведет вперед и не только на море.

В живых остались одни матросы, из офицеров штурман Матиас. Споры были жаркие и долго не утихали, но единственный, кто в споре не участвовал, был сам Олигверо Матиас. Он сидел на камне поодаль, смотрел то на песок, то вдаль, будто наблюдая за происходящим со стороны. Но в конце концов новый капитан был избран — им стал Матиас Олигверо. Под его предводительством возникла разбойничья шайка, пытавшаяся выжить на берегу Калабрии. Да, им как-то нужно было себя кормить, а потому они бандой нападали на жителей близлежащих деревень, и так добывали себе пищу. Но на суще пират себя чувствует не уютно, это не его обитель. И Матиас, как никто другой,

понимал, что нужен новый корабль. Захватить его можно было только в портах — в Мессине, Реджио или Тренто. Однако требовался план захвата, ведь малым количеством даже шхуну захватить это большая проблема. И что в Тренто, что в Мессине противники были хорошо вооружены и без боя, понятное дело, отдавать свое ни за чтобы не стали.

Пока план зрел, пираты времени не теряли, мародерствовали и забирали то, «что плохо лежит». После очередного куша, они, как водится, отправились в трактир пропивать награбленное.

Какая пиратская пьянка без драки. Заходит, значит, какой-то незнакомец и направляется в угол трактира. Сидит он, пьет, как и все заседатели. И одного неловкого движения локтем, было достаточно, чтобы один из пьяных пиратов шайки Матиаса, воспользовавшись моментом, решил подрезать у незнакомца кошелек. Но незнакомец оказался не промах и не дурак. Драка завязалась на славу. Пираты вообще не

приучены каким-то манерам. Они прямо там, в трактире, похватались за кортики. Пираты Матиаса приготовились порешить незнакомца за пару ударов. Но не тут то было. Сначала один кортик полетел на пол, следом второй. И вот у незнакомца в руках уже два ножа. Матиас понимал, что такое стерпеть невозможно. Будучи некогда дворянином, Матиас нутром чуял, что перед ним тоже дворянин — так ловко тот обезоружил его бандитов. А потому предложил продолжить поединок один на один на улице.

Так Матиас ему и говорит.

— Неприлично как-то биться внутри трактира. Добро чужое марать.

Команда высыпала из трактира и, обступив кругом, стала наблюдать за кровавой битвой. Это был поединок двух равных, ловки, хладнокровных и очень хитрых противника. Эдаких виртуозов и тактиков, мастеров ножа. Тогда не бились до первой крови, тогда бились как положено, не жалея ни сил, ни живота. Но ни команда ни зеваки не ожидали, что поединок окончится в ничью, ведь и Матиас и незнакомец выбили друг у друга кортики и тяжело дыша, уставились друг на друга.

— Ну что, голыми руками биться, как-то не по понятиям,— сказал незнакомец.

— Будем считать, что нет ни проигравших ни победителей?,— прохрипел Матиас

Незнакомец только молча кивнул головой.

Матиас махнул рукой своим бандитам и те поняли, что им лучше убраться в трактир.

- Капитан Олигверо Матиас
- Рад знакомству, капитан,— Одон Де Оливарес.

— Ну говори, Оливарес, откуда взялся, что тут делаешь?

— Пират я, морской волк, вот только корабль мой потерпел крушение я один и выжил. Живу, чем Бог пошлет.

Нас постигла та же участь. После шторма выбросило у берегов Калабрии. С тех пор тут и живем, я и 16 бойцов.

Оливарес, не долго думая

— Может, возьмете меня к себе. Одному мне, конечно, не просто.

— Я капитан, но, один таких вопросов не решаю. Надо бы команду спросить.

Так они снова направились в трактир, где банда продолжала хвалить ром.

Матиас и говорит, ну что волки, перед вами Одон Де Оливарес, принимаем его в нашу банду, что скажете?

Послышался гул одобрения.

Так Оливареса и приняли в банду и ни разу не пожалели. Казалось, он каждые пять футов знал здесь, как свои пять пальцев.

Однажды вечером сидя у костра, Оливарес сказал:

— Знаю я тут в горах есть заброшенная деревня. Мы могли бы там укрыться, все же лучше, чем на пустыре кости бить.

Так и порешили. Перебрались туда. Место укромное, от глаз скрытое, постороннее не бродят. И до близ лежащих деревень на промысел удобно выходить. Вскоре Оливарес стал лучшим другом Матиаса. Человеком он был преданным да стойким, на дело шел охотно, куш не жалел делить с товарищами.

Время шло, провиант таял, а вместе с ним и настрой пиратов куда-то улетучивался. И вот как-то вернулся из разведки Оливарес и прямиком к капитану.

— Дело наклёвывается, и видать, хорошее. В низине у холмов есть замок одного нобеля, не сильно дальновидного дворянина, так вот золота у него много, сам видел, как в замок добро свозили. Нас полторы дюжины человек.

Предлагаю всем в это замок ночью проникнуть охрану тамошнюю перебить, золото на лошадей погрузить и к нам в деревню перевезти.

Нобелю служит пятьдесят воинов, но на страже каждую ночь стоит не более десяти часовых, сам видел, как они меняют друг друга и где у них посты. Если грамотно сработаем, глотки им перережем, то все добро наше. Что подвода увезет, то и наше. А еще там девки, вино и ром, чего нам сильно не хватает.

Посовещалась команда и решила — Делу быть!

Пару дней ушло на планирование штурма замка. И вот ночью, настолько темной, что даже луна побоялась выйти на небосклон, пираты пробрались в замок к Нобелю, и напали на стражу. Увы поединок был неравным, слишком хорошо воины Нобеля были вооружены и доспехами, и клинками. Но не были они настолько храбры и отчаянны, как морские волны. А потому полегли все, как один. Но и ряды пиратов поредели. И Матиас с ужасом наблюдал, как его друга Оливареса, получившего смертельное ранение в дерзкой схватке, бережно укладывали в повозку с золотом и вином. Дни Оливареса были сочтены. Они оба это понимали. И уже в деревне, куда они таки свезли все добро, кроме девок, которых в замке не оказалось.

Незадолго до кончины, Оливарес говорит:

— Матиас, друг, мой час близок. Есть кое что, что я должен сказать тебе с глазу на глаз. Я должен сказать тебе правду. Запомни, Олигвэро Матиас, запомни меня не как пирата, а как испанского дворянина. Меня в Калабрию отправили с миссией, непростой и долгой. И в банде твоей я не спроста появился, хоть ты того и не знал. На то была воля моего господина, моего капитана, великого человека, великого капитана. Забери себе этот платок и никому не показывай, пока не придет время. Этот платок, как пароль, означающий что предъявитель его является действительным посланником господина Виллардита и что он имеет чрез-

вычайные полномочия и значит всем испанским офицерам и нобелям должно оказывать этому человеку максимальное содействие.

И Оливарес передал Матиасу платок, на котором была вышита золотыми нитками королевская печать. Далее Оливарес поведал местоположение господина Виллардита и объяснил, что Матиасу будет достаточно передать тому платок, после чего Виллардита может помочь, если его спросить об этом. И людей твоих в беде не оставит и тебе поможет вернуть доброе имя. Да ты сможешь снова стать дворянином.

Друг мой пообещай мне передать этот платок моему господину Виллардита и почтить мое имя, как человека что служил ему верно до конца своих дней.

Вскоре Оливарес умер, что стало тяжелой потерей для Матиаса и его людей.

Похоронили Оливареса по всем морским традициям, сбросив тело со скалы в море.

На утро Матиас обратился к оставшимся в живых морским волкам, и поведал им: есть у меня поручение и это последняя воля друга. Я должен передать платок одному господину. Сопровождать капитана вызвались два бойца, остальным было велено ждать братьев в деревне.

Матиас рассудил, что идти в замок к господину его почившего друга всё же лучше днем.

— Капитан тот большой человек, охраны наверняка и ночью и днем, но ночью особенно опасно, ночью можно наткнуться на часовых и разговаривать никто не станет, убьют, как разбойников с большой дороги. Поэтому пойдем по ветлу. На следующий день возле замка их встретили два стража, одному из них Матиас и передал платок.

Вскоре Виллардита пригласил капитана Матиаса к себе в замок. Это был приземистый, широкоплечий, коренастый человек. Холодным пронзительным взглядом, смерив Матиоса, тихим голосом, не терпящим возражений, задал ему вопрос:

— Откуда у тебя этот платок?

Матиас рассказал всё, как есть.

На лице Виллардита проступило глубокое сожаление.

— Оливарес был мне очень дорог, мы с ним многое прошли, таких людей мало на свете. Я благодарен тебе, за то, что ты выполнил долг до конца и почтил волю Оливареса. Проси, что ты хочешь. В память о друге, я готов тебя отблагодарить.

Недолго думая, Матиас и говорит:

— Желание у меня лишь одно. Я знаю, я уже никогда не стану тем, кем был ранее. Но все же, я бы хотел вернуться к достойной жизни. Мое желание попасть домой в Испанию, в свой родной замок. А потому прошу переправь меня и моих людей в Испанию.

Сам Матиас смекает — мне бы только с бандой моей на корабле оказаться, это шанс, а там... дело одной ночи. Всех лишних перебьем да за борт и корабль станет только наш.

Но Матиас даже не представлял величие и живость ума господина Виллардита. Тот только усмехнулся и сказал хороший план, но прежде веди своих двоих комрадов, сначала разберемся, кто ты и что ты.

Назови полностью свое имя, фамилию родовую, стоит выяснить, есть ли такой человек в живых, али погиб он давным давно.

Матиас без утайки отвечает. Так и есть господин Виллардита. Прошу вас выслушать мою историю.

Закончил свой рассказ Матиас так: гложет меня лишь одно желание, прошу, посадите меня и моих людей на корабль и отправьте домой в Испанию.

— А сколько Вас осталось в живых?

— Ровно дюжина, мой друг Оливарес был 13й.

— Чертова дюжина, значит. Слушай меня капитан Матиас. У меня к тебе другое предложение. Я думаю у тебя хватит ума понять, то оно

единственно верное. Оставайся здесь и служи мне. Причина проста. Ты стал пиратом, бандитом и негодяем и никаких оснований у короля миловать тебя за все твои грехи просто нет и быть не может. Висеть тебе на рее за все твои «подвиги». Все, что я лично могу для тебя сделать — отпустить на волю, поскольку ты сам ко мне пришел. Да, я могу тебя отпустить ты вернешься в свою деревню и продолжишь чинить беды и несчастья, банда твоя поредеет и тебя рано или поздно убьют, или в трактире, или на сходке, свои же, или солдаты испанской армии. Короче дни твои сочтены. Но ты можешь остаться здесь и служить мне, Франческо Виллардита, в таком случае ты получишь то, чего хочешь и даже снова станешь и графом и дворянином, но при одном условии — из Калабрии ни на шаг. Я верну тебе титул, если ты и твои люди, будут служить мне, как господину. Спустя мгновение Матиас произнес:

— Я согласен, у меня действительно выхода нет. А вот люди мои, банда пиратская, я не знаю, что они выберут.

На что Франческо Виллардита и отвечает:

— …а это твоя задача их убедить.

Не раздумывая Матиас ответил:

— Позвольте мне с моими волками сегодня вернуться к своей команде, прежде я поговорю с каждым из них. И если я не вернусь, в том обмана не будет, ибо Вы сами, господин Виллардита открыли мне двери. А, если вернусь, значит ваше предложение принято.

Виллардита и Матиас ударили по рукам.

Обратный путь в деревню был безмолвным. Матиас обдумывал, как он донесет такие вести своим пиратам. В тот же вечер Матиас посадил перед собой всех членов команды и описал, как прошла встреча с Виллардита. Далее он сказал так:

— Знайте, мы сможем поменять в своей жизни всё. Если будем служить Франческо Виллардита. Взамен он даст нам помилование самого короля.

— Да, кем он себя возомнил, рассказывая, что сам король раздает помилование нашему брату?

— Матиас одернул его. Твой мир узок и беден, ты кроме похлебки, рома и звона монет вообще ничего не замечаешь. Господин Виллардита великий человек. Его могущества достаточно не только, чтобы наделить нас одеждой, оружием или жалованием, но и чтобы обеспечить и титул и собственные владения взамен на верную службу и на соблюдение одного условия — мы никогда не покинем Калабрию и земли эти станут нашими.

Матиас знал, что мнения команды разделяться, что и произошло

— Мы свободные люди, мы не хотим иной доли, как жить на воле — заявили одни.

Другие же возразили

— Да в нашей разрушенной деревне, которую скоро обнаружат, условий лучше и быть не может. Это дельное предложение. Корабля

у нас нет, в море промышлять не на чем, еда рано или поздно закончится, того нобеля мы ограбили и убили и все про это наслышаны, а значит нас рано или поздно перебьют. И служба господину не так уж и плоха. Будем и сытыми и одетыми, а главное живыми.

Команда раскололась на двое: одни выразили согласие и готовность принять предложение, пятеро заявили, что они останутся в деревне и своим обычаям не изменят. На том и порешили. Матиас и семеро его людей отправились к замку господина Виллардита. Разговор с ним был кроткий. Сегодня, я выделю вам несколько домов в своей деревне подле замка. Пока располагайтесь там. И ни о чем не беспокойтесь. Еды у вас будет вдоволь. Я же пока подумаю, как вас лучше привлечь в дело. Когда решу, пошлю за вами.

Так прошел день, два, три, неделя. Пираты недоумевали, почему ровным счетом ничего не происходило. Еды и питья была в достатке, но праздность не давала покоя.

Наконец через две недели к ним прибыли два всадника и передали волю Виллардита.

— Собирайся Олигверо Матиас, тебя ждет капитан.

Виллардита пожелал говорить с ним лично. Итак, для тебя и твоей банды есть задача. Поезжайте в порт, куда через три дня придет десять кораблей. На этих кораблях будет ценный груз — женщины. Задача такова — грузите их в повозке и везите их в эту точку, ткнув пальцем Виллардита в место на карте. Велю вам обеспечить им охрану и запомни, ни один волос с их головы не должен пасть. Где я тебе показал, стоит огромный замок. Владелец этого замка уважаемый дворянин. Привезите туда всех женщин, переночуйте и после возвращайтесь ко мне. Повозок будет много, я дам тебе в распоряжение еще десяток человек. Собери их и своих и в порт. Сказано — сделано.

Матиас поступил в точности, как велел Виллардита рассадил всех женщин, довез их в целости и сохранности. В дороге все прошло гладко. Да и в замке их встретили, как было обещано. Всех накормили, обеспечили ночлегом.

Матиас скомандовал отбой, но не тут то было. Среди тех десятерых, которых ему вверил Виллардита, большая часть уже пьянировала. Кровь ударила в голову, женщин вокруг было слишком много, те и решили поразвлечься. Во время обхода Матиас, безусловно увидел, как пятеро пьяных солдат тащили несколько баб, дабы покутить и расслабиться.

Он вышел на перерез этой пятерке и недвусмысленно заявил. Вы нарушаете приказ нашего господина. Было велено доставить всех дам в целости, и без его распоряжения ничего с ними не делать. Ничего, слышите.

Те пятеро только рассмеялись Матиасу в лицо. Кто ты такой, один раз вылез на свет и все, сразу командир? Ступай, пока жив, да здоров.

Матиас безмолвно молниеносным движением в ответ вытащил из ножен рапибу.

Так завязался поединок пятерых против одного. Да, Матиас был в меньшинстве, удары сыпались ото всюду и силы понемногу, но покидали его Последние удары, Матиас наносил уже с каким-то диким нечеловеческим ревом. Возможно это его и спасло! На подмогу подоспели его люди. Когда Матиас опомнился, на полу уже было пять трупов.

В ночной тиши, в свете факелов пираты смотрели на Матиаса и словно спрашивали, что же нам делать дальше?

— ...тупаяссора из-за каких-то баб, что в итоге, мы убили охранников

— Это же люди Виллардита,— вторил ему другой пират

— Нам надо бежать, спасти свою жизнь, нас просто повесят.

Матиас был непреклонен.

— Никаких бежать, мы в точности выполним приказ. Дождемся утра, а затем вернемся к господину Виллардита, как и было велено.

— Капитан, я тебя уважаю, но нам надо спасти свои шкуры, и бежать отсюда, пока есть время...

— Никуда бежать не нужно,— был прерван спор гулким голосом, доносившимся с верхней террасы, из уст человека, одетого во все черное.

Это был Франческо Виллардита.

• Воспоминания
Девушки

Деньги исчезли со стола, билеты вскоре были заказаны. Вылет был назначен на 6:00 утра из Тель Авива. На следующее утро, все собрались провожать доктора Зильбельмана и подполковника, кроме брата Пинхуса. Ему не просто давались лишние передвижения, а потому он решил остаться дома, закрыв все организационные вопросы по телефону. Посадка на рейс проходила по плану, билеты были заказаны в бизнес классе, и спустя некоторое время, стоило подполковнику и доктору занять свои места, как самолет взлетел.

Добрались они достаточно быстро, как им показалось, хотя это было непросто и расстояние до Кейптауна было немалое. Как только самолет приземлился в Кейптауне, спящие пассажиры резво оживились, повалили на твёрдую землю, спеша показывать паспорта с визами, отдавая дань порядкам, царившим на территории Южно-Африканской республики. Наши же герои решили прямиком из аэропорта, не откладывая, направиться к Катарине в редакцию, предварительно созвонившись с ней и назначив встречу. Она их любезно встретила в своем кабинете, затем даме последовало приглашение на обед, для того, чтобы более спокойно и расслабленно поговорить не в редакции, в более комфортной обстановке. Катарина Островская приняла приглашение.

Итак, они приехали в ресторан одного из лучших отелей Кейптауна, «Виноградник» (Vineyard), расположенным в 10 минутах езды от города, именно в этом отеле и остановились доктор Зильбельман и подполковник. Журналистка была действительно очень привлекательной особой. Высокая, с прекрасной фигурой и длинными темными волосами. Первый вопрос, который задал ей психиатр, как только они только присели за стол, был о том, как они познакомились с Пинхусом. Однако Катарина, будучи дамой в себе уверенной и даже несколько на-гловатой, довольно резко напомнила своим визитерам, что она не находится на допросе и не пребывает на территории правоохранительных органов. Что это ее воля, отвечать на их вопросы или нет. И вообще, какое им дело до ее деловых отношений с кем-либо. В этот момент времени психиатр остановил эту полемику и очень подробно рассказал о том, что же на самом деле произошло с Пинхусом, и в каком он сейчас состоянии. Катарина очень удивилась, но вскоре и удивление исчезло. Она несколько обреченно обронила:

— Вы знаете, я ведь ему говорила не играть в эти игры. Говорила ему не лезть туда, где его совсем не ждут, но он меня, видимо, не услышал.

— Давайте всё-таки вернёмся к тому, как вы познакомились,— спокойно сказал доктор Зильбельман.

— Я прилетела в Тель Авив по рабочим вопросам,— начала Катарина,— и одним из элементов моего репортажа, моих статей было изучение боевой системы Крав-Мага. Да, именно то, чем занимался ваш друг уже много лет. Я давно освещала мир воинских искусств, историю оружия, войн и т.д., это моя основная тематика. Но с особым интересом я, как журналист, изучаю всякого рода прокламации и подделки.

Так вот, я считаю вашу израильскую Крав-Магу...

— Такое впечатление, что вы не еврейка,— подозрительно перебил ее подполковник.

— Почему же, я еврейка, но этот аспект не имеет к профессиональной объективности никакого отношения. Так вот, я считаю вашу Крав-Магу выдумкой определенного рода финансистов, которые на этом свободно зарабатывают деньги по всему миру, организовав разветвленную сеть. Я не знаю, чей это проект, вашей израильской разведки, Моссада или еще кого-то, но факт остается фактом. Перед нами единоборство, которое не имеет ни корней, ни отцов-основателей, ни истории, как таковой. Иногда кажется, что не имеет значения, чем именно вы занимаетесь, главное, чтобы было название Крав-Мага. Вы можете даже просто лежать и заниматься йогой, но говорить, что это «Крав-Мага» и кто-нибудь в это обязательно поверит.

Подполковник посмотрел на нее достаточно скептически, но она, нисколько не смущившись, продолжила:

— Вот ваш друг вел себя точно также, и закончил, как мы видим, сумасшедшим домом. Поэтому, лучше не повторяйте его ошибок. Ну, а что до знакомства..., я пришла к нему в спорт зал со своим оператором, мы поснимали его занятие, а потом начали записывать интервью, которое вашему другу, видимо, сильно не понравилось. Его задевали мои вопросы, хотя я просто хотела докопаться до правды, понимаете? Да, вопросы были неудобными, но поверите, я не позволяла себе ничего лишнего. А он, вместо того, чтобы отвечать на вопросы, всячески пытался мне объяснить, что это не так, защищая свою систему, так сказать, с оружием в руках. Но поймите, в своем деле я профессионал и в конце концов, я вывела вашего друга на чистую воду. Ни на один вопрос он мне ответить не смог. Ни о происхождении, ни о какой-либо структуре, уровнях обучения и т.д. Он научился этому рукопашному бою в армии и начал называть это «Крав-Мага», потому что там это так называют. Это все! Просто смешно. Нет четких правил, нет различия между тренировками для мужчин и женщин, одни организации присуждают уровни подготовки, другие нет. Сплошная неразбериха, никакой конкретики. «Не будь жертвой!» Что это за девиз? Чертовщина какая-то. Я тогда здорово разозлила вашего великого Пинхуса, он начал психовать прямо там в спорт зале. А еще говорите: «у него за плечами» военная подготовка. Скажите спасибо, что я это не включила в репортаж. В любом случае, его состояние меня мало тогда интересовало, мне такой репортаж был и нужен, я для себя все выяснила. А потом я просто ушла. Но он на меня, видимо сильно разозлился.

Потом он нашел меня в гостинице и предложил примирительный ужин, как он его назвал. Я согласилась. Мы встретились и он начал спрашивать, почему меня так интересует Крав-Мага и почему я веду такую политику относительно этого воинского искусства. Я ему начала объяснять, что я живу и работаю в Кейптауне и что приехала туда

я не просто так. Я там изучаю числовые банды Кейптауна. Я бывала и в тюрьме, и на улице, и у полицейских. И вообще, я уже достаточно длительный промежуток времени изучаю эти банды. Так вот, эти люди не называют ничего Крав-Магой, не занимаются никакой ерундой, но убить могут любого человека и любого мастера очень быстро и качественно, уж поверьте мне.

Вот это я ему сказала, что никакого воинского искусства в том, что он делает, просто нет. Это все надувательство для доверчивых людей и если бы он попал в Кейптаун, то он бы от туда живым вообще не выбрался, если бы полез в числовые банды со своей Крав-Магой. Вот так закончилась наша вторая встреча, и закончилась она, как вы понимаете, сновассорой. После этого, я рассчиталась сама за свой ужин и ушла, чем видимо сильно обидела его сильно, потому что он пытался мне помешать, ссылаясь на то, что он меня пригласил, несмотря на разногласия во взглядах. Однако, я не люблю надутых, самоуверенных мужчин, которые на деле оказываются мыльными пузырями. Вы не подумайте, я не считаю вашего друга таким, и действительно желаю ему скорейшего выздоровления, но он сам меня разозлил, и поэтому, пусть не обижается.

На следующий день, он снова позвонил мне в гостиницу и пригласил на обед, в этот раз. Я согласилась и на обед, так как уже, в принципе остыла к этому моменту. Он приехал ко мне на обед и мы продолжили диалог на эту же тему. Но разговор у нас снова не заладился и Пинхус сильно разозлился, хотя я говорила лишь то, что думаю по этому поводу. Я сказала, что с моей точки зрения, определенные структуры в Израиле создали некий проект, который называется Крав-Мага. Это коммерческий проект и он не имеет никакого отношения к воинскому искусству. Это то, на чем зарабатываются деньги по всему миру, и я в этом уверена. Люди создали разветвленную сеть по всей Европе, Америке, России и т.д. Это громадное движение, которое даже не имеет никакой общей идеи, кроме того, что нам не нужно быть жертвами. Но что здесь нового? Чему это учит? Людям по всему миру предлагают преподавать Крав-Мага. За плечами необходимо иметь совершенно любую боевую базу, будь то Джигу-джитсу, Каратэ и т.д. А если кто-то говорит, что не знает этой системы, то в ответ слышит что-то типа этого:

— Неважно, можно преподавать все, что угодно, лишь бы это называлось Крав-Мага. По сути, это некий еврейский зихер, который позволяет зарабатывать деньги и ничего больше за этим, на самом деле не стоит. Ваш друг опять сильно разозлился, сказал, что он офицер армии Израиля, что он воевал. Но мне какое дело до того, воевал он или нет? Я только говорю то, что вижу. А его подобная реакция лишь подтвердила это. Я видела, чему он учит людей, да их убют в первом же реальном поединке! И если бы он попал в Кейптаун, как я уже сказала, то был бы пришият там ровно через 2 секунды поединка. Заслышив это, он вскочил из-за стола, но лишь потому, что ему было нечего ответить,

понимаете? Я позволила ему рассчитаться за обед и спокойно продолжила пить кофе. Вот вам история нашей второй встречи.

Затем прошло несколько дней, и он опять позвонил в отель, предложив еще раз поужинать и найти какое-то примирение. Вы, говорит, сейчас улетите в Кейптаун и не хотелось бы расставаться на такой враждебной ноте. Давайте все-таки поговорим. Я согласилась на ужин, мы снова сидели, разговаривали, но в этот раз, он уже был более спокойным. Он говорил, что действительно сам многоного не знает про свою систему, и что на многие вопросы у него нет ответов. Сказал, что сильно задумался над тем, что происходит и даже считает мои вопросы справедливыми, требующими прояснения. А после этого, он предложил вместе прояснить все эти вопросы. Однако, я сказала, что не вижу в этом смысла, что уже имею представление об этой структуре и незачем искать ответы на вопросы о том, что и так очевидно.

Но он не останавливался. Он заговорил о Кейптауне и попросил рассказать ему про числовые банды. Тогда я сказала, что это достаточно сложно и за одну минуту я рассказать это не смогу. Он сослался на то, что у него много времени, но времени не было у меня, потому что на следующий день мне нужно было улетать. Так что тогда, я даже не начала ему ничего рассказывать об этом. Затем мы попрощались достаточно добродушно. У меня не было никакой злости к этому человеку, я просто выполняла свою работу, надеюсь, что это понятно. Ну а потом я улетела Кейптаун. Вот так мы познакомились и что происходило, когда я приезжала в Тель-Авив.

В этот момент доктор спросил: — Скажите, а когда он прилетел к вам в Кейптаун, как это произошло? Почему он к вам полетел?

— Все те же цифровые банды послужили причиной,— ответила Катарина,— я, видимо, его так этим зацепила, что ему эта тема стала очень интересна и он решил получить больше информации. Как это было? Я оставила ему свою визитку, он мне позвонил и сказал, что может приехать на неделю в Кейптаун. Однако я ответила, что не приглашала его и никаких планов проводить с ним здесь время, устраивая экскурсии и встречи, у меня не было и нет. Более того, я собиралась лететь в Штаты, у меня там был назначен брифинг. Я сказала, что смогу ему уделить максимум один день. Он сказал, что мог бы конечно подождать, но ему надо со мной встретиться и он готов лететь на один день. Я не знаю, что это была за спешка, но на следующий день он уже был здесь.

Я его встретила в аэропорту на машине и отвезла в отель. Он оказался не из бедной семьи, потому что отель, который он себе выбрал для ночлега, был одним из самых дорогих, как раз тот, в котором остановились вы,— с легкой ironией продолжала Катарина.— Мы сели в холле отеля и продолжили диалог. Он попросил рассказать ему про цифровые банды в Кейптауне. Я удивилась тогда, что он проделал такой не близкий путь лишь для того, чтобы узнать об этих бандах. Он сказал,

что действительно прилетел того ради этого. Тогда я спросила у него, что именно его интересует, и в ответ услышала: «Всё!»

— Все? — переспросила его я. Затем я спросила его: — А вам не приходило в голову открыть какую-нибудь книгу на английском языке на эту тему и просто прочитать об этом, для начала?

Он честно ответил, что не думал об этом. Тогда я сказала, что ничего удивительного, потому что военные люди не часто думают, в принципе. Не умеют они думать. После этого он, конечно взбесился и начал взывать меня к такту, куважению. Сказал, что с гостями себя так не ведут, на что я ему напомнила, что не приглашала его в гости и что об этом сказала еще в Израиле. Затем я сказала, что могу уделить ему только один день и половина этого дня уже истекла. Так что, в его распоряжении оставалось лишь несколько часов моего времени. Однако он продолжил задавать мне вопросы относительно цифровых банд. Я ему попыталась в двух словах рассказать об этом, опасном и странном явлении в Кейптауне. Я объяснила, что это достаточно паранормальное явление, само по себе, слабо объяснимое и что я этим вопросом занимаюсь уже ни один год. Безусловно я предполагала, что он приедет ко мне с этими вопросами и подготовилась. Так что, я достала из сумки мою папку статей и документов, которые я написала на эту тему за все время моего исследования. Я передала ему папку и порекомендовала, для начала, очень внимательно ее изучить, так как это был результат моей пятилетней работы. Он поблагодарил меня, мы еще немного посидели, попили коктейли и я уехала. На этом все, господа. На следующий день я улетела в США и больше я его не видела.

Психиатр многозначительно выдохнул и сказал: — Значит, стоит полагать, что он просто начал изучать цифровые банды Кейптауна и от этого сошел с ума, я правильно вас понимаю?

Подполковник сидел и смотрел на нее недоверчивым взглядом. А потом сказал, будто не слышал вопроса доктора:

— То есть, вы хотите сказать, что он приехал сюда, получил от вас папку, прочитал ее и сошел с ума, правильно?

— Господин подполковник, — сказала ему девушка отчеканенным голосом, — ваш друг прилетел сюда, испортил мне день, снова потрепал мне, нервы, получил то, что хотел, и, наверное, от сожаления, что он так поступил, просто взял сошел с ума. Я бы сформулировала это так, — с заметным сарказмом сказала Катарина.

Психиатр многозначительно смотрел в потолок. Когда диалог между подполковником и журналисткой закончился, он примирительно попытался объяснить:

— Мы просто пытаемся разобраться в том, что на самом деле произошло с нашим другом. Вы нас простите, пожалуйста за назойливость и настойчивость. Мы не собираемся попусту тратить ваше время и если вам больше нечего нам рассказать, то мы не станем вас больше задерживать.

Но вдруг, Катарина резко изменилась в лице, вид ее стал еще более наглый и надменный, чем был до этого, она откинулась в кресле, положила ногу на ногу, пристально уставилась на них и сказала:

— Если вы не против, я сама решу, когда мне уйти.

Подполковник вжал шею в плечи, кабы готовясь, что сейчас с ним будут делать то же самое, что с его другом и, возможно, он тоже вернется в Израиль в сопровождении психиатра, только уже принудительно.

— Да...,— подумал подполковник,— Очень странная история,— сказал он уже вслух.— Хорошо, предположим, он прочитал все, что вы ему дали. Но что такого он из этого мог узнать?

— Там просто вся моя пятилетняя работа. На принтер выведены копии моих статей в разных изданиях, несколько выдержек из собственных монографий, несколько полицейских отчетов. Есть мои описания тюрьмы Полсмур, которую я посещала шесть раз. А также моя работа со священниками и разными агентами, которые внедряются в эти банды, имена которых, как вы понимаете, нельзя раскрывать.

— То есть, вы хотите сказать, что офицер Израиля приехал сюда, начитался статей из вашей папки, куда-то пошел, с кем-то встретился, что-то еще произошло и потом он сошел с ума, так? — удивленно и недоумевающе спросил подполковник.

— По-моему, это абсолютно логично,— сказала Катарина.— Ваша логика безупречна. Что вам не нравится?

— Я хочу сказать, что вы ему дали папку, от которой он сошел с ума. Вот, что мне не нравится,— довольно резко ответил подполковник.

— Еще раз повторяю, было не так. Я дала ему папку и он так расстроился, когда прочитал ее, что сошел с ума. Видите, это совсем другая версия.

В какой-то момент, подполковник чуть не сорвался на крик, но заподозрить журналистку в чем-либо было непросто, слишком уж нагло и раскованно она себя вела. Более того, стало понятно, что она не собирается вступать в более конструктивный диалог, и уж точно не чувствует себя виноватой в чем-либо.

Тогда психиатр спросил еще раз: — А вы можете и нам тоже дать такую папку?

— А вы не боитесь сойти с ума?

— Нет не боимся,— сказал психиатр.

— Тогда мне необходимо съездить в редакцию. Более того, я и так подготовила для вас этот пакет, так что, несколько движений пальцами по клавиатуре, немного ожидания, моего радушия и терпения, пока принтер будет делать свое дело, и вся папка окажется у вас на руках.

— Прекрасно, тогда едем в редакцию,— сказал подполковник.

— Отлично,— сказала Катарина.— То есть, я отдаю вам папку и вы исчезаете из моей жизни, правильно?

— Не обещаем,— сказал психиатр.

— Я так и думала.

•Передача
Папки

Израильскому
Военному

Они сели в респектабельное такси и поехали в редакцию, благо она находилась в 10 минутах пути от отеля. Они поднялись в кабинет, Катарина быстро распечатала папку, все красиво оформила, разложила материал в порядке хронологии, сложила, скрепила степлером, положила в папку и отдала доктору.

Доктор Зильбельман взял увесистую папку, попрощался с журналисткой, подполковник сделал то же самое и они поехали в отель. Катарина любезно сказала, что будет находиться в Кейптауне и никуда ехать пока не собирается. Так что, если она вдруг понадобится для какой-то консультации, то с удовольствием готова помочь.

Они приехали в отель, расселились по номерам, доктор забрал папку к себе в номер, положил ее перед собой на журнальный столик, заказал в баре кофе и начал читать. Материала было много и чтобы прочитать все, ему понадобилось около 5 часов. Он делал себе пометки, загибал уголки листов, подчеркивал целые абзацы текста. Явление действительно было паранормальное и какое-то странное. Люди, которые являлись членами банд, выглядели довольно разносторонне. Затем выяснилось, что существует целых 3 вида банд, у каждой из них есть свои правила и ритуалы. А также тюрьма, жизнь на улице, поединки с ножом, убийства, схватки, исправительные учреждения... Все это перемешалось в его голове. Он чувствовал как на него внезапно свалился огромный, очень объемный пласт информации, как бетонная плита, которая слегка придавила голову.

— М-да..., протянул он,— это очень любопытно. Данное явление требует серьезного академического исследования.

Затем, воспользовавшись интернетом и подобрав несколько ключевых тэгов, до глубины души изумился тому, какое число уважаемых людей из круга профессуры и прочих исследователей уже писали на эти темы в мировой науке. Он понял, что данная тема является крайне актуальной также в мире криминологии.

После пяти часов, абсолютно изнурительной работы, психиатр решил прекратить это чтиво, сделал фотокопии всех листов с пометками, взял папку, вышел и постучался в номер подполковника, с чувством выполненного долга сказав:

— Теперь ваша очередь. Вы военный, читайте с военной точки зрения, с чем мы имеем дело и что это за явление.

Подполковник только проснулся, он видимо устал от перелета и разговоров с этой взбалмошной журналисткой, и в результате решил немного поспать. Так что, пока психиатр читал, подполковник спал пять часов кряду. Затем он умылся, привел себя в порядок, переодев костюм, взял папку, сел за письменный стол и сказал, что он отдохнул и готов себя посвятить изучению этой нашумевшей папки. Доктор Зильбельман решил воспользоваться моментом. Так как он считал всех военных людей недалекими, долгосоображающими и вообще не имеющими к этому никакого отношения, он подумал, что часов 6 у него в запасе есть, чтобы передохнуть и немного поспать. Он пошел к себе в номер и почти сразу заснул.

Через какое-то время, подполковник закончил читать папку, он вышел из номера и постучался в дверь комнаты доктора Зильбельмана. Доктор, к тому времени уже проснулся, умылся и надел костюм тройку, оставился только пиджак. Затем он уделил внимание и пиджаку, пригласил подполковника присесть и спросил напрямую:

— Что вы обо всем этом думаете?

— Я думаю, что числовые банды — преступная организация, имеющая свою религиозную философию и свою систему какого-то паранормального рукопашного и клинового боя. Также я думаю, что мы здесь ничего больше не найдем, это бесполезно. Такие организации глубоко законспирированы. Чтобы попасть в такую банду и встретиться с кем-то из ее лидеров нужно немало времени. Более того, нет никакой гарантии, что Пинхус сошел с ума именно от этих людей. Это всего лишь то, чем занималась она. Однако ее здесь не было, она улетела в Нью-Йорк, а чем он здесь занимался, мы не имеем понятия.

— Так что ты предлагаешь? — поправляя очки, сказал доктор.

— Я предлагаю брать папку и лететь обратно в Тель-Авив. Нужно хорошенько подумать, что делать дальше. Просто ходить по городу и расспрашивать людей о том, как выглядят эти банды, где их найти, как нам выяснить они это или нет — это абсурд. Можно конечно связаться с их полицейским управлением и поговорить с ними, но я думаю, что результат будет точно такой же. Ничего дельного они нам не скажут. «Да, банды существуют, да, они существуют в тюрьме, да, люди говорят, что

они паранормальные». Все будут говорить одно и то же. Большего, чем здесь написано, мы не узнаем.

— А как же нам это выяснить?

— Ну, единственный вариант, который я вижу — это стать 26-м, 27-м или 28-м, сказал подполковник. Мало того, нужно еще угадать, каким из них стать, потому что потом не будет возможности сменить банду, исходя из того, что написано в ее папке.

— Мы имеем задачу со многими неизвестными,— глядя куда-то вдаль, сказал доктор Зильбельман,— и самое главное, я не вижу в этом ни психологии, ни психиатрии. Одна криминалистика. Это похоже на какой-то детектив.

— Я не знаю на счет детектива,— прервал его подполковник, но нам нужно лететь в Тель Авив, и чем раньше, тем лучше.

Подполковник заказал билеты на следующий день. До вылета оставалось 11 часов и они решили еще поспать, потому что перелет предстоит долгий.

Они отдохнули, собрались и поехали в аэропорт. Быстро прошли границу, сели в самолет и вернулись в Тель-Авив. В Тель-Авиве их встречал водитель Ицхака. Они сели в машину и поехали домой. Приехав, они собрали всю семью, положили папку на стол и сказали, что это все, что им удалось выяснить. Ицхак открыл первую страницу, прочитал про какие-то банды, посмотрел на них и сказал, немного нахмутившись:

— А если в двух словах?

— А если в двух словах,— ответил психиатр,— то есть некая журналистка, которая 5 лет занималась проблематикой, связанной с определенными преступными организациями, имеющими литерные номера 26, 27 и 28. Далее: устройство, рукопашный бой, нож, убийства, ограбление, торговля наркотиками и т.д. Все по стандартной схеме. Именно этих людей Катарина ставила ему в пример, говоря, что они намного эффективнее, древнее и прочее. Это все, что пока известно на эту тему, сказал подполковник.

Ицхак поблагодарил их и попросил оставить ему папку. Сказал, что прочитает ее и если они не против, предложил встретиться с ними завтра, чтобы обдумать, что делать дальше.

— А вы пока поезжайте в больницу, проведайте моего брата и посмотрите, не произошло ли каких-то изменений в его состоянии, сказал Ицхак, быстро пролистывая папку от начала до конца.

Доктора Зильбельман незамедлительно отправился в больницу, но никаких изменений обнаружено не было.

Еду в фехтовальный зал. На самом подъезде к фехтовальному залу, фехтовать расхотелось. Думаю зайду посмотрю как там все происходит.

Зал все же мой, мной арендованный, мной созданный. Люди которые там занимаются мной научены.

Пришел, сел на скамейку, сижу и смотрю. Тренировка идет в плановом режиме, в фехтовальном зале тоже порядок. Жизнь прекрасна. Отзываю старших, призываю к себе, объясняю что уезжаю и чтобы здесь был порядок. Тренировки по плану, приеду, будем дальше заниматься. Это конечно не хорошо, что я уезжаю, но такова жизнь, что уж делать. Не могу же я вечно сидеть с вами здесь в фехтовальном зале. Вы же понимаете. Так что поеду отдохну. Жена моя собралась тоже к маме, мама живет у нас в Одессе. Пусть едет занимается своей семьей, и так маму не видела целый год. Поэтому пусть едет к маме, на дачу, ходить слушать нытье, все вместо меня. Слава Богу что я туда не еду в эту Одессу. Нет, Одесса мне конечно нравиться, сама по себе как город, но очень не нравиться теща, и все что там происходит. Поэтому ездить туда можно только остановившись в какой-то гостинице и при этом не появляться дома. По причине того, что как только ты появляешься дома тебя сразу начинают превращать в фарш. Перемалывать через мясорубку... все родственники вместе взятые, а этого совершенно не хочется. И самое страшное, что ничегошеньки им нельзя сделать, потому что они твои родственники. Я бы с таким удовольствием дал бы кому нибудь из них в лоб! Но так как эта мама моей супруги, папа, дяди, тети, при этом каждый раз там появляются какие-то новые родственники, о которых я до этого никогда не слышал, из становиться все больше и больше с каждым разом когда я туда приезжаю. Поэтому я предполагаю сilitься в какой-то хорошей гостинице и появляться только на какие-то обязательные мероприятия и только за стол, там где до меня особенно достать и нельзя. А после этого застолья, сразу от туда уходит и как можно быстрее, жену под мышку и в гостиницу. Хотя конечно же моей жене хочется побывать с мамой. Вот у нее и есть 40 дней для того чтобы она там побыла с мамой, насладилась этим обществом и наконец-то вернулась обратно в Киев. Хотя, может и не вернется... но это такое. Глупые мысли лезут мне в голову. Жена у меня хороша и в принципе другой и не надо.

Заканчиваю в фехтовальном зале и еду домой. Пора собирать жену и везти ее на вокзал. Еду домой, приезжаю там жена, рада меня видеть, еще больше она рада тому что она едет к маме. Поэтому быстренько ее собираю, беру сумки: упаковываю в багажник, сажаю ее на переднее сидение машины и везу ее на автовокзал в Киеве. сейчас посажу на автобус и в добрый путь, туда в сторону Одессы. Слава Богу останусь один, завтра лететь в Палермо. Приезжаю на вокзал, на вокзале куча народа, август месяц, дур дом полный. Кое как нахожу автобус комфортабельный, мерседес, который выбрала моя жена для поездки домой. Быстро упаковываю ее сумки, звоню в Одессу родственникам чтобы они ее встречали и помогли ей донести сумки до машины. Целую жену в нос, в шеку, в лоб и во все остальные места лица. Засовываю ее в автобус

и придаю ускорение в сторону Одессы. Наконец-то я один, слава Богу. Пора ехать домой.

Приезжаю домой, в принципе все мои пожитки уже собраны, это два чемодана. Один большой с одеждой, второй русная кладь со всякой мелочовкой в виде компьютеров, планшетов. В принципе готов к полету, машину брошу на стоянке возле аэропорта, сажусь в самолет и выход из кризиса.

Вечером придаюсь праздным размышлению и мечтам о Сицилии. Единственное что хочу вечером сделать это немного поработать в свое удовольствие в своем кабинете с некоторыми интересными вещами, связанными с Украинской и русской криминальной традицией. Сделал себе кофе, благо это не так сложно, когда нет жены надо просто кнопку нажать. Нажал кнопку, кофе появился, забрал чашку и пошел в кабинет. Сел, сижу смотрю на свой кабинет, смотрю на бумаги которые лежат на столе, смотрю на свой компьютер, очень хочется поработать. Вот такую работу я люблю больше всего на свете, никого нет дома, никто не мешает, никто не лезет, никому не надо преподавать. Если бы еще за это платили бы деньги, было бы вообще обалденно. Но к сожалению за это деньги никто не платит, платят деньги за другое и поэтому это приходиться делать в тишине, самостоятельно и никому не говоря.

Столько лет занимаюсь русской школой фехтования, у меня завалин весь дом, вся библиотека документами, архивами, пособиями и прочим, и по вооружению и по применению вооружения и по баллистики, ип о криминалистике ип о уголовному праву разных годов. И в общем-то книги 30-х годов и дореволюционных и каких хочешь. Открываю компьютер и мне выпадает интервью Михаила ВАсильевича Рябко про «киевский торт, который кто не хочет есть, может его не есть». Про «киевский торт» понравилось особо и всегда было очень смешно смотреть про то как они там занимаются в спортзале и кувыркаются туда и назад. Вот какая-то у наших товарищей странная манера кувыркаться. То Кадочников кувыркается вперед назад, как неволяжка, то Рябко взял позу стоять, а все вокруг кувыркаются. У нас выходит какая-то кувыркатальная школа фехтования, странная школа. Никто нигде в мире не кувыркается, а здесь все кувыркаются. Почему у нас все кувыркаются? Хочешь жить, умей вертеться. Непонятно, странная школа. никогда не видел чтобы хоть в одном трактате по фехтованию кто-то кувыркался, кто-то прыгал, хрюкал, или еще что-то делал. Но здесь я чего-то понять не могу, все кувыркаются. Странные какие-то люди со своими кувырканиями, а еще и «Киевский торт» на голову. У нас вообще удивительная школа фехтования. Все к ней имеют безусловно огромное серьезное отношение. Вот возьмите русские «волшебные» единоборства. Даже идиоту понятно, что никакого отношения к русским единоборствам эта штука не имеет. Придуманы ни все в 90-е годы, слава Богу я это все застал и видел это все собственными глазами как это все возникало. Но прошли каких-то 20–25 лет и все это уже считают истинной в последней инстанции, не прикасаясь ни к единому документу. Бред какой-то сумасшедшего. Эти системы Кадычников, системы Рябко. Обратите внимание, даже на звание их соответствующее: Система Кадычникова, то есть придумал Кадычников; Системы Рябко — придумал Рябко. Чего тут непонятного, выдумка Рябко, плод больного воображения Рябко, плод больного воображения Кадычникова. Что вам еще надо? Какие вам еще доказательства нужны? Там ведь прямо в название написанно кто это все придумал. И прямо говорит, вот в интернете сижу смотрю «хотите ешьте этот киевский торт, хотите — не ешьте». Какое ты вообще отношение имеешь к Киевскому торту, сумасшедшая субстанция? Живешь себе в Москве, жрешь водку, морда в дверь скоро проходить не будет, и при этом при все Киевский торт ему подавай. «Это мой Киевский торт». Откуда у тебя вообще своей киевский торт, какое к Киеву ты вообще отношение имеешь? Вспоминаю интервью Михаила Васильевича Рябко, которое он давал в своем молодом возрасте какой он типа православленый на всю голову, как он про монастыри рассказывал, где кольчуги ковали. Вот никогда не видел чтобы в монастырях были кузни, сколько в монастырях был, ни в одном монастыре кузни не видел. Не сохранилось наверное до наших дней. В Киево-Печерской лавре раз

300 был за жизнь со всякими своими знакомыми профессорами. Они как только приедут сразу просят «покажите Киево-Печерскую лавру». Вот и приходилось мне туда ходить постоянно, меня уже тошнит от нее. Ну пришли в Лавру и что? Кузни нет. Я вот сижу и думаю, где же они кальчуги ковали, в пещерах что ли? В пещере тоже кузни нет. Ходили бродили по этой лавре, но никаких кузнь так и не нашли. Ужас какой-то, чего кузнечную традицию та не сохранили — непонятно. Ну да ладно с этим. Смотрю я на это на все и suma схожу.

Так вот заметил я какую-то странную тенденцию. Тенденция эта очевь странная. Как по мне тенденция вообще ужасная. У нас как не русская школа или славянская школа фехтования, то у нас резко все начинается с одних и тех же точек. Первая точка — это казаки. Чуть что, сразу казачье происхождение. Я все документы по казакам перевернул, которые существуют в архивах, и ничего подобного я в жизни в этих документах не видел. Странные у них какие-то казаки, где они таких казаков берут — непонятно мне. Все хотел понять, но пока непонятно. Может это какой-то маркейтинговый ход. может так товары создаются на рынке, а потом продаются. Вот фиг его знает. Но чуть что, сразу казаки. Если казаков нет, то это 100% спецназ ГРУ. Какое они все имеют отношение к этому спецназу ГРУ — непонятно. Живут вроде в других государствах, там никого спецназа ГРУ нет, при Советском Союзе они не жили. Жудко вообще и непонятно все. Если спецназ ГРУ не залазит, то залазит СМЕРШ. Стояла на вооружение СМЕРШа. Про СМЕРШ всю жизнь изучаю, никогда ничего подобного не слышал и не видел чтобы там такое было. Но клеймо «СМЕРШ» ставиться, и товар очень хорошо продается. Типа знак качества. Ну уж если и СМЕРШ не залазит вообще, тогда в ход идёт Альфа. Тогда залазит Альфа — 100%. А дальше идут извращения какие хочешь.

Один идиот вообще в статье написал; я ее в интернет прочитал, понятно что я не стал ничгео комментировать и говорить. Так вот автор статьи утверждает что научился он этому во французском иностранном легионе. Я тут знаю несолько человек которые в этом легионе служили, они говорят, что они там вообще рукопашный бой не изучают, и уж тем более фехтование. Бред какой-то. Короче, вокруг одна ложь.

Выпил я пол чашки кофе, надоело мне слушать Михаила Васильевича Рябко, что он вылез на меня в моем фейсбуке, непонятно. Видимо я подписан на какую-то совершенно не нужную новость, где сей человек постоянно дает какие-то дурацкие интервью. Ооо.. еще один с ним рядом. Это кто такой? О, Александр Шевцов, ну этого я вообще терпеть не могу. Когда смотрю на Александра Шевцова то меня постоянно тошнит. Ну и рожа, я такого в жизни не видел. Знаете, для меня как бы человек, он определяется по его поступкам, а не по его словам которые он говорит в эфире. Вот я смотрю на Шевцова и помню уголовное дело когда у него забирали его гребаный заповедник. Он там так сопротивлялся, сопротивлялся, всем рассказывал, а потом взял и на

амнистию согласился. Вот для меня как для адвоката в голову это не залазит. Ну если ты не виноват, зачем ты на амнистию соглашаешься, на обвинительный приговор. Видимо так было выгодно. Ну а если так было выгодно, то о какой правде вообще идет речь. Ни за какую правду ты боротся не желаешь, а просто хочешь зарабатывать деньги и жить имея власть над определенным количеством людей. Я всегда говорил, посмотрите на мастера, что он вам говорит в фехтовальном зале и что он делает в жизни, и сравните эти две вещи и вы поймете что это за человек. Вот на Шефцова смотрю вижу, что в феховоальном зале он говорит одно, а в жизни делает совершенно другое. А Михаил Васильевич Рябко, ну это очень странная личность. Я вообще вот этих православных терпеть не могу сам по себе. Смотрю я на них с этим православием и диву даюсь, все такие правильные, все такие грамотные, все такие богоугодные, а такой бардак в стране. Если все православные, что ж нет Царствия Небесного. Броде же должно не быть, но нет его. Все только в храмах притворяются, как только за двери храма выходят, начинают срать прямо на ступеньках этого храма. Жуть полная. А потом какая то дрянь еще приходит и начинает всех учить жизни и говорит «вот там насрали, уберите этого говно, эти типа Богу угодно». Вот и все ваше православие. Короче бред какого-то умопищенного человека, которые рассказывают друг другу как нужно жить и кому надо деньги отдавать, для того чтобы все у вас после смерти было хорошо. Ничерта не понимаю, всю жизнь пытался вникнуть в их догматику и никак ее не находил схожей с христианской. Вот ничего в них христианского нет. Какая-то странная новая догматика, которая для меня совершенно не понятна. Ну да ладно, посли они все...

Переключаю на экране фейсбук на другой режим, выхожу из всех видео которые были, и все таки пора заняться делом. Ну раз столько казаков развелось, все таки пора что-то казачье найти в этом во всем. Лежит передом ной документ, где черным по белому нарисованы все технические элементы русской криминальной традиции. Плод работы моих коллег, я эту работу не делал, но коллеги авторитетные работу сделали хорошо. Распечатка лежит у меня перед глазами. Думаю, какое это все отношение имеет к казакам? Начинаю вспоминать. Документов прочел я массу, сказок, легенд, тоже. Один вопрос, какие из этих технических элементов имеют отношение к казачеству? Вспоминаю что казаки были вооружены определенными вещами оружия, шашкой, кинжалом и так далее. Шашка висит прямо на стене. Иду к стене, снимаю с нее шашку. Вынимаю шашку, кладу на стол без ножен, смотрю в картинки. Думаю. Если представить что в руках шашка, то проходя картинку за картинкой можно попытаться представить себе как эти технические элементы можно сделать шашкой. Беру один технический элемент — не получается, второй технический элемент — не получается, а вот третий получился... и так я прошел все 36 элементов. Получилось только 16 элементов. Интересный эксперимент, крайне интересный.

Оказывается, что из 36 элементов криминальной традиции России имперской, шашкой можно сделать только 16. Это очень меня завело как специалиста. Но время уже позднее, почти 12 часов ночи. Отметил крестами, фломастером 16 элементов. Кладу это все в папку, карандаши вставляю, туда же, закрываю папку и убираю ее в сумку, которая пойдет в ручную кладь. Думаю в самолете я это дело продолжу, а вставать уже через 4 часа, потому что в аэропорт надо ехать. Поэтому пошел ка я, любимые мои спать, по причине того, что вставать через 4 часа, и регистрация за 2 часа на иностранный рейс.

Иду спать. Засыпаю. Мне ничего не снится, потому что присниться такому идиоту как я не может в принципе. Я просыпаюсь в 4 утра, быстро принимаю душ, нажимаю кнопку, вливаю в себя чашку кофе, есть ничего все равно нет, так как нет жены она в Одессе у мамы, слава Богу добрался, у меня уже 68 сообщений по этому поводу. Хорошо что она уже спит, а то пришлось бы ей звонить и говорить что со мной все в порядке, у нее уже мамен синдром потому что она там. Поэтому надо уезжать, потому что у меня там не будет работать Украинский номер и пока я куплю тот номер, у меня будет тишина в трубке. Вот с такими сладкими мыслями, я быстро спустился вниз, закрыл квартиру, сажусь в свой мерседес, нажимаю на гашетку и лечу в Борисполь, быстремко в аэропорт.

Приезжаю в аэропорт. В аэропорту как всегда, в 6 утра, ночная мерзкая промозгая погода, хоть лето, но всегда одно и тоже в этом Борисполе. Какая-то влажность, самолеты не жужат. У нас никто практически не летает по ночам. Вокруг тишина. Захожу на стойку регистрации. Стоят дуры набитые на регистрацию, род до ушей хоть завязочки пришней, заняться им нечем, глаза сонные, тоже небось всю ночь не спали как и я. Быстремко отдаю им чемодан. Чемодан принимаю без разговоров, билет у меня в бизнес класс, мне бы еще один чемодан положен, но второго чемодана у меня нет. Беру ручную кладь ставлю на колесики, получаю свой посадочный талон и иду на проверку безопасности. Показыва на безопасности свой ноутбук, показываю один фотоаппарат, непонятно какого года. Фотографирует и это уже хорошо, главное что он автоматический и не требует никаких настроек, просто нажимаешь на кнопку и получаешь фотокадр. Безусловно он электронный, потому что я дурак дураком и в фотоаппаратах в никаких не разбираюсь, я в общем-то специались в других вопросах. Но достопримечательности чем-то фотографировать нужно, на фотоаппарат фотографировать лучше. Фуджи мне нравиться ка фотоаппарат, буду на него фотографировать, нажимать кнопку и ничего не делать.

Быстро меня пропускают через волшебную ленту безопасности и я во фри зоне. Наконец-то я во фри зоне. Во фри зоне тихо, никого нет, люди на рейс еще не пришли, у нас все приходят когда хотят, это вам не заграница. Медленно иду по фри зоне, качу за собой свою ручную кладь,

и думаю что пора что-то съесть. В Борисполе есть конечно нечего, как вы понимаете, ну что ж делать, что-то надо придумать. Подхожу в какое-то кафе, вижу на меня смотрит кекс, слава Богу не написано «съешь меня». Но есть все равно хочется, поэтому говорю

— дайте кекс.

Дают кекс в нагрузку паганный кофе, откусываю кекс он немного похож на кирпич, затвердел немножко. Ну что же ночь постоял понимаю коненчо, если его разогреть то он вообще непонятно во что превратиться. Поэтому лучше грызть его как сухарик, все равно в бизнес лкассе покормят. Я всегда когда летаю, беру бизнес класс, потому что кормить меня некому, поэтому хоть там дадут что-то из еды. Заливаю в себя эту ужасную жидкость цвета мокрой земли. Может еще и желудок растроиться от этого всего. Ну да ладно, разберусь, благо таблеток собой достаточно. Валю на посадку. Прихожу. Там уже собралась некая толпа обезумевших людей. Подхожу к стойку бизнес класса, показываю посадочный талон. Девушка смотря на меня безумными глазами, переворачивает его на считающее устройство, слышу «пип». Значит я законный пассажир этого самолета и спокоийно отправляюсь на посадку.

В салоне любимой авиакомпании ЛюФХанзе, все как обычно, немецкий порядок, приветливые две дуры, и один дурак. Подхожу к своему месту, смотрю, и прямо на середине этого места лежит орех. При всем величие порядка один маленький беспорядок. Это смотриться довольно поганно. Подзываю на английском языке борт проводницу и спрашиваю:

— Что это?

— Украина, сэр.— говорит она

— Что значит Украина? Вы же немецкая компания!

— Да. Но тех, кто убирает здесь они с Украины.

Ничего не понимаю и гвоорю:

— Ну тогда вы со своим немецким порядком уберите этот орех.

— Сию минут, сэр.— говорит она

И уходит. Приходит в белоснежных перчатках, зачем ей перчатки чтобы убрать один орех я так и не понял, берет этот орех двумя пальцами, извлекает его из моего сиденья и уходит. Я изумленно говорю:

— Вернитесь сюда пожалуйста. Вы не хотите протереть это сиденье и вообще привести здесь порядок.

— Пять минут.— говорит она.

Потом берет влажную салфетку и давай протирать то сиденье на котором я буду сидеть. В этот момент заходят пассажиры. Я стою в скрюченном состоянии в бизнес-классе и жду когда высохнет эта дрянь, потому садиться на мокрое сидение после протирания я не хочу. Висеть так пришлось две с половиной минуты пока оно все испарились. Прекрасное начало полета. Закинул ручную кладь на вверх, сел, пристегнулся и начал ждать взлета.

Джузеppe вернулся домой, все уже давно спали, быстро прокользнул в свою маленькую коморку, улёгся на кровать и заснул. На следующий день, проснувшись, мама покормила его, что было у неё, и он пошел на улицу. Делать ему было нечего. Слоняясь по кварталу, он встретил своего друга, которого звали Винченко. Они поболтали немного. Отец Винченко держал ресторан. Это был очень хороший ресторан, добротный — настоящая сицилийская trattoria. Здесь ужинали важные люди и очень вкусно пахло. Винченко пригласил Джузеппе на обед с его семьей, сказал, что его папа и мама не против. Они пришли в ресторан, мама Винченко посадила мальчишеч за отдельный столик, накормила их до отвала вкуснейшей едой, после чего отец Винченко присел к мальчикам за стол.

— Мальчики,— сказал он,— вы уже становитесь взрослыми. Пора вам обоим становиться мужчинами. Дружба — это очень важно. Очень хорошо, что вы дружите. Я предлагаю вам деловую сделку. Вы мне будете помогать в ресторане, а я вам буду платить деньги за работу. Что скажете?

У мальчиков аж захватило дыхание. Собственные деньги!!! Это невероятно. Как? Мне собственные деньги? — пронеслось в голове у Джузеппе. И каким-то совсем неожиданным способом! Откуда это?

Винченко хитро смотрел на своего друга.

— Винченко, это ты уговорил отца взять нас на работу?

— Я,— сказал Винченко улыбаясь. Отец сказал, что я взрослый и я должен уже зарабатывать деньги, чтобы помогать маме, но одному мне работать очень скучно, а с тобой вдвоём — я бы согласился. И так как мы оба согласились, то теперь мы должны держать слово, как мужчины и помогать отцу в ресторане и делать то, что он говорит, и у нас будут свои деньги.

Так они и начали. Джузеппе каждый день после обеда приходил в ресторан, помогал, и получал за это деньги. Деньги были небольшие, но это были деньги, его собственные. Это были первые деньги в его жизни. И он, нехотя, начинал задумываться, может быть, это последствие его похода в храм?! Потому что произошло всё как-то неожиданно, именно после того, как он сходил в этот храм. И он подумал, раз у отца Винченко есть деньги, может быть, он знает этот секрет? Может Бог его послал, чтобы он ему рассказал секрет этих денег. Но, пока Джузеппе получал эти деньги, ему всё нравилось. Получал деньги Джузеппе каждый день, и всё у него было хорошо. Да, деньги были небольшие, но они были у него каждый день. Их хватало и на булку, и на другие его желания, короче говоря, мальчик перестал испытывать голод. А плюс ко всему, ребят кормили в ресторане, то ребёнок стал не просто деньги получать, но у него каждый день была вкусная еда. Ему больше не нужно было искать, где и что поесть, его маме не нужно было больше думать, чем накормить своего сына. Мало того, он даже маме стал давать, хоть и небольшие, но деньги, чем маму свою довёл до слез. Он постепенно начал превращаться в мужчину. Так прошёл месяц. Так как он дал слово монаху, что он никому не расскажет о том, о чём они разговаривали. Через месяц, ровно в десять часов вечера, Джузеппе снова пришёл в храм. Уже привычным для него был путь через храм к алтарю, обошел его слева и застыл перед зеркалом. В этот раз долго ждать не пришлось — прошло всего несколько секунд, как произошла какая то вспышка в зеркале, а из вспышки появилось изображение. Уже знакомый мальчику монах, единственno, несколько постаревший, как ему показалось, объяснял что-то некоторым людям, стоявшим спиной, так что лиц их было не различить. Что-то явно изменилось в обличии монаха, было что-то магнитически приковывающее, такое, что хотелось слушать и слышать его, хотелось оказаться там же, рядом с этими людьми.

Приглядевшись, мальчик заметил, что у монаха в руках был удивительной красоты клинок — как нож, только длинный, как кинжал, но изящнее, да и рукоять клинка была украшена двумя крупными, переливающимися в свете факелов, камнями.

— Знать и быть — это разные вещи,— говорил монах.— Истинный фехтовальщик — не тот, кто в руки взял оружие и даже не тот, кто обучился тому, как его применять в особый час. Истинный Фехтовальщик — это человек чести.

Повисла недолгая пауза.

— Истинный фехтовальщик — это человек с правильной философией, он — лучшее лицо науки и он тот, кто всегда поступает правильно, какая бы стезя — печаль, горе или испытание его ни настигла.

— Что же позволяет ему знать, как поступить правильно, Падре? — последовал вопрос.

— Высшее мастерство, что есть Дестреза. *Verdadera Destreza* — истинная наука, истинный дар, божественное откровение для человека Чести. Философия, Тайна Оружия, Наука — вот три сестры, чей союз образует единство Дестрезы, что дана не каждому. Запомните: в руках глупца вы никогда Дестрезы не найдёте, что бы они ни говорил и как бы он отчаянно не кичился своими дарованиями и попытками тщеславно махать клинком. Дестреза не под силу мужлану, простолюдину, тому, кто ищет, где проще, да легче. Познание Дестрезы — путь кропотливый, но награда воистину щедра, ибо Дестреза способна из любого творения Господа Бога нашего создать Истинного Воина, Фехтовальщика Рыцаря. И сердце её не терпит двое-чтений, ибо отдано оно науке, с прочным и нерушимым основанием, таким же стойким, как и наш мир.

— Позвольте, Падре... Наука разная бывает, не так ли? А что если наука — это просто чьи-то ошибки? Чьи-то заблуждения? Что, если наука, которую холит один человек, не является наукой для другого?

— Сын мой, Мудрость Дестрезы кроется и в том, что Наука эта имеет коренное различие с прочими словесными и несловесными подражаниями — и это демонстрации. Демонстрации оживают в руках Мастер и показывают ученику, что проделанное — истинно научно, и ошибочным не является, ибо работает точно, разит метко, проникает глубинно и поражает всякого.

— А как же быть с той молвой, что утверждает устами, вероятно, несведущих людей, что, дескать, «наука у каждого своя»? — эхом произвучал слендующий вопрос.

— Человек, утверждающий сие, что «наука — у каждого своя», будет вынужден демонстрировать окружению пользу от своей науки, чего он, бесспорно, сделать и не сможет, ежели нет в его глазах света, а в сердце силы. Наука истинная оберегает её хранителя, демонстрациями очищая саму себя и не требуя признания со стороны, но требуя лишь применения непрестанного.

— Падре, прошу поведать: а почему Дестреза — то наука? Не искусство, не что-то иное, а именно наука?

— Дестреза наука, ибо она — сияние Жизни. Как жизнь человеческая — есть наука для него самого, так и Дестреза — преподносит уроки свои каждому ищущему, но не каждый ищет правды её. Представь, сын мой, как этот кинжал в мгновение ока пронзит твоё левое плечо, оставив за собой кровавый след и рваную рану...А почему? Потому что ты ногами своими повелевать не умеешь, и даже будучи предупреждён, от удара моего не уйдёшь. И получив рану, ты задумаешься, как никогда крепко, сын мой. Рана, как послание жизни, будет учить тебя науке, напоминая долго время о золотом уроке — ходи на ногах, думай ногами, будь ногами. Вся человеческая жизнь — это наука. Дестреза — сияние жизни — чистая наука, в первозданном её виде, не запятнанная руками человека, что прикасается к ней. Не нужна сия наука лишь простолюдинам, которые, конечно же, тоже могут поднять топор свой или лопату, да отнять жизнь у другого человека, али рану ему нанести. Но любой простолюдин способен отнять жизнь лишь точно у такого же простолюдина. Перед лицом Человека науки, человека, ведающего свет Дестрезы, он беспомощен и бессилен.

— А где же искать Дестрезы свет? Где она хранится, где её истинная обитель?

Сакральное хранилище Истинного и высшего мастерства, что есть Дестреза — это наша Память. Кто ведает ключами памяти — тот ведает и ключами Дестреза.

Джузеppe досмотрел до конца всё происходящее в зеркале, ничего не понял, но как-то врезалось ему в память слово «Дестреза». Изображение померкло и исчезло. Джузеппе постоял немного и решил, было, уходить. Начал двигаться в сторону выхода и услышал знакомый голос

— Куда же ты, сын мой?

Он повернулся. Перед ним стоял всё тот же монах в капюшоне.

— Здравствуй, Джузеппе,— сказал он. Как твои встречи с Богом?

— Если Вы, падре, называете это встречи с Богом, то они происходят регулярно, как вы и сказали.

— Прекрасно, сын мой. Садись.

— Падре, а можно я вас сразу спрошу, пока я не забыл?

— Говори, сын мой.

— А что такое Дестреза?

Монах рассмеялся. Да так от души рассмеялся, что его смех разносился на весь храм. Наверное, его можно было услышать и на улице.

— Ах вот, что тебя интересует,— сказал он. Дестреза это название испанского фехтования.

— Фехтования,— с удивлением переспросил Джузеппе.

— Да. Именно.

— Мне Бог рассказал об испанском фехтовании?

- Именно, сын мой.
- А почему? Я не понимаю какое отношение это имеет к Богу.
- Он его создал, Джузеппе.
- Дестреза создана Богом?
- Безусловно.
- А зачем, падре?

— Понимаешь ли, сын мой. Многие века твои предки жили на этой земле. И единственным занятием, которым они занимались чаще всего, это держали оружие в руках, защищая свою землю. А для того, чтобы держать его в руках, как ты понимаешь, нужно уметь им владеть.

Джузеппе молчал. Он не понимал, как это всё связано с Богом, и какое к нему имеет отношение. И монах видел его глазах недоумение

— Понимаешь, Джузеппе. Этот мир так устроен, что, если ты будешь слабым, то ты ничего не добьешься в жизни и не сможешь стать достойным человеком. Потому что, когда нужно будет поступить по совести, ты станешь поступать так, как поступает большинство людей — ты испугаешься, убежишь, и так и не сможешь ничего добиться в этой жизни.

- Падре, но какое отношение к этому всему имеет Дестреза.
- Дестреза, сын мой, как раз и сделает тебя сильным,— ответил монах.

Вот те на,— подумал Джузеппе. Хотел секрет счастья, а мне рассказывают про какую-то Дестрезу.

— Делай, как я говорю, сын мой. Придёшь в храм ровно через неделю. И ты опять встретишься с Богом, как я тебе и обещал.

- Конечно, падре. Приду. А что мне скажет Бог в третий раз?
- Увидишь. Пойдём, я тебя провожу.

Они направились к выходу, и монах сказал Джузеппе.

- Ты уже работаешь в ресторане и зарабатываешь деньги?
- Да, падре. А как так получилось, я так и не понял.
- Ни о чём не думай, сын мой,— сказал священник. Иди с Богом.

Я жду тебя ровно через неделю

Священник опять, привычно, пошел по дороге и повернул направо и исчез в темноте. Джузеппе побрёл домой и сразу лёг спать.

Утром ему нужно было идти в ресторан и проснувшись, он так и сделал. В ресторане Джузеппе с удовольствием помогал отцу Винченсо, в конце дня они с Винченсо получили небольшую сумму денег за свою работу и счастливые пошли вдвоём домой. Шли они по знакомому кварталу, всех они здесь знали, все с ними здоровались. Мальчики решили посидеть немного, поговорить перед тем, как пойти домой отдыхать. Они присели на каменный выступ и стали обсуждать следующий день и в этот момент к ним подошли пять человек.

- Ооооо, наши буржуи,— произнёс противный голос во тьме.
- Джузеппе переглянулся с Винченсо. Этих людей они не знали.
- Кто вы?- спросил Винченсо.

— Мы?! Мы справедливые люди
— Вы справедливые люди? — удивлённо переспросил Джузеппе.
— Да. Вот разве справедливо, что у вас есть деньги, а у нас нет —
это не справедливо. Поэтому поделитесь с нами вашими деньгами, и всё
станет справедливо. Видите, какие мы справедливые люди,— рас-
смеялась толпа незнакомцев.

Мальчикам было страшно. Эти пятеро были старше их, им было примерно по двадцать лет. Их много и в руках у каждого было что-то деревянное, похожее на палки, в темноте было не разглядеть.

Мальчики молча достали заработанные деньги и протянули их этим.

— Ну вот и молодцы, теперь справедливость восстановлена. Слушайте внимательно — мы будем встречать вас один раз в неделю здесь, и вы нам будете отдавать одну свою зарплату, и тогда все станет в мире справедливо. Уяснили, молокососы?

Джузеppе и Винченко молча кивнули и пошли прочь.

Джузеppе было так обидно. Он не мог ничего сделать. Как же так? Но больше всего в этот момент он обратил внимание на другую свою мысль. Он вспомнил, что буквально вчера вечером монах ему говорил о том, что ему придётся стать сильным и вот, у него отобрали деньги, и у его друга, а Джузеppе ничего не смог сделать. Интересно, что будет дальше.

Два друга, Винченко и Джузеppе, шли по узкой улочке, понурив головы, как вдруг дорогу им преградила тень.

— Чем вы расстроены, дети? — произнесла голова в капюшоне.

— У нас только что забрали все деньги, которые мы заработали, — простонал Винченко.

— Вот как! А кто? — спросила голова с капюшоном.

— Они сказали, что они справедливые люди, — понуро ответил Джузеppе. Еще они сказали, что, если мы будем им отдавать одну зарплату в неделю, то в мире станет больше справедливости.

— Они справедливые люди? — с долей удивления проговорила голова с капюшоном.

Послышался тяжелый вздох. Вероятно, эти молодые люди никогда не видели справедливых людей. Постойте здесь, дети мои.

Тень проскользнула между мальчиками и направилась в сторону той пятёрки, которые стояли на углу. Было очень интересно.

Какой-то человек, в черной одежде, в капюшоне на его голове, так, что лица его было совсем не видно, подошёл к этим парням на углу.

— Достаньте все деньги, которые вы отобрали и положите на камень, немедленно, — скомандовала голова.

Пятеро подростков опешили.

— Ты кто? — спросил самый писклявый голос из всех.

Голова просто повторила ту же самую фразу «Достаньте все деньги, которые вы отобрали и положите на камень».

— А если нет, — сказал тот, кто был повыше и понаглее.

В чёрном рукаве блеснул клинок.

— Я еще раз повторяю, достаньте все деньги, которые вы отобрали и положите на камень.

Пять человек обступили тень. В руках у них были деревянные палки.

— Священник, убирайся отсюда, подобру- поздорову, а то мы тебя здесь так отметелим, что от тебя не останется даже святого духа.

И кто-то захочет, обнаружив это прекрасной шуткой.

— Правильно ли я понимаю, — спросила голова, что вы и есть те самые справедливые люди, которые творят справедливость?

— Естественно. Мы берем деньги у богатых и даём их себе, потому что мы бедные. И это и есть справедливость,— захотели ещё двое.

— Хорошо,— спокойно сказала говорящая голова. Я даю вам 30 секунд, чтобы вы положили палки на пол и вытащили из карманов все деньги, которые вы отобрали у людей и положили их на камень,— и голова замолчала.

Самый наглый из пятёрки как-то опешил. Монах не собирался никуда бежать, его не страшили пакли в руках, он вообще вел себя как-то странно и необъяснимо.

— Осталось десять секунд, —проговорила голова.

— А что будет через 10 секунд?

Секунды шли.

— Время истекло.

— Ну и что?

Двое повалились на пол. Трое замерли, как вкопанные

— Еще раз повторяю, достаньте те деньги, которые вы отобрали и положите на камень или умрете так же, как эти двое. Быстрее.

Они быстро доставали деньги из карманов и складывали их на камень. Их руки дрожали.

— Еще быстрее,— проговорила голова. А теперь, пошли вон отсюда, и заберите своих мёртвых друзей. Я помолюсь за них,— спокойным голосом сказала говорящая голова.

Они схватили трупы, лежащие на земле, и поволокли их куда-то очень быстро. Мы подошли с Винченсо к монаху. Кто вы? — спросил я.

Монах ничего не ответил, сделал шаг в сторону, повернулся налево и исчез. Огромное количество денег лежало на камне. Мальчики сгребли их быстро убежали с этого места.

Музыканты не решались играть снова. За столом в летнем саду, в прекрасной резиденции Багерии, уже после стремительного ухода пристава и солдат, повисло немое молчание.

Первым его нарушил хозяин званого вечера.

Николло Армарино, на некоторое время потерявший дар речи, спросил друга:

— Зачем Вам это, Джузеппе? Отчего Вы так поступили?

— Мне просто мешают обедать.

— Тебе не жалко таких денег?

— Честно говоря, я никогда не был знаком с деньгами. Вы же знаете, мой друг, богатым я стал не потому, что я заработал эти деньги, а потому что свое наследство мне оставил мой отец. Что с этими деньгами делать, я, право, не знаю, никаким образом не представляю. Денег у меня столько, что хватило бы на 10 жизней, а может и больше. Я не считаю мое имущество в Мадриде, на Канарских островах, в Калабрии и прочее. Тот дом, который у меня сегодня существует в Багерии — это ничтожная капля моего состояния. И поэтому, честно говоря, помочь своему другу безвозмездно для меня было Честью. Вы оказали мне огромную услугу, мой дорогой друг, я хоть как-то почувствовал себя полезным хоть кому-то после исчезновения моего отца. Мне так хотелось кому что-то сделать. Вы понимаете мой друг, я скучаю целыми днями. Мне заняться нечем, я даже подумывал открыть школу фехтования, для того чтобы хоть каким-то обществом себя окружить людьми, с кими мог бы быть схожий интерес. Потому как тоска душит невыносимая, если честно сказать. Рыцарская натура тому причина. Рыцарь — он кто? Его удел, походы, войны, доблесть. У нас же, простите, ныне ни походов, ни войн. Каковы были времена моего отца, когда люди были нужны своему Королю, своему государству, своей империи. А сегодня, знаете ли мой друг, царят такие дела, что каждый сам за себя и каждый живет в каком-то своем непонятном мирке, в котором в общем-то все крайне тоскливо. Не обижайтесь на меня, мой друг, не считайте мой поступок какой-то обидой для себя. Поверьте, я искренне хотел что-то сделать в мире, хоть что-то стоящее. И если я вам помог и каким-то образом это сделал, то только исключительно из добрых побуждений и прекрасного к вам и вашей семье отношения. Мало того, обратите внимание, эти господа нам мешали обедать, что вообще непростительно в данном случае. Могли бы подождать конца обеда, ан-нет: вломились в дом, как разбойники. Ужасно это всё, вот Вам мой ответ.

Армарино, не колеблясь, ответил так:

— Джузеппе, ну раз Вы за меня оплатили долг, то в общем... почему бы Вам вместе со мной не заняться делом? И поскольку я вам уже должен деньги, я как-то желаю их по совести вам их вернуть. Итак, почему бы вам от скуки вместе не заняться со мной делом? У меня ведь и вправду прекрасные угодья, и прекрасный план развития.

— В принципе, почему и нет. Я с удовольствием буду ездить с тобой, заниматься делами. По крайней мере, мне не придётся сидеть дома за забором и смотреть на лужайку.

На том и порешили. Виллардита откланялся, договорились завтра встретиться с утра и начать поездки по сельскохозяйственным полям, в разные имения, где происходит это все производство.

— Поедем завтра — посмотришь эти владения, может что-то посоветуешь дальнего.

— Хорошо.

На том и порешили

В приподнятом настроении Джузеппе Виллардита вернулся домой, дома, однако же, ему вскоре стало скучно. Вино еще не отпустило, ужинать не хотелось. Он решил, что все-таки почитает книгу, которую открывал буквально вчера. Взял книгу, прочитал пять страниц и опять погрузился в воспоминания.

Ему тогда было лет 14. Это упражнение называлось «копья в обоих руках», и никак не давалось Виллардита-младшему. Отец же был непреклонен. Снова и снова, он давал сыну в руки две шпаги в руки, и заставлял биться обоими шпагами. Но все атаки, даже двумя клинками были тщетны... каким-то невиданным движением, всегда новым и всегда неожиданным, отец забирал то одну шпагу, то вторую шпагу, а затем командовал:

— А теперь вперёд! Голыми руками против меня! Представь, что перед тобой не я, а иной противник, вооружённый двумя ножами.

Давай ещё раз.

Джузеппе переживал эту сцену, как в какой-то мгле, как будто находясь между небом и землёй. Трансовое состояния не оставляло его и следующая тягучая волна захватила его и потащила вдаль, в недра памяти, в юношеские годы.

Отец стоял перед ним с двумя кинжалами — по кинжалу в каждой руке. У Джузеппе же более в руках ничего не было. Немигающий взгляд отца и короткое восклицание:

— Давай, «сила на силу», голые руки — против кинжала.

Джузеппе, немного подумав, сократил дистанцию, затем схватился за оба кинжала, и было, хоть провернуть один неплохой, по его мнению, финг, но отец тут же перевернул Джузеппе и засмеялся.

— Неплохо, неплохо вовсе. Но задачу, как видишь, не решает. Давай-ка ещё раз, «сила на силу», голые руки — против кинжала...

И в этот момент, какой-то непонятный звук, который уловил только Джузеппе, вывел его самого из транса. Он всё также неподвижно сидел на стуле на веранде, смотрел в полутьму, но звук донесся именно оттуда, из непроглядной глубины сада. Далее послышался второй звук, третий скрип. И на каком-то фоновом уровне до Джузеппе, как ему показалось, донесли тихие голоса...

Определённо, кто-то залез в дом, через забор, да через ограду попал в сад. Он присмотрелся, как волк в темноте и увидел три силуэта, одетые в накидки и шляпы, которые медленно двигались вдоль забора в направление дома.

Кто это? Подумал Виллардита, очень интересно. Кто может забраться в мой дом и зачем? Это оказались грабители, которые влезли в дом, чтобы чем-нибудь поживиться. Вероятно, они узнали, что в доме живет одинокий господин, слуги уже все спали, к тому времени, ведь Виллардита уже всех отпустил, а сам сидел да читал на веранде. «Они подумали, видать, что если в дом, в котором живут слуги, не проникнем, то где-то здесь поживимся, а вдруг, что-то сможем украсть».

Виллардита спокойно закрыл книгу, положил на журнальный столик, стоящий подле. Тихо встал, снял испанскую манту, остался в одном исподнем, чтобы ничего не стесняло движения. И медленно, по-кошачьи, начал спускать вниз, в направлении движущейся тройки. Двигался он так тихо, что они не просто не могли его увидеть, но даже не могли услышать. Когда он приблизился к ним на расстояние около 20 метров, он замер, остановился, глядя на нарушителей. Люди явно пытались как-то сориентироваться, сообразить, что и где лежит, потому что стало откровенно темно на тот момент времени, а у них ничего из светильников в руках не оказалось. Непрошеные гости попытались, было, сориентироваться и понять, куда двигаться дальше. Джузеппе же остался стоять в тени, да так что луна, не выдавала его да не отбрасывала его тень.

И вот они двинулись к дому, эти грабители. Пройдя еще 5 метров, они услышали спокойный, тихий и очень твердый голос:

— Добрый ночи, господа. Вы что-то здесь ищите?

Трое замерли. Возникла несколько секундная пауза пока они приходили в себя. Но тут они поняли, что человек который им это сказал, он один, а их трое, и быстренько вышли из оцепенения. Один из грабителей прокряхтел в сторону Виллардита

— А ты, мы так понимаем и есть тот одинокий господин, который живет в этом доме?

— Абсолютно верно. Чем могу быть полезен, господа?

Трое молча двинулись в его сторону в их руках возникли кинжалы. Как смешно, подумал Джузеппе Виллардита. В этот момент времени перед его глазами как стремительное падение ястреба, пронеслось важнейшее воспоминание... того самого первого дня, когда отец сказал: давай же, «сила на силу» ...Джузеппе снова перехватил два кинжала, но при этом выставил ноги так, что отцу впервые не удалось его перевернуть...

После чего отец рассмеялся, отпустил руки и резким ударом ноги перевернул растерявшегося от собственного успеха сына.

Отлично! — сказал отец.— Во теперь ты готов познакомиться с «бьющими ногами». Эффективно, не так ли?

Словно очнувшись от мимолётного сна, в это же мгновение трое непрошенных гостей бросились на него с ножами. Поединок продолжался не долго. Уход, удар ногой — человек на полу; уход, удар ногой — второй противник на полу; уход, удар ногой — человек на полу. Три удара ногой свалили грабителей наземь, а ножи полетели в другую сторону. Удары были настолько сильные, что грабители держась за ноги не могли встать с пола. Он медленно собрал клинки, обходя их с разных сторон.

— Что мне с вами делать, господа? — спросил Виллардита.

Они молча шипели на него, пытаясь подняться, но ничего не могли с собой поделать.

— Извольте отвечать! — наказал Виллардита.— Иначе мне придется

кого-то из вас убить, для того чтобы заговорили двое остальных.

Один из них (вероятно, самый слабый) начал стонать и причитать, что они, дескать, неспециально, что их послал определенный человек, что они ни в чем не виноваты, им просто нечего есть, они промышляют по региону, но на самом деле они хорошие и добропорядочные люди, просто грабят все, что лежит плохо, потому что им нечего есть, голодно и очень, очень плохо.

Джузеppe дослушал их, повернулся к ним спиной и пошел в сторону дома, там стояло несколько стульев, на которых обычно сидели и завтракали. Он взял один стул поставил перед собой, затем второй стул и третий. И указал валяющимся на полу грабителям на три стула.

— Садитесь.

Они медленно встали и, хромая, направились к стульям. Оружия в их руках не было, и они понимали, что если человек так легко с ними вооруженными расправился, то будучи вооруженным, если выступит против них, лишит жизни за очень короткое время и даже не успеет устать. Никто сопротивляться потому и не стал, все молча расселись.

Виллардита три раза ударил в корабельную рымду, стоящую перевёрнутой на столе. Появились слуги с ружьями в руках и подошли к грабителям.

— Успокойтесь,— сказал он.— Принесите этим господам поесть.

Слуги убрали ружья, и пошли на кухню готовить еду. Три бандита сидели и молча, исподлобья, смотрели на своего мучителя.

Буквально через несколько минут возникли подносы и каждому из них был вручен один поднос, со стаканом вина, с курицей, холодным мясом — все, что нашли на кухне, и все что осталось от обеда.

— Ешьте! — приказал Виллардита.

Люди неистово набросились на еду, не прошло и пяти минут, как они съели все, что было на подносе. Действительно голодные, значит не обманули меня.

— Расскажите мне, пожалуйста, кто у вас главный и чем вы промышляете.

Они нехотя и еще не доверчиво смотрели на него, но самый слабый опять начал говорить, что у них есть некое объединение людей, которым нечего есть, они живут в окрестных пещерах и питаюсь чем придется, когда удается найти что-то поесть, то делят все на пополам. Виллардита их спросил:

— Сколько вам?

— Около десяти человек.—сказали они.

Следующее что они услышали, их ошеломило.

— Хотите так есть три раза в день?

Они замолчали не зная, что ответить.

— Я еще раз спрашиваю, хотите ли вы есть так, как вы сейчас ели, три раза в день?

Самый молчаливый из них ответил

- Как это?
- Я буду кормить вас трижды в день,—сказал Виллардита.
- Хорошо.— сказал самый молчаливый.— А что делать будем мы?
- Охранять мой дом от таких как вы.
- То есть, все что нужно, чтобы в этот дом никто не залез?
- Именно так.— сказал Виллардита
- И вы нас не приадите суду, не отадите властям?
- Нет.
- То есть вы нас отпустите?
- Именно так. Но вы дадите мне слово, что вы заберете этих семь человек и вернетесь сюда, ко мне в дом и станете здесь жить охраняя этот дом.

Тroe переглянулись между собой. Предложение им казалось фантастическим, они искали подвох и не могли его найти, зачем человеку их кормить. Тут Виллардита повторил еще раз.

- Чтобы никто более не посмел влезть в этот дом.

Тroe благодарно кивнули.

— Тогда идите с миром, и я вас всех жду завтра утром возле ворот моего дома, вас встретят. А теперь прекратите себя вести как бандиты и разбойники и выйдите спокойно через дверь, а не через забор.

Тroe уныло поплелись в сторону выхода из дома. Виллардита даже как-то повеселел. Он совершенно не знал, зачем ему сдались эти 10 человек. Но ему было скучно, а это было хоть какое-то общество которым можно командовать и вообще превращать их в некую маленькую армию. И он подумал, что в принципе он поступил достаточно опрометчиво поселившись один на вилле, и без всякого рода охраны и своих рыцарей. Они все остались в Калабрии. Поэтому он подумал, что эта идея и идея школы фехтования, как-то очень между собой похожи. И радостно пошел спать.

— Вот так я подружился с этим парнем.

Старик смотрел на меня с достаточно странной улыбкой, и в конце концов произнес

— Ты помнишь тот день, в который я сказал, что тебе не надо заниматься боксом?

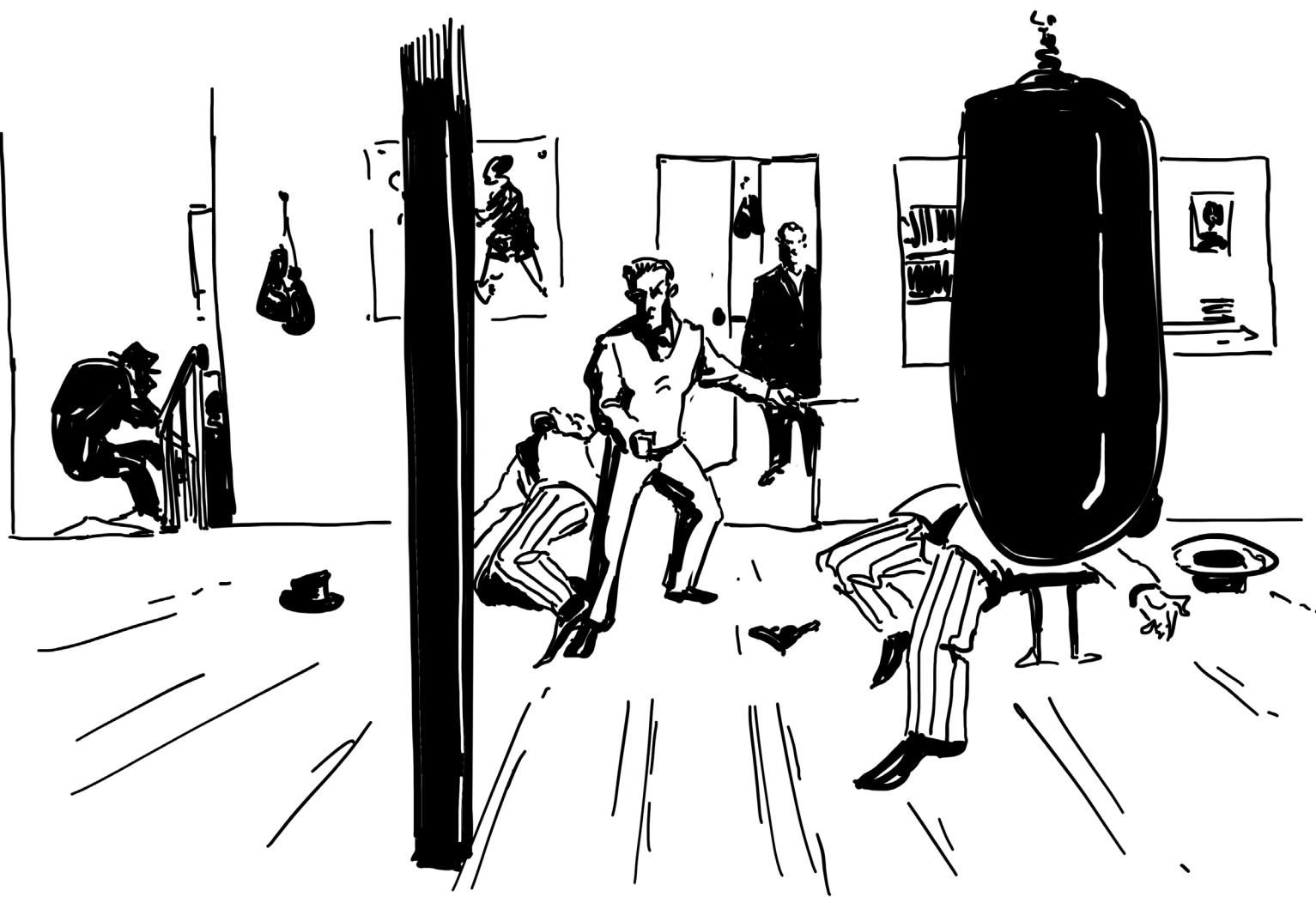
— Конечно, Кас, помню.

— Ты тогда показал такое, что я, честно говоря чуть сума не сошел в спорт зале. Откуда это? Что это такое?

— Вот от этого самого дворянина. Иначе я бы тебе не стал так долго рассказывать эту историю.

Парень призадумался, как бы переносясь в тот день когда в спорт зал пришли некие люди, их было 6 человек. Они зашли в кабинет к старику, долго с ним выясняли отношения, старики вышел из кабинета и эти шестеро вышли за ним. В зале уже никого, кроме меня и старика не было. Я только переоделся и собирался попрощаться и идти домой, но попрощаться я не могу, так как шел разговор, поэтому я ждал когда разговор закончиться чтобы сказать «до свидания» и пойти. Шестеро вооруженных людей вышли из кабинета за стариком. И здесь со мной что-то случилось, вот этого я как бы и не помню совершенно.

— Честно говоря, даже не знаю как так это все получилось,— сказал я старику.

Старик на меня посмотрел, встал из-за стола и сказал так.

— Ты знаешь, у меня такое впечатление, что я побывал в кино. Эти шестеро стояли полукругом вокруг тебя, я стоял сбоку и как бы на это на все наблюдал. Ты был в тот день такой, какой ты сейчас. Вот именно тем самым человеком. Ты совершенно спокойно, тоном который не терпит каких-либо возражений, скомандовал этим шестерым: «ну, пошли вон отсюда». Тебе тогда было 25–26 лет, я уже и не помню. Перед тобой стояли взрослые мужики, вооруженные до зубов, у тебя не было ничего, ни оружия, ничего совсем. Но они чуть сумма не сошли когда это услышали. Ты спокойным голосом повторил ещё раз «пошли вон отсюда». Как ты понимаешь эти шестеро повиноваться и не собирались совершенно. Он с пребольшим удовольствием бросились на тебя все шестеро сразу. Но ты как-то сделал так, что в один прекрасный момент нож одного из нападавших оказался у тебя в руках. Потому, ты каким-то странным способом перебил всех нападавших и чуть ли не пенками выгнала их из зала. Нож спрятал за ремень, каким-то странным движением, я такого и не видел никогда и вот здесь я тебе сказал, что тебе не надо заниматься боксом, что ты в жизни всего добьешься и иди и занимайся чем-то другим.

— Да, я помню. Честно говоря сама эта ситуация она по сути, я ее смутно помню. То ли у меня помутнение разума было какое-то в этот момент времени. Не знаю.

— А как ты себя чувствовала после гипноза? — спросил старик.

— Ты знаешь, я попал в тоже задумчивое состояние в котором перенесся в этот непонятный сон.

— И?

— Я медленно приходил в себя. Но пришел в себя я уже вот этим человеком, которого ты видишь перед собой, не тем парнем, который лежал на кушетки гипнотизера.

— Да... странно.— сказал старик.— Никогда такого не видел, эта манера движений. Интересно, ведь эти шестеро мужланов были настоящими гангстерами.

Он посмотрел на старика и сказал ему:

— А я что игрушечный?

Они оба рассмеялись.

— Нет, я не это хотел сказать.

— Эти люди никогда больше не приходили? — спросил я.

— Нет.— сказал старик,— Больше не приходили никогда.

— Прекрасно.— сказал молодой человек.— Так что тебя еще интересует?

— Мне очень интересно, что это?

— Что ты имеешь виду? — спросил я.

— Ну сам этот эффект. Ты попал в какой-то сон, вернулся другим человеком из сна. И твое поведение против этих шести головорезов. И вообще твой быстрый карьерный рост, взлет в Нью-Йорке. Ты стал

очень богат, стал знаменит. Вокруг тебя огромное количество людей. Все тебе подчиняются, а ты каким-то образом очень быстро построил огромную организацию, которая в общем-то наиболее наверно неизвестная в Нью-Йорке, но наиболее могущественная. Тебе не кажется вообще странным, что какой-то гипнотизер, загипнотизировал какого-то парня, после этого, это парень превращается в неизвестно что и создает самую мощную и неизвестную организацию в Нью-Йорке. Держит кучу бизнесов под контролем и по сути, даже никто не догадывается, что все управление происходит из этого вот этой комнаты, твоей библиотеки, где ты сейчас вместе со мной сидишь и пьешь вино.

— Я сам не понимаю, Кас. Все как-то произошло само по себе.

— А ты вообще сам-то помнишь, откуда вообще это все взялось?

— Первую часть я помню хорошо. Это ту часть когда я попал в этот сон и все остальное. Вторую часть, после того как я проснулся, определенную часть я не помню вообще. Я себя уже помню тем, кто я есть сейчас, в настоящий момент. Как я это сделал, как я к этому шел, я не помню. Но у меня фрагментарная память. Я плохо соображаю когда мне задают вопросы, как ты добился такого успеха. Здесь я пасс, я не сильно хорошо это помню.

— Странно. Но это же самое интересное! — воскликнул старик.

— Безусловно, мне тоже интересно как это произошло, но ничего по этому сказать не могу. Судьба вероятно, Кас.

Старик посмотрел пристально на него и пристал к нему со следующим вопросом.

— Хорошо. Давай попробуем вспомнить вместе с тобой, раз ты ничего не помнишь, я попытаюсь тебя спросить, а ты попытайся мне ответить на те вопросы которые я буду задавать. Тебе самому та не интересно вспомнить?

Я посмотрел на старика знал что он крайне любопытен, искренне любил его и конечно на вопросы мне не хотелось отвечать, но раз старик просит, думаю надо было отнестись к это просьбе с уважением. У нас в Италии, уважение это особая вещь. И так как этот человек мой партнер по бизнесу во всем, то я решил не накалять обстановку между нами.

— Спрашивайте, Кас.— я сказал.

— Хорошо. Что вот это такое?

— Что ты имеешь виду?

— Вот эти 6 человек в зале. Что это было?

— Не знаю. Не могу ответить на этот вопрос.

— Это же какая-то система боя? Это бокс? Что это было?

— Не знаю как это называется.

— Кто тебя этому научил?

— Вот этот вот, дворянин, про которого я тебе рассказывал.

— Хорошо, допустим, научил тебя этот дворянин. Тогда пожалуйста объясни мне, если он тебя учил, он же как-то тебя учил. Можешь пошагово описать как он тебя учил.

— Да, в общем-то это не сложно. В какой-то он пригласил меня на этот квадрат, поставил меня перед собой, с голыми руками, не давая мне ни какого оружия и попросил меня выбрать какой-нибудь подручный предмет, палку, и попытаться напасть на него.

— Ну..

— Я не знаю, я взял какую-то палку, которая находилась сбоку, схватил её и решил его ударить этой палкой. Он попросил повторить это движение еще раз. Потом еще раз и еще раз. Всякий раз когда я бил по нему палкой, я по нему не попадал, как ты понимаешь.

— Ну..

— И он мне сказал, что так нельзя ударить противника, как я собираюсь ударить. Я удивился. Спросил его, а почему противника ударить так нельзя. Он мне сказал, потому что, как ты видишь, у меня полная свобода действий. Пока ты меня бьешь палкой меня уже в том месте нет. То есть меня надо как-то зафиксировать на одном месте, чтобы ты попал.

— Очень интересно,— сказал старик,— ну, ну... что дальше?

— Дальше мы учились фиксации и расфиксации. То есть когда я каким-то образом, как-то фиксирую противника и попадаю, и когда я его не фиксирую, я в него не попадаю. Он объяснил мне, что существует некое расстояние, некая дистанция, которая позволяет реагировать. И если ноги меня держат на этой дистанции, то попасть в меня крайне сложно. Я долго упражнялся с этой палкой и в конце концов, я научился делать так чтобы в меня не попадали. Если ты помнишь, когда меня ударили, то в меня не попали ни разу.

— Ну... предположу, что так и было. Что произошло дальше?

— Дальше. А дальше пришел монах и они меня учить стали вдвоем.

— Как? Что они делали?

— Монах взял нож, это был такой металлический нож у которого не было острия, обрубок ножа. Вероятно он не хотел меня убить. И я засмеялся. И начал этот нож втыкать в меня.

— Хорошо. А что было дальше?

— Ну а я уже имея тот навык который только что описывал не давал себя ударить этим ножом.

— Понятно. Ты же боксировал у меня в зале. Неужели не мог сразу продемонстрировать панч или хук.

— Ты знаешь, у меня все навыки к чертовой матери куда-то делись. Я даже не знаю, я и сейчас вряд ли смогу ударить по мешку так как ты хочешь.

— Вообще все навыки исчезли?

— Куда-то да. Не могу объяснить куда, но куда-то они делись, все навыки. Не знаю, куда. Если ты меня сейчас приведешь в спортзал, то я только так могу, как в том сне, больше никак.

— Ты потерял навыки которые приобрел у мне в зале за 6 лет?!

— Представь себе.

— Да... — сказал старик. — Куда-то пропали все навыки.

— Именно так. Куда я не знаю. Зато появились новые, ты их видел, у тебя в спорт зале.

— Да уж... Честно говоря никогда не мог представить себе что человек способен на такое. Их было шестеро, все были вооружены огнестрельным и холодным оружием, все они пытались тебя убить, двое даже выстрелили успели, насколько я помню, там потом дырки шпаклевали в зале, и никто действительно в тебя не попал. Это правда. Мало того, ты обезоружил всех этих людей достаточно точными движениями, я не помню чтобы ты забирал у них ножи, пистолеты и так далее, ты просто их бил, бил жестко и бескомпромиссно. И они сами отпускали оружие, и оно падало на пол и потом ты просто выпинал их ногами из спортзала как паршивых котов. Они летели с этой лестницы чуть ли не вниз головой, такое впечатление складывается, что это совсем был не ты, что это был какой-то другой человек.

— Честно говоря, я вот это всего не помню. Я помню как это началось, а дальше провал. Не помню. Вспомнил уже когда пришел домой. Я почувствовал неудобство когда сел, нож за поясом торчал. Я вытащил нож, так как мне неудобно было сидеть. И вот тогда я вспомнил как это все происходило. До этого у меня было все как в пелене.

— Хорошо. Давай вернемся дальше. Так как же в общем-то тебя учил этот господин?

— Я занимался попеременно то с этим монахом, то с господином. То с ним, то с ним. Этот монах показывал мне одну систему боя, а вот этот господин другую. Я для себя выяснил что этот господин моряк, морской офицер. И первое чему он меня научил, это тому, что человек никогда в жизни не поймет, что нужно делать, если ему не дать какую-то модель для этого.

— Очень интересно,— сказал старик.— Ну, ну...и как же он это объяснял?

— Он объяснял это при помощи зверей.

— Каких? — спросил старик.

— Сначала он мне объяснил что есть хищная птица, потом змея, потом кот, потом еж, потом он принес черный плащ, в который он был закутан в тот день когда мы встретились, и заставил меня стоять и держать этот плащ на вытянутых руках. Вот по сути своей, те животные про которых он говорил.

— Интересно,— сказал старик.— Это действительно любопытно — животные. Ты знаешь, я тоже всегда наблюдал за животными, даже за тараканами, ты помнишь я рассказывал в зале. Мне всегда казалось, что они могут дать какие-то идеи.

— Я не знаю на счет идей, но вот этот дворянин, он точно знал о чем он говорит. Потому что так, как фехтовал он, я не видел никогда чтобы кто-то другой мог повторить что-то подобное. Любая вещь которая ему попадала в руки превращалась в оружие. Не важно что это было, стакан, тарелка и так далее. Он мастерски владел всем, что вокруг него находилось. Мало того он настолько хорошо мог драться голыми руками, что я даже опешил, потому что я до этого никогда такого не видел. Ты знаешь я же смотрю весь бокс, который показывают на аренах, показывают казино, я хожу на все бои. Ты же в курсе. Все твои боксеры которых ты тренируешь я на все бои хожу смотрю бои и вот я всегда на себя примеряю, «как бы я поступил в этой ситуации». И ты знаешь, я наверное, поступил бы иначе в этой ситуации. Так как учишь ты, оно как-то далеко от меня, я бы всегда сделал по другому, не так как ты говоришь.

— Странно.— сказал старик.— Действительно, это какие-то две разные системы боя. А ты можешь сравнить с чемнибудь это?

— Не-а. Мне сложно сравнить это. И не забывай, что это сон всего лишь. Во сне сравнить что-то с явью, там где мы находимся, очень сложно. Там какие-то паранормальные явления происходят.

— Что ты имеешь ввиду под паранормальными явлениями? — сказал старик.

— Я, посмотрел на это на все несколько с другой стороны. Ты понимаешь, когда я учился у этого господина, он научил меня работать руками таким способом, чтобы не оставлять противнику шанса выйти победителем.

— Что ты имеешь ввиду?

— Понимаешь, у человека всего лишь две руки. Соответственно третей руки у него нет, как говорил мне этот дворянин. У человека есть две руки и две ноги, но пока речь только о руках. Так вот если противник тебя будет бить рукой, и не важно будет она с оружием или без оружия, то есть только два варианта что будет дальше: он ударит еще раз этой рукой, или ударит другой рукой — других вариантов больше нет.

— Ты имеешь ввиду что он ударит меня рукой, и еще раз ударит меня рукой.— продемонстрировал стариk.

— Да, в боксе такие вещи называются спаренными ударами. Раз, два — левый боковой по печени, левый боковой в голову. Ну я могу и дважды ударить по корпусу.

— Ну да.

— Так вот, он и говорил, что ударить можно либо одной рукой еще раз, либо другой рукой. Если он меня собирается бить другой рукой, то ему придется перестроить движение так, чтобы вторая рука пошла за первой, а первая вернулась назад. Если я не собираюсь наносить удар, то я останусь в том же положение и буду бить тогда одной рукой.

— Очень интересно.— сказал стариk.— И что же из этого следовало?

— Все очень просто. Дело в том, что человек стремится при налесение ударов к точки определенной, которая перед ним, и соответственно все его удары как рога быка направлены в эту точку. Соответственно, если я знаю об этом, то траектории ударов, которые будут следующими, мне известны. Если я представлю себе рога быка, то все траектории ударов будут известны. По сути своей бык он может повернуться только в трех положениях.

— Ну, ну.. расскажи как?

— Он может боднуть вас с боку, он может рогом ударить вперед, и он может подсесть и снизу попытаться вас боднуть рогом. Других вариантов у быка нет. Соответственно, если у быка других вариантов нет, то дальше все очень просто. Если мы представим руки человека, как два рога быка, то дальше все удары будут известны заранее до того как он их нанесет, исходя уже из того положения рук которые он держит. При этом не важно рука будет вооружена или не вооружена.

— Хорошо.— сказал стариk.— Предположим... И?

— Смотри внимательно. Самое безопасное положение в этом случае это между рогами быка.

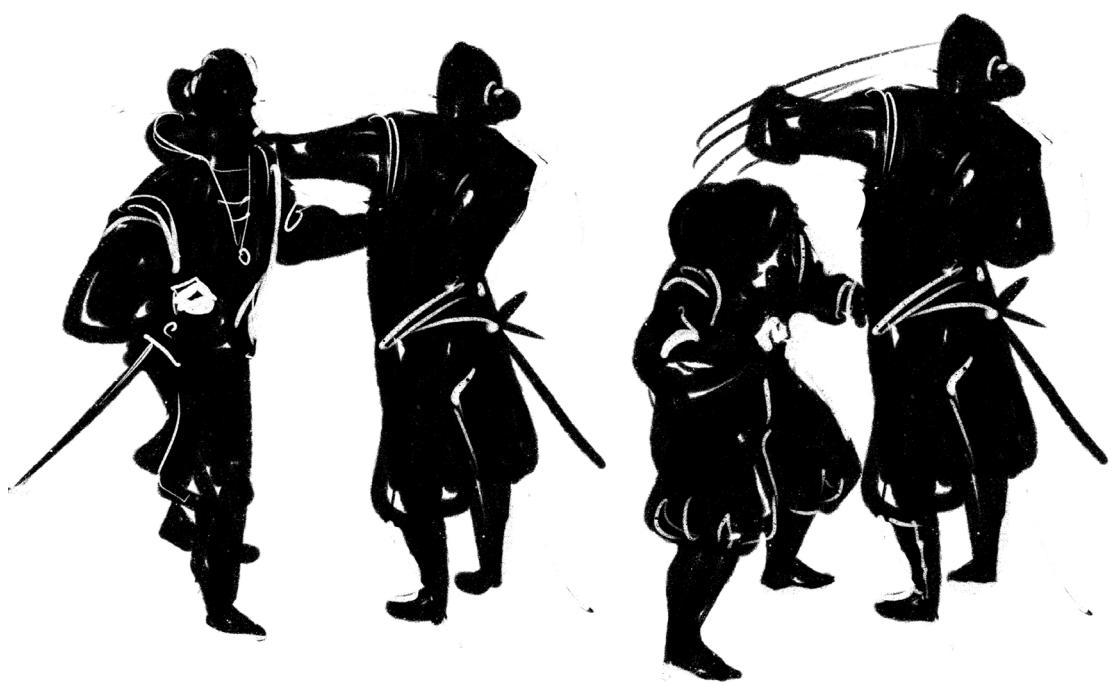
— Почему?- спросил стариk.

— Все очень просто. Если вы стоите слева, то бык очень просто до вас достает влево, если вы стоите справа, то бык очень легко достает справа от вас. Но если вы стоите по центру, быку сначала нужно забежать в одну из сторон для того чтобы вас боднуть, а пока он будет забегать, вы меняете положение.

— Интересно. Я всю жизнь своим боксерам говорю, что нельзя стоять в квадрате нанесения удара. Ты же помнишь.

— Помню. Но этот человек говорит прямо противоположное. Он говорит что самое безопасное положение это между рогами быка. Потому что в этом положение бык не может вас ударить.

— Что же получается, то что я говорю своим боксерам это не правда.

— И правда, и не правда одновременно. Ты исповедуешь одну теорию, тот человек думал по-другому и у него хорошо получалось.

— Давай еще раз, смотри, что у нас получается. Если есть два рога, и ты стоишь по середине этих рогов, то я спокойно наношу удары рогами тебе сюда.

— Абсолютно верно. Здесь все не совсем так, как ты это объясняешь. Мы же говорили не о том, что у нас статические рога, а что руки человека они динамичны.

— Ну хорошо.

— И если ядвигаюсь во внутрь определенным способом, то нанести мне удар невозможно.

— Почему? — спросил старик.

— Потому что у меня тоже две руки. Представь себе что против тебя дерется не человек и бык, а два быка. Теперь представь себе какой из быков одержит победу.

— Интересно. Оба быка у обоих по два рога существует.

— Абсолютно верно. И у того быка два рога и у этого быка два рога. Так вот обрати внимание, тот бык который ударит в момент промаха того быка, тот и победит.

— Ничего не понимаю, — сказа старик, — объясни мне еще раз.

— Все очень просто. Представь себе что бык тебя решил поддеть снизу, вот он поддел и промахнулся, рога его устремлены — вверх. А другой бык в этот момент времени вонзает ему в горло или в грудь

рог. Бык беспомощен в этом положение, потому что, чтобы ему ударить еще раз ему нужно отойти назад и еще раз опустить свои рога и еще раз его боднуть. Понимаешь?

— Теперь понимаю.

— Смотри. У быка рога статические и он может двигаться только ногами. Но у человека руки динамичны, и по этому здесь я использую этот же принцип могу не дать противнику не нанести не одного удара себе, при этом находясь внутри между руками наносить удары, любые, которые мне заблагорассудиться. Честно говоря, модель очень понятная, а вот как-то выглядит непонятно.

Кас Д'Амато говорил, что вот квадрат нанесения ударов и по середине стоять нельзя потому что ты получишь удар, но эта система так не думает. Потому что существуют динамические руки, с этой стороны и с этой стороны. Представьте себе, что я тоже встал в некую стойку. Обратите внимание: любой удар правой рукой он заходит в рог, удар левой рукой тоже заходит в рог. Теперь внутри я могу наносить любые удары смещаюсь по любой траектории и как только этот человек сберется освобождать свою руку он получит этот удар. Мало того после получения этого удара, он может получить следующий удар, и так удар за ударом, столько ударов сколько я захочу. Но при этом руки его всегда будут, как рога быка, нависать надомной и ничего мне не смогу сделать.

Представьте себе что это боксерский поединок и мы не блокируем руки. Тогда происходит следующее. Идет удар я пропускаю руку между собой и могу бить от сюда или отсюда, как угодно. Если воинское искусство, то я стою, наносится удар, один удар, второй удар парирую и опять бью противника.

Второе положение, это положение сбоку, оно возникает тогда, когда удар наноситься например в голову, я ныряю под руку и остаюсь в этом положение. Люди сближаясь линейно, на ринге или где-то, они могут смещаться по квадрату влево или вправо от противника. Но здесь самое главное — это точка недоставая. Потому что именно она мне позволяет сместься. Существует некая система которая по-другому смотри на нанесение технических элементов, ударов противника. И самое главное, вот эта точка замерзания, она позволяет смещаться раньше на ногах, потому что противник до меня точно не достает, чем удар заканчивается. Почему? Если ему придется сделать шаг ко мне и ударить, то у меня тоже есть одновременно шаг с ним. Соответственно я от сюда совершенно спокойно могу наносить удар. Я как бы знаю что противнику нужно сделать еще шаг для нанесения удара, и у меня нет с этим никаких проблем.

— То, что я тебе сейчас показал,— это всего лишь принцип неуязвимости, он сам по себе мало что значит, без движения ног.

— Предположим,— сказал старик.

Дальше старик описывал, что ноги делают главную работу и объяснял, что движения могут быть трех типов: вперед-назад, в стороны, и по

кругу, вокруг противника. И все эти три вида движений постоянно смешиваются между собой, тем самым создавая для противника совершенно невыносимые условия для нанесения удара. Но противнику изначально так не кажется, ему кажется что в общем-то этот человек он может стать достаточно легкой добычей для нанесения. Для этого его всячески в этом убеждают. То есть руки опускают и так далее и тому подобное, потому что в этот момент ничего человеку не грозит но этому человеку кажется это совершенно ужасная вещь опустить руки и что сейчас его все таки ударят. Но на проверку получается иначе. И вот эта странная способность наносить удары из любого положения она тоже свойственна вот этой системе. Объяснил молодой человек старику.

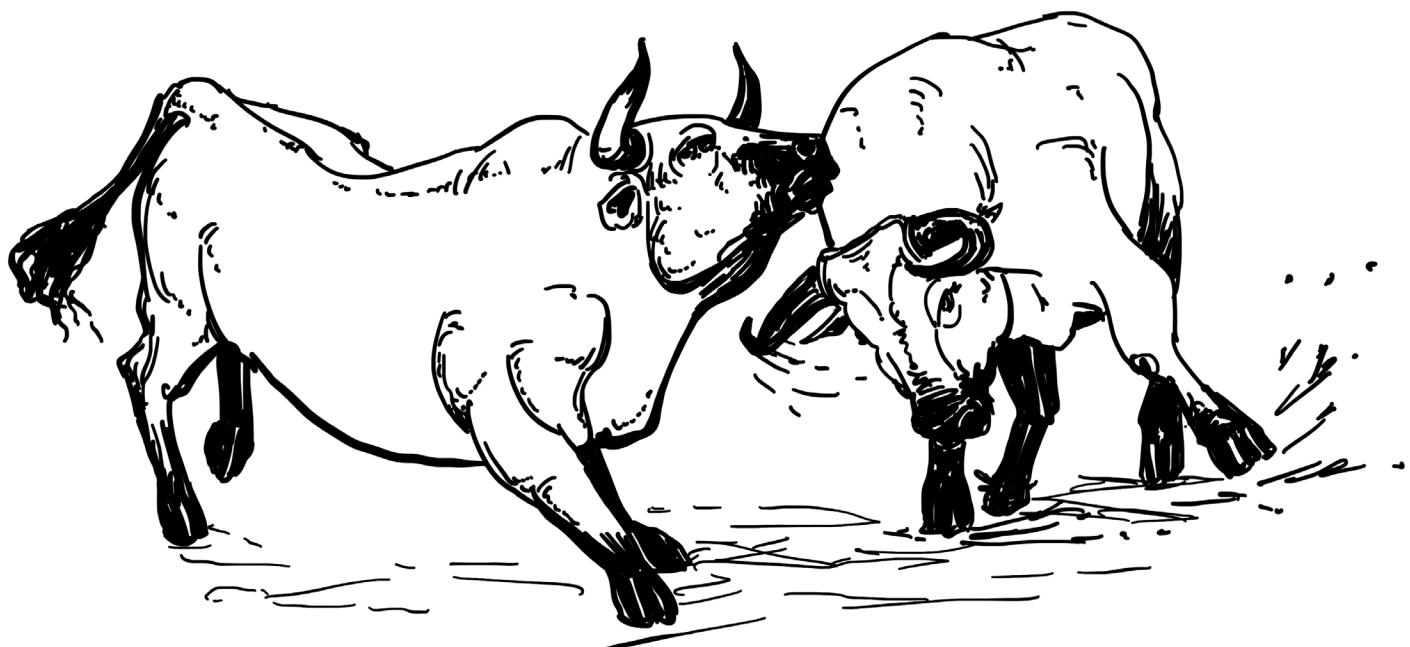
— То есть боксер привык наносить удары с положения поднятых рук, как Али — руки опускает и бьёт. Но по сути своей, мало кто что понимает в это системе нанесения удара с любого положения. И это вообще — отдельная тема разговора.

— Расскажи! — сказал старик.

— Дело в том, что в этом положение есть только три вероятные системы развития событий.

— Какие?

— Представь себе, что два человека стоят друг на против друга, и один пытается нанести удар другому. Так вот, если я бью в начале удара, то человек приходит в абсолютно раскоординированное состояние. Это ситуация номер один. Я могу ударить на начало движения противника.

Второе, то что он промахнется в этом нет никаких сомнений, так как он и так не достает до меня. И есть два положения, это когда он достает до меня и когда он не достает до меня. Если он до меня достает, я иду внутрь, потому что уже уйти в сторону я не могу, поэтому направляюсь внутрь. А если он до меня не достает, то я иду в сторону.

— Логично.— ответил старик.

— Соответственно я даю противнику ударить, он промахивается и я попадаю встречным ударом оставаясь в недосягаемом положение. Понимаешь?

— Прям как там в спортзале? — спросил старик.

— Абсолютно верно. Я стоял на расстояние что они не могли меня достать. Каждый раз им приходилось делать один или два шага до меня, потому что они стояли полумесяцем и с разных концов были разные расстояния чтобы до меня доставать. Пока они делали эти движения, они уже себя обрекали на то, что они получат встречный удар и получали.

— Интересно.— сказал старик.— Но нападали то они практически одновременно.

— В этом вся и суть. Когда они нападали одновременно, то они мешали други людям которые стояли дальше их, одновременно меня атаковать. Поэтому и получилось, что нападал все время какой-то один человек, он ближе всего стоял ко мне. Мои ноги сделали свою работу, я оказался в таком положение что спокойно наносил встречный удар не парируя каждый из них. Мне не было надобности парировать удары так как все люди находились на недосягаемом расстояние от меня.

— Логично.— сказал старик.— Но... они ведь могли и попасть?

— Нет. Если ноги работают правильно, то попасть в человека невозможно. Помнишь упражнение с палкой которое делал со мной этот дворянин?

— Да я помню, ты рассказывал.

— Вот это и есть та самая точка, которая не позволяет человеку попасть в меня.

— То есть по сути своей, ты хочешь сказать, что эти люди не могли в тебя попасть потому что ты заранее знал, что они не могут в тебя попасть.

— Абсолютно верно.— сказал молодой человек. Дело в том, что каждый из них имел собственное намерение, как ты понимаешь они до этого не репетировали. А это намерение оно противоречило другому намерению человека стоявшего в этом же полумесяце. И так как многие из них могли бы достать пистолет и выстрелить. Не могли они стрелять по одной причини, что в этот момент времени другие люди мешали им это сделать. Поэтому расправившись с одним человеком, я расправлялся с другим, потом с третьим. Как ты помнишь произошло это достаточно быстро, поэтому вот эта цепная реакция она как бы породила их поражение.

— Мда... — сказал старик. — Честно сказать я долгое время занимаюсь боксом, но ничего подобного никогда не видел.

— Все дело в том, что ты привык к боксерам в тяжелом весе. Это огромные ребята, которые имеют достаточно мощную массу тела. И им чтобы нокаутировать человека, совершенно не обязательно делать встречный удар, они могут ударить его с любого положения и получить нокаут. Но что касается меня, он мысленно оглядел себя, это совсем не так. Я не смогу ни одного из твоих парней нокаутировать если не ударю на встречу. Потому что моя масса и другие мои показатели не позволяют мне это сделать.

— Это понятно! — сказал старик. — В том то меня и удивило, что люди которые на тебя нападали были разного телосложения все, и всех ты отправил в нокаут. Я не видел не одного нокаута.

— Все абсолютно верно. Я бил так, чтобы они не остались в спортзале.

— То есть у тебя еще хватило времени думать?

— Абсолютно верно. Подобного рода система боя предполагает думать во время поединка, здесь нет машинально заученных движений. Есть принципы и есть понимание того что ты делаешь, ноги работают автоматически, и это важно. Но голова, при этом совершенно четко понимает что ты будешь делать в следующий момент времени. Мысль быстрее движения человека. И поэтому я очень быстро думаю в момент поединка и нахожу то решение, которое у меня уже заранее есть. Именно по этому я получаю тот результат, который ты видел в спортзале.

— Много тебе приходилось еще раз пользоваться этой штукой? — спросил старик.

— Приходиться пользоваться почти каждый день и всякий раз кто бы мне не встречался на пути, он терпит неминуемое поражение. При этом совершенно не важно сколько их будет, один, двое, четверо — это не имеет ни какого значения. Этот дворянин говорил что эта техника пришла к нам с морского боя. Эта техника абордажная и она как бы предполагает битву человека на узком корабле. Соответственно, там много людей дрались друг с другом. И она позволяет оставаться в живых да в условиях такого невыносимого противостояния как на корабле.

— Интересно, — сказал старик. — Все это очень, очень... странно. Честно говоря, я много видел людей которые пытались выбрать какой-то стиль боксирования. Но не разу не видел объяснения почему это так или иначе.

— Все верно. Большинство людей они вообще просто повторяют за других людьми, а эти другие люди они делают в силу своего опыта, их тоже кто-то научил. А этих людей тоже кто-то научил. Или они у кого-то это скопировали. И получается кто бы ты не был, повторяя движения в спортзале, ты никогда не научишься биться. По причине того, что совершенно не понятно эта система тебе подходит или нет.

— То есть ты считаешь что сама по себе система должна человеку подходить?

— Я так не считаю. Я считаю, что человек должен понимать что он делает, и это важно. И если он это не понимает, то получает так что он заученные пазлы применяет совершенно не в том месте где это необходимо. Давай предположим, возьмем одного из твоих чемпионов и поставим его против меня. Ну куда мне драться с таким человеком? У него здоровенный торс, здоровенные руки и так далее. Представь себе что я с ним стану драться точно таким же способом которым он дерется и со мной. Что из этого выйдет? Да он меня убьет на втором или третьем ударе.

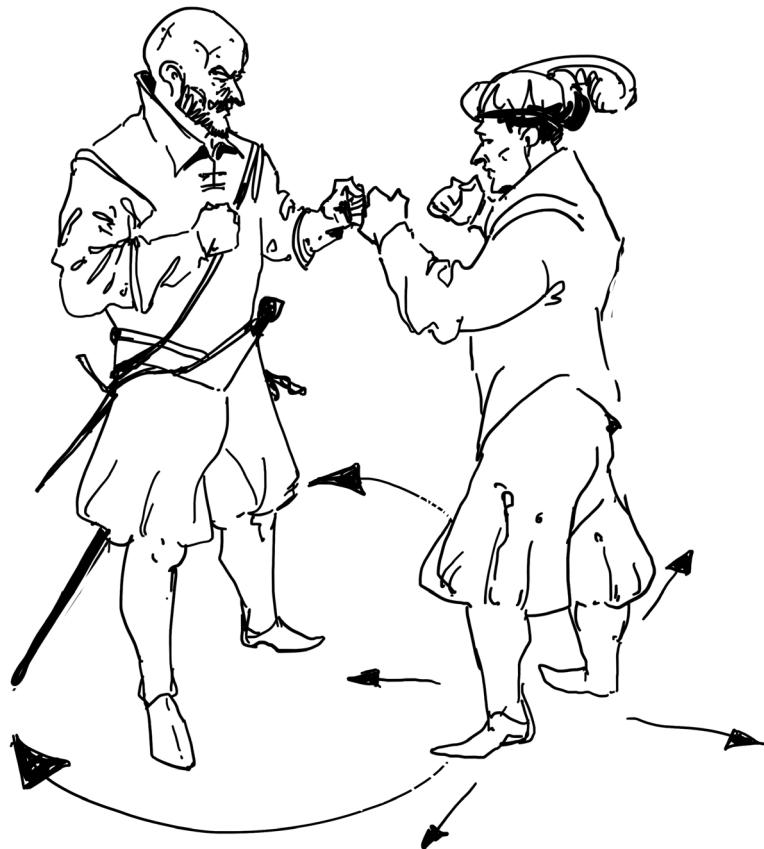
— Это правда. Все верно.

— Но если я изменю тактику, начну с ним биться вот так как я тебе показал, то думаю что поединок закончиться очень быстро.

— Хорошо. То есть ты хочешь сказать, что любого из моих бойцов смог бы побить?

— Понимаешь, ринг это определенная ситуация она ограничена правилами, наличием перчаток на руке и так далее и тому подобное. Но криминальный мир, мир криминального бизнеса — это совершенно другое. Здесь нет правил. И по этому если ты всегда выбираешь правильное решение, ты побеждаешь. И не важно какой здоровый противник стоял бы перед мной.

— Честно говоря, мне много приходилось драться на улице, особенно в молодости. Я всегда искал некую такую манеру боя, которая позволяла бы мне оставаться невредимым и при этом достаточно сильно повредить противника для того чтобы победить.

— Абсолютно верно. Здесь тоже самое. Я выбираю точку, где меня не достает противник, я знаю те принципы которые я тебе объяснил, и я знаю как работают мои ноги. И я умею двигаться разными способами, вперед — назад; влево-вправо; быстро приближаться к противнику, быстрее чем он меня атакует; быстро от него удаляться и так далее. Противник постоянно видит движущуюся цель находящуюся на том расстояние где он меня не достает. Но ему кажется что он меня сейчас достанет. Потому что вот это расстояние между достает не достает, оно очень маленькое, практически критическое. И противник смело идет в атаку бьет, но все удары летят мимо, при этом мои удары на каждый удар появляются в виде встречных, что не дают противнику дальше атаковать, а потом и отправляют его на пол.

— Очень интересно. Так что же тебе еще рассказывал это дворянин?

— Он говорил что, логикой этой системы является некий трезубец морского царя.

— Предположим. А в чем здесь смысл?

— Дело в том, что у этого трезубца, у него рога быка, и копье в середине.

— Ну... и.

— Все очень просто, то что я тебе сейчас описал — это одна сторона монеты. Теперь, другая. Внутри копье, а это значит абсолютно прямая линия попадания в противника.

— Ну...и.

— Представь себе что противник не собирается меня атаковать. То есть он стоит на месте и не атакует. Тогда мне надо атаковать противника.

— Предположим. И?

— Все очень просто. Для того чтобы его ударить нужно ударить его так, чтобы противник этот удар получил в совершенно незащищенную плоскость.

— Что дальше?

— Вы привыкли, что ваша сильная рука располагается сзади. И всем понятно что удар будет нанесен именно с этой руки. И соответственно, вы передней рукой пытаетесь управлять дистанцией, а задней наносить словно удар. Я же стою в позиции фехтовальщика, где у меня сильная рука расположена впереди.

— Я понял. Что дальше?

— Представь себе, что моя задняя рука она является неким раздражителем для противника.

— То есть?

— Представь себе что я начинаю медленно двигаться на противника и он глубоко убежден что удар будет нанесен именно этой задней рукой, предположим, я левша, ему кажется что левша. И я именно этот удар и наношу. Но это не удар, это финг. Противник реагирует на этот удар защищаясь от него, и я строго вижу плоскость которая для меня открыта в этот момент времени. После этого я наношу удар с передней рукой с огромной силой, как будто втыкаю клинок в противника. После этого идет удар вот этой самой рукой, которой только что был осуществлен финг и противник оказывается на полу.

— Прекрасно. Но я видел в зале ты действовал и передней рукой.

— Абсолютно верно. Это как раз то, что показывал монах. Я двигался на противника пытаясь совершить действие передней рукой, противник реагировал на это, я перестраивался и наносил удар либо передней либо задней рукой, в зависимости от того, что мне было эффективнее в тот или иной момент времени. Поэтому когда противники нападали, ты помнишь, я бил то передней, то задней рукой, и каждый раз когда я попадал противник оказывался на полу.

— Очень интересно.— сказал старик.— Действительно, какая-то совершенно иная манера боя и очень неизвестная для меня.

— На самом деле, Кас, манера боя для тебя достаточно знакомая. Твой друг Мухаммед Али очень похожим способом боксировал на ринги.

— Али все считают кумиром.— сказал старик.

— Именно так. Но обрати внимание он такой же здоровый как и твои парни и я не знаю откуда у него эта манера боя, но факт остается фактом. Али успешно проводил бои именно в этой манере.

— Ну ты же помнишь Али вообще был уникален сам по себе..

— Абсолютно врено. Потому что до него так никто не боксировал. Он говорил что ему нужно «пархать как бабочка и жалить как оса». Теперь представь себе, что как бабочка пархать буду я, у меня ничего не получиться. Почему? Потому что я маленький по сравнению с Али и очень физически не развитый, соответственно, так как Али я не смогу. А вот так как я тебе объясняю в общем-то принципиально, я могу выиграть любой поединок в том мире в котором я живу.

— Интересно.— сказал старик.— Принципиально все предельно понятно, но одновременно все и не понятно.

— Понимаешь, в боксе есть такое понятие, как постановка удара.

— Да, действительно, там есть целая теория нанесения этого удара, с двумя силами и так далее. Я это знаю.

— Но у меня рука поставлена под удар клинком, а не под удар в боксе. И поэтому я совершенно точно знаю как прилагать усилие одной или другой рукой.

— А как тебя этому научили?

— А это как раз монах, он затащил меня в сад, дал мне нож не разрешив одеть перчатку на руки. И заставил этим ножом, кинжалом всаживать в дерево прямо в саду. И с первого же удара я отбил себе все руки и чуть не сломал кисть.

— Ну я понял и что же было дальше?

— Дальше было все очень просто. Мне пришлось приспособить руку таким способом, чтобы каждый удар сильный который я наносил не травмировал мою руку.

— Я понял. По сути своей, ты хочешь сказать, что вот эти травмы на улице которые получают парни занимающиеся боксом, это от того что у них не поставлен удар?

— Он у них как раз поставлен, из-за этого они и получают травмы. Если рука встречается с твердой поверхностью, то безусловно твердая поверхность сильнее чем рука, она её разбивает. Представь себе что кто-то подойдет и со всей дури удари в стену. Что будет с его кистью?

— Ну безусловно он её сломает эту кисть.

— Прекрасно. Теперь представь, что в стену ударю я.

— Ну и... ты тоже её сломаешь.

Молодой человек встал, пошел к стене, на которой висел дорогой персидский ковер, и достаточно сильно ударил в стену. С рукой ничего не произошло. Он говорит:

— Почему у меня нет перелома руки?

— Ты как-то ударил странно, в боксе так не бьют.

— Абсолютно верно. Я вынужден был приспособиться к нанесению удара таким способом чтобы не разбивать себе руку.

— Правильно. Что дальше?

— Смотри. Бить можно по разному, можно брать рычаг и амплитуду. А можно создавать усилие за счет поворота на осях и реверсного движения. Вот смотри!

Бах и удар еще раз врезался в стену.

— Давай я покажу медленнее. Вот смотри, вот еще один удар, еще. Я бью не сильно но тебе должно бью видно.

— Да, действительно, довольно сильный удар, но он врет ли приведет к нокауту.

— Все верно. В том случае, если он не будет встречным.

— То есть, ты хочешь сказать, то ты бьешь по этой странной траектории, не беря такого рычага как берут мои парни и при этом удар достигает точно цели, он слабо парируемый и когда возникает встречное движение, то он становится такой же сильный как у любого из моих парней.

— Абсолютно верно. Все так. Я могу ударить не сильно но удар будет встречный и противник упадет.

— А как же мы заставим его идти на встречу если он к примеру не захочет атаковать?

— Дело в том, что человек которого ударили, обязательно будет отвечать.— сказал молодой человек.— И вот здесь и будет встречный удар. То есть когда он захочет мне ответить я удар на встречу.

— То есть, ты ударишь противника, он ускользнет от твоего удара. Решит тебе ответить и в этот момент получит встречный удар. Верно?

— Абсолютно. Именно для этого я и был его в первый раз чтобы заставить его реагировать на мой удар, заставить его пойти на меня. И как только он двинулся на меня я ударил его на встречу. Две силы сложили, человек оказался на полу.

— Мда... целая наука, и в общем-то которая нигде не описана, не прописана.

— Верно. Ты знаешь после того случая с гипнотизером, я перевернул все книги которые существуют в мире по единоборствам. И несколько отложил для себя.

— Интересно какие? — сказал старик.

— Это не сильно связано с воинским искусством. Но там люди описывают встречно движение. То есть по сути закон расхождения масс.

— И?

— Так вот этот закон гласит что если две массы встретятся в одной точке, и вторая масса будет иметь одно ускорение в сторону, а другая масса будет иметь обратное ускорение. то есть по сути, эта быстрее эта медленнее, все равно силы сложатся. И соответственно то что быстрее, не обязательно должна быть сильнее, а то что медленнее не обязательно должна быть быстрее. Эффект сложения сил будет тот же самый.

Так вот, обратите внимание на то, что каждый человек он по сути своей он в бою либо отступает, либо наступает.

— И?

— Когда я отступаю я не могу бить. Для того чтобы ударить мне нужно остановиться. И это еще одно безопасное положение в котором вы находитесь когда атакуете вы.

— Ну это мне хорошо известно из бокса.— сказал старик.— Ты же помнишь я всегда говорил, бейте противника, тогда у него нет времени бить вас, когда он защищается.

— Абсолютно верно. Так вот, когда бью я, я в определенный момент времени, не только даю время противнику остановиться но и начать движение против меня, и вот когда он его начинает я в этот момент времени бью.

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя очень много времени?

— Верно. С начало ему нужно остановиться, это раз. После этого перестроить конструкцию тела — это два. После этого начать мне отвечать — это три. Извини, за это время можно нанести три, четыре удара противнику и он бы уже давно бы в нокауте, если бы я имел тот нокаутирующий удар, который имеют твои парни. Но я таким ударом не обладаю. Поэтому, я пока он это делает на каждый так выбираю позицию для нанесения удара и как только он начинает отвечать, бью на встречу.

— Теперь все понятно.— сказал старик.— То есть по сути своей, можно было бы тебя сравнить с неким котом, который спокойно подходит к мыши, которая сидит где-то в углу, делает резки рывок и съедает её.

— Очень похоже на правду. И бой на средней дистанции, он по сути своей внутри или снаружи противника происходит. Когда я движусь прямо на противника, это только тогда когда я атакую, когда я защищаюсь я двигаюсь вперед, назад, вправо или влево. Выбирая позицию для нанесения встречного удара. И как только противник замахивается я наношу таким способом удар, чтобы либо не дать его руке прийти в точку соприкосновения со мной быстрее чем моя рука его ударит, либо даю возможность ему ударить, и бью в конце промаха, на самой точки. То есть, если пошел боковой удар, человек промахнулся, то вот здесь будет конец кинетической энергии и в тот момент когда этот момент настал, то в этот момент я наношу удар. Это не просто дезорганизовывает противника, а делает его бессильным. Потом я наношу следующий удар, следующий, и третий удар уже отправляет его на пол. По сути мне нужно ударить либо на встречу, либо ударить серию. Я иначе свалить его на пол не смогу.

— Это логично.

— Но по другому у меня не получается. Если передо мной такой здоровый парень как твои ребята в тяжелом весе, то иным способом свалить их на пол не предоставляется возможности.

— Хорошо. А если противник будет тебе наносить серию ударов, несколько, что тогда ты будешь делать?

— Все очень просто, ты же понимаешь что все эти удары будут

в воздухе. Потому что точка где он меня не достает будет постоянно перемещаться и давать ему нанести удар. Но когда противник сделает последнее движение, я резко с ним сближусь и в этот момент времени нанесу удар.

— Правильно ли я понимаю, что в этом стиле самое важное это момент нанесения удара?

— Именно. Вот этому и необходимо учиться как говорил мне мой Маэстро, вот этот вот дворянин. Он говорил что в этом стиле самое важное, это момент нанесение удара. Вот этот вот критический момент в который именно нужно нанести удар. Если ты не понимаешь этого момента, то ты никогда не сможешь победить. Обрати внимание, что когда я располагаю другим телосложением мне вообще все равно в какой момент наносить удар. Каждый мой удар весить 900 кг. Поэтому даже один хук заканчивает поединок. Но когда я не располагаю таким телосложением, очень важно в какой момент времени я ударю. И именно этот момент он и является решающим моментом в поединке. Если я бью на встречу не парируя, то противник всегда оказывается на полу. Если я начинаю атаковать по прямой линии и все руки противника менягибают как рога быка, то у него нет шансов мне противостоять. Но все эти движения это всего лишь подготовка того момента когда я нанесу удар и как только я начну бить первый удар, то он будет либо на встречу либо первым ударом в серии. И дальше будет либо серия, либо удар на встречу. Соответственно, и в том, и в том случае я отправлю противника на пол.

— Да... целая теория. Никогда в жизни не слышал от человека ничего подобного.

— Понимаешь, кроме тебя с научной точки зрения этим вообще никто не занимается. Я много слушал тебя в спортзале, много видел как твои парни побеждают на ринге. Я вообще многое видел в этой жизни. И как дерутся в криминальных кварталах, и как используют оружие для грабежей, разбоев и прочих преступлений. И всякий раз все люди делали все не вовремя, по этому их сажают в тюрьму, по этому их отправляют на электрический стул и так далее. Обрати внимание, я убил в жизни огромное количество людей, даже не знаю сколько, но про меня даже никто не знает. И все потому, что я в жизни делаю все вовремя, это очень важно. Эта логика она интегрируется в жизнь. В отличие от других людей я честно говоря даже не понимаю, как можно делать так как делают они. Они не готовят ни каких своих дел, они ищут решающий момент при нанесение удара или при завершение дела. То есть их логика подчинена автоматики. Все дело в том, что они умеет и на этом все заканчивается. Ни какого мышления, быстрого в ходе реализации дела, корректировки какой-то — это все отсутствует.

— Соответственно, предположим, мы с тобой пошли грабить банк, предположим пошло что-то не так как мы запланировали. У нас два варианта, либо стоять ждать когда нас арестует полиция, либо уходить

с места, либо закончить дело корректировав все по ходу. Каждый человек будет действовать по-разному. Один человек увидев что все пошло не так, просто убежит. Другой человек, увидев что, что-то не так, попадет в ступор и будет ждать пока его задержит полиция, расстроившись что он не смог ограбить банк. Но те кто не собираются сидеть в тюрьме смогут так откорректировать себя в момент совершения преступления что ограбят банк и уйдут с добычей. И все потому что они как-то по-другому думают, не так как вот эти двое предыдущих.

— Это как раз понятно.— сказал старик.— Ты знаешь, смотрю я на тебя и думаю: ты так быстро всего в жизни добился. Можем ли мы сказать что вот эта система она в общем-то позволяет тебе её использовать и в жизни?

— Здесь все как раз с точностью до наоборот. С начало возникает система мышления, а потом возникает поединок. У других людей все происходит прямо да наоборот. У них сначала появляется поединок, навыки, техника, умение побеждать, а потом они пытаются это экстраполировать в жизнь. Так вот здесь, это интегрировать в жизнь не нужно. Потому что с начало происходит интеграция в жизнь, а уже потом появляется техника, здесь все прямо да и наоборот, не так как в других системах.

— Правильно ли я понимаю: ты хочешь сказать, что сначала ты научился зарабатывать деньги с помощью этого всего, добиваться результатов в жизни, а только потом появилась техника?

— Я не знаю. Но скажу точно, что я по-другому не думаю. Это точно. То есть, все мое мышление, вся моя логика построена именно таким способом. И я знаю точно, если я думаю так, то у меня все получается, если я думаю иначе у меня начинает все идти в разлад. Но я иначе и не думаю. Все что мне позволяет сравнивать, это все что со мной было до того как я заснул на этой кушетки у гипнотизера. Моя жизнь до этого была жизнь обыкновенно человека, сейчас моя жизнь это жизнь криминального бизнесмена. Я богат, у меня огромная власть в моих руках сосредоточена, у меня огромное количество подчиненных и все построено правильно и работает. Но при этом при все я не стал хуже себя чувствовать в поединке, чем чувствовал когда я занимался боксом. Я стал себя чувствовать в поединке лучше.

— Да уж... Ты хочешь сказать, что с начало нужно человека научить думать вот таким способом, а потом только он может начать заниматься вот этим вот воинским ремеслом?

— Так говорил этот дворянин, который меня учил.

— Честно говоря, я в первый раз слышу, что кого-то можно было бы научить во сне.

— Да я и сам если честно не особа понимаю как это произошло. Но факт остается фактом. Думаю я вот так, и действую я тоже вот так. И как ты видел, это в общем-то эффективно.

— Хорошо. Но бить ногами я тебя не учил.

— Нет, не учил.

— Я видел в том спорт зале что ты этих парней бил ногам. А это откуда?

— Все от того же дворянина. Дело в том, что я очень невысокого роста и достать до высокого противника рукой мне не предоставляется возможным, но нога моя длиннее, чем его рука. И поэтому я могу доставать ногами раньше чем противник ударит меня рукой.

— Ну удар же ногой медленнее, чем удар рукой.

— Абсолютно верно. Это если ты собираешься нанести высокий удар ногой, такой как в карате, кун-фу или прочих. Но если ты бьешь иначе, то скорость удара ногой ни чуть не медленнее скорости движения рукой. Мало того, если ты атакуешь правильно, противники по разному будут складываться на пол, в зависимости от того что ты хочешь с ними сделать.

— Ты хочешь сказать что ногами еще можно что-то делать?

— Да, верно. Например, если я удар на встречу я поломаю конечность.

— Резонно.

— Попаду правильно — и поломаю конечность. Если же противник будет стоять на месте, то мой удар выведет его из равновесия.

— Резонно. И?

— Но есть такие удары которые они по сути своей не в начале, не в конце, а в середине.

— А для чего эти удары?

— Все очень просто. Во-первых, удар ногой в таком поединке это неожиданность. То есть противник не ожидает что его ударят ногой. Сответственно, при ударе ногой в противника ему придется что-то сделать со своим равновесием.

— Что это значит?

— Ну ему придется удержать равновесие, которое у него существует чтобы не упасть.

— Ну и?

— А пока он занят удерживанием равновесия, он как раз получит ту самую серию о которой мы с тобой только что и говорили.

— То есть ты намеренно бьешь противника ногой, чтобы он стал занят равновесием?

— Абсолютно верно. И в этот момент провожу серию ударов. Мало того, удар ногой он позволяет мне выбирать ту дистанцию, на которой противник рукой меня не достает.

— Если померить сантиметром конечности, то я начинаю понимать о чем ты говоришь.

— Все верно.

— Хорошо. Скажи мне тогда пожалуйста, а что будет с человеком если ты промахнешься при ударе ногой. Все очень просто, дело в том, что ногой можно бить не один раз.

- Что ты имеешь?
- Предположим, я ударил тебя ногой и промахнулся, но я могу ударить и следующей ногой.
- Ну да.
- Если ты правильно бьешь ногами, то никакой потери равновесия не будет. Ну и что, что я промахнулся. Я удали, удар пройдет мимо, я поставил ногу и ударил следующий ногой, другой уже. Потом поставил ногу и ударил следующей ногой.
- По сути ты ногами можешь бить серии. Я правильно понял?
- Абсолютно верно.
- Да уж... — сказал старик. — Удары ногами в боксе неприменимы.
- Абсолютно верно. Зато они очень хорошо применимы в криминальном мире. Здесь какая разница чем ты бьешь, важно чтобы ты ударил и добился результата. Сколько раз я был, мне никогда не приходилось промахиваться ногами.
- Скажи, а когда поединок идет против нескольких противников, что с ногами происходит в этот момент? Кого ты атакуешь первым?
- В поединке с несколькими противниками ничего не меняется. Я бью встречный удар тому противнику который идет мне на встречу.
- Предположим, они стоят, а не идут. Что ты тогда будешь делать?
- Если они стоят а не идут, то мне лучше всего атаковать какой-то из флангов.
- Почему?
- Все очень просто. Дело в том, что если я атакую фланг, то ближайший противник обязательно броситься на меня, что обеспечит мне нанесение этого встречного удара. А когда он упадет на пол, то он будет мешать двум остальным подойти ко мне, что обеспечит мне возможность сближаться с тем противником, который сделал шаг ко мне и опять наносит встречный удар.
- Мудреная наука.
- Не мудренее, чем бокс. — сказал молодой человек.
- Хорошо, а если мы с вами попадем в ближний бой, то есть вот эти люди они могут оказаться физически сильнее и, например, схватить тебя или что-то еще.
- Все очень просто. Дело в том, что если у меня будет клинок то ближний бой закончиться для человека неожиданным ударом ножом.
- А если это будут голые руки?
- А если это будут голые руки, тогда для меня ближний бой — нежелательная дистанция, поэтому я все закончу на средний дистанции, не идя в ближний бой с этим противником. Мы же с тобой говорили о том, что ноги могут двигаться и назад и вперед, и в стороны, и по кругу вокруг противника. Поэтому если я не стою на одном месте, ближняя дистанция у меня никак не получиться.
- То есть ты идешь в ближний бой только если у тебя вооружения рука.

— Абсолютно верно. Во всех остальных случаях у меня нет ни какого резона, делать что-то подобное.

— Да уж. Скажи мне, а если человек все таки захочет схватить тебя за руки или воспрепятствовать твои движениями назад, вперед?

— Как ты понимаешь у меня существует единовременно 4 конечности и это критическая вероятность для противника чтобы не дать мне осуществить мой замысел. Ведь противник не знает что я буду делать, а я знаю что будет делать противник и поэтому я выберу тот способ который наиболее опасен для моего оппонента в тот или иной момент времени.

Ицхак, тем временем, начал изучать папку. Читал он вдумчиво, пытаясь детально разобраться в написанном материале. А поскольку там была описана работа человека за 5 лет, то осмыслить ее быстро, было не так уж просто. У него ушло на это чуть более 6 часов. Он почти всю ночь провел в чтении, и только под утро решил немного поспать. Когда он проснулся, он снова начал обдумывать все, что прочитал,

катаясь на коляске из стороны в сторону по длинному холлу дома. Сара тоже прочитала папку от корки до корки, пока он спал, но она читала быстро и поэтому управилась всего за 4 часа. Ицхак решил с ней посоветоваться. Связи между психиатрическим заболеванием и организованной преступностью Кейптауна не видел ни Ицхак, ни Сара. Затем они какое-то время просто смотрели друг на друга в тишине, как бы обмениваясь мыслями, после чего Сара предложила ему горячий кофе и завтрак.

Примерно к часу дня все снова собрались в доме Данкевича и Ицхак, не дожидаясь, пока все рассядутся, начал:

— Итак, мы имеем дело с преступной организацией, которая по определенной версии, могла повлиять на моего брата, да так, что он пришел в то состояние, в котором находится сейчас. Так это или не так, мы не можем утверждать. Это все, что есть, на сегодняшний день. Здоровье моего брата никак не поменялось, соответственно нужно искать выход из сложившейся ситуации.

За столом все молчали.

— Значит нам в помощь нужна криминальная структура, сказал подполковник.

— Криминальная структура? — переспросил Ицхак. Есть одна криминальная структура, если ее можно конечно так назвать. Я знаком с одним очень важным человеком, находящимся далеко от сюда, но я не знаю, поможет ли это нам как-то или нет.

— Не тяни, говори, — уже в предвкушении заговорил подполковник.

— Ты же знаешь, что я много лет занимаюсь бизнесом и среди моих партнеров есть совершенно разные люди. Один из таких людей, с которым я давным-давно знаком — это Бруно Джоварзи, он живет на Сицилии. Это человек, весьма сведущий в подобных вопросах.

— А кто он, спросил подполковник?

— Он адвокат.

— Адвокат? А какое он имеет отношение к криминалу?

— А я вам и говорю, что он имеет самое прямое отношение к криминалу. А то, что он адвокат, ничего не означает, во всяком случае, в том месте, про которое я рассказываю, — убедительно говорил Ицхак.

— Хорошо, что ты предлагаешь? — спросил подполковник.

— Я бы вместе с этой папкой сел в самолет, взял бы, например, тебя, — произнёс он, указывая на подполковника, и полетел на Сицилию, чтобы встретиться с Бруно, и расспросить его о тех вещах, про которые мы не знаем.

— Идея хорошая, — не совсем понимая, что происходит, согласился подполковник.

— Сара, попроси, пожалуйста, секретаря связаться с помощником Бруно Джоварзи и спроси его, когда он будет готов нас принять.

Сара вышла из обеденного зала и направилась звонить. Спустя примерно 40 минут, она вернулась и сказала, что Бруно ждет гостей в любой момент времени. Он также просил передать, что всегда рад друзьям.

— То есть, можно лететь. Отлично. Мы полетим частным самолетом моей компании и я приглашаю подполковника Крамера лететь с мной. Мне может понадобиться помочь, кроме того, послушаешь со своей стороны то, что нам скажут. Это может пригодиться для дела. Мне нужен человек, который разбирается в оружии, криминале и всех этих вопросах.

— А можно поеду и я,— спросил доктор Зильбельман?

— Нет! — резко ответил Ицхак, нельзя.

— Но почему? — удивленно спросил доктор.

— Потому что три человека — это уже навязчиво. Когда мы прилетаем вдвоем с другом — это одно, но втроем, то это уже совершенно другое. В противном случае, я не думаю, что мы получим ту степень откровенности, которую я надеюсь снискать.

На этом и порешили.

Ровно в 9:00 утра самолет стоял на взлетной полосе. Это был частный респектабельный самолет. Ицхака вкатили по специальному трапу в салон и посадили на специальное сидение. Подполковник также поднялся на борт. Пилоты были готовы ко взлету и Ицхак дал команду:

— Курс на Палермо.

Самолет зашумел, завелись двигатели, и железная птица медленно выкатилась на взлетную полосу аэропорта, совершив разбег взлетел и вскоре скрылся в облаках. Лететь было чуть более 2000 км., так что впереди предстояло около 4 часов полета. Время пролетело быстро и вскоре командир самолета сообщил нам, что мы практически на месте, и что самолет готов приземлиться в аэропорту Палермо. Ицхак дал команду на снижение. Самолет пошел на посадку и через 20 минут они уже были на взлетной полосе Палермо. Возле самолета гостей встречали 2 машины: микроавтобус и машина представительского класса. Ицхака вкатили в микроавтобус и посадили так, чтобы ему было комфортно продолжить путь. Подполковник сел рядом и все вместе поехали в сторону Палермо. Дорога заняла примерно 40 минут. Они миновали все пригороды Палермо, затем въехали в провинцию Палермо Багерию, где еще покружили какое-то время и вскоре остановились возле очень роскошного и красивого дома. Люди сидящие в переднем автомобиле подали определенные сигналы, ворота открылись и машины въехали на территорию дома. Открылась задняя дверь микроавтобуса, охранники сопроводили Ицхака, подполковник также вышел из машины. В конце лужайки они увидели накрытый обеденный стол и сидящего за ним господина в дорогом костюме, который медленно потягивал из чашки кофе.

Это был тот самый Человек. Бруно встал, подошел к брату и наклонился, чтобы обнять его. Затем он пригласил гостей к столу и попросил Ицхака представить своего друга, причём говорил он на чистом английском языке. Ицхак с радостью ответил, что его сопровождал друг семьи, офицер израильской армии. Бруно с почтением пожал ему руку и спросил:

— В каком вы чине?
— Подполковник,— ответил офицер.

Бруно продолжил: — Я уважаю военных и людей и тех, кто выполняет долг. Я рад вас видеть в своем доме! Пожалуйста, присаживайтесь и рассказывайте, что стряслось и что вас сюда привело?

Ицхак попросил одного из охранников принести кейс в котором лежала та самая синяя папка. Он достал ее одной рукой из кейса и положил перед Бруно на стол. Бруно, как адвокат положил папку перед собой, затем взглянул в глаза Ицхака и сказал:

— Давай по прядку, что произошло? Что заставило тебя лететь из Тель-Авива сюда? Почему мы не могли это обсудить по телефону?

— Ты понимаешь Бруно, произошло нечто ужасное — мой брат сошел с ума. И с этим фактом каким-то образом связана организованная преступная группировка, находящаяся в Кейптауне. Так как я в этом ничего не понимаю...

— А я понимаю, верно? — перебил его Бруно.
— Верно,— сказал Ицхак,— ты в этом хорошо разбираешься.
— Ну естественно, я ведь адвокат.
— Бруно, прекрати. Я много лет тебя знаю и если я сказал что-то обидное, то извини. Я немного на нервах. Мой брат лежит в палате сумасшедшего дома и не реагирует ни на что.

— Продолжай,— спокойно сказал Бруно.

Ицхак по порядку пересказал все, что знал, чертя ручкой на небольшом листке все звенья цепи, которые известны. Бруно внимательно слушал, а потом сказал:

— Хорошо, чем я по-твоему могу помочь в этой ситуации?
— Как нам узнать Бруно, что произошло?
— Задача со многими неизвестными,— сказал Бруно. Затем он встал, сделал несколько шагов в сторону, походил, смотря на гостей. Потом постоял некоторое время и обратно присел в кресло.

— И так, ваш родственник улетел в Кейптаун и вернулся оттуда сумасшедшим, я правильно понимаю?

— Правильно,— сказал Ицхак.
— Его госпитализировали и положили в больницу, верно?
— Верно.
— Хорошо,— сказал Бруно.
— Что по-твоему мы должны предпринять, Бруно?
— Поскольку там искать смысла нет, значит остается только твой брат, который лежит в больнице.

— Хорошо,— сказал Ицхак, посмотрев на Бруно,— что ты имеешь в виду?

— Его необходимо везти сюда,— уверенно сказал Бруно.

— Ты хочешь, чтобы я его доставил сюда?

— А как иначе мы узнаем, что произошло?

— Но он не разговаривает, не реагирует ни на какие звуки и смотрит в одну точку, ты что этого не понимаешь?

— Прекрасно понимаю.

— Но... как ты это собираешься сделать?

— Ты же приехал ко мне за помощью? Зачем ты мне задаешь вопросы? Доставьте его сюда. Это все, что тебе нужно сделать,— еще более твердо, но спокойно сказал Бруно.

— То есть, моего брата вывезти из клиники Тель-Авива, посадить на самолет и привезти к тебе сюда? — не до конца веря собственным словам, переспросил Ицхак.

— Именно так.

— А что ты с ним будешь здесь делать?

— Тебе не нужно ни о чем беспокоиться. Просто сделай так, чтобы он в ближайшие два дня был у меня дома. Это все.

— Хорошо. Я сейчас же отдаю все распоряжения и через 2 дня его привезут. Но ты уверен, что сможешь его разговорить?

— Я? — сказал Бруно,— нет, не уверен.

— Хорошо, но тогда кто?

— У меня есть специалист, который справится с этой задачей, я в этом уверен.

— Ааа.., то есть, у тебя есть собственный врач?

— Что-то в этом роде,— сказал Бруно, смотря на него мягким, но твердым взглядом.

— То есть, я доставлю брата сюда, мы посадим его на стул, затем придет какой-то специалист и потом мы все узнаем, верно?

— Что-то вроде этого,— сказал Бруно,— что-то вроде этого, повторил он еще раз.

— Хорошо. Тогда я сейчас же звоню в Израиль и прошу доставить брата сюда.

— А ты за это время найдешь своего специалиста, пригласишь его сюда и он на наших глазах все это сделает, правильно?

— Что-то вроде этого,— сказал Бруно.

Брат снял трубку мобильного телефона с пояса, позвонил в Тель-Авив, отдал все распоряжения и уставился на Бруно.

— Завтра мой брат будет здесь, прибудет моим самолетом. Где твой специалист?

— Наберитесь терпения,— сказал Бруно.— Пейте, ешьте, отдыхайте. Ваши апартаменты вам покажут. Остальное я беру на себя. Успокойтесь, расслабьтесь, дышите воздухом и давайте дождемся завтрашнего дня. Но сейчас, господа, вы меня простите, чувствуйте себя как дома, а мне нужно на работу.

Возле стола на лужайке через считанные минуты остановился лимузин. Бруно сел на заднее сидение, в хвост лимузину пристроился микроавтобус и две машины мягко выкатились из двора, растворившись за углом.

Ицхак и подполковник остались сидеть за столом. Стол был полон всевозможных десертов и кофе. Они пили и ели сицилийские десерты, смотрели друг на друга и ничего не понимали.

— Зачем доктор Зильбельман напрашивался сюда, вот что интересно,— проговорил подполковник. Возможно он знал, что здесь произойдет какое-то чудо...

— Ты понимаешь мой друг,— сказал Ицхак,— я не верю в чудеса. Их не бывает. А Бруно в чудеса не верит тем более, он очень прагматичный человек, я знаю его много лет. И если он сказал, что он все решит, то можешь не сомневаться, что так и произойдет, только я сам не понимаю как.

— Ну да, это же не финансы, ни деньги, ни бизнес, это что-то совсем другое и понятно, что ты в этой сфере ничего не понимаешь, сказал подполковник.

— Да, но ты военный человек, ты понимаешь, как это возможно сделать, спросил Ицхак?

— Честно говоря, нет, совсем не понимаю,— ответил подполковник.

— То есть, ни один израильский врач не взялся даже терапевтировать твоего брата, а здесь нам гарантируют результат, обещая, что он выздоровеет.

— Мда...,— почесав голову, многозначительно кивнул подполковник.

Они закончили есть и пить, поднялись в апартаменты и решили немного отдохнуть с дороги. А когда открыли глаза, было совсем темно. Они привели себя в порядок. Ицхак попросил одного из охранников помочь ему спуститься на террасу, и через некоторое время оба оказались внизу. Бруно уже сидел за столом и что-то писал в блокноте. Мы добродушно его поприветствовали и присели к столу, который очень быстро накрыли к ужину. На столе был огромный выбор изысканных вкусных блюд. Мы жадно поужинали, и как только мы закончили есть, Бруно попросил Ицхака остаться с ним наедине. Подполковник откланялся, затем, прогулявшись немного по саду, посмотрев на звёздное небо, поднялся к себе в апартаменты и уснул.

Бруно сидел в темноте; его лицо освещало только несколько электрических лампочек, находящихся позади, за спиной. Этот свет отражался от беседки и делал его лицо особенно мистическим в этот момент.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы твой брат выздоровел? — спросил Бруно.

— Да, я уверен в этом, я очень хочу, чтобы он выздоровел,— незамедлительно ответил Ицхак.

— А если он выздоровеет и ты его потеряешь, что тогда будет?

— Ничего не понимаю,— недоумевающе проговорил Ицхак.

— У таких вещей существуют побочные эффекты: переоценка ценностей и прочее. То есть, мы вернем его к жизни, но это будет совсем другой человек. Как ты вот на это смотришь?

— А ты уверен, что это произойдет?

— Нет, не уверен, но это может произойти и я не хотел бы никаких неприятностей и неожиданностей после того, как все случится. Поэтому я тебя спрашиваю. Завтра приезжает твой брат, мы его «исцеляем» или излечиваем попросту, узнаем все, что произошло, возвращаем его к нормальной жизни. А он возьми и изменись до неузнаваемости, вот что мы будем с тобой делать тогда?

— А я не думал над этим вопросом,— растерянно произнёс Ицхак.

— Сейчас твой брат сумасшедший, он лежит в клинике Израиля, ну и лежал бы там до конца дней. Но завтра он прилетит и мы его вернем к жизни. Что мы будем делать дальше, если он вдруг больше не захочет чего-нибудь или захочет что-то другое, чего тебе не хочется. Что мы будем делать в таком случае?

— Ты уверен, что после подобных стрессов может произойти такая переоценка ценностей?

— Безусловно. У человека всегда после стрессов происходит переоценка ценностей. И мы можем получить личность с совершенно другими убеждениями и ценностями.

Ицхак задумался ненадолго и медленно произнёс: — Знаешь, я всячески желаю блага своему брату и каким бы он ни стал, после того, как мы его вернем к жизни, я приму это, как волю Бога. Я вот так рассуждаю.

— А твои родственники как себя поведут в этой ситуации,— спросил Бруно?

— Мои родственники поведут себя так, как я скажу, потому что они все зависят от меня. Я глава семьи в настоящий момент времени,— довольно твердо проговорил Ицхак.

— Тогда все в порядке. Ты можешь отправляться спать и более ни о чем не беспокоиться.

Охрана помогла Ицхаку добраться до его апартаментов, раздеться, залезть в кровать. Вскоре все заснули. Следующий день обещал быть тяжелым.

Наступило утро следующего дня. Все спустились завтракать и определённо ожидали человека, который должен был прибыть с минуту на минуту. Каково же было удивление гостей, когда из автомобиля, который заехал на территорию дома вышел самый настоящий монах, лет 45, плотного телосложения, и мягкой, как у кота походкой, направился в сторону веранды, где все располагались.

— Знакомьтесь,— сказал Бруно,— это падре Магнус.

Монах поклонился всем сидящим и сел напротив Бруно.

— Ты хочешь сказать, что этот человек вернет к жизни моего брата, я правильно понимаю?

— Правильно,— сказал Бруно.

— Но он ведь священник...

— Абсолютно верно.

— А почему ты считаешь, что священник может вернуть к жизни моего брата? Лучшие врачи не знают, как это сделать, откуда это может знать священник?

Монах зло ухмыльнулся.

— Скажи, пожалуйста,— прощедил Бруно,— твой друг ведь... офицер израильской армии, он подготовленный, воевавший человек, верно?

— Верно,— ничего не понимая, кивнул Ицхак.

— Как ты думаешь, сколько ему понадобится времени, чтобы справиться с этим монахом в рукопашном бою?

— Ну, я если честно, не специалист в этом вопросе. А почему бы нам не спросить об этом нашего друга?

— Савва, сколько вам нужно времени, чтобы справиться с этим человеком?

— Что вы имеете в виду,— сказал военный?

— Если бы вы встретились где-то в боевой обстановке, где-то на улице или на войне, сколько бы вам понадобилось времени, чтобы убить этого монаха?

— Мне сложно сказать, ну не знаю, наверное несколько секунд,— не совсем уверенно сказал подполковник.

— О! — воскликнул Бруно.— Это то, как думаешь ты и как думает твой брат,— сказал Бруно, глядя на Ицхака. Именно поэтому у него такое психологическое состояние в настоящий момент времени.

— Ты хочешь сказать, что этот здоровенный военный не сможет справиться с простым монахом?

— Я тебе больше скажу, он не просто справиться с ним не сможет, он из-за стола встать не сможет.

— Что ты такое говоришь,— воскликнул Ицхак?

— Он не сможет встать даже из-за стола,— спокойно повторил Бруно. Держу пари, что он выйдет из строя через несколько секунд.

— Какая-то чертовщина,— сказал Ицхак,— ты веришь в эти сказки?

Монах спокойно сидел, пил кофе и смотрел только на Бруно, не обращая внимания на всех остальных. Подполковник посмотрел на Бруно и выпалил:

— Мне не нравятся эти эксперименты.

— Вот видишь,— сказал Бруно,— твоему другу военному уже не нравятся эти эксперименты, а ты говоришь, что он с ним справится за несколько секунд.

— Ничего не понимаю,— сказал Ицхак. Я приехал к тебе в гости, а ты мне начинаешь рассказывать какую-то чертовщину про каких-то

монахов. Мало того, ты утверждаешь, что элитного израильского военного может уничтожить какой-то монах, даже не дав ему встать из-за стола. Как он собирается это делать?

— Я не знаю, как он собирается это делать, но то, что это возможно, можешь даже не сомневаться. Я тебя хоть раз в жизни обманывал?

— Нет, не обманывал,— покачала головой Ицхак,— но мне действительно сложно в это поверить.

Бруно обратился к монаху: — Магнус!

Монах широко открыл глаза.

— Сколько времени понадобится, чтобы убить этого господина?

Подполковник побелел.

— А зачем его убивать,— сказал монах,— он уже мертвый.

— Как мертвый? Он же живой, сидит и ест с нами.

— Дело в том, что человека убивают его убеждения,— продолжил монах.— А убеждения ваши таковы, что вы уже одной ногой находитесь на смертном одре. И достаточно лишь одного человека, понимающего, что он делает, чтобы использовать ваши убеждения против вас. Тогда, вы незамедлительно умрете или сойдет с ума, как ваш друг.

— Правильно ли я понимаю,— вмешался Ицхак,— мой брат сошел с ума из-за своих убеждений?

— Все люди сходят с ума из-за своих убеждений. Точнее из-за заблуждений, которые превращаются в убеждения. Представьте себе,— продолжал монах,— что встречается человек, который считает себя королем Франции. На дворе XXI век и короля Франции не существует. Это республика. Но он так считает. Как вы думаете, его госпитализируют?

— Думаю да,— тихо сказал подполковник.

— Прекрасно, вот он и сошел с ума. Видите, как его убеждения сделали его сумасшедшим?

— Как-то у вас все складно получается, только я не вижу в этом ничего паранормального, одна игра слов.

— В том, что я говорю, присутствует очень глубокий смысл,— сказал монах. Попробуйте понять. Если человек утверждает, что он король Франции, то ему придется доказать всему французскому народу, что это так. Ему придется изменить конституционный строй, усилием воли подчинить себе весь народ, и заставить всех называть его monarchом. Сложно себе представить? Тогда представьте, что человек поднимает штангу в 500 кг. Она безусловно его прижмет, и если не убьет, то он сойдет с ума. Все очень просто,— сказал монах.

— Мда...,— сказал Ицхак, осмысливая то, что сказал Магнус.

— А можно было бы это как-то это продемонстрировать, спросил Ицхак?

— Ваш друг этого не хочет,— сказал монах.

— И все-таки подполковник, вы же военный! Покажите выучку,— предложил Бруно.

— Что вы от меня хотите,— сказал подполковник?

— Представьте хотя бы, что вы встретились в поединке с этим монахом. Что было бы дальше?

— Я думаю, я бы вышел победителем из этого поединка,— уверенно сказал подполковник.

— Победителем? — переспросил монах? — А вы сможете встать из-за стола?

Магнус пристально посмотрел на военного.

— Конечно,— воскликнул тот.

— Тогда сделайте одолжение, встаньте.

Подполковник рванулся наверх, но ноги его не слушались. Монах пристально смотрел на него.

— Ну что же вы, подполковник, вставайте,— сказал Бруно.

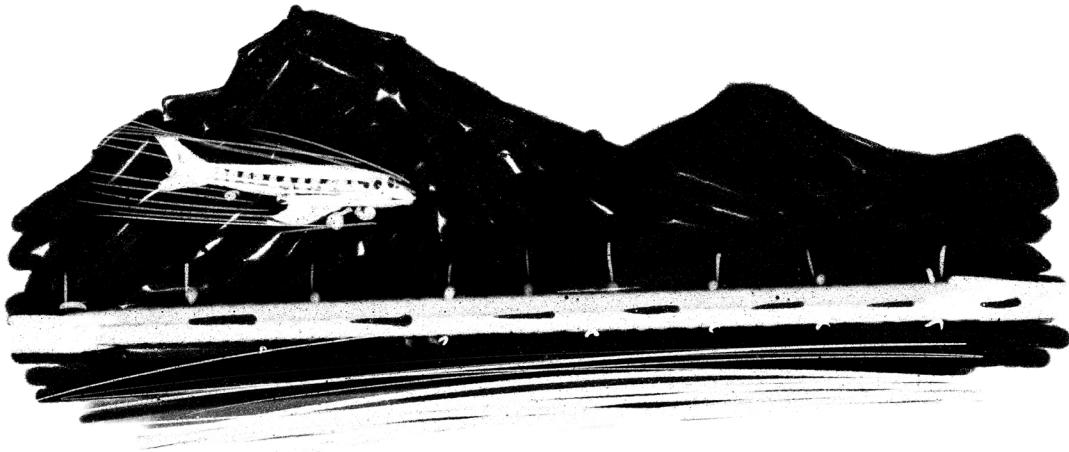
Подполковник сделал еще одну попытку, но ноги отказывались его слушаться.

— Вот вы и калека,— сказал Бруно.— Теперь вы будите так же ездить на инвалидной коляске, как и мой деловой партнер.

Подполковник с ужасом смотрел на монаха. Монах пристально посмотрел ему в глаза, затем что-то произошло за столом, никто не понял, что, и о чудо, подполковник констатировал, что собственные ноги снова оказались в его власти. Он встал, походил взад-вперед, будучи очень возбужденным. Как-будто он был готов прыгать и бегать, демонстрируя всем и самому себе, что с ним все в порядке. Это выглядело немного смешно со стороны.

Бруно заметил: — Успокойтесь, господин подполковник, вам не нужно проверять «на качество» работу моего друга, вы абсолютно здоровы. Вы просили демонстрацию и вы ее получили. Вы были убеждены, что в состоянии убить монаха в течении нескольких секунд, но даже не смогли встать из-за стола.

В этот момент на заборе загорелась лампа, открылась дверь и на веранду вкатился микроавтобус, который привез родного брата израильского финансиста из Тель-Авива.

Я не знаю были ли вы когда-нибудь на Сицилии, все считаю что это незабываемый уголок земли. Незабываемость его начинается с захода самолета на посадку, когда вы 20 минут на бреющем полете летите над водой. А так как погода была прекрасная, то вода была видна, такое впечатление что фактически в нескольких метрах от самолета. Но вы же понимаете что это всего лишь иллюзия, обман зрени. Достаточно высоко, но кажется что ты прямо над водой летишь. Так как я пользуюсь одной и той же авикомпанией, эта компания отличается своей дисциплинированностью и профессиональными пилотами. Поэтому приземление в Палермо произошло так, что я его даже не заметил. Я уже на территории Евросоюза, прошел все картоны. Самолет спокойно вырывают к гейту, останавливаются, дальше идут технические процедуры приземления. Наземные службы работают, мы все сидим ждем когда нам разрешать выйти из самолета. Стук в дверь, открывание аппарели и мы можем идти. Теперь нужно дождаться багажа, у меня всего лишь один чемодан, полет мой в Палермо не первый, но каждый раз я теряю багаж. Не было случая чтобы вовремя он ко мне попал в руки. Но я уже человек опытный, сразу иду во второй зал и жду багажа. Жду, жду... в конце концов появляется мой багаж на ленте, я его забираю и следую на выход. В Палермо как всегда в аэропорту гурстно, скучающая полиция, скучающие карабинеры, никого особа нет. Выхожу из здания аэропорта и вижу своего друга, который расплылся в традиционной сицилийской улыбки.

— Привет, Григорио! — приветствует он меня по русски.

Я перехожу на английский, и говорю ему:

— Здравствуй, мой друг.

Мы рады видеть друг друга, обнимаемся, погода в Палермо прекрасная, море спокойное, небольшая волна бьется в камни. Машина стоит прямо напротив выхода, в нарушение всех правил дорожного движения. Я спрашиваю своего друга:

— А полиция... — и забываю что я на Сицилии.

— Не волнуйся. Все в порядке. — говорит он.

Ставим мой чемодан в багажник. Я сажусь на переднее сиденье, включается кондиционер и мой друг нажмите на педаль и мы начинаем движение в сторону Палермо.

Доехали мы очень быстро. Там всего 30–40 километров, я уже и не помню сколько. До Багерии еще 20 километров. Въехали в Багерию и направились к дому моего друга.

Третий раз приезжаю сюда и всегда удивляюсь величественности этого здания. Перед нами огромная средневековая вилла, мне всегда казалось что она пиратская. Вы знаете всякие человечки вокруг, всякие узоры, совсем не европейского происхождения, как мне кажется. А может и подругому, бог его знает. Огромные ворота, громадная территория, куча прислуги.

Немного расскажу о своем друге.

Когда я с ним познакомился, на одной из конференций. Это был очень элегантный, очень образованный итальянский профессор. Мне было приятно с ним вести беседу. Он прекрасно говорит по английски, закончивший Оксфордский университет в Британии. Говорит он по-английски лучше, чем по итальянски, наверное. Хотя я итальянского не знаю и мне оценить очень сложно. Это очень образованный, очень приветливый и воспитанный человек. Вы же знаете, люди объединяются по интересам. Нашим пристрастием у обоих было фехтование.

Мой друг был древнего дворянского рода Сицилийского. И был отменным фехтовальщиком. Я с ним фехтовал и в Париже, и в Брюсселе на конференциях, мы всегда находили фехтовальный зал для того чтобы обменяться опытом. Мы много гуляли по Европе, по миру, по Мюнхену, по ночной Вене. Много разговаривали о европейском фехтование. Короче, это единственный человек с которым мне было интересно, все остальные, это люди которые писали какие-то бумаги, которые никому были не нужны. А передо мной был человек который прожил жизнь фехтовальщика, прожил жизнь воина, прожил жизнь рыцаря. При том был очень интересно, ведь он древнего рыцарского рода, Палермского. Мне было особенно интересно, потому что я до этого такого человека просто не видел. Но а так как он был очень скромный с виду и воспитанный, и очень не быстро раскрывался как человек. Как специалист он раскрылся сразу передо мной, а вот как человек он раскрывался медленно, это было несколько лет. По сути своей в первый раз меня пригласили в дом только через 2 года. И когда я приехал к нему на Сицилию, а прилетел я с Брюсселя, к нему домой. Он меня встретил в том же Палермо и привез к себе домой, то я конечно подприпух, такого я не видел никогда. Вот представьте себе человека живущего в замке. Это огромная вилла в центре которой стоит дом похожий на замок средневековый. В центральном доме больше 50-ти комнат, плюс бальная зала и все остальное. Громадное количество охраны и прислуги. Передо мной был настоящий итальянский аристократ. И все бы хорошо если бы не его папочка. Вы бы видели это лицо. Я его когда впервый раз увидел, я чуть с ума не сошел. Я никогда не видел человека у которого в глазах стоят мертвицы. Вот это уж такое зрелище которое не забудиш никогда в жизни. Мало того, он оказался моим коллегой адвокатом, и руково-

дителем одного из самых известных адвокатских бюро в Италии. Вот это субстанция, сказал бы ученный. Я такого никогда в жизни не видел. Убийца с аристократическими замашками. Вот это да.

Отец его считался самым большим мастером фехтования в Италии. Но никому не преподавал кроме своего сына и своей семьи. Понятно это все я узнал потом, когда чуть-чуть погрузился в семью. Я помню как я впервый раз проснулся в замке. Вот мне захотелось остаться здесь жить, понимаете. Когда ты просыпаешься, открываешь глаза, тебе не надо идти на работу, окны открыты, погода прекрасная, кофе приносят прямо на стол, ставят у тебя в комнате. Висит большой и уютный халат который ты одеваешь и идешь пить кофе, ломиться в душ тебе не надо, одеваться бриться, все это делается медленно и размеренно — мечта любого мужика вообще. К сожалению у нас в Украине так не бывает. По этому мне на одну минуту даже захотелось остаться здесь жить. Но пришлось ехать домой в любимый университет и в любимую адвокатскую контору.

Когда я был здесь впервый раз я не был знаком ни с кем. Приехали мы поздно ночью, легли спать и я так понимаю что мне сейчас нужно идти бриться, приводить себя в порядок, потому что профессор Джоварзи меня сейчас начнет представлять своим родственникам. Ну что, иду моюсь, привожу себя в порядок, одеваюсь и готов представляться перед родственниками. А вот что делать дальше я не знаю, потому что никто меня никуда не приглашал представляться. Это я себе придумал что нужно представляться, а на самом деле мне кроме кофе ничего не принесли и в общем-то что делать дальше я не знаю. Благо есть телефон. Снимаю трубку, и вспоминаю что у меня нет роуминга. Потрясющие, позвонить я и не могу, я не в Украине. Ну что придется идти ногами. Выхожу из комнаты, спускаюсь на первый этаж, встречаю первую попавшуюся женщину и обращаюсь к ней на английском языке. Странно, она меня не понимает. Видимо здесь не все говорят по английски. Иду дальше. Встречаю вторую, третью и они тоже не говорят по английски. Что делать? Надо выходить из дома. Выхожу из дома. На лужайки, прямо перед домом сидит мой друг и читает книжку, слава Богу я его нашел. Выхожу из дома, он меня увидел, улыбается, складывает книжку и спрашивает:

- Как тебе спалось?
- Лучше чем у тебя дома, не спал никогда до этого.
- Садись рядом, сейчас будем завтракать. Я тебя познакомлю с отцом.

Вот то, что я идумала, сейчас начнется церемония представления. Интересно, а как у них в Сицилии это делается, мне нужно встать стоять, или что мне нужно делать кланяться, надо же какой-то этикет соблюдать, вроде я как в гостях. У нас та все понятно, «это мой папа», «это моя мама» и так далее, все понятно, очень приятно. Маме ручку поцеловал, «дитя мороженое, бабе цветы» и все. Здесь не понятно что

нужно делать, надо вставать, не надо, как у них тут принято непонятно. Ну единственный вариант это спросить у друга. Спрашиваю его:

— Что мне нужно делать?

— Ничего, не волнуйся. Ничего не нужно делать, сиди ешь спокойно. Отец очень интересный человек, поверь тебе очень понравиться.

Выходит мужчина, около 60 лет очень выразительной наружности, идеально подстрижен в идеальном Итальянском костюме, в идеальных туфлях. Такое впечатление что этого человека одевали на выставку. Растегивает пиджак, спокойным очень размеренным кошачим шагом, идет к столу. Мда. Ну посмотрим как будут сейчас развиваться события. Он приветливо здоровается и садиться прямо напротив меня и начинает на меня смотреть. Вот что мнеделать в этой ситуации? Я по английски говорю ему:

— Здравствуйте.

— Доброе утро.— отвечает он мне на чисто английском языке.

И поворачивается к сыну. Сын встает и говорит:

— Это мой друг Григорио из Украины.

Теперь уже Григорио. Ну меня так называл профессор Джоварзи, но теперь это имя ко мне прилипло во всей семье, теперь меня все тут так будут называть. Раз папа меня так будет называть, то все за ним будут повторять. Ну буду Григорио, фиг с ним. Слава Богу фамилия моя по итальянских хреново произноситься, значит кроме Григорио ничего больше говорить не будут.

— Григорио.— протягиваю я руку.

— Бруно Джоварзи.— протягивает руку хозяин дома.

На самом деле хозяин дома оказался крайне воспитанным и крайне гостепримыиным человеком. Чего я в общем то и ожидал, потому что яблоко от яблони не далеко падает. Раз сын такой, то значит и отец точно такой же. Так и получилось. Мы очень быстро нашли общий язык, мы очень быстро подружились. Он водил меня по дому, показывал дом, показывал библиотеку, говорил что я могу брать любые книги которые мне нравятся и читать, раз я приехал в гости. Он определил время завтрака, обеда и ужена в доме. Сказал, что завтракать мы будем в 9, обед у нас принято во время сиесты. Это еще одна неприятность которую я никогда себе в жизни не представлял, это то, что у людей может быть какая-то сиеста. Сиеста — это по украински, ничего не делать с часу дня до 5 вечера. Перевожу вам на украинский язык. Вы представляете какие счастливые люди, у них существует время дня когда законно ничего не делать. У нас такого нет. Вот почему такая несправедливость? Вот в Италии, в Испании, существует время когда можно законно ничего не делать, а вот у нас украинцев такого времени почему-то нет. У нас законно что-то постоянно делать. Вот была бы у меня сиеста в Украине, я бы с 13:00 до 17:00 мотивировал бы что я не могу преподавать, потому что сиеста, это не законно меня заставлять преподавать в это время.

А после 17:00 преподавать вообще незаконно, потому что в 18:00 заканчивается работа университета. Я бы так вообще в университет не ходил бы если бы у меня была сиеста. Но сиесты у меня нет в Украине, сиеста есть только на Сицилии и в Испании. Вот сижу себе как дурак смотрю на это на все «вот что делать с 13 до 17?» — обедать. Конечно обедать. Настоящий сицилиец обедает в это время, пьет вино, придается праздниству, целых 4 часа. Да 4 часа ничего не делать. Это очень интересная вещь такая. Что ж делать, будем обедать в это время. Папа сказал что ужинать мы будем поздно, в 22:00. Я наверное так не привык, но в доме такие порядки, поэтому в 22:00 самое то. Уже нет ни солнца, не жары, будем на воздухе кушать, очень вкусно будет все, это он гарантировал. Поводил меня по дому, показал сад, показал все достопримечательности этого замка. Оставил меня с моим другом и удалился.

Теперь я знал как все устроено, где что расположенно, что мне можно делать, а чего делать ненужно. Сын сидел смеялся, папа меня заинструктировал почти в дурь и поэтому теперь я был полностью подготовлен для сицилийской жизни.

• ОБРЕТЕНИЕ
СОБСТВЕННОСТИ

? ОТРДА. ЧЗ 10

Проснулся он рано утром. Привел себя в порядок, спустился вниз. И тут уже к нему шел слуга доложить, что некие 10 оборванцев, страшных, ужасных, в вонючих одеждах, стоят возле ворот и говорят, что сам господин им велел явиться сюда утром.

— Так и есть. Приглашай.

Преступники попали в дом Виллардита действительно через калитку (что в их жизни уже давно не происходило), смотрели на все выпученными глазами и не понимали, что они здесь вообще делают. На траве уже стояло 10 стульев не которые любезно указали слуги. 10 человек расселись. Виллардита сел за стол начал завтракать и смотреть на 10 сидящих людей.

— Хотите ли вы есть? — спросил он.

Те быстро закивали головой. Он дал команду слугам накормить их. Подносы были уже приготовлены и поэтому оказались очень быстро в руках каждого из сидящих перед Виллардита. Люди если быстро не разбираясь что им попадает в рот. Действительно были голодные. Когда они закончили трапезу, Виллардита даже не успел выпить вина, так изумленно он смотрел на людей, которые не имеют даже куска хлеба чтобы жить. И ему как-то стало грустно от этой картины.

— Господа, я так понимаю ваши три друга вам передали мое предложение.

— Да монсеньер.— ответили двое из 10 сидящих.

— Хорошо. Я планирую сделать вашу жизнь безбедной и интересной.

10 человек между собой переглянулись.

— Кто старший из вас?

Руку поднял старик лет шестидесяти, с обожжённым лицом, очень страшной и неприятной наружности. У него был какой-то больной взгляд. И Виллардита показалось, что он чем-т болен.

— Вы недомогаете? — спросил он.

— Да монсеньер.

— Вы чем-то больны?

— Да монсеньер.

— Отлично.

Он скомандовал одному из своих слуг

— Привести лекаря сюда, пусть он осмотрит этого человека. Я хочу знать, чем он болен. Ну что ж, господа, преступим.— скомандовал Виллардита,— Сначала вас надо отмыть.

В центре лужайки поставили огромную деревянную лохань, в которую налили теплую воду и принесли все необходимые приспособления для того, чтобы даже этих людей отмыть. Это купание продолжалось около трёх часов. Вонь стояла неимоверная, поистине невыносимая, так как люди не мылись уже несколько месяцев. Вода стала вся черная, мыльная и так далее. Но волею Господа, все привели себя в определенный порядок. Тут же на лужайке был разложен огромный костер.

— Поджигайте! — сказал Виллардита.

Пламя достигло пяти метров, а дрова весело потрескивали в яркий солнечный день.

— Берите всю свою одежду и бросайте в костер, иначе она завоняет весь дом.

И действительно, как только они бросили всю одежду в костер, вонь притухла, ее практически не стало. А люди остались стоять в исподнем и не решались пошелохнуться.

— Садитесь на стулья — приказал он.

Люди послушно сели на стулья.

— Вы помните, как вас зовут?

Люди молчали.

— Я еще раз к вам обращаюсь. Как вас зовут?

Они нехотя по очереди начали называть имена. Виллардита поставил пишущий прибор, взял лист бумаги и начал записывать. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый...

— Отлично. Теперь я знаю, как зовут вас. А меня зовут Франческо Виллардита.

— Мы слышали мон сеньор.

— Прекрасно. И даже знали, к кому вы собираетесь залезть в дом?

— Нет, мон сеньор, не знали. Если бы знали, никогда бы не полезли.

— Все понятно. Вас просто ввели в заблуждение... скорее всего, вы сами себя ввели в заблуждение.

— Нам сказали, что живет одинокий сеньор, а кто мы не потрудились выяснить.

— Поянтино все с вами. Будите служить мне. Я окружу вас заботой, вниманием и сделаю из вас настоящую армию.

Пираты прищурено смотрели на него.

— Вы хотите, чтобы мы вам служили, мон сеньор.

— Абсолютно верно. Я же говорил, что вам нужно охранять мой дом.

— Но это же скучно, мон сеньор — сказал один из них

— Научитесь охранять дом, будут и другие задания.

Один из пиратов смотря на Виллардита произнес.

— А вы считаете мы не можем охранять ваш дом?

— Конечно, нет — парировал Виллардита, — вы втроём не смогли справиться со мной одним. Даже если вас будет десять — все закончится точно так же. Вы же ровным счётом ничего не умеете. А самое главное, вы не можете драться, а это ужасно в наше время, господа.

Воцарилось молчание.

— Мне придется вас научить драться и еще многому, прежде, чем вы превратитесь в солдат. Неужели вам нравиться жить в пещере и не есть ничего?

Тишина продолжалась. Такое впечатление, что люди как бы взвешивали это предложение. Но пути назад не было, одежда была в огне, даже идти назад было не в чем.

— И так господа, вы идете ко мне на службу?

Все молча кивнули.

— Прекрасно. Этап номер два. Теперь вас надо приодеть.

Видардита-младший приказал взять двоих из этих «господ» и отправиться к портному. У портного было множество видов одежды, которую Джузеппе купил с легкостью для всех свалившихся ему людей. Ровно через 3 часа перед ним сидели все уже в достаточно приличном виде. От их былой ужасности, не осталось ни следа, и даже тот, кто был болен, ему была оказана соответствующая медицинская помощь, он похорошел.

— А где мы будем жить? — робко спросил один из присутствующих.

— Видите вот тот дом, стоящий в глубине сада?

Все посмотрели, куда указывал Джузеппе Виллардита. Поодаль стояло небольшое здание, двухэтажное, в котором было около десяти комнат.

— Вот в том доме. — сказал Виллардита. — Так что идите и располагайтесь. А когда вы понадобитесь, я вас приглашу.

Группа из десяти недоумевающих лиц медленно поплелась в сторону дома, где их уже ждали слуги, приготовившие показывать, где и что располагается в доме.

Прекрасно, подумал Виллардита, вот у меня есть отряд из десяти человек, теперь его нужно сделать боеспособным и в принципе, можно начинать что-то делать в Палермо.

Зачем ему был нужен этот отряд он даже себе не предполагал, у него даже мысли не было по этому поводу. Конечно, дворяне испокон веков имели такие отряды для защиты собственных владений, и для борьбы с разным преступным бандитским элементом, которого много было в тот момент времени на Сицилии.

Прошло несколько часов, и Виллардита послал за самым главным, по имени Торреодоро Гарсия. Он посадил его с собой за стол, налил ему вина, поставил еду и начал разговор.

— Расскажи мне про себя.

Человек, уже немного оправившись от болезни, поевши, наконец-то мог спокойно говорить. Он поведал ему историю о том, как много лет был пиратом, много лет ходил в море. Потом здоровье его подвело, он остался на берегу, долго лечился и в общем-то, связался с такими же как он, организовал банду... и давай промышлять налево и на право.

— Хорошо — сказал Виллардита, — Давайте посмотрим, что вы умеете.

Он приказал слугам принести кинжал. Слуги принесли новый красивый кинжал ручной работы.

— Бери нож.

Пират недоверчиво взял клинок.

— Пошли.

Они вышли на лужайку. Пират его спросил

— Что мне делать?

— Попробуй убить меня

— Зачем мне это? Вы нас кормите, нам есть где жить. А вдруг я вас убью и тогда другим нечего будет есть, и негде будет жить.

— У тебя появляется капля рассудка. Это очень приятно. Хорошо. Итак, поступим другому. Дай мне нож.

Он подошел к молодому дереву отрезал от него ветку, размер с этот кинжал. Заострил ее, привел ее в определенное состояние этим кинжалом. Отдал кинжал слуге, затем ему протянул деревянную ветвь.

— Деревом ты мне вреда не причинишь, а потому представь, что это нож и попробуй меня убить.

Пират недоверчиво смотрел на него.

— Мон сеньор, вы хотите, чтобы я на вас напал с этой деревяшкой.

— Абсолютно верно

— А зачем?

— Я хочу посмотреть, как вы умеете драться.

Пират прищурил глаза. И вдруг неожиданно бросился на Виллардита с этим кинжалом. Но его выпад не возымел никакого эффекта. Виллардита спокойно сделал шаг в сторону и забрал нож у нападающего. Нож спустя секунду оказался у него в руках. Взяв деревяшку посередине, он обратно протянул ее пирату.

— Давай еще раз.

Все последующие разы продолжалось в разных вариантах тоже самое. Как бы он не был Виллардита ножом, но все время оказывался в руках Джузеппе. У пирата загорелись глаза.

— Ловко у вас получается, господин,— протянул молодчик.

— Вот именно. А мне хочется, чтобы вот так получалось у вас.

— Что же делать, мон сеньор?

— Возьми тех троих, которые залезли ко мне в дом и тащи их сюда.

Буквально через несколько минут, все четверо стояли перед ним.

— Я буду учить вас четверых, а вы будите учить шесть ваших друзей после. Так будет строиться наша жизнь, пока в крайнем случае.

Вот так у Джузеппе Виллардита появилось развлечение, которое в общем-то не оставляло ему времени ни на что другое. Он ездил со своим другом по полям, по виноградникам, смотрел, как делается вино, учился производству. А все остальное время проводил со своим отрядом, который похорошел, набрался сил и тренировался с неистостью дьявола.

Каждое утро Виллардита-младшего начиналось с того, что он завтракал и наблюдал, как эти четверо учили тех шестерых воинской премудрости. Затем он учил этих четверых отпуская тех шестерых в дом. Потом он ехал осматривать виноградники, общаться со своим другом.

Так проходили день за днем, жизнь его смысл, жизнь его приобрела какие-то краски. Люди, которых он кормил, одевал, обувал, были ему благодарны больше, чем домашние животные. У каждого из них, оказывается, была очень нелегкая жизнь. Ему удалось побеседовать со всеми дестью и он увидел, что эти люди преданы, потому как, в общем, им некуда идти. И не попади они в дом Виллардита, их жизнь бы сложилась плачевно, скорей всего их бы повесили за разбой, грабеж и пиратство.

Однажды, в один из серых дней он собрался ехать на прогулку в Палермо и как благородный дворянин решил взять с собой отряд. Люди ехали верхом, а он ехал в повозке. И вот таким эскортом Виллардита отправился в Палермо. На него все смотрели с уважением, с почтением, с удивлением. Люди, сидящие на лошадях были безукоризненно одеты. Все как должно быть у благородного дворянина, вошедшего в Палермо.

Виллардита погулял по городу, его отряд неустанно следовал за ним, на почтительном расстоянии, для того чтобы не мешать господину. После того как он развеялся на свежем морском воздухе, ему захотелось, безусловно, перекусить. Как и любому человеку в Палермо который много нагулялся, хочется отвалиться в траттории, потому как Палермо располагает к тому, чтобы где-то посидеть, выпить вина. А так как гулял Джузеппе по набережной Палермо, то практически мгновенно нашел приличную тратторию, где в общем-то мог себе позволить немного посидеть. Отряд остановился неподалёку, и все ждали своего господина.

И вот, откуда ни возьмись, вдали он заметил приближающийся отряд...да, из 20 всадников, отряд, что двигался в направление траттории.

«Интересно, кто это»,— подумал Виллардита. Всадники остановились, от этой толпы отделились трое и направились в сторону траттории.

«Хм, вероятно, люди тоже гуляли по набережной верхом и решили что -то перекусить». Как думалось Джузеппе, так и получилось. Они быстро отдали прислуге лошадей, спешились и направились в тратторию, чтобы перекусить благодатных палермских даров.

Новоприбывшие сели напротив него. Это были три молодых дворянина, которые громко, эмоционально общались между собой и в общем-то ни на кого не обращали никакого внимания.

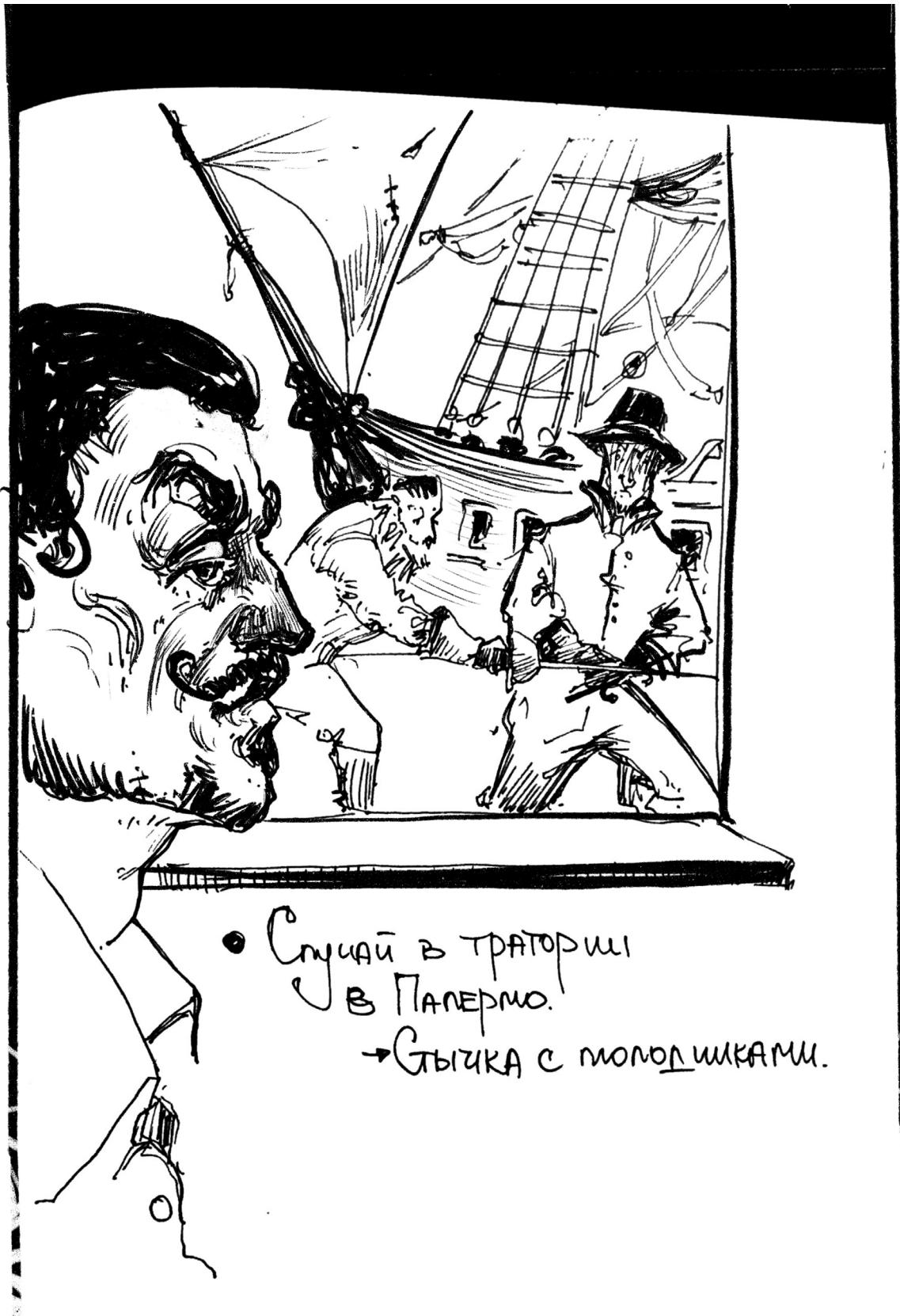
«Любопытные юноши»,— подумал Виллардита.

Вскоре им принесли вино, цыплят и еще чего-то, в общем накрыли полный стол. Они начали выпивать, закусывать, пили они вино не из бокалов, а из горла, что Виллардита сильно удивило:

«Моряки,— подумал он, -только ни пьют из горла, благородные люди пьют вино из бокалов». Эти же пили из горла, ломали дичь, быстро ее поглощали и запивали вином из горлышка. «Странные парни»,— заключил Виллардита.

Виллардита-младший сидел в тишине, да смотрел на море, его отряд, нельзя сказать, что скучал, но и нельзя сказать, что был в радостном

каком-то состояние. Отряд же, который прибыл вместе с молодыми людьми тоже расположился неподалеку и поглядывал на второй отряд, стоящий по вынужденному соседству.

• Случай в trattории
в Палермо.
→ Стычка с молодилками.

И вот господа молодые напились, и вдруг какая-то ссора или искра взорвала этот стол. Двою из парней начали сориться между собой, эмоционально объяснять что кто-то не прав, а кто-то прав и т.д. И в общем то Виллардита на это на все смотрел с любопытством, до тех пор пока эти парни не дошли до открытой конфронтации...что началось! Один толкнул другого, тот немедленно швырнул ему перчатку в лицо, и решили они разбираться прямо здесь, возле тротуарии. Виллардита, опершись на руку, внимательно смотрел, что будет дальше. Оба парня достали шпаги и решили выяснить отношения прямо на против тротуарии, начался спор. Таким способом кого-то убить, подумал Виллардита, очень-очень сложно, если только себя, ну пусть дальше продолжают, подумал он. Шпаги звенели, но никто никому никакого вреда не причинял. То есть люди били шпаги, а не друг друга. Причем били они неистово, аж искры летели. Это продолжалось около 5 минут. Через 5 минут такой неистовой работы оба парня устали, разошлись в разные стороны и стали ненавистно смотреть на друг друга.

— Достаточно.— скомандовал Виллардита со своего места.

Они удивленно перевели взгляд.

— Я сказал достаточно господа. Хватит. Вложите шпаги в ножны, возвращайтесь за стол, зачем вам портить такой прекрасный вечер. Хотите выяснить отношения, для этого есть правила, можете встретиться в безлюдном месте и убить друг друга, если вы захотите. А устраивать поединок в центре города, при том, таким неискусным способом как вы то делаете, это может оскорбить прохожих, и как-то привести вас в состояние посмешища. Лучше вложите шпаги в ножны и идите за стол господа.

Два парня не сдвинулись с места. Виллардита встал и спокойно пошел в сторону двух господ, элегантно придерживая эфес шпаги.

— Я же вам сказал господа, сядьте за стол и вложите шпаги в ножны.

Два истукана развернулись к нему и направили шпаги в его сторону.

— Господа,— еще раз медленно повторил Виллардита,— я вас очень прошу вложите шпаги в ножны и сядьте за стол.

— Вытаскивай свою шпагу,— заорал один из них.— Сейчас посмотрим какой ты фехтовальщик.

— Господа, я вас еще очень сильно прошу, вложите шпаги в ножны и пожалуйста сядьте за стол.

Но второй уже выдвинулся в направление Виллардита. Они оба не поняли, как шпага сверкнула в руках Джузеппе. Они даже не поняли, как он ее достал.

— Ну тогда господа, защищайтесь.— сказал Виллардита.

Первый сделал выпад справа и шпага сразу вылетела у него из рук. Он остался без шпаги в каком-то смешном, комическом положение и отбежал куда-то влево в сторону.

— Прошу.— скомандовал Виллардита.— Куда же вы пятитесь молодой человек? Вы же только что собирались меня убить, будьте

любезны, продолжайте, не останавливайтесь.

Но друг оставшись один на один с этим господином медленно пятился назад.

— Хорошо.— сказал Виллардита, воткнув шпагу возле своих нож.— Я еще раз вам даю шанс остаться с честью. Вложите шпагу в ножны и идите за стол.

Но парень не пошевелился с места.

— Хорошо.— сказал Виллардита.

И без каких-либо слов вытащил шпагу, выставил ее вперед и пошел на противника. Как только он приблизился на расстояние выпада, он этот выпад и получил. Зря, подумал Виллардита, забирая шпагу встречным движением.

— Ну вот господа, теперь вы безоружны и вам не надо вкладывать шпаги в ножны, вы просто можете идти за стол.

Два человека начали двигаться в направление отряда. А отряд выдвинулся в направление Виллардита. Виллардита поднял вторую шпагу, поставил ее возле ограды траттории, и одну и вторую, и со своей шпагой в руках спокойно двинулся один в направлении отряда, к которому присоединились двое беглецов.

— Господа,— спокойным голосом сказал Виллардита,— заберите свои шпаги и езжайте от сюда по добру поздорову. Прекратите вести себя неприлично!

Отряд, как завороженный, смотрел на одного человека который был не в седле, и спокойно стоял опустив шпагу вниз.

— Еще раз вам повторяю, заберите шпаги, я не хочу этих трофеев, у меня нет и не было никакого желания с вами сорится, мне просто не хотелось, чтобы вы мне портили вечер. И езжайте от сюда по добру поздорову.

Всадники не двигались.

— Хорошо,— выдохнул Виллардита,— я оставляю эти шпаги здесь и когда вам заблагорассудиться, вы можете их забрать.— спокойно сказал он.

Вложил шпагу ножны и спокойно пошел в направление траттории. Отряд не сдвинулся с места. Отряд Виллардита стоял поодаль и смотрел в направлении того отряда. Но ни один из отрядов не двигался ни влево, ни вправо, ни на встречу друг другу. Забавно, подумал Виллардита, какие-то люди странные, которые непонятно откуда прибыли в Палермо и ведут себя каким-то необъясним способом. От отряда отделился один человек, он был в возрасте и направился в сторону траттории. Подъехав к траттории, он стремительно спешился. Это был прекрасно одетый господин в возрасте около пятидесяти лет. Он спешился, подошел к Виллардита и спросил

— С кем имею честь?

— Джузеппе Виллардита — последовал спокойный ответ.

— Кто?

- Джузеппе Виллардита
- Я правильно понимаю, что моим воспитанникам сильно повезло?
- Именно так.
- Вы тот самый Джузеппе Виллардита, который победил знаменитого Паловичини?
- Именно тот.
- Мое почтение, мон сеньор.
- Прекрасно. Хотите разделить со мной трапезу?
- Нет, спасибо. Мы все таки поедим от сюда, чтобы молодёжь не наломала каких-то еще дров.
- Спасибо большое.— сказал Виллардита и попрощался с господином.

Отряд из двадцати всадников развернулся и скрылся в неизвестном направлении.

«Хорошо, что у меня теперь есть отряд, довольно подумал Виллардита,— а то, не ровен час, до Калабрии далеко, а одному против двадцати всадников было бы не грустно на этой площадке. Как я разумно всё-таки поступил что принял этих десятерых человек у себя дома и превратил их в боеспособное подразделение.

Виллардита спокойно сел коляску, расплатившись с держателем траттории и отряду скомандовал домой. Коляска медленно покатилась вдоль моря, а отряд рысью следовал за ним. Прибыв домой, все разошлись по своим обителям. Скоро подали ужин. Так как Виллардита уже отужинал, он предложил своему отряду трепезничать самостоятельно. А сам присел напротив и стал на это смотреть. Когда отряд насытился, один из самых смелых в его рядах, обратился к своему господину,

— Мон сеньор, а расскажите, пожалуйста про вашего отца.

У Джузеппе защемило в груди. Спустя несколько мгновений, он спросил:

- Что вы хотите знать, господа?
- Про него ходят легенды.
- Я знаю.— сказал Виллардита.
- Кто был этот человек?

— Я сам, господа, как ни странно, про отца своего знаю не так много. К отцу я прибыл уже в зрелом возрасте и большую часть жизни я не проводил с ним. Мать меня отправила на корабле, когда мне было около 20 лет. К тому времени он 20 лет воевал по всему миру, в Африки, в Португалии, где только не воевал. Я застал своего отца уже в Калабрии, Командором Ордена Иисуса Христа.

— А что это за орден? — задал вопрос один из присутствующих.

— Это долгая история.— сказал Виллардита.— Если хотите больше узнать про моего отца, нам нужно ехать в Калабрию с вами. У меня там живет друг, я давно его не видел, и я думаю, такая прогулка нам бы не

повредила. Так что собирайтесь господа, завтра отплываем в Калабрию.

Все радостно пошли к себе в дом, собираясь на следующий день.

На следующий день, все встали рано поутру да быстро поели. Сели в карету, отряд же следовал верхом. И все двинулись в сторону порта, по прямой дороге. На якорях в порту стоял прекрасный корабль, небольшой, но очень ладно скроенный. Это был военный корабль у него было два ряда пушек. На корабле была хорошо обученная команда.

Капитан встречал их прямо в порту.

— Грузимся на шлюпки.— сказал он

Что далее и произошло: прозвучала команда «Отчаливаем» и шлюпки двинулись в направление фрегата.

Первым на борт, как и водиться, поднялся капитан. За ним Джузеппе Виллардита, а потом поднялся и весь отряд.

— С морским делом вы знакомы?

— Большинство из нас,— сказал старший.

— Хорошо. Курс Калабрия.— скомандовал Капитану корабля Виллардита и занял место на мостики.

Начали убирать якоря. Процедура заняла совсем не много времени и вот корабль медленно тронулся в направление видимого берега. Отряд с интересом рассматривал слаженные действия команды.

— Прекрасный корабль, мон сеньор, и прекрасные матросы — сказал старший.

— Да. У моего отца были очень хорошие корабли, и очень хороши подготовленные команды.

Не прошло и двух с половиной часов, как они пришвартовались на против Калабрийского берега. Просили якоря. Команда ожидала распоряжений.

«Шлюпки на воду» — скомандовал Виллардита. Заскрипели канаты и блоки, и шлюпки медленно опустились на воду.

— Прекрасно.— сказал он.— В шлюпки! — скомандовал он.— Двигаемся в направление берега.

Как только они опустились в шлюпку, рулевые, грамотно маневрируя, за несколько минут их доставили на берег.

— Спешиваемся,— скомандовал Виллардита.

Все попрыгали за борт, оказались по щиколотку в воде и вышли на берег Калабрии. Там уже их ждал отряд из 10 всадников.

— Доброе утро, мон сеньор.— обратился старший в отряде.

— Доброе утро, Винченце.— улыбнулся Виллардита.

— Куда прикажите?

— Едем в замок.

Ему подвели коня, и Виллардита-младший ловко и быстро вскочил в седло, тоже самое повторили и его спутники.

— Двигаемся в замок,— еще раз распорядился Виллардита.

Замок располагался на огромной высоте, свисавший над берегом моря. И чтобы туда подняться, нужно было значительное время, около часа. Лошади медленно шли вверх по гранитной мостовой, сделанной из морского камня. Где-то через полтора часа, они со скрипом подняли ворота замка и отряд вошел в замок.

Виллардита спешился, передал коня одному из слуг и спокойно пошел к себе в апартаменты.

— Винченце, размести наших друзей, мы немного передохнем и будем ужинать.

Он поднялся в свои апартаменты, сел в громадное деревянное кресло из Калабрийского дуба. Мельком посмотрел на убранство стен, оценил потрясающий вид, открывавшийся из окон. Все это казалось очень родным и совсем недавно это все было в его жизни, ещё до брожения по улочкам Палермо или в саду в Багерии.

Однако важно было иное. Сердце сразу напомнило, что именно здесь, в этой комнате, отец разговаривал с ним, именно здесь происходили те события, которые сделали его тем самым Франческо Виллардита, который в общем-то и сегодня являлся хозяином Калабрии, хозяином Апулии, хозяином Багерии.

«Как же хорошо дома,— подумал Джузеппе Виллардита,— а может, стоит всё же переехать в Калабрию и не жить в Палермо».

Однако же, он забыл, как переехал в Палермо, как осознал острую причину: здесь, в каждой тени богатого убранства всё ему напоминало об отце, а с этой утратой он никак не мог смириться.

Да, вскоре вновь стало тяжело. И сын, тоскуя по отцу, подошел к зеркалу, посмотрел на себя и новое воспоминание, яркое и красочное поразило его сознание.

Тогда ему было...да, 21 год. Они тренировались с отцом в каком-то тихом старом саду, в замке в окрестностях Санта-Северина.

— Я познакомлю тебя с «маской смерти», сын мой. Пора.

После сих слов, Виллардита-старший вложил сыну в руки стилет и дагу и наказал бить и атаковать его разными способами. У самого же из оружия остался только один клинок. И сколько бы раз Джузеппе ни пытался нанести удар, сколько бы раз он ни падал и ни поднимался вновь, отец всячески обманывал его разными способами, бил навстречу и каждый раз попадал в голову, словно иной мишени и не существовало вовсе.

«Маска смерти», превозмогая боль и страх, проскрипел Виллардита-младший, в очередной раз вставая, чтобы попытаться собраться с мыслями...

Из вдруг воспоминаний его, словно штопором вернул стук в дверь.

— Командор, разрешите?

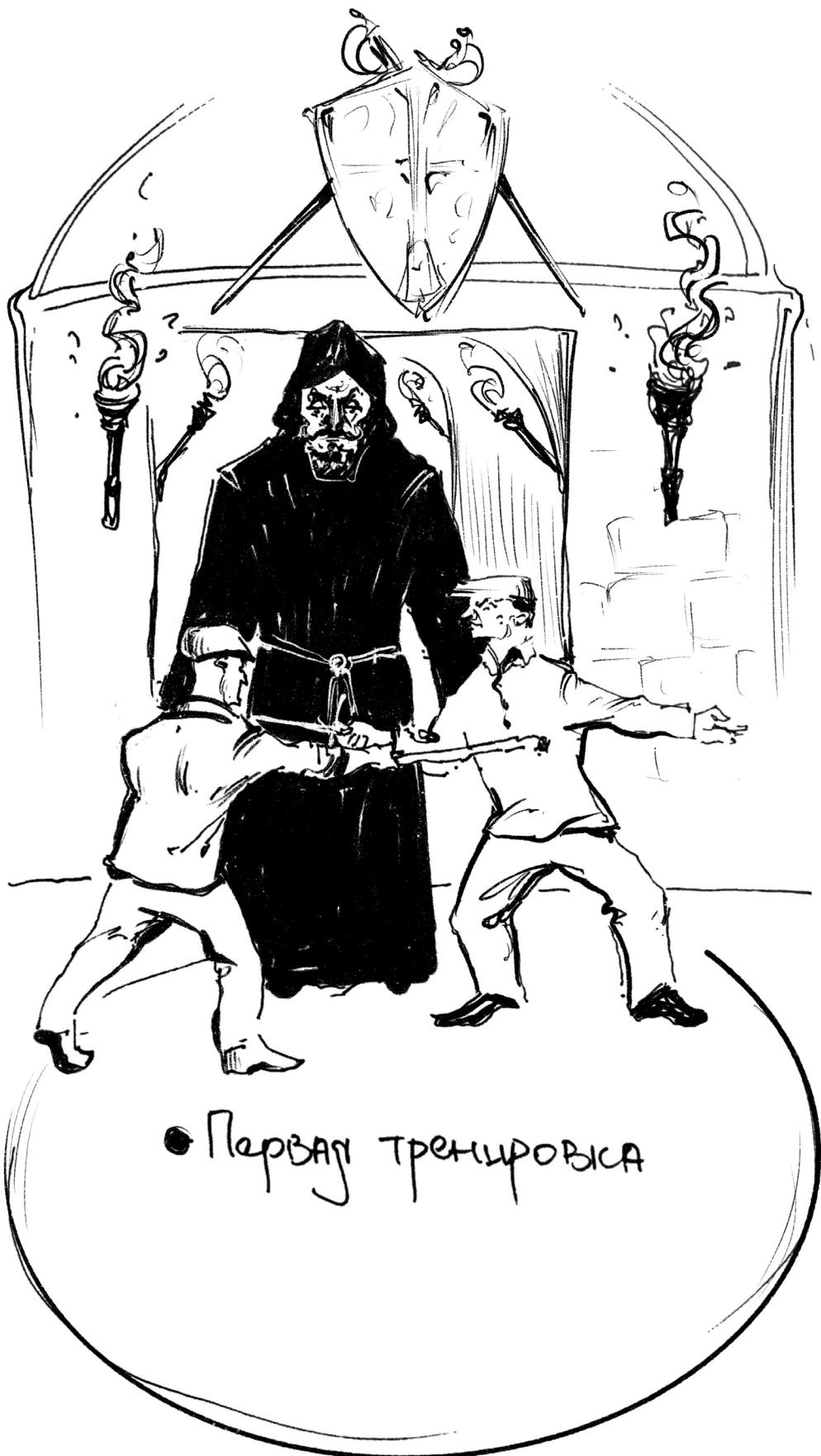
— Ах, да! Входи, Винченце.

— Разрешите доложить. У нас вечером будут гости, простите, но они приглашены были до того, как я узнал, что вы прибудете в замок

— Кто они?

— Монахи ордена францисканцев. Наши друзья, настоятель храма и два его подручных.

— Я рад буду Их святейшества видеть у себя в доме. Идите да встречайте гостей, готовьте ужин, я буду через час.

Прошла неделя. Всю эту неделю ребята жили в страхе. Джузеппе всё думал: «А вдруг кто-то узнает, что с нами произошло, а вдруг появятся те трое и отомстят нам за эти деньги! Да если бы не тот монах... как он вообще нам тогда повстречался? Что же будет дальше?» Однако несмотря на все волнения Джузеппе, ничего не менялось: солнце всё так же продолжало вставать п утрам и заливать своим теплом улицы Палермо. Но никого из трёх обидчиков более не возникало. Просто не было. И ничего не происходило. Как будто этих троих и не было. Джузеппе и Винченко несколько раз возвращались на то место, где всё это произошло, но ничего они там не увидели, даже капли крови. Всё произошло, словно во сне. Прошла неделя. Джузеппе опять пошёл в храм. Но, не доходя до храма, его встретил монах.

— Здравствуй, Джузеппе.
— Здравствуйте, падре.
— Как твои дела? Спешишь встретиться с Богом, сын мой?
— Я же обещал, падре.

— Правильно,— сказал монах. И тут Джузеппе показалось, что этот голос очень похож на тот голос, который он слышал тем вечером в переулке. Этот голос какой-то нечеловеческий, он именно, как говорящая голова.

Монах снял капюшон и проследовал вместе с Джузеппе в храм.

— Давай вместе встретимся с Богом, сын мой. И они проследовали к алтарю.

В сереющей поверхности зеркала мальчик, уже смелей, старался различить приступающие образы...Перед ним открывался вид на какую-то обширную светлую залу. Спустя мгновение зеркало прояснило ему картину, и Джузеппе понял — он словно стоит на балконе, украшенном массивным старинным парапетом, подпиравшим самое небо. А у парапета стояло двое — в одном из них с замиранием Джузеппе распознал того самого монаха.

Однако, в этот раз он просто молчал.
Его спутнику, однако не терпелось:
— Зачем вы привели меня сюда, Падре?
— Слишком много говоришь! Эх, сын мой, не ценишь ты самого главного, разбавляя высшую субстанцию своими пустыми речами. Не ценишь ты время, а ведь оно оберегает тебя.

— Падре, но я всегда считал, что меня оберегает Дестреза?
— Что есть Дестреза без знания времени и уважения времени? Сын мой, запомни, вершина науки Дестрезы — есть тайна времени. И тех, кто тайну эту не ценит, её стремится её постигать, того время научит по-иному: ударами, синяками, ранами, потерями — будь то кошеля, будь то головы собственной.

Время есть во всём, проявляя суть всего. Время — это и тайное знание Дестрезы, и самоё воплощённое фехтование и даже клинок, который так греют твою руку — тоже есть время, застывшее.

Тех, кто не постигает суть времени, оно заставляет платить цену.
Либо счастием расплачивается, либо собственной головой.

Монах, прищурившись, разглядывал своего собеседника.

— Выбирай же, кем ты хочешь быть: тем, кто бесцеремонно растратывает драгоценное время, разбавляя его приторностью бесполезных слов и действий, либо тем, кто несёт свет Дестрезы в своём сердце, тем самым становясь Властелином Времени. Самым сильным созданием, коего можно себе вообразить.

Вздохнув, он добавил:

— Либо прыгай навстречу сырой земле, прямо с этого парапета. Тогда и выбирать более не придётся и Время тебя покинет, а свет Дестрезы угаснет...

Постепенно изображение померкло, а зеркало приняло свои исходные формы.

Джузеppе поморщил лоб, словно нехотя проверяя, вернулось ли всё на свои места.

Монах же, не медля ни минут, повернулся к Джузеппе и спросил его:

— Сын мой. Хочешь ли ты стать сильным?

— Да, падре,— не раздумывая ответил Джузеппе. Падре, давеча, как недавно, со мной приключилась очень неприятная история...

— Я знаю, сын мой,— сказал монах, что Джузеппе даже не успел договорить предложение.

— Это были Вы? — вопрошающе смотрел в глаза монаха Джузеппе.

— Да. Я.

— Вы убили этих людей? — несколько дрожащим голосом спросил Джузеппе.

— Да. Я их убил. И убил бы остальных, если бы они не выполнили мой приказ,— спокойно сказал монах.

— А почему вы стали за нас заступаться?

— Понимаешь ли, дорогой Джузеппе. Те парни сказали, что они справедливые люди. А поступили несправедливо, отобрав деньги у слабых. Пришлось им напомнить о том, что справедливость выглядит несколько иначе.

— Вы убили их ножом.

— Да.

— А почему вы не стали убивать остальных?

— Для них это будет наука. Может быть, они действительно смогут стать достойными людьми. Тот, кто видел смерть, Джузеппе, быстро пересматривает свои убеждения,— сказал монах.

Джузеppе ничего не понял из того, что сказал падре.

— Так хочешь ли ты стать сильным, сын мой?

— Да, падре.

— А твой друг, Винченсо, хочет стать сильным?

— Думаю да, падре.

— Тогда приходите завтра, сюда, сразу же после работы.

На следующий день, закончив работу в ресторане, ребята, как и договорились, пошли в храм к монаху. Подходя к храму, они увидели, что он стоял у двери, что-то шептал себе под нос, как бы, не замечая их.

— Мы пришли, падре,— обратился к нему Джузеппе.

— Прекрасно, дети мои, тогда следуйте за мной. И он повёл их через весь храм. Обогнув алтарь, они подошли к практически невидимой, двери, монах нажал на стену и дверь с скрипом отворилась. Прошу,— сказал монах,— и вошел в дверь первым. В подземелье было темно. Монах зажег свечу и осветил лестницу. Следуйте за мной, дети мои.

Шли они недолго, двигаясь по каменным ступенькам. Они миновали какие-то помещения, спустились ниже, там тоже были какие-то пещеры и помещения, и вот они вышли в большую залу. Зала находилась под землёй. Везде горели факелы и светло было, почти, как днём.

— Дети мои,— обратился монах. Вам пора становиться сильными.

— Что мы будем делать, падре?

— Учиться держать оружие в руках.

Монах достал две деревянные палки и вложил им в руки. Потом он им объяснил, как стоять, как держать нож и попросил их фехтовать друг с другом этими деревянными палками. Ребята начали кружить вокруг друг друга, пытаться коснуться этими палками друг друга, а монах внимательно наблюдал за ними. Потом он начал объяснять ошибки одного, второго, так прошло около двух часов. Ребята порядком устали. Монах сказал, что на сегодня достаточно. Теперь им необходимо приходить сюда каждый день после работы, и он с ними будет заниматься. Так прошло полгода. Они каждый день ходили на работу, зарабатывали деньги, а после шли к монаху на занятия. Они так же проходили алтарь, ту невидимую дверь, знали маршрут уже наизусть так хорошо, что могли пройти его с закрытыми глазами, и им не нужна была даже свеча. Так они и занимались каждый день по два часа фехтованием с монахом.

Однажды, в день, который был, в общем-то, ничем непримечателен сам по себе, Джузеппе шёл по своему кварталу к Винченко и встретил по пути монаха.

— Падре, здравствуйте. Я вас рад видеть.

— Здравствуй, Джузеппе. Готов ли ты к встрече с Богом?

— Да, падре, я готов.

— Хорошо. Но это будет не простая встреча, сын мой. Она будет переломной.

— Падре, а сколько мне еще нужно будет встретиться с Богом, чтобы стать счастливым?

— Всего 12 раз, сын мой. Это четвертая встреча. Джузеппе, будь сегодня очень внимателен. Винченко с собой не бери, скажи ему, что сегодня занятий не будет, а я жду тебя в храме ровно в 10 часов вечера.

Ровно в это время Джузеппе стоял у храма, но монаха не видел.

Пошел по привычке к зеркалу, и как только он к нему подошел, зеркало сразу же стало ему показывать определённые события.

В этот раз не было слов, не было слушателей — всё началось слишком спонтанно и внезапно. Джузеппе с замиранием сердца смотрел в зеркальную рябь и с каким-то проникновенным восторгом, смешанным с ужасом узнавал в одном из мастерски фехтующих мужчин — того самого мудрого монаха.

Это был завораживающий поединок между монахом и рыцарем. Рыцарь очень жалко смотрелся на фоне монаха, хотя он был и крупнее, и на вид сильнее, и клинок его был длиннее и опаснее... Но нет, он уступал монаху во всём — в ловкости, скорости, в силе и точности ударов, хотя всё должно было происходить с точностью до наоборот.

— Я выбрал! — взревев, каким-то нечеловеческим голосом разразился Рыцарь. Я выбрал свою Судьбу — и бросился на монаха прыжком... Но он успел даже коснуться ногами каменного пола — так и повис на клинке монаха, обмяк, ловя ртом воздух, как рыба, которую оттолкнула её родная морская среда.

— И я выбрал, — прохрипел монах. Один раз и на всю жизнь — одну Философию, одну Науку, один Смысл. И я несу свой Долг, как Лик достоинства, а потому, в отличие от тебя, знаю, когда достойно применить оружие и почему.

Когда поединок закончился, зеркало померкло, и Джузеппе услышал голос священника.

— Сын мой, ты до сих пор веришь в господа?

— Да, конечно, падре.

— Прекрасно. Раз ты веришь в Бога, значит ты честный человек.

— Падре, я никогда никого не обманывал, я держу слово, честно работаю.

— Прекрасно, Джузеппе. Ты многому научился за эти полгода. Завтра у вас экзамен с Винченсо. Иди домой, хорошо отдохни и завтра я вас жду здесь.

Как обычно, по окончании своего рабочего дня, они сразу же направились в храм, как и договорились накануне. В зале стоял монах, в руках у него были две деревянные палки, а две другие палки он велел взять ребятам.

— Итак, сейчас вы вдвоём попытаетесь меня убить. Для этого у вас есть палки. Я же буду просто защищаться, не контратакуя вас.

Ребята переглянулись, в их глазах зажглась искра интереса. До этого они фехтовали только между собой, и им было очень интересно попробовать пофехтовать с монахом. Они постояли несколько секунд поодаль от падре и вдруг, бросились на него. Но, монах для ребят превратился ка-будто в тень: как они не пытались попасть в него, у них ничего не выходило, при этом падре даже не задействовал те ножи, которые у него были в руках. Они бегали за монахом около 15 минут, но у них так ничего и не вышло. Вдруг монах остановился и пристально посмотрел

прямо в глаза мальчикам и они, неожиданно для себя, попали, словно, в транс. Казалось, что зал, который был освещен яркими огнями, вдруг стал тусклым, огни погасли, а потом снова ярко зажглись, снова погасли и снова зажглись. В конце концов, у них закружилась голова, и они плюхнулись на песчаный пол.

— Прекрасно,— вдруг послышался голос монаха. Будем считать, что экзамен вы сдали.

Ребята постепенно приходили в себя. Они обнаружили себя лежащими на полу, не понимая, сколько они так пролежали, им казалось, что время течётечно.

— Поднимайтесь,— скомандовал монах. Мальчики встали на ватных ногах. Идите отдыхать. Завтра я вас жду в это же время.

Мальчики шли медленно по вечерней улице. Было темно, но им было совсем не страшно. Джузеппе, зайдя домой, сразу же завалился в кровать, но сон не шёл и он глядел в потолок. Странно всё,— говорил он себе. Я уже достаточно много знаю о фехтовании, я умею фехтовать, я много раз побеждал Винченсо, но за 15 минут мы ни разу не могли попасть в монаха. Для Джузеппе всё, что происходило, было для него необъяснимым.

Утром Джузеппе проснулся в приподнятом настроении, позавтракал и отправился гулять. Гулял по городу он долго, его друг Винченсо из дома не выходил, Джузеппе никого не встречал, так у него была возможность погрузиться в свои мысли. Он долго думал над тем, что с ним произошло с тех пор, как он встретил священника в булочной. Джузеппе понял, что он действительно изменился с тех пор, он стал по-другому смотреть на мир. Монах, которого он повстречал, очень странный человек, Джузеппе так к нему привязался, но вдруг вспомнил, что даже не знает его имени. Надо обязательно сегодня его спросить,— подумал про себя Джузеппе. И вот так гуляя, размышляя, пришло время отправляться на работу в ресторан. Винченсо уже был на месте. И, уже по традиции, после окончания рабочего дня, получив свои деньги, они отправились в храм, спустились в подземелье, в зал, где их уже ждал падре. И как только они вошли, Джузеппе сразу же подошёл к падре и с нетерпением задал вопрос

— Падре, разрешите я сразу задам вам вопрос

— Говори, сын мой.

— А как вас зовут?

— Магниус,— сказал монах.

— Как как?

— Ма-гни-ус,— по слогам повторил он.

— А сколько вам лет?

— 50.

— А откуда вы родом, падре?

— Из Палермо, сын мой.

— А как Вы пришли к Богу, падре? — спросил с живым неподдельным интересом Джузеппе.

— Это давняя и очень длинная история, сын мой. Давайте заниматься.

Парни взяли деревянные ножи и принялись выполнять упражнения. Когда занятие было окончено, монах пошёл в это раз провожать мальчиков. Он попросил Винченсо подождать друга на входе, а Джузеппе он отвёл в сторону.

— Джузеппе, мальчик мой, скоро в твоей жизни произойдут несчастья. Ты должен это знать. И от того, как ты их преодолеешь, будет зависеть вся твоя дальнейшая жизнь.

Джузеппе смотрел своими чистыми глазами на монаха и с гордостью ответил-

— Я обязательно всё преодолею, падре, обещаю.

— Иди, сын мой. Я жду вас завтра в это же время. Повернулся и пошел в сторону алтаря.

Джузеппе вернулся домой и замер. Перед подъездом его дома стояло очень много людей и около десяти полицейских машин и три кареты скорой помощи.

— Что случилось? — спросил Джузеппе у женщины, которую он узнал в толпе. Это была их соседка по дому.

— Джузеппе, дорогой, пришли какие-то люди, и они убили твоего дедушку, маму и отца,— скорбным голосом, с тревогой, сообщила страшную весть она.

— Что?

Женщина в ответ промолчала. Джузеппе побежал вперед, он хотел подняться к себе домой, подбежал к подъезду, но полицейские его остановили.

— Кто ты, мальчик?

— Я живу в этом доме. Мне сказали, что убили мою мать... Вы знаете, кто это сделал?

— У вас были какие-то враги мальчик? Поспешил спросить полицейский.

— Нет. Мы обыкновенная семья, у нас ничего не было. Жили мы бедно.

— Тогда, мне сложно тебе ответить сейчас, кто это сделал, мальчик.

Постепенно толпа народа стала рассасываться, Полиция еще долго расспрашивала людей в округе, и очень скоро на улице никого не осталось, кроме полиции и врачей. Но и скорая помощь вскоре уехала. И когда же совсем никого не осталось, Джузеппе поднялся к себе домой. Дверь была нараспашку, он зашел вовнутрь. Все было залито кровью. Он молча, как во сне, прошёл мимо луж крови, проскользнул в свою коморку, свалился на кровать и уснул, словно в бреду.

Когда он проснулся утром, в доме была тишина, никого не было. Дверь была также приоткрыта, кровь уже застыла. Вскоре пришли род-

ственники и начали убирать в доме, всё отмывать... Джузеппе так и не понял, как всё это произошло, как в одну секунду он остался полным сиротой. Он помнил, что ему в 4 часа нужно было идти на работу, он решил пойти в ресторан прямо сейчас. В ресторане он нашел Винченсо и всё ему рассказал. Отец посадил их двоих за стол и объяснил, что он очень сожалеет, что произошло с Джузеппе, но на всё воля божья. Мальчики приступили к работе. Время прошло быстро. Джузеппе как-то даже не заметил. И с радостью обнаружил, что уже пора было идти к монаху в храм. Мальчики уже привыкли ходить в этот храм изо дня в день, и ходили туда точно так же, как на работу в ресторан.

Когда они вошли, они увидели возле алтаря монаха, он был в своём черном одеянии, капюшон по обычаю был у него на голове и смотрел на алтарь. Ребята медленно подошли к нему.

— Здравствуйте, падре,— нарушил молчание Винченсо. Джузеппе молчал.

— Здравствуйте, дети мои. Я знаю о твоём горе, Джузеппе. Именно об этом я тебя вчера предупреждал.

— Но откуда вы знали? — с удивлением, чуть выкрикивая, спросил Джузеппе.

— Ты все очень скоро поймешь, сын мой. Я говорил с Господом.

— Точно так же как я?

— Да. Я говорил с Богом и он сказал мне, что тебя ждёт испытание и показал мне ту сцену, которую ты потом увидел, вернувшись домой. Я посчитал необходимым тебе сообщить об этом. От того, как ты пройдешь это испытание — зависит вся твоя дальнейшая жизнь.

— Я хочу отомстить убийце своих родителей,— с неистовой уверенностью в глазах, произнёс Джузеппе.

— Месть плохое чувство, сын мой.

— Я всё равно хочу отомстить.

— Хорошо,— сказал Магниус. Как ты собираешься это сделать?

— Я найду их и убью,— твёрдо ответил мальчик.

— А кто они?

— Я не знаю, но я выясню, кто это, найду их и убью.

— Сын мой, понимаешь, Бог посыпает испытание человеку не для того, чтобы он мстил за испытания.

— Но я должен, падре. Я должен отомстить за родителей.

— Я услышал тебя. Давай подойдём к зеркалу и поговорим с Богом.

Винченсо, не понимая, что происходит, смотрел удивлённо то на своего друга, то на Магниуса.

— Идёмте, дети мои,— и они подошли к зеркалу.

Расплывающееся изображение отдалённо напоминало морскую рябь, которая действительно вскоре превратилась в морскую гладь. Её беззвучно рассекала шлюпка, в которой было трое — двое взрослых мужчин и некий юнец. От одного из мужчин буквально веяло силой и властностью.

И действительно, стоило шлюпке пристать к кораблю, стоило тому человеку взойти на борт — как команда корабля, словно повинуясь невидимой руке порядка, выстроилась, как по стойке смиро.

Это был Капитан Корабля. Твёрдым шагом, он взошёл на мостик и отдал приказ о начале движения по курсу. Что произошло далее — сложно сказать: команда словно в рассыпную, но при настолько выверенно и слаженно пристуида к своим обязанностям, что дух захватывало от такой организованности.

Капитан же отдал ещё несколько поручений и ряд людей, сопровождая его, отправились куда-то в нутро самого корабля. Далее Джузеппе наблюдал, как в каютах компании шестеро людей что-то обсуждали. И каждый из них был воплощением силы, порядка и достоинства.

Видеение закончилось тем, что Джузеппе увидел, как корабль уходит вдаль, повинуясь силе замысла, его ведущего.

«Корабль... — подумал Джузеппе- в чём же секрет?» Не найдя ответа самостоятельно, он обратился он к Магниусу.

— Наш Бог, мой мальчик, это корабельный Бог. Весь секрет в корабле, в его устройстве,— ответил монах.

— Что это значит, Магниус?

— Это значит, что, если вы понимаете суть корабля, вы понимаете все, что происходит в мире.

Мальчики замерли.

— А что же нам нужно понять?

— Дело в том, чтобы отомстить убийцам твоих родителей, как ты хочешь, надо сначала знать, кто эти обидчики.

— А как же я это узнаю?

— Ты же видел корабль? — сказал Магниус. Как ты думаешь, кто из членов экипажа мог убить твоих родителей?

— Наверное, матросы.

— Верно. Интересно, а кто их послал?

— Может быть их руководители, офицеры?

— Правильно,— кивая головой, сказал монах.

— А где же этот корабль, где эти матросы и офицеры?

— Везде, сын мой. Помнишь тех парней, которых я убил — за них отомстили, убив твоих родителей.

— Это те трое, которых пощадил ты?

— Да.

— А где же их искать?

— Мы их не будем искать, сын мой. Они найдут нас сами. Не волнуйтесь. Пойдемте со мной.

И монах пошёл к выходу их храма, Джузеппе и Винченко проследовали за ним. Выйдя из двери, мальчики были ошеломлены увиденным — на улице стояли те самые три человека. Магниус надел капюшон.

— Здравствуйте дети мои, —проговорила голова в капюшоне.

Было такое впечатление, что это три кролика, на которых смотрит удав.

А мы... мы здесь .. случайно,— проронил один из них.

— Нет, сын мой вы пришли, чтобы повстречаться с Господом.

— С кем? — прошипел второй.

— Да, да, дети мои. Пора разговаривать с Господом.

В руке одного из трёх сверкнул нож.

— Положи нож на пол,— спокойно сказала голова в капюшоне.

— Ты же хотел разговаривать с господом, священник, вот мы тебя сейчас туда и отправим. Остальные два тоже достали ножи.

— Отойдите в сторону, мальчики,— сказал монах Джузеппе и Винченко. И внезапно в его двух руках сверкнули два стилета.

— Я помолюсь за вас,— выдыхая произнёс Магниус,— и сделал первый выпад. Один повис в миг на стилете. Двое отскочили в сторону. Монах вытащил стилет из падающего тела и сделал два шага вперёд. Один из нападающих махнул ножом, желая порезать монаха, но нож

скользнул по сутане и пролетел мимо. Реверсный удар навстречу — второй повис на стилете. Магниус медленно опустил падающее тело на морской камень и вытащил стилет. Третий парень стоял, не шевелясь, в его глазах был смертельный ужас. Пора и тебе разговаривать с Господом,— сказал монах,— и ударил на повороте стилетом в шею. Нож вошёл прямо в горло, пробив насквозь его. Падающее тело завернулось под ноги монаха, он спокойно, естественным движением, вытащил клинок. Три трупа лежали возле храма. Магниус сложил стилеты в одну руку и протянул их Джузеппе и Винченсо.

— На этих клинках отомщенная кровь твоих родителей. Каждый из этих стилетов теперь принадлежит одному из вас и это на всю жизнь. И применять их стоит только в тех случаях, когда вашей жизни угрожает опасность. Берите их и идите. Скоро здесь будет полиция, мне нужно будет с ними разговаривать.

Через несколько минут две машины карабинеров стояли у храма. Карабинеры, три трупа, в неестественных позах, лежащие на земле, и монах, стоящий возле окаменевших тел.

— Здравствуйте, падре.

— Здравствуйте, дети мои,— произнёс Магниус. Я за всем наблюдал из храма.

Карабинеры осмотрели тела

— Аааа, известные личности. Слава Богу, что они перебили друг друга,— произнёс один из полицейских.

— Падре, вы не пострадали?

— Нет, сын мой, что Вы. Я наблюдал из храма.

— Грузите их,— скомандовал командир экипажа. У нас сегодня праздник. Еще одних скотов не стало на Земле.

Монах добро улыбнулся. Спасибо вам, капитан.

— Не за что, падре. Мы стоим на страже порядка города, мы охраняем ваш покой. А то, что этих негодяев перерезали, как собак, так на то воля Бога. Грузите этих мерзавцев.

Подъехали две кареты скорой помощи, трупы погрузили в транспорт специального санитарного назначения и увезли. Карабинеры тоже сели в машины и разъехались в разные стороны. Монах надел капюшон, повернулся к входу в храм, спокойно открыл дверь и пошёл к алтарю.

Он заснул и сразу же перенесся в сад с этим дворянином — Леонардо Чьяккио. Это был день, когда он ему представился. До этого он его знал только как Мастера. Они сидели в саду, разговаривали и дворянин сказал Фрэду:

— Пора тебе узнать, какие у меня планы на тебя, мой мальчик.

Брикерс начал с интересом смотреть на этого дворянина, дворянин ему объяснил, что:

— Ты же понимаешь, что по сути человеку очень непросто жить одному на земле. И вот смотри, я же тебе помог в жизни, но существует еще очень много других людей, которым нужно помочь, им тоже плохо живется. И некому им помочь, этим людям, человеку пойти даже некуда.

Смотри на то, что происходит вокруг. Всякие там правительства, они все заняты своим делом, человеку даже помочь никто не может. Даже если у него хлеба нет, то ему даже кушать сегодня нечего, то ему все равно помочь некому, этому человеку. И большинство людей, они становятся на преступный путь, не из-за того, что они преступники прирожденные — нет. А потому что их ставят в такие условия, где они не могут добыть себе одежду и еду, поэтому они начинают воровать, грабить и так далее. И такой «субстанцией» полон сегодняшний Неаполь, ты же понимаешь прекрасно. И эти люди — они что хотят, то и делают.

При желании... в Неаполе может начаться хаос полный. То есть бедных много, богатых мало, как ты осознаёшь. Бедные могут объединиться и устроить революцию, обидеть богатых и забрать у них все сбережения, нарушить закон и так далее.

Леонардо Чьяккио продолжил свой рассказ:

— Когда-то много лет назад, я сидел разговаривал со своим мастером и он, как бы, мне сказал о том, что у человека должно быть предназначение в жизни, цель какая-та.

А так как мы знаем, что Джакомо Ла Куова мог мозги ставить лучше других вообще. Он считался большим знатоком человеческих душ... такой именно священник проповедник, серьезный, но при этом воин. И его боялись все, так как он был главный.

Господин Чьяккио продолжил объяснять Фрэду:

— В свое время Джакомо Ла Куова пробудил меня ото сна несущественного и дал смысл существования — он сказал что, нет большего предназначения, чем служить Королю Испании.

Помни, ты дворянин и ты должен служить Королю Испании.

Поэтому мозги у меня встали на место, я понял в чем смысл жизни, в чём мое предназначение. Да, молодой человек, у тебя тоже в жизни должно появиться предназначение. Если бы сегодня была та испанская монархия, которая была при нашем Великом Короле Карле 5, я бы тебе сказал сейчас те же самые слова, что мне сказал в свое время Джакомо Ла Куова. Но сегодня в этом нет смысла. Империя трещит по швам, все развалено, толку от этого всего нет никакого. Поэтому у тебя тоже должен быть смысл какой-то жизни.

И я бы сформулировал этот смысл жизни для тебя так: «Тебе надо добиться власти в этой жизни, для того чтобы быть способным что-то в этом мире изменить». Вот это твой смысл жизни, ради чего ты должен жить. И ты должен все сделать так, чтобы ты, добившись власти, не изменил того, что мы сейчас говорим здесь.

Многие люди которые приходят к власти, они меняются, у них меняются цели, задачи и прочие вещи. У тебя это не должно измениться, поэтому, самому тебе добиться власти нельзя. Я мог бы сделать так, чтобы ты сам добился власти, тогда ты останешься один и ты будешь вынужден подбирать себе подручных и так далее, и ты можешь сломаться. Поэтому, добиться власти нужно в сильной, большой организации, которая является неким якорем для тебя, который тебя держит и напоминает тебе постоянно, ради чего ты живешь, ради чего это все. Смотри, твоя судьба, она круто поменялась. Твоя судьба, она полностью подчинена сегодня правильным вещам. Но, получи ты власть, получи ты деньги как следствие власти, ты можешь про все забыть, ты можешь позабыть кто ты был и вообще про все забыть в жизни. Поэтому нужны люди перед которыми ты был бы в ответе за это за все. Тогда ты точно не забудешь, они тебе будут напоминать, своим видом каждый день.

И Брикерс, немного подумав, ответил:

— Я понимаю вас, Мастер.

— Мастер? Тебе уже пора знать мое имя: меня зовут Леонардо Чьякио.

Сон неспешно продолжает свой мерный ход. Дворянин представляется, говорит что он с Сицилии, сицилийский дворянин, что он много лет ходил в морях, долгое время странствовал и в других государствах, много лет сражался в составе испанской армии. И он говорит ему далее:

— Когда мне Джакомо Ла Куова, в свое время сказал, что «нет большей чести, чем служить Королю Испании» — я принял это как аксиому. А вот эту теорему я себе уже доказывал всю оставшуюся жизнь. Принял я это как аксиому, а теорему я себе доказывал всю оставшуюся жизнь — так это или не так. И выяснилось, что по сути для меня этим Королем Испании был Джакомо Ла Куова.

То есть, я служил одному человеку, вот этому человеку, который сказал мне, что нужно служить Королю Испании. А так как этот человек никогда меня не обманул, человек ни разу меня не подвел, человек всю жизнь со мной был искренен, откровенен — и я знал ради чего, и почему я это делаю. То есть он мог для меня создавать причины, которые в общем-то, были таковыми, что всегда оказывались было в рамках дворянской чести, тем, что я делал по совести и делаю до сих пор.

И вот однажды у меня появился друг, резко, как из ниоткуда свалился он в определенный момент времени. Мы с тобой об этом человеке поговорим отдельно; его мало кто знает, этого человека, но он — величайший, и тебе нужно будет обязательно с ним познакомиться.

Фрэд и не против вовсе...но вопрос у него всё-так назрел:

— Вы знаете, Мастер, я полностью с вами согласен во всем. Единственное, прошу ответить, о какой организации идет речь?

— Эта организация еще не существует, её нет. Вот тебе как раз предстоит ее создать. Ты как бы сам себе создаешь организацию, которая является для тебя, как бы некой средой, неким ключом к смыслу жизни. И неким якорем, который держит тебя одновременно, не давая тебе совершить какой-то недостойный поступок.

Мы с тобой будем объединять достойных людей, таких же, как и мы — дворян в Неаполе — в эту организацию. И мы будем реформировать общество, для того чтобы в Неаполе наступил порядок. Потому как, то что сегодня происходит — это никуда не годится.

И тогда Брикчерс ему и говорит:

— По сути, нам нужно с нуля создать некую организацию, которая была бы убежищем для праведных людей. Я правильно понимаю?

— Да, абсолютно верно. Когда мы составляем организацию, мы становимся сильной структурой, способной влиять на этот город. Если мы будем действовать по одиночке, то толку никакого не будет, то есть никакого влияния эта организация иметь не будет. Вот смотри, я сильный, я могу многое, за мной стоят очень серьезные люди, но я если бы один реформировал Неаполь, то я бы все равно ничего не смог сделать. Даже если бы я убил здесь 100 или 200 человек на дуэлях, то я бы все равно ничего не смог бы сделать, никак бы не смог повлиять потому что я один. По сути, меня остановить может любой, ну и что толку, что я его убью на дуэли, все равно все остальные думать по-другому не станут.

И здесь Брикчерс как будто что-то взбудоражило:

— А где же мы возьмем этих дворян?

— В Неаполе очень много достойных людей и эти достойные люди они в общем-то давно ищут способ как им объединиться. Им просто нужен лидер который бы их объединил. Ты обладаешь всеми качествами, которые позволяют человеку пойти до конца. У тебя нет памяти, ты не помнишь ничего, а это очень много в данном случае. И если ты станешь этим лидером, для этих людей, то они пойдут за тобой с удовольствием. То, что я тебе сейчас рассказываю, это случилось не сегодня. По сути своей мы не создаем никакого общества, мы возвращаем то, что было изначально у дворян. Мы словно возвращаем прежнюю веру дворянскую, дворянам.

Мы возвращаем их назад к истокам, мы возвращаем их к тому, чтобы эти люди вспомнили кто они и для чего они вообще здесь находятся. Мы делаем так, что эти люди сами должны понять, ради чего они живут, в чем их смысл жизни и смысл жизни дворянина и рыцаря.

— Как же мы собираемся это сделать?

— Об этом мы поговорим с тобой отдельно. А сейчас принципиально важно чтобы ты понял, что мы будем делать.

— Я готов, — сказал Брикчерс.

— Я и не сомневаюсь. Человек у которого нет памяти, он ко всему

готов сейчас, прямо в настоящий момент времени. А у кого есть «память» и «воспоминания», тот начинает обдумывать предложение которое ему сделали. Но тебе в общем-то нечего думать, я тебя поэтому и выбрал. Потому что у тебя нет памяти, и ты свалился мне на голову — всё просто.

— Леонардо скажите, разве так возможно?... я ведь обыкновенный парень.

Тот ухмыльнулся, посмотрел на него и спрашивает:

— Что ты имеешь ввиду?

— Как я буду руководить дворянством Неаполя, если я обыкновенный парень с улицы, я даже не помню кто я, имя которое ты мне дал. А те люди богатые, у них дома, слуги, власть, закон и так далее. А я, кто я такой?

Леонардо Чьяккио на него посмотрел прищурившись.

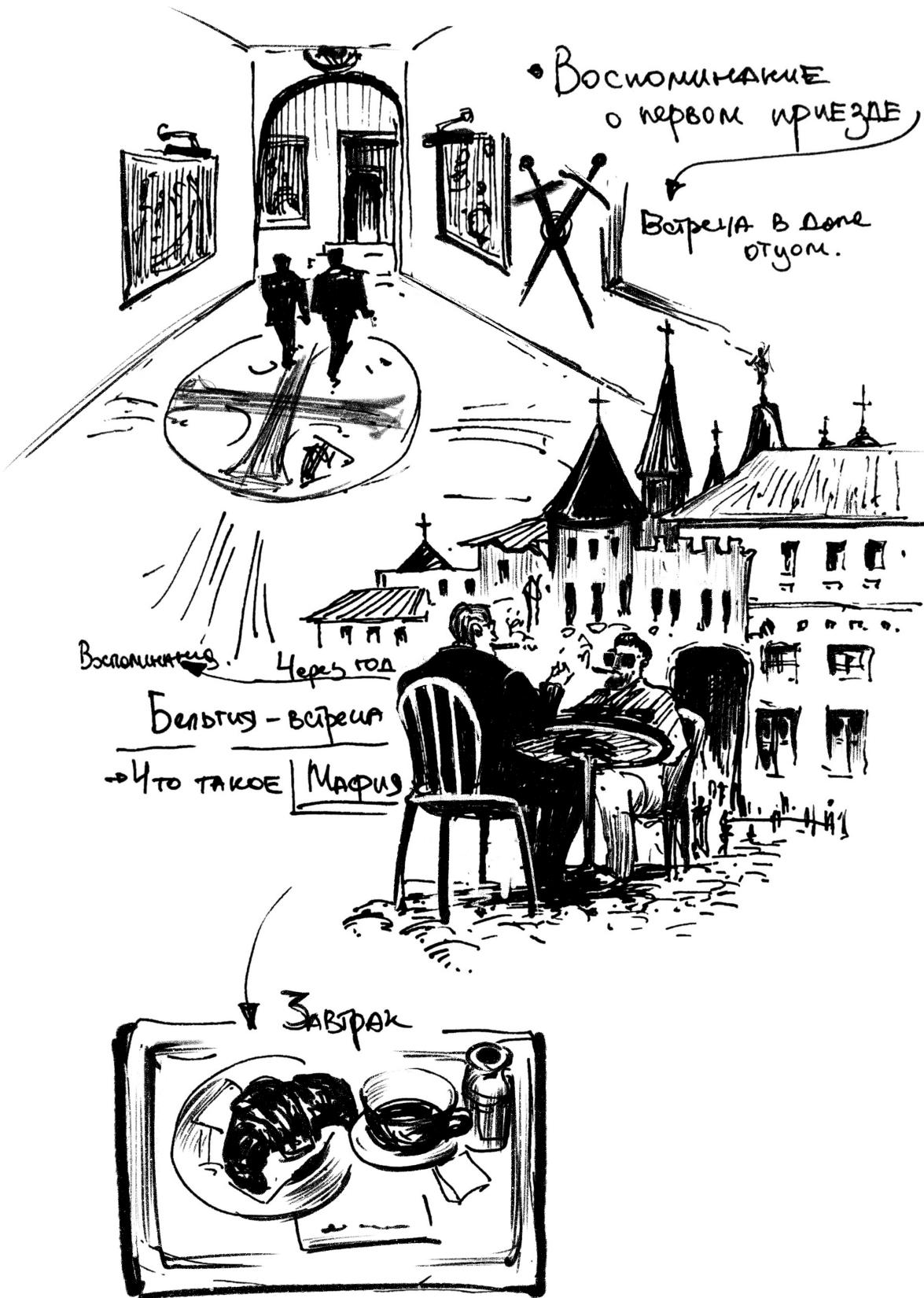
— Что ты там говоришь, ты никто?

— Ну да. А кто я, просто парень с именем? Как ты себе это представляешь, я приду к ним и скажу «Здравствуйте дворяне Неаполя, я с этого дня буду вами руководить».

— Нет, не так. Я понял твой вопрос, я тебе сейчас на твой вопрос отвечу.

Он взял плащ, висящий на спинке стула, откинул его и там лежала книга, на самом кресле. Он открыл книгу, достал оттуда пергамент и передал этому парню.

Я вернулся из прошлого в настоящее, двери открылись и машина въехала на территорию все того же дома, где я все уже знал и хозяин этого дома стоя на выходе из дома на приветливо встречал. Мы вышли, обнялись. О, благо в этой семье я больше не испытывал ни каких труд-

ностей. Приезд мой был уже третим, поэтому теперь я уже знал и что делать, и как делать. И вообще я уже в традициях Сицилии чуть поднаторел, поэтому чувствовал себя как дома здесь. Я спокойно наговорил кучу любезностей хозяину дома. Хозяин дома распился все в той же сицилийской улыбки, от радости что я приехал. Странно, люди, которые по сути не мои родственники, но они настолько искренне рады что я приехал, что мне было даже как-то не удобно. Вот мои родственники, когда я к ним приезжаю, то у них нет такой улыбки. Обычно когда я приезжаю у них кривое лицо, они не рады меня видеть. А люди посторонние, которые ко мне не имеют никакого отношения, ну понятно Джоварзи мой друг, профессор, мы переписываемся, перезваниваемся, мы более трех лет дружим, он был у меня в Киеве и тоже поперся в эту лавру. Первое что ему захотелось это попереться в эту лавру. Наверное они все в интернет смотрят, «что есть в Киеве», конечно Лавра, давайте попремся в Лавру. Ну слава богу мы там долго не задержались, часик и поехали в ресторан. В ресторане мне больше нравиться чем в лавре. В лавре там нужно постоянно стоять и что-то делать, смотреть на что-то. А здесь можно предаваться как раз очень интересным интеллектуальным беседам. Что я больше всего и ценил в отношениях с Джоварзи, это вот эти вот интеллектуальные беседы которые мы вели и об истории Европы, и об истории фехтования, и об истории русской криминальной традиции, и в особенности об истории итальянской криминальной традиции. Потому что мой друг, профессор, был как раз специалистом в итальянской криминальной традиции. Так как он преподавал в университете право и криминалистику. Но самое интересно выяснилось потом. Вы знаете, приятно преподавать то, что ты знаешь не понаслышке. Я конечно не мог себе представить, никогда в жизни, что буду жить в доме настоящего экспонатора музеяного в этом вопросе. Да, это я уже потом из интернет узнал, у кого в доме я жил. Чуть с ума не сошел. Такой приятный мужчина 60 лет. Ничего что это второе лицо на Сицилии в преступном мире. Вот это задница так задница. Вы себе даже представить не можете что ощущает человек, который просто начинает на иностранном языке лазить в интернет и находит щепетильную информацию о гостеприимном хозяине своего дома, в котором он жил почти 30 дней. Вот я думаю, я уже член сицилийской мафии или нет. Я там 30 дней был. Интересно, что скажу украинские правоохранительные органы, по поводу адвоката, который ездит на Сицилию и живет в доме «Второго лица» на протяжение 30 дней, это наверное забавно будет. Но, благо, у нас эти правоохранительные органы по английски не понимают, и вряд ли станут искать, а уж меня та точно., я точно никому не нужен.

Когда мы с Джоварзи встретились во второй раз, это было в Брюсселе, я не знал даже что делать. Мне каким-то образом нужно было прояснить для себя мое положение. Он увидел мое лицо еще в момент встречи, и очень мягким, по привычки, голосом спросил:

— Тебя что-то беспокоит?

- По правде говоря, да.
- Ну тогда давай присядем в кафе. Спрашивай. Что ты хотел знать?
- Я даже не знаю как тебе сказать.
- Давай я за тебя скажу. Ты хочешь спросить, правда ли то, что мой отце является членом сицилийской мафии. И являюсь и членом этой организации и я. Вот что я тебе должен ответить, как ты думаешь? Что это все вранье, все что написано. Что никогда в жизни, не я, не мой отец к этой организации не имели никакого отношения — это неправда. Что ты хочешь услышать от меня? И самое главное что ты вообще об это знаешь?
- О сицилийской мафии я знаю только по книжки «Крестный отец». Это единственные мои познания в этой области. А еще я смотрел фильм американский очень давно.
- Ну знаешь, я тебе могу любой фильм снять и с любым сюжетом. Ты же ученый, вроде как кандидат наук и в общем-то должен прекрасно понимать, что любой фильм или любая книга, это плод художественного вымысла автора. Ты же должен это понимать.
- Это я понимаю.
- Вот и прекрасно. То есть ответ на вопрос который ты задал, очень просто — это все неправда. Это художественный вымысел с попыткой приподнести определенный взгляд на нашу сицилийскую традицию. То что вы называете мафией у нас на Сицилии никогда в жизни не существовало, у нас такого названия даже нет.
- Как это нет? — спросил я, с ошеломленным удивлением.
- Вот так.
- Подожди. Ты хочешь сказать, что на Сицилии не существует никакой мафии?
- Именно это я и хотел тебе сказать. На Сицилии существует сицилийская традиция, вот какая она — это уже другой разговор, но такого названия «мафия» на Сицилии нет. Мафия — это термин, который придумали определенного рода люди, правоохранительные органы в Риме и так далее и тому подобное. Ведь вы же не называете мафией людей которые борются за свободу своей страны. Вот у вас они называются революционерами, а у нас они называются сицилийцы. Понимаешь? И это длинный исторический вопрос, который длиться не один десяток, а то и сотню лет. И чтобы в этом разобраться тебе нужно сесть как ученому с карандашом с книгами, благо они все на Итальянском языке и ты нехрена на понимаешь в этом, и разбираться. Мой отец разве сделал тебе что-то плохое?
- Нет, не сделала.
- Разве я тебе сделал что-то плохое?
- Нет.
- Но если ты нас считаешь представителями этого организации, значит мы должны быть преступниками, негодяями и уродами. Но ты же этого всего не видишь.

— Нет. Вы очень гостеприимные и приятные люди.

— Вот видишь. То есть получается так, что написали какие-то дураки во всяких книжках всякую дурю и именно по этому шаблону ты измеряешь своих собственных друзей. Мы ценим дружбу на Сицилии, и любим своих друзей и считаем, что это самая большая драгоценность. Но вы же как-то подругому оцениваете дружбу. Я открыт перед тобой полностью, спрашивай прямо сейчас, любые вопросы которые тебя интересуют. Что тебя будет интересовать? Убивал ли мой отец людей? Грабил ли он старушек по ночам? Что тебя будет интересовать? Стрелял ли он в людей? Мой отец адвокат. Ты это знаешь не хуже меня. Он директор одной из самых известных в Италии адвокатских контор. Ты много в людей стреляешь?

— Я вообще не стреляю.

— Понятно. Получается так. Если ты адвокат, значит ты такой же мафиози как и мы. Я правильно понимаю?

— Нет, не правильно.

— Вот именно. Вы привыкли оценивать людей по заголовкам газетных статей, не будучи даже знакомым с людьми лично. Ты со мной знаком лично уже более года. Я дал право тебе усомниться во мне хоть на секунду?

— Нет. Никаких проблем с тобой нет и твоё поведение крайне достойного человека.

— Вот. Обрати внимание, ты правильно сказал — крайне достойного человека. Так вот люди входящие в эту организацию про которую ты говоришь, это крайне достойные люди.

Тебе определённо стоит воспринимать эту организацию, как организацию достойных людей, а не как организацию каких-то преступников. Я, мягко говоря, немного обалдел, когда это все услышал. Тем более с такой большой долей откровенности. Но что делать?! Раз влезли, дальше будет видно. Мои приезды на Сицилию склонили меня к мыслям моего друга. Во-первых, я не видел никаких преступников и не видел, чтобы кто-то кого-то грабил на улицах. Я не видел, чтобы, как у нас в Киеве, отбирали сумочки. Я видел порядок. Да, он не похож на наш, но это был порядок, который обеспечивал равновесие в обществе. Я видел людей в костюмах, я видел людей без них, видел крестьян, ремесленников, видел обыкновенных рабочих, которые делали дороги, а вот преступников не видел. По сути своей, за время моего пребывания на Сицилии, где бы мы ни гуляли, никаких преступников я не встретил. Не считая разве что Палермо, где разного рода люд попрошайничал у нас какие-то копейки на еду. Это единственное, что я видел. Я могу сказать, что никаких проблем на Сицилии я не испытывал. Я не понимал, почему мировое сообщество в таком случае все это называет Мафией, когда в Нью-Йорке попасть в неприятности намного проще. И вот как раз это мне было не понятно. У нас в Киеве преступности и бандитизма намного больше, чем на Сицилии, но почему-то все организацию на Сицилии

считают страшной, а наш бандитизм считают обыденным. И этот факт меня очень сильно беспокоил. Причина банально проста — на Сицилии я вижу определённый порядок, а у нас я видел беспорядок и абсолютную бесконтрольность этой преступности. И эта преступность, что хочет, то и делает.

И мне совершенно не понятно, почему здесь на Сицилии это мафия, а у нас Мафии нет.

Принимай душ, раскладывай вещи в своей комнате,— сказал Джоварзи,— спи, отдохай, вечером мы поедем в гости.

В гости мы ездили часто, поэтому это меня совсем не удивило. Я пошел принимать с дороги душ, отдохнуть и готовиться к вечерней поездке в гости. Выспался я быстро, в комнате все было так же, как и в прошлый раз. Привел себя в порядок: побрился, одел уже хорошо отглаженный костюм. Вообще находится в этом доме ну очень приятно. Здесь делается всё по какому-то волшебству, не успеешь повесить костюм, как через совсем короткий промежуток времени, не говоря ни слова, обнаруживаешь его уже идеально отглаженным. Никогда не видел такого ни в одном доме. Я одел костюм, легкие туфли и спустился вниз на веранду. На веранде уже сидели отец, мать и сын профессора Джоварзи. И я присоединился к ним. Мы выпили по чашке кофе и были готовы выдвигаться в гости. На лужайку въехали два белоснежных микроавтобуса Mercedes.

Мы удобно разместились в них. Хозяин скомандовал «Вперед», и машины кортежем плавно покатали по лужайке, выехали аккуратно в ворота, повернули направо и двинулись в Алькамо. Сколько раз я езжу по Сицилии и всегда удивляюсь: мне кажется, что время здесь остановилось. Иногда, когда мы с профессором Джоварзи ездили по Сицилии, посещали разного рода исторические места, говорили о воинах, об истории войн, о тактике и стратегии, мы постоянно ощущали какое-то незримое присутствие прошлого. Такое впечатление, что здесь в одном смешалось прошлое и настоящее.

Машины двигались мягко. Расстояние от Багерии до Алькамо около шестидесяти километров. И машины такого класса преодолели это расстояние за очень короткий промежуток времени. Мы медленно вкатились в Алькамо, сделали несколько поворотов по улочкам этого города и приехали в небольшую загородную часть, где располагались виллы. Возле одной из таких вилл мы и остановились. Джоврази пригласил меня выйти из машины. Выйдя из машины, я увидел, что прибыли мы в очень типичный средневековый замок, такие я не раз видел на Сицилии. Электронные ворота открылись, и мы прошли внутрь двора. Нас встречала прислуга, она же нас и проводила в дом. Нас провели в шикарную библиотеку, где нас уже ждали. Эти люди мне были незнакомы. Это были отец и сын. Мне предложили сесть, и я спокойно занял место на диване. Все прекрасно говорили и по-итальянски и по-английски. Люди эти очень воспитаны и гостеприимны, и поэтому, чтобы мне не было не-

удобно, все перешли на английский язык. Только Бруно и хозяин дома, когда считали нужным, говорили по-итальянски между собой. Нас пригласили на ужин. Мы вышли на веранду, вся семья была в сборе.

Ужин был по случаю отъезда младшего члена семьи в Рим на учебу. По странному стечению я узнал, что и сын моего друга профессора Джоварзи и сын хозяина дома тоже были друзьями и учились в одном университете, и завтра они оба уезжали в Рим. И поэтому ужин по случаю их отъезда решили сделать совместным. Мало того, что родители дружили между собой, выяснилось, что и сыновья их тоже друзья. Ужин прошел в теплой, как у нас говорят, атмосфере.

Где-то в конце ужина Джоварзи, обратившись ко мне, выдвинул идею. Он сказал

— Нашим двум юнцам завтра нужно ехать в Рим. Не хочешь ли ты, Григорио, тоже съездить в Рим? У меня там есть несколько дел, и я бы заодно с тобой погулял бы по Риму. Два-три дня и мы обратно вернулись бы на Сицилию. Ты давно был в Риме?

— Я не то что давно, я вообще не был в Риме,— сказал я.

— Прекрасно,— сказал Джоварзи. Заодно покажу тебе Рим.

Я в принципе был совершенно не против поездки. Про город ходили разные истории и легенды, как научные, так и ненаучные, я там никогда не был, поэтому я, конечно же, решил согласиться. Хотя на самом деле у меня не было никакого выбора, потому что на Сицилии любой вопрос, который задают, он имеет риторический характер. Все уже решено давно за тебя, и тебе нужно просто согласиться. А не согласиться, как вы понимаете нельзя. Ну что ты будешь делать один без Джоварзи в его доме. Понятное дело надо ехать.

Договорились, что в Рим поедут на тех машинах, на которых мы приехали сюда и отцу не о чем беспокоится. Джоварзи обеспечит доставку внуков в Рим. И, в общем то, вот таким кортежем, вчетвером, очень даже комфортно и удобно и доедем в Рим. Переправимся на пароме, а дальше через Калабрию, Кампанию и доберемся. Так что завтра выезд приблизительно в 9 утра и к вечеру будем в Риме.

В Риме, как оказалось, есть где остановиться.

— Жить мы будем у нашего друга. У него там целое имение собственное, с прислугой, в общем, все, как положено, мы там все прекрасно поместимся,— сказал Джоварзи. А я заодно сделаю свои дела, есть несколько таковых у меня. И погуляем с тобой по Риму. А потом вернемся назад на Сицилию и продолжим наш с тобой отдых. Нам есть о чем с тобой поговорить, и о фехтовании, и о прочих интересующих тебя вещах. Но, а так как тебя последнее время кроме фехтования интересует и наша сицилийская традиция, то я тебе все, что могу, расскажу и покажу, чтобы ты мог для себя уяснить этот вопрос.

Ужин закончился, мы погрузились в автомобили и отправились домой в Багерию. Вернулись мы около 11 вечера. Машины поставили в гараж. Мы разместились на веранде, нам принесли кофе, итальянские сладости, вино, фрукты и мы могли сидеть хоть до утра, предаваясь своей аристократической праздности. Мы пили вино, обсуждали будущую поездку в Рим, пока к нам не спустился отец Джоварзи.

Он был одет в черный костюм, спокойно сел к нам за стол, посмотрел на меня и бархатным голосом спросил

— Действительно ли ты увлекаешься фехтованием?

— Да. Я не просто увлекаюсь, я на научном уровне занимаюсь оружием, криминалистикой, уголовным правом. Я исследовал небольшую часть русской школы фехтования. У меня есть некоторые работы, написанные в некоторых научных журналах на эту тему. Я преподаю в киевском университете им. Т.Г. Шевченко. Работаю в адвокатской конторе, я адвокат, ваш коллега. Специалист в области криминального права. Я не могу сказать, что я большой специалист в области организованной преступности, я больше занимаюсь оружием, фехтование и защитой по уголовным делам, но, безусловно, в силу специфики своих исследований, кое-что о ней знаю.

Он ухмыльнулся.

И как? Получается фехтовать? - спросил он.

— Ну как, ваш сын видел, как у меня получается,— немножко смущенно ответил я.

На что Бруно сказал: Я слышал от своего сына, как у тебя получается.

Я застеснялся, можно так сказать. Опешил даже.

— Вы считаете мой уровень фехтования недостаточным?

— Я так не считаю,— сказал он. Я просто спросил, как Ты оцениваешь себя? Меня этот вопрос интересовал.

Я сказал, что я оцениваю себя, как специалиста в этой области. Насколько уж там этот уровень специалиста высок, мне сложно сказать. Я кандидат наук, по-вашему — PhD, доктор философии. Мне сложно сказать какой у меня уровень фехтования. Да, у меня есть свой фехтовальный зал, я преподаю русское фехтование и русский рукопашный бой. У меня есть свой взгляд на этот вопрос, я его никому не называю. Проистекает мой взгляд исключительно из научных исследований, которые провел я и мои коллеги. Каких-то претензий на историчность или прочие вещи я не имею. Я знаю только то, чем владею, возможно, существует что-то еще. Я, конечно, хотел бы получить какие-то документальные вещи из глубины, связанные с этим. Но, к сожалению, на сегодня у меня этого ничего нет на эту тему. У меня есть определённые документы, датированные 18 веком, а то, что раньше у меня нет. Возможно, существуют документы более раннего периода, какие-то военные возможно. Я еще с этими документами не работал. Ну, вот как-то так. Фехтовальными традициями Европы я, безусловно, занимаюсь, по причине того, что они связаны с русской фехтовальной традицией, в особенности немецкая. Вот, в общем-то вот так, учусь потихонечку, провожу научные исследования, читаю лекции в университете, особо хвастаться нечем. Обычный украинский гражданин.

— А хочешь попробовать со мной? — говорит Бруно.

Я уже выпил вина к тому времени.

Я переспросил: Как попробовать?

— в прямом смысле этого слова. Хочешь ли ты попробовать пофехтовать со мной?

Я говорю, у меня и в мыслях этого не было. Это никак не противоречит вашим законам гостеприимства?

— Я же хозяин этого дома, я же тебе сам предложил это. Я же не заставляю тебя устраивать здесь смертельный поединок. Я спрашиваю, хочешь ли ты попробовать?

Знаете ли, у нас на Украине, когда человека спрашивают «хочешь ли ты попробовать» — это значит надо пробовать. И, поэтому, я ответил, что я не против. А на чём будем фехтовать? — спросил я.

— Сейчас принесут. Что тебе больше по душе?

Понятное дело, что никаких русских клинков у них здесь вряд ли нашлось бы,— подумал я. Соответственно, принесут свои. Подождём.

Бруно дал команду, вышел слуга, неся коричневый кейс в руках. Он положил его на стол, открыл и достал содержимое. На столе лежали в бархате два венецианских стилета.

— Выбирай,— сказал Бруно.

Надо сказать, что я до этого никогда в жизни на стилетах не фехтовал. Поэтому я выбрал просто понравившейся мне стилет, покрутил его в руках и обнаружил очень странную для себя вещь. Стилет оказался настоящим. Я чуть не потерял дар речи, но все-таки спросил у хозяина дома: а как мы будем фехтовать, когда стилеты настоящие?

— А вы, что, там у себя, фехтуете не настоящими? — удивленно сказал Бруно.

— Так а, если, мы пораним или убьем друг друга? — недоуменно продолжал я.

— Можешь не беспокоиться, ничего подобного не произойдет.

— Так, а как же мне тогда фехтовать? — не унимался я. Я же боюсь Вас поранить.

Этот человек стоял и смотрел на меня удивлённым взглядом и, наконец, спокойно спросил меня

— А зачем ты занимаешься фехтованием?

— Как для чего, для того, чтобы фехтовать,— ответил я.

Бруно мой ответ поверг в такое изумление, что я, наверное, никогда не видел в своей жизни такого изумлённого человека.

— Фехтовать? А зачем?

— Как зачем? Это же искусство.

— Я понимаю,— сказал Бруно. Так, а фехтуют то зачем?

И в этот момент я понял, что я никогда не задавал себе такого вопроса. Как зачем? Ну... чтобы фехтовать... Повисло некоторое молчание в воздухе. Но оно продолжалось не долго. Бруно, немного перевел дыхание и очень спокойным, но в тоже время каким-то очень чётким голосом сказал.

— У нас фехтуют для того, чтобы убивать, а не для того, чтобы фехтовать. Поэтому я не понимаю, что тебя удивляет в этих клинках.

— То есть это все по-настоящему? — все так же, скорее с глупым удивлением, спросил я.

И этим вопросом я еще больше удивил своего собеседника.

— А как может быть иначе? — сказал он.

— То есть Вы хотите, чтобы я в полную силу фехтовал с вами вот этим настоящим стилетом? А если я Вас убью?

И тут я увидел очень странную и очень нехорошую улыбку на его лице. Я спросил.

— Бруно, скажите, а можно эти клинки заменить, на какие-то другие? Учебно-тренировочные, например.

Он вызвал слугу. Слуга подошел и точно так же нехорошо улыбался, как и его хозяин. Забери клинки, — сказал он ему.

Слуга аккуратно сложил два стилета, закрыл кейс и унес его.

Я стоял в таком состоянии, как будто меня облили помоями с ног до головы. Но тут появился слуга. В руках у него был другой кейс, как мне показалось, подешевле, в нем лежали два металлических стилета, но не острых. Его острый конец был сплющен и закруглен. Границы стилета остались. По сути своей, передо мной была железная болванка с очень сильно закругленным концом. Бруно спросил

— Тебя эти устроят?

Глядя на них, мне уже было легче. Давайте попробуем этими, сказал я. Я взял клинок и пошел на лужайку.

И тут я понял, что на дворе ночь, что ничего не видно и все, что я вижу это то, что освещают фонари. Мой мнимый соперник, спокойно взял стилет, не снимая пиджака, подошел ко мне на расстояние выпада, и принял очень странную позу. Заключалась она в том, что он просто стоял в пол оборота ко мне с опущенным вниз клинком и просто смотрел мне в глаза. Никакой фехтовальной позиции, ничего и я даже не знал что делать. Я спросил, сеньор Джоварзи, что мне делать?

— А что вы обычно делаете?

— Мы обычно договариваемся об условиях поединка, договариваемся, что можно делать, чего нельзя.

— Давай объясни мне, как это у вас на Украине происходит.

— Мы обычно не бьем в голову, в руки в ноги да, а в голову обычно договариваемся не бить.

— Хорошо, в голову бить не будем. Договорились. Это все требования к поединку? — спросил Бруно.

— Ну, в общем-то, да.

— Тогда приступай. Можешь начинать.

Честно говоря, я не знал, что делать в этой ситуации. А вдруг я окажусь лучше него, как фехтовальщик. Мне этого очень не хотелось. Насколько я знаю, Сицилийцы люди обидчивые. А он вообще ввел себя

так, как будто я был ребёнок из детского сада. И просто стоял и на меня смотрел в одной и той же застывшей позиции. Ну хорошо. Попробуем что-то сделать.

Я спокойно пошел по кругу вокруг противника. Противник стоял на месте и не двигался. Он не поворачивался за мной, он и двигался вообще. Как стоял и смотрел в одну точку, так и продолжал смотреть. Когда я зашел ему за спину, я подумал, что это самый удобный способ атаковать противника, который даже не желает ко мне поворачиваться и сделал выпад. Клинок разрезал воздух, но не попал в мишень. Самая большая странность произошла потом. Когда я остановился, клинок моего противника был воткнут в меня очень нежно, я бы так сказал, не причиняя мне никакого вреда. То есть я был убит в одно движение. Удар в солнечное сплетение стилетом по рукоятку для меня был бы фатальным. То есть я бы уже давным-давно был мёртв. Бруно отошёл на полшага назад, опустил опять руку и снова просто молча смотрел мне в глаза. Я попытался сделать пару финтов, и совершил снова выпад. Он продолжал стоять, не двигаясь. Все мои финты разрезали воздух, но не били противника. И вот, наконец, как мне показалось, я подошёл на удобное расстояние, чтобы его ударить. Удар опять в пустоту, а нож казался у мен строго в шее. Я честно говоря вообще не понимал, что мне делать. Темнота. Технических элементов я не вижу. Все, что я ощущаю, это прикосновение металла ко мне. И всё. Но каждый раз, когда я пытался его атаковать, удар проходил мимо, а я в этот момент получал удар навстречу.

Бруно сказал — Хорошо. Теперь защищайся ты.

Я принял фехтовальную позицию и решил, что от обороны у меня получится лучше. Я начал защищаться, но через одну секунду уже лежал на траве, клинок лежал у меня на груди, как крест, который мне теперь придется нести по жизни. Хозяин дома приветливо подал мне руку, я забрал клинок с груди, а свой я потерял на траве. Он спокойно поднял меня, поднял клинок на траве, забрал клинок из моей руки, похлопал меня по плечу, дружелюбно меня обнял и повел обратнок столу.

— Сензор Джоварзи, что это было? — с удивлением спросил я.

— Фехтование,— сказал с улыбкой Бруно

— Я понимаю, но какое-то оно странное у вас фехтование... Ночью, клиники такие, какая-то техника, которой я никогда в жизни не видел. А почему ваш сын так не фехтует?

Бруно удивился.

— Что значит, так не фехтует?! Именно так он и фехтует, ведь учил его именно я.

— Но мне он никогда ничего подобного не показывал.

Бруно мне объяснил, что его сын очень образованный и воспитанный молодой человек, он может фехтовать в любой манере, которая ему заблагорассудится. Что-то ты видел, а чего-то нет. Вероятно, он не хотел тебе это показывать.

В этот момент спустился сын. Видя мои глаза, он понял, что произошло.

— Папа, сказал он отцу. Что ты делаешь?

— Ничего. Просто размялся с твоим фехтовальным другом.

— Папа, ну он же в гостях.

— Все понятно, но я так понимаю, что он приехал, чтобы понять нашу традицию, ведь об этом вы сегодня утром говорили?!

— Да, но ты ведь не присутствовал при этом разговоре

— Абсолютно верно, но я хозяин этого дома, я должен знать, что происходит в моем доме. И я хотел, как настоящий гостеприимный хозяин дать ему возможность это понять. Вот он увидел это на собственном опыте. Профессор Джоварзи спокойно сел в кресло, уперся стальными глазами в отца и сказал

— Пап, что нам теперь делать? Ну вот до этого было все хорошо, мой друг спокойно постигал традицию и так далее и тому подобное... Теперь ты ему показал, что, во-первых, он не имеет ни малейшего представления о настоящем фехтовании..

Весь разговор происходил на итальянском языке

И еще, вдобавок, озабочил его теперь тем, что ему теперь этому всему придётся научиться,— продолжил он. Пап, ты меня извини, конечно, но кто его теперь этому будет учить, вот скажи мне, пожалуйста?!

— Конечно же, ты,— спокойно ответил Бруно.

— Но извини, у меня не было никаких планов на этот счёт.

— Значит, они у тебя теперь появятся,— с улыбкой сказал отец сыну.

Я слушал итальянскую речь и ничего не понимал, о чем они говорят. Но знал, что обо мне это точно. Я сел напротив своего друга, налил себе вина, выпил пол стакана залпом и уставился на него. Мой друг спокойно закончил разговор со своим отцом. Отец с нами попрощался и ушёл в дом, а мы остались наедине. До выезда в Рим оставалось несколько часов.

Нью-Йорк, таунхаус, Манхэттен

В комнату вошел высокий статный мужчина. Сколько ему лет было с ходу определить было очень не просто. Все встали и пошли его встречать. Первым руку протянул старик, обнялся с человеком и произнес такую интересную фразу как «Здравствуйте, доктор!». За ним подошел молодой человек, обнял мужчину и поблагодарил его словами «Спасибо вам, крёстный, что посетили нас». они сели за стол и начали выпивать и закусывать.

— Что вы тут делали без меня? — спросил доктор.

— Обсуждали твою работу.— сказал старик.

— Ты имеешь ввиду то чудесное преображение нашего с тобой подопечного.— сказал доктор ехидно улыбаясь.

— Что-то вроде этого.— сказал старик

— И что же вы здесь обсуждали.

— Мы обсуждали откуда у нашего с тобой подопечного такие боевые навыки, и откуда у него эта логика, знания и прочие вещи которые у него появились совершенно спонтанно после твоего сеанса.

Доктор пристально посмотрел на молодого человека.

— Честно сказать, научно я это описать не могу. Ты же помнишь я работал со всеми твоими бойцами и чтобы вот такой случай был, я такого не помню.

— То есть, по сути своей правильно ли я тебя понимаю,— сказал старик.— что это случайность?

— Ничто иное. По причине того, что я чего-то подобного добиться и не пытался.

— Хм... Я думал что когда придешь ты, что нам хоть что-то станет понятно. Но как я понимаю, ты нам тоже ничего сообщить даже приблизительно объясняющего того, что происходит не можешь.

— Именно так,— сказал доктор.— Ты знаешь я с нашим другом после этого встречался многократно. И видел многое. Все что происходит здесь оно происходило, все было на моих глазах. И я не могу объяснить его чудесного преображения, если честно.

— Ты понимаешь, в боксе есть очень много людей, и все они занимаются чем-то и меня считают в боксе профессором, то есть доком во всех вопросах. Но этот парень рассуждает не хуже меня и в этом та и вся проблема. Результат моих рассуждений — это более 30 лет исследовательской работы, но у этого парня нет ни дня исследовательской работы и он рассуждает не хуже меня на эти темы. Мало того, он предлагает совершенно иную систему и теорию поединка и мне в общем-то сложно спорить с его доводами.

— Понимаешь, Кас,— сказал доктор,— ты всегда занимался парнями по своей методе. Т как бы использовал лучшее что существует. Но здесь такая ситуация что этот парень делает все не так как говоришь ты, и у него тоже все получается. Это вероятнее всего возможно. Ведь существуют чемпионы мира которых подготовил не ты.

— Я всегда допускал такую возможность. Просто мне казалось, что моя система самая лучшая для любого человека.

— А некто и не спорит, таких результатов в боксе как добился ты, сегодня пока не добился никто. Поэтому, говорить о том, что твоя система плохая, просто не представляется возможным. Она дает конкретные результаты, на ринге и все же очень довольны.

Тут в разговор вмешался молодой человек.

— Все проблема, Кас, в том, что твоя система она показала себя на ринге. Но систему которую изучал, каким-то странным способом, я предназначена для применения оружия а не для боксерского поединка и по этому я не думаю, что их вообще можно сравнивать.

— Ну ты же ссылался на Мухаммеда Али до этого?

— Да, ссылался. Но это для того, чтобы провести хоть какую-то аналогию. Дело в том, что вот этот вот монах который мне объяснял очень много, он говорил что по сути, человек всегда вооружен.

— Что это значит?

— Ну он считал оружие в том числе и тело человека. Он говорил, что пока человек не нашел оружие, не получил ствол в руки, он мог превратить свое тело в оружие.

— Интересно очень. То есть, по сути своей вот эта система, которую ты описываешь, она система применения оружия, а рукопашного боя.

— Абсолютно верно. И рукопашный бой возникает только тогда, когда нет оружия в руках. Но, она предназначена для применения оружия а не для рукопашного боя.

— Удивительно.— сказал врач.— Действительно, очень логичный парень.— и опять засмеялся.

— То есть ты хочешь сказать, что эта система не предназначена для бокса?

— Я не знаю.— сказал молодой человек.— Я знаю только одно, что принципиально она предназначена для чего угодно. Но, в боксе я видел что-то похоже только у Мухаммеда Али. А Мухаммед Али непонятно вообще как стал тем боксером которым он сегодня существует. Понятно что он слушал Каса, понятно что он тренировался со своим тренером, но никто не может объяснить, как Али стал Али.

— А ты можешь объяснить как ты стал тем, кем ты сегодня являешься?

— И я не могу.

— В том то все и дело. Думаю что лучше всего объяснил бы доктор по этому поводу. Но доктор сказал что он тоже не знает как это произошло.

Доктор посмотрел на обоих и начал медленно рассудительно говорить:

— Давай-те предположим, что мы собрались втроем, для того чтобы разобраться, что на самом деле произошло.

Все с ним согласились.

— И так, в определенный момент времени, ты привел этого парня ко мне. Было тако?

— Да, было.

— Я положил его на кушетку, применил гипноз и этот парень куда-то попал.

— Он говорит что он проснулся, или очнулся где-то.

— В конце-концов выяснилось, что это современный Неаполь. Предположим, там он встретил некоего господина, дворянина, он называет его Маэстро.

— И мало того, он даже помнит его имя, его звали Леонардо Чьякио.

— Предположим, есть человек, дворянин — Леонардо Чьякио. Этот дворянин поселяет его жить у себя в доме, обучает его какой-то странной системе применения оружия. Так?

— Так.

— Там есть еще какой-то монах, который его тоже обучает применению некой системы оружия. Так?

— Так. Все верно абсолютно.

— Что было дальше?

— Дальше я стал тем, кем я есть сейчас.— ответил молодой человек.

— Я тебя не про это спрашиваю.— заявил доктор.— Кем ты стал там, ты помнишь?

— Да, я возглавил преступную организацию.

— То есть они специально тебя подготовили к тому, что ты воз-

главил преступную организацию. Я правильно понимаю?

— Именно так. Когда они меня научили, я пошел и стал преступником.

— То есть?

— Ну все на самом деле очень просто, мне купили дом в этом городе который потом оказался Неаполем. Я стал богатым горожанином, мне присвоили дворянский титул, я стал бароном. Я собрал вокруг себя дворян, несколько из них убил на поединках. В конце концов мне этот господин начал говорить, что делать дальше, и я в итоге построил определенную структуру, которая впоследствие решала задачи, которыеставил вот этот вот господин. Тот дворянин, Маэстро, Леонардо Чьякио о котором я вам рассказывал, это все. Если в двух словах, то ничего большего и не происходило.

— Хорошо. А как ты вернулся обратно сюда?

— Все очень просто, это произошло в момент когда я убил своего друга в поединке.

— Подожди, то есть ты на поединке убил друга. Правда?

— Да. Он оказался предателем.

— Что значит предателем?

— Ну он как бы рассказал определенным людям о нашей организации.

— То есть ты его вызвал на поединок и убил?

— Нет. Я встретил его вечером в одном из кварталов. Но нельзя сказать что встреча была случайной, мне помог тот самый монах, о котором шла речь. Мы с ним встретились в достаточно темно месте где был всего один фонарь. И я его спросил почему ты нас предал. Он мне сказал, что он меня ненавидит, что на моем месте должен был быть он и что, ему не нравиться что я возглавляю эту организацию и что он, в общем-то хотел меня убрать, а поставить себя на моем место. В общем-то это все.

— Что было дальше?

— Ничего. Мы решили выяснить отношения, как это принято у мужчин. Достали два клинка — и я убил его в этом квартале.

— Правильно я понимаю, что вот этот молодой человек который сидел тогда с тобой за столом, он и погиб в этом квартале когда вы с ним дрались на поединки.

— Да, абсолютно верно. И когда я его убил я очнулся на кушетке. Это все что я помню. Больше в общем-то ничего и нет.

— Скажи мне пожалуйста, а вот этот вот молодой человек, он с тобой общался после этого.

— Да. Он был мои непосредственным подчиненным, он отчитывался каждый день о том, что происходит в городе, что сделано и так далее и тому подобного.

— А он общался вот с этим дворянином?

— Нет, он больше общался с монахом чем с дворянином.

— По сути своей, правильно я понимаю, что существует, или существовал в твоем сне, некий второй человек, который был твоим подчиненным. А что он делал?

— Понимаете, эта организация которую я создал, состоит из двух этажей. Один этаж возглавлял он, второй этаж возглавлял я.

— А-ха. Было два этажа, правильно? — сказал доктор.

— Да. — ответил парень.

— Внизу были одни люди, вверху были другие.

— Все правильно.

— А почему она состоит из двух этажей? — спросил врач.

— Дело в том, что существуют дворяне, которые руководят простолюдинами, это наверное понятно. Как директор завода руководит рабочими на заводе.

— Это мне больше понятно, чем дворянин и простолюдины.

— Прекрасно. Представь себе завод. Так вот на заводе существует директор и у него есть управляющий персонал, вот это люди которыми руководил я. Вот этот человек, мой друг, он руководил рабочими на местах, то есть в цехах, на отправки продукции, на складах.

— То есть по сути он был твоим заместителем.

— Нет. Он руководил своей частью организации, своей частью. Но так как этот человек подчинялся мне, то вся информация стекалась ко мне, а я её доводил до Леонардо Чьяккио. До того самого дворянина, Маэстро который учил меня.

— То есть, по сути снизу информация подымалась, я правильно понимаю?

— Абсолютно верно.

— А вниз что спускалось?

— А вниз спускались распоряжения, которые отдавал мой Маэстро, а я доводил это распоряжение до своего подчиненного и он внедрял эти распоряжения у себя, среди тех людей которым он командовал.

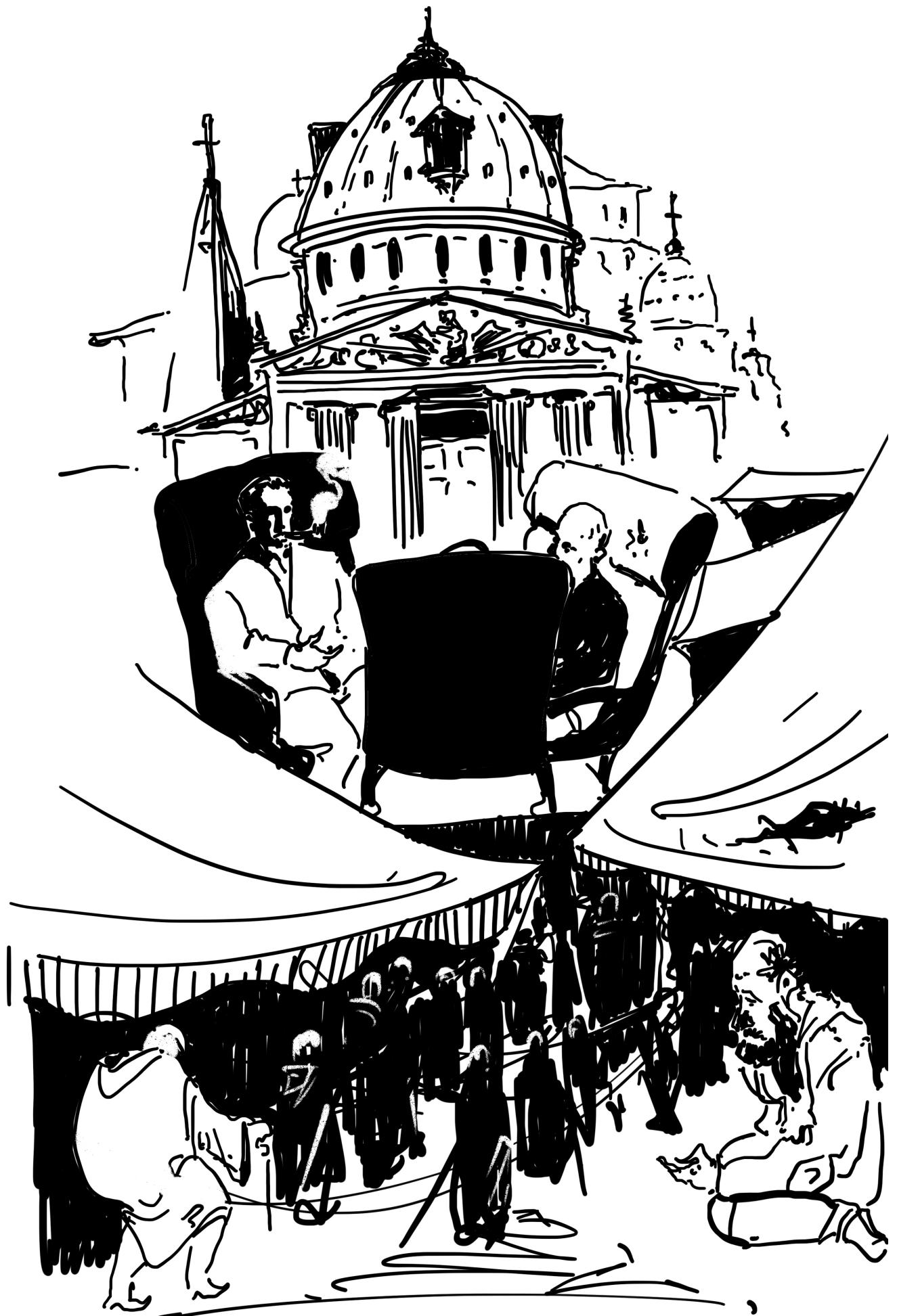
— Скажи мне пожалуйста какими людьми он командовал?

— О! Это были совершенно разные люди, нищие, сидящие на паперти, это были люди которые ходили по всему городу и высматривали, что происходит в городе. У него были люди которые были способны совершать преступления определенных видов, и тем самым зарабатывать деньги для содержания нижней структуры организации.

— То есть вы не финансировали этого парня, который внизу?

— Нет. Каждая из модулей организации работала совершенно автономно и не нуждалась ни в каком внешнем финансирование. Все деньги которые зарабатывались, они зарабатывались преступным путем. Ни каким другим путем они не зарабатывались.

— То есть, правильно я понимаю, существует две организации, которые в общем-то составляют одну организацию.

— Так нельзя сказать. Это одна и та же организация, просто у нее две части, скажем так. На завод не может существовать, отдельно цеха а отдельно склады. Если это не замкнуто в общую часть, то завод функционировать не будет. Мы не можем завод разделить на две части, так же и организацию мы не можем поделить на две части. Они руководят, другие производят продукцию.

— Скажи пожалуйста, а у тебя в подчинение были люди?

— Безусловно. У меня было достаточно большое количество людей в подчинение, около двухсот человек.

— Двести человек, ого!!

— они тоже зарабатывали деньги преступным путем.

— А как они это делали?

— По разному. Кто-то обманывал людей в карты за столом, кто-то грабил богатых купцов, огромное количество способов мы применяли, чтобы касса нашей организации постоянно пополнялась.

— А почему вот этому парню, который внизу, не отделиться от вас и не заниматься самостоятельно, вот этими всеми делами?

— Это невозможно практически.

— Почему?

— Все очень просто, смотри. Дело в том, что эти люди, которые внизу, в нижнем модуле как бы находятся они замыкаются на церковь ордена францисканцев, не на этого человека. Этот человек им поставлен как руководитель. По сути они его выбрали, то есть его можно сменить в любой момент времени, собрав некое собрание на заводе. Меня же, сместить было нельзя, по причине того, что для этого было недостаточно желания моих подчиненных. Есть еще Маэстро, который решает, кто будет на этой должности. Поэтому, что там, что там, существует двойной контроль. Люди и церковь, а здесь люди и некое лицо могущественное, которое определяет кто будет на этой должности.

— А не может так произойти, что вот эти люди выберут кого-то другого?

— Нет.

— Почему?

— Дело в том, что эти люди были тщательно подобраны мною. То есть эти люди сюда попали не потому что они хотели сюда попасть, а потому что я их отобрал. И в каждом из этих людей я был абсолютно уверен.

— Правильно ли я понимаю,— спросил старик,— каждый из этих людей был предан тебе почему?

— Абсолютно верно. Дело в том, что любого из этих людей можно посадить в тюрьму, а они очень обеспеченные и очень свободолюбивые люди и никто из них в тюрьме сидеть не хочет. Но вот этот человек, Маэстро, мог любого из них посадить в тюрьму. И тогда бы им пришлось сидеть в тюрьме вместо того, чтобы гулять на воле и зарабатывать деньги и вести тот образ жизни который у них существует.

— То есть, все они известны, фамилии их известны, где они живут известно, все известно о них, и в любой момент времени их можно посадить в тюрьму.

— Абсолютно верно. Именно так.

— А разве со вторым модулем нельзя поступить так?

— Можно. Именно это с ними и происходит. В тюрьме сидят именно те люди которые находятся в втором модуле, а не в первом.

— То есть?

— Понимание, те виды преступлений которые они совершают, за них предусмотрено очень небольшое наказание. То есть на долго их в тюрьму не посадят. Были такие случаи что люди по 10 раз сидели в тюрьме и никаких проблем не было. Это пол года, два года, не больше. Но тюрьма это очень важно место, где куются кадры нижней структуры организации.

— А что люди с верхней структуры организации не попадают в тюрьму?

— Попадают. Бывает по разному. Но приходят они в эту тюрьму только с одной целью, организовывать тех, кто с нижнего модуля организации. И отбирать из этих людей, тех людей которые в последствие попадут наверх организации.

— Хм... Целая наука, ты наверное книгу мог написать на эту тему.

— Честно говоря, я думаю, что на эту тему, кроме вот этого Леонардо Чьяккио никто книгу написать не может. Я знаю только то, что знаю я об этом. Но организация построена действительно очень разумно. Во-первых, нижняя структура по сути своей является разведкой, которая сама себя обеспечивает. То есть, она обеспечивает информацией всех, кто вокруг, она добывает то, чего не должна добывать верхняя организация.

— А что же делает верхняя организация?

— Она зарабатывает деньги. Суммы которые зарабатывает нижняя организации их хватает только на то, чтобы содержать эту нижнюю организацию, а вот верхняя организация зарабатывает настоящие деньги, большие деньги. Но если бы не было нижней организации, то они бы не знали что делать, и как получить информацию, что им делать и в какой момент времени. По сути своей, если нижняя организация — это глаза и уши, то верхняя организация, это завод по зарабатываю денег.

— Интересно.— сказал старик.— А правильно ли я понимаю, что организация которую возглавляешь ты сегодня в Нью-Йорке построена точно по такому же принципу?

— Именно.— сказал молодой человек.— Смотри, я много лет возглавляю эту организацию. В Нью-Йорке каждый день выходит куча криминальных статей, но обрати внимание, я никогда не был участником ни одной из этих статей. Мои люди часто попадали в полицию, часто попадали в какие-то разборки криминальные и прочее, и прочее. Но вспомни хоть одного моего компаньона который попал в хоть одну неприятную ситуацию с полицией.

— Я этого не помню.

— Все правильно. Дело в том, что бизнес, которым они занимаются, он криминальный. Но этот бизнес устроен таким способом что осудить их при этом крайне затруднительно. Дело в том, что эти люди проникли на все уровни власти Нью-Йорка, в мэрию, в муниципалитет, куда угодно, назовите как хотите но эти люди прямо сращены с властью. Их задача зарабатывать деньги и самостоятельно и вместе с чиновниками. И придумывать схемы которые позволяли бы каким то образом задействовать государственный бюджет. Эти люди... они фактически не прикасаемые, потому что в их схемах задействованы и политики и прочие люди, они не ходят по городу и никого не убивают. А если они совершают какие-то ограбления или что-то, то это подобно военной операции и совершенно не похоже на то, что делают уголовники. Соответственно если мы грабим банк то мы делаем это так, что этих людей никогда не найдут. Но если, кто-то с нижней организации грабит какого-то прохожего, то этих людей могут сто процентов посадить в тюрьму и в общем-то они никуда от этого не денутся. Поэтому все что происходит вокруг, оно делится на то что, ведет в тюрьму и на то, что в тюрьму не ведет. Человек с нижней организации, он выполняет всю работу которую мы ему говорим.

— То есть?

— Понимаешь, вот этот человек который возглавляет нижний модуль он отвечает за всю работу, грязную, которую выполняет организация. И вся эта грязная работа сводится к нему конкретно. То есть никто не может быть задействован кроме него при выполнение этой грязной работы. Даже если полиция посадит весь нижний модуль, то максимально до кого она может добраться, это до руководителя этого модуля, но добраться до руководителя или до члена верхнего модуля у них просто не получиться, потому что они не участвуют ни в чем подобном.

— По сути своей, эти люди просто лежат на кровати смотрят телевизор, бейсбол, футбол и так далее, и не ходят ни на какие ограбления, не крадут кошельки у людей из карманов, не бью стекла и уж точно не устраивают ни каких криминальных событий, которые можно было бы освещать в «Нью-Йорк Таймс». Вы никогда не увидите, чтобы люди с верхнего модуля совершали открытые преступления, все их преступления тайные. Безусловно люди с нижнего модуля тоже совершают тайно все это, но так как их преступный промысел в общем-то ограничен определенными действиями, определенными специальностями, специализациями. То безусловно при ограбление на улице есть вероятность появления полицейского автомобиля и этих людей могут посадить в тюрьму. Если они выносят чей-то дом, то понятное дело, что если они дураки, то могут оставить и отпечатки пальцев и прочее. В любом случае есть вероятность что их кто-то сдаст и так далее. Но дело в том, что эти люди не знают о существование верхнего модуля, верхней организации.

Даже если они попадут в полицию, они никогда не смогут рассказать ни про кого, кроме своего непосредственного руководителя структуры. Мало того, вот эти руководители структур они как бы, понимаете, только они знают в лицо руководителя нижнего модуля. По сути своей нужно взять кого-то из руководителя структур чтобы он указал на руководителя нижнего модуля, а это практически невозможно, по причине того, что сами они, руководители структур, ни в каких преступлениях не участвуют. И чтобы ты ему не предъявлять, он в общем-то лежит на диване и смотри бейсбол. По сути если эти двояк которые грабили прохожего, скажут что это он их послал ограбить этого прохожего, то вы же прекрасно понимаете, что он просто скажет, что они сумасшедшие и все. У него железное алиби, вот что.

— Так а чем же занимается эта штуковина которая называется руководитель структуры внутри вот этого модуля структуры, банды что ли руководитель?

— Все очень просто, он отвечает за то, чтобы они умели это делать. Это своеобразные тренера, которые тренируют этих людей.

— По сути можно сказать что эти люди они являются наставниками для вот этих преступников.

— Абсолютно верно. По сути, кроме как преподавательской деятельностью, ничем большим они не занимаются.

— А они всегда такими были?

— Нет. Дело в том, чтобы стать руководителем это структуры, необходимо быть лучшим среди преступников в определенный момент времени, чтобы они тебя избрали. А раз они тебя сами выбирают, то безусловно они считают что ты лучше других умеешь что-то делать и не попадаться. И вот этому вот этот человек должен их учить, совершать преступления и не попадать в полицию. По сути своей, по этому такой маленький процент того, что людей сажают в тюрьму, заключается в том, что вот эти самые лучшие объясняют им, как сделать так, чтобы не попасть. При этом сами они в этом не участвуют.

Врач смотрел на парня и с большим вниманием его слушал.

— Скажи пожалуйста, все вот это ерундовине тебя научил тот самый дворянин?

— Именно так.— сказал парень.

— А он сам был преступником, этот дворянин?

— Нет. Он был настоящим испанским дворянином.

— А скажи, зачем ему понадобилась преступная организация если он дворянин?

— Понимаешь общество без криминала жить не может. Ему без криминала жить просто невозможно. Но еще хуже, то что и правительству без криминала жить тоже невозможно.

— Почему?

— Ты понимаешь, правительство предназначено для того чтобы защищать людей от криминала и если нету криминала, то не от кого их защищать.

— Ничего если честно не понимаю.— сказал старик.— А ты не мог бы еще разочек подробнее объяснить.

— Все очень просто. Обрати внимание, криминал совершаet преступление, это сказывается на людях — им плохо. Соответственно, они нуждаются в правительстве, которое будит их защищать от этого криминала. Соответственно все очень очень просто. Правительство борется с криминалом, а криминал пытается на давать правительству бороться с ним. Верно?

— Верно. Что дальше?

— Be очень просто. Люди постоянно нуждаются в правительстве. Если нет криминала то сразу начинается в государстве беспорядок. Почему? Потому что люди начинают жить хорошо. А раз они живут хорошо, то у них начинаются очень глупые идеи возникать в голове. Например, о свободе, правах человека, равенстве и братстве, и прочая хрень. А это исключает существование правительства. Правительство такой организации не нужно, они сами с усами, и сами знаю что им делать. А отсутствие правительства, это отсутствие государства. Так и государство развалится и мы вернемся к первобытно-общинному строю. Поэтому существует криминал, плохие люди, которые приходят, стреляют с автоматов в витрину и требуют деньги — это называется рэкет в Америки. После этого приезжает полиция и говорит, что мы их обязательно найдем, и человек понимает, что ему нужно правительство, ему нужно платить налоги и все хорошо. Но представьте себе, что никто не приезжает и никто не стреляет в витрину. Что тогда происходит? Тогда человек прекращает платить налоги, и не понимает зачем ему нужно правительство, он и так хорошо торгует и жизнь в принципе идет у него нормально.

— Правильно ли я понимаю,— сказал старик.— Для того чтобы существовало государство, нужно обязательно чтобы была преступность?

— В этом нет ни каких сомнений.— сказал молодой человек.— Обрати внимание, давай посмотрим на наш с тобой последний проект. У нас существует с тобой преступность, это национальная боксерская ассоциация США, то есть это криминальная структура которая получает с боев все деньги и никому их больше не дает. Мы с тобой решили провернуть проект, связанный с тем, чтобы забрать у них этот бизнес и присвоить его себе.

Старик поморщился.

— Ну давай, Кас, называть вещи своими именами, здесь же никого нет и не надо не перед кем танцевать. И так, мы хотим отобрать бизнес у национальной боксерской ассоциации США. Правильно?

— Ну, предположим это так.— сказал старик.

— Тебе не нравиться моя формулировка. Хорошо. Мы борцы за

справедливость, и мы хотим чтобы деньги распределялись справедливо. так тебе нравиться?

— Нравиться.— сказал старик.

— Отлично. И так мы решили отобрать бизнес у национальной боксерской ассоциации. Что мы делаем, мы организовываем бои в обход нее. Правильно?

— Правильно. А чем они нам нужны.

Парень засмеялся.

— Вот точно также думает и человек, которому не стреляют в витрину. Понимаешь. Вот точно так они думают «зачем нам нужно государство, если я и так нормально торгую, так зачем платить налоги если я и так нормально получаю». По сути своей каждый человек превращается в государство, а тогда разваливается то государство в котором мы живем. Поэтому чтобы люди находились в состоянии, где нет бунтов и революций, обязательно нужен криминал. Обратите внимание: если криминала нет, то в этом государстве мгновенно возникает революционное движение. Никогда не существует революции в государстве, где есть криминал. Вот смотрите. В Италии, где вы видите революцию? Ее нет. Посмотрите в Германии, где вы видите хоть одну революцию. Ее тоже нет. А во Франции? А во Франции одни революции постоянно, каждый раз люди выходят на улицы и устраивают хаос. Почему? Потому что у них разгромили организованную преступность, ее не существует во Франции. Апашей разгромили до революции, еще советской, российской. У них нет организованной преступности, а раз нет ОПГ, то вместо них появляется революционное движение. Вот если бы в Америки не было бы преступности, то там бы уже давно произошла бы революция. Обратите внимание люди живут хорошо, только потому, что их защищает государство, они итак думают. Но как только они так перестают думать им напоминают о том, что государство играет важную роль в их жизни.

Но следующий вопрос, который задал врач:

— Что ты хочешь сказать... что если бы не было преступности, то не было и нашего государства?

— Абсолютно верно. Бес преступности не бывает государства, если в государстве нет преступности, значит это государство не сможет существовать.

— Никогда об этом не задумывался.— сказал старик.

— Скажи, а кто придумал эту структуру из двух модулей? — спросил доктор.

— Я не знаю.— сказал молодой человек. Все что мне известно, это то, что мне рассказал вот этот Мастер, мой учитель, если его можно так назвать, из того сна в который ты меня загнал, кстати.

— Да уж... веселые картинки ты рисуешь. Получается что в тебе, как в криминальном авторитете государство нуждается больше чем в любом своем гражданине.

— Абсолютно верно. Смотри. У государства существует армия, полиция и так далее. И если армия государства не воюет, она не нужна. Если полиция не работает она тоже не нужна. Если министерство финансов, налогов на собирает деньги они тоже не нужны. То есть все должны обосновывать свою полезность в государстве. А это возможно сделать, только за счет того, что эти структуры как-то работают и это вино всем. Понимаете.

— То есть по сути своей, если государство не видит завоевательных войн, то эта армия никому не нужна.

— Абсолютно верно.

— А как же доктрина о защите государства от других армий?

— Понимаете когда на протяжение 15–20 лет ни идет ни какой войны, то расходы на армию начинают резко сокращаться. Почему? Дело в том, что армия которая не воюет, она никому не нужна. Воевать она не умеет, на нее просто тратят деньги. И если мы каждый божий день не думаем о том, что нам очень нужна армия и что ее нужно содержать, и нам об этом не напоминают, то конгрессмены в парламенте начинают требовать «давай те сократим военные расходы, давайте сократим то ... это... это же не нужная структура зачем это все; Давай те сделаем 500 тысячной армии, 100 тысячную армию, а эти деньги отправим на здравоохранение и так далее.»

— То есть по сути, если у тебя не будет армии, то тебя завоюют в один момент времени. Но это же тогда пойму, когда завоюют, а не хотелось бы чтобы завоевали. Поэтому надо гражданам как-то обосновывать существование такой могущественной армии. Соответственно, эта армия должна постоянно показывать как она защищает те ценности свободы и прочие ерундовые слоганы, но только во внешних рубежах, а полиция — во внутренних рубежах. И полиции тоже нужно давать постоянную работу. Но если все люди просто работают, зарабатывают деньги и общаются друг с другом, то зачем им государство? Для чего? Оно им не нужно. И только тогда когда у них возникает страх, возникает необходимость в государстве. То есть им нужно обязательно куда-то жаловаться идти, ябедничать и так далее. А это создает криминал. Криминал приходит и отбирает у человека что-то. Человек идет жаловаться в полицию, полиция начинает защищать этого человека, искать преступника. В конец концов находит, или не находит, это не важно, что полиция есть и она готова защитить, что есть куда позвонить чтобы тебя защитили. Но если тебе не надо куда-то звонить, то тебе и полиция не нужна. И очень скоро ты скажешь, «зачем я плачу деньги для того чтобы была полиция». Поэтому большинство людей они просто не понимают, что наличие преступности — это очень важный элемент управления общественным и народным сознанием. Если этого нет, то ничего подобно в принципе больше происходить не может. То есть, любой человек может сказать «я не хочу платить налоги, у меня нет необходимости в государстве, я буду жить сам по себе». Но если вы начнете кричать

с трибуны о том, что этот человек неправильно действует, поднимется еще 50 человек и скажут «мы живем в свободной стране, у нас демократия, мы имеем право решать сами». А если они будут решать сами, то развалиться государство через 2 дня. Поэтому обязательно придумываются повстанцы, обязательно придумывается опг, обязательно придумываются прочие негодяи с которыми нужно бороться и которые доставляют кучу хлопот населению страны и никак не влияют на государство. И люди приходят и говорят «давай-те раз мы платим налоги защищайте нас от эти негодяев». Полиция начинает, успешно, не успешно бороться с этой преступностью и всем хорошо. Полицейские занимаются своим делом, преступники свои. И машина государства закрутилась, она нужна, необходима и каждый человек осознает что нужно платить налоги и прочие. Если же этого нет, то государство не может ни жить, не развиваться, ни делать что либо другое.

— После таких теорий,— сказал врач — хочется заняться какой-то другой наукой, кроме медицины.

— А тебе и не надо,— сказал молодой человек,— заниматься ничем, кроме медицины. Дело в том, что тебя это точно не коснется. Ты живешь в шикарном доме, у тебя офис на Манхэттене, у тебя куча денег, что тебе еще надо.

— Да, действительно, ко мне не приезжает никто в офис, не стреляет в витрину и не отбирает у меня деньги. Это правда.

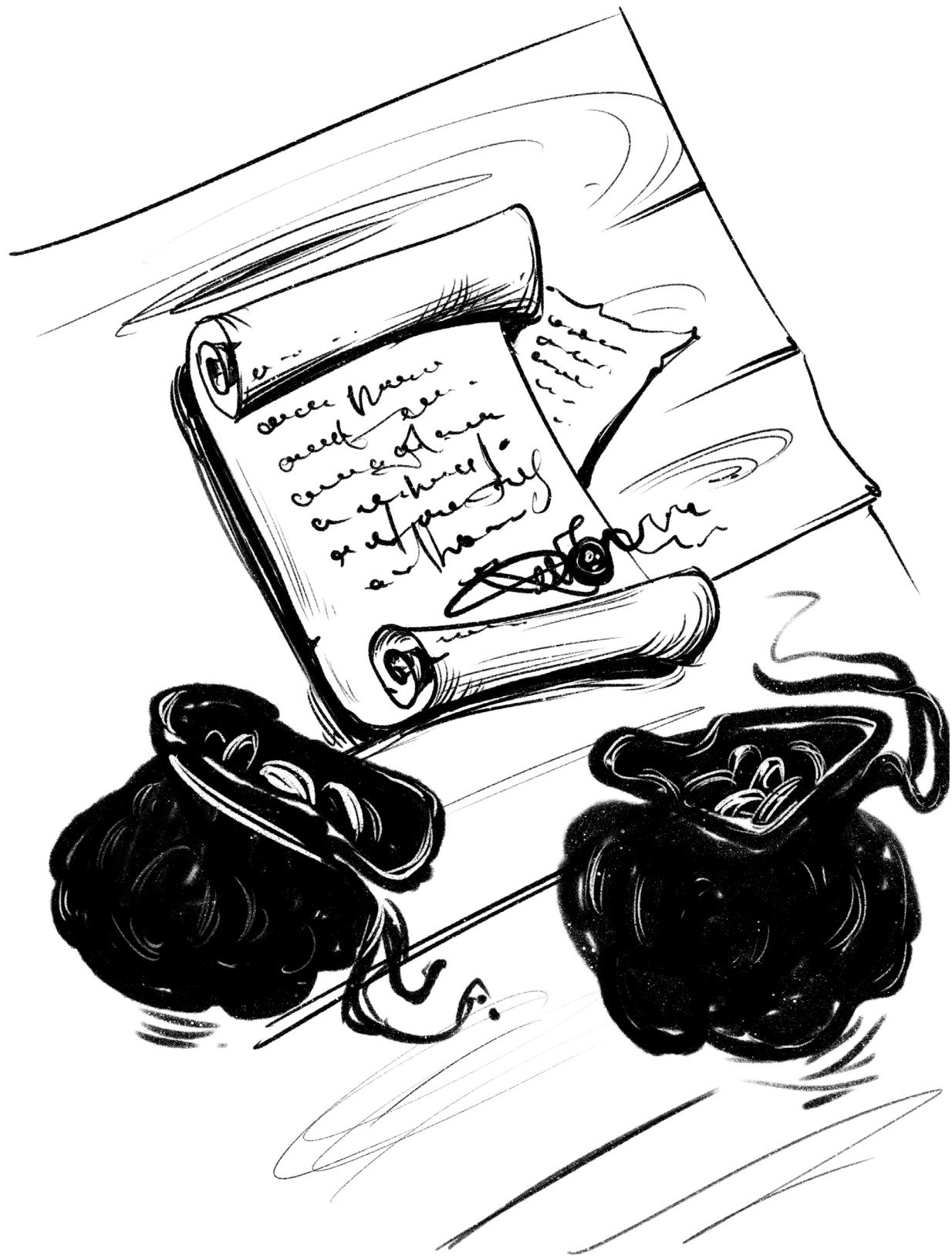
— Все абсолютно верно. И знаешь почему? Потому что у тебя есть такой друг как я. Вряд ли кто либо в Нью-Йорке захочет поехать в твой офис и что либо сделать. Потому что я камня на камне не оставлю от его желаний через 2 минуты.

— Ты хочешь сказать что и людям выгодно существование криминала?

— Абсолютно верно. Вот тебе же хорошо со мной.

— Это да.— сказал врач и призадумался.

— Смотри, криминал нужен не только государству, а нужен и простым людям таким как ты, например, врачам. Разве ты будучи бизнесменом, врачом не нуждаешься в том, чтобы в твоей жизни существовал я? Разве ты хорошо жил до меня? Правильно. Жил ты как все. И у тебя не было офиса на Манхэттене. Но сейчас ты не совершаешь преступлений, ты не ходишь не грабишь банки, ты занимаешься своей медицинской практикой и при этом, являешься важным звеном в нашем совместном бизнесе. Видишь и бизнес без криминала не бывает.— сказал ему молодой человек.

Чъякио молча наблюдал, как у Брикчера лицо покрывалось каким-то сияюще-красным цветом.

Брикчерс не раз прочёл документ, но почему-то продолжал его вертеть.

Из сего документа следовало, что этот парень дворянин, барон. Теперь это не был простой юноша — но юноша знатный. Принадлежал он к древнейшему Неаполитанскому роду, и что рыцарь в известном каком поколении. Был этот юноша потомком весьма знатных родителей, Неаполитанских дворян. И говорил пергамент о том, что его обладатель — владелец достаточно большого имения в Неаполе, владелец достаточно большого числа подданных, слуг.

И Брикчерс прочитав все это чуть с ума не сошёл и воскликнул:

— Это что????

— Это документ, который как раз тебе передал Джакомо Ла Куова. Он тебе передал эту бумагу, мне оставалось только вписать имя человека, и я вписал твое имя в этот пергамент.

— Вот это да. То есть с сего дня я — дворянин, богатый человек, очень состоятельный и влиятельный, с достойными предками! Согласно родовому древу у меня две линии: одна — монашеская линия, вторая — линия рыцарская; мои предки воевали за Корону Испании много веков... Итак, я... очень значимый испанский гранд, согласно написанному здесь. Да?

— Абсолютно верно.

— И всему цена вот эта вот бумага?

— Да, вот в этом весь и парадокс жизни. Когда человек имеет такую бумагу на руках, все ему принадлежит. Когда он этой бумаги не имеет, то ничего ему и не принадлежит. Ты ее сверни пожалуйста аккуратно, тебе эта бумага понадобиться для входа во владения в твои. После этого ты эту бумагу отдашь мне, чтобы с ней что-нибудь не случилось и я ее просто положу у себя в сейфе, спрячь у себя дома, чтобы никто ее не мог изъять или что-нибудь еще сделать. Потому как, поверь мне, через какой-то промежуток времени появятся люди, которые захотят добраться до этой бумаги и уничтожить, для того, чтобы предъявить тебе претензии. Поэтому, мы пойдем несколько другим с тобой путем, ты предъявишь документы, его изучат, признают его подлинным, пойдут приведут всяких там всяких юристов и других людей, которые в этих вещах разбираются, соберут дворянство, представлят тебя дворянству.

А представит тебя тот самый монах, которого ты видел в прошлый раз у меня в доме. Мы как бы пойдем от имени церкви, что вот явился хозяин это всего, и будьте любезны, прошу любить и жаловать, испанского барона, испанского гранда на территории этого прекрасного и достопочтимого города.

И первый шаг, который ты сделаешь, таков: ты вступишь в права и станешь этим бароном. Дальше у тебя задача познакомиться как можно больше с числом таких же дворян испанских, как и ты. Ходи

на балы... — и достал господин Чьяккио два кошелька с деньгами и поставил их на стол, ходи на баллы отыхай знакомься и так далее. У нас с тобой день будет построен следующим способом, будет все очень просто, у нас с тобой два этапа: этап № 1 — это ты становишься вот этим вот дворянином; второй этап — ты должен сделать все так, чтобы тебя начали уважать в этому кругу. Мало всех знать, мало того чтобы все тебя считали дворянином, чтобы все было так как мы и задумали, важным этапом является то, что ты должен стать популярным, знаменитым среди этих людей, они должны тебя считать авторитетом.

Брикчес посмотрел, задумался и спросил:

— А как же этого добиться?

И Леонардо Чьяккио достал с пояса кинжал, положил его на стол и сказал:

— Это единственный способ добиться уважения. Фехтование — это единственной способ получить уважение в Неаполе, другого способа нет. Тебе придется участвовать в поединках, тебе придется победить в этих поединка иначе уважения не снискать.

Неаполitanцы «поворнуты» на фехтовании; и если дворянин не может держать шпагу в руках, он не может быть авторитетом, и так всегда — в принципе по определению. Я научу тебя тому, чего не знает ни кто, но все это как говорить несколько позже. Сейчас твоя задача сделать так, твой день, он поделен на 2 части: часть № 1 и часть № 2.

Часть № 1 — эта часть, связанная с завоеванием доверия у этих людей. Ходи в гости, участвуй в званных обедах, приглашай к себе гостей, пусть они ходят к тебе, общаятесь с тобой, ты ходишь общаяешься с ними. Я тебе буду помогать, подсказывать, каких людей выбирать, с кем нужно наладить отношение и так далее.

Часть № 2 — то что тебе должно будет четко понятно, это — мы с тобой будем встречаться за городом, каждый день утром, и мы будем с тобой заниматься фехтованием. Я буду тебя учить фехтовать, пока ты не станешь готов к тому, чтобы стать авторитетным человеком для этих людей. Мы с тобой будем встречаться в школе гладиаторов, она расположена, мы как раз в нее завтра едим. Так как это расстояние между твоим именем и Неаполем — в одну сторону, и школой гладиаторов и именем в другую сторону. Она где-то по середине находится. Поэтому тебе будет очень удобно двигаться туда и в Неаполь сюда. А так как ты живешь не в самом городе Неаполь, а за городом, так как ты землевладелец, поэтому у тебя замок и так далее за городом. Поэтому тебе будет очень удобно заниматься там в школе гладиаторов фехтованием. Почему? Дело в том, что там огромное количество людей, спарринг партнёров, которые тебе нужны для того чтобы ты мог научиться биться таким способом чтобы всегда побеждать. Поэтому мы с тобой будем там заниматься и по утрам, и по вечерам. Когда я буду говорить мы будем заниматься с тобой утром, когда я буду говорить мы будем заниматься с тобой вечером. А все остальное время ты будешь проводить

как «нормальный» барон в праздности, ты будешь заниматься обедами, приемами, балами и прочими фигней которая свойственна этому типу дворян. Сначала просто познакомься с людьми.

Молодой человек кивнул и сказал:

— Хорошо, Леонардо, я все сделаю как ты сказал.

— Прекрасно. Теперь мы можем двигаться в твое имение.

Он вызвал слугу своего. Пришел слуга. Он спросил, где монах Алевтино. Слуга ответил, что тот давно сидит, пьет вино и ждет окончания вашего разговора.

— Пригласи его, пожалуйста.— сказал Леонардо

Зашел здоровый с тучным видом, с огромными кулачищами монах, в черной францисканской одежде с капюшоном. И Леонардо ему говорит:

— Падре, мы с вами выдвигаемся в имение. Дайте команду, чтобы подготовили две коляски. А мы с молодым человеком поедем верхом, посмотрим каков он в седле — этот молодой человек. И монах подготовил две коляски, туда посадили двух людей из прислуки, потому что он там никого не знает и нужно два человека которые ввели бы всех в курс дела. Посадили монаха этого в коляску, оба взлетели в седла, и помчали все в направление имения.

• Изучение

• Восстание
из Кейптауна

Открылась задняя дверь микроавтобуса и на дорожку, посыпанную гравием, выкатили пациента. Человек, в котором угадывался Пинхус, брат Ицхака, сидел в коляске и действительно не подавал признаков жизни. Смотрел в одну точку, ни на кого не обращал внимания. И пациента подкатили к столу, и оставили, словно напоказ перед всеми, затем машина медленно поехала на парковку. Монах спокойно смотрел на пациента.

— Ну вот,— сказал подполковник. Вы нам уже фокусов показали, не изволите ли показать еще один? — ехидно спросил подполковник.

Магнус перевел взгляд на военного, и он как-то уменьшился в росте за столом.

— Прекратите,— сказал Бруно подполковнику.— На этой почве шутки неуместны.

— Хорошо, молчу, сдавленно ответил подполковник и уставился на пациента.— Давайте, колдуйте. Посмотрим, как это у вас получится. Одно дело людей пугать, а другое дело сделать дело.

Монах попросил принести ему стул. Его быстро расположили напротив Пинхуса, где-то под углом 35 градусов от него. Монах встал, подошел к столу, сел, уперся взглядом, словно вникуда и вдруг достаточно спокойным и твердым голосом скомандовал: повернись ко мне. Пинхус повиновался.— Чудеса, прошептал подполковник.— Он вас слушается!

— Смотри мне в глаза,— сказал монах.— Слушай меня: вспомни, что с тобой произошло. Тишина продлилась около 30 секунд.

И вдруг Пинхус начал говорить:

— Я... я смутно помню.

— Ничего страшного, сказал монах,— продолжай.

— Я попал в какой-то квартал.

— Хорошо, что было дальше?

— Там была какая-то площадка, где были зажжены факелы в бочках.

— Прекрасно, сказал монах.— Что было дальше?

— На скамейке сидел чернокожий человек, он был в капюшоне.

— Отлично, а что было дальше?

— Я подошел к нему.

— Ну, что дальше?

— Сел недалеко от него на скамейку.

— Продолжай, сказал монах.

— Мне очень хотелось вызвать его на поединок.

— Иии..., протянул подполковник. Монах же продолжил, ни на кого не обращая внимания:

— Что было дальше, вспоминай. Повисло молчание.

— Этот чернокожий человек посмотрел на меня. Дальше, в руках сверкнул нож.

— Дальше...

— Дальше провал, дальше я ничего не помню.

Монах прервался и сказал: — Ну в принципе, всё понятно. Как я и думал, ваш брат пал жертвой собственных заблуждений. Все было

приблизительно так: он прилетел в Кейптаун, расстался с этой женщиной и пошел искать приключений. Забрел в какой-то квартал, встретился с каким-то чернокожим человеком, но поединка не получилось. Тот сломал его волю еще до того, как они вступили в поединок и вот мы видим некую заторможенность психики. Его просто заклинило. Если представить психику в виде некой пружины, то пружина просто заклинила. Сейчас мы попробуем выяснить подробности.

— На кого похож этот чернокожий человек? Молчание снова длилось 30 секунд.

— Это змея, сказал пациент.

— Он змея,— повторил монах?

— Да, я ничего, кроме огромной змеи не вижу.

— Интересно, комментировал изумлённый подполковник.

— Итак, мы имеем дело с какой-то огромной змеей, которая сломала психику вашему брату,— монах продолжал задавать вопросы, а все спокойно и как-то не шевелясь наблюдали за происходящим.

— Смотри на меня, сказал монах... и словно в финальной сцене Пинхус пристально уставился в глаза Магнуса. Дальше что-то произошло, какой-то щелчок, перепад напряжения. Было такое впечатление, что все лампочки в доме хотели перегореть, но не перегорели. Затем какой-то пространственно-временной провал, все опешили на мгновенье и бац... Пинхус как-будто проснулся от сна.

— Смотрите на меня, сказал монах,— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, ответил он,— А где я нахожусь? Вы на Сицилии, молодой человек, в доме ваших друзей.

— А что я здесь делаю, спросил он.

— Вас сюда привезли из психиатрической клиники, чтобы я помог вам справиться с вашим недугом, сказал монах. Пинхус устало выдохнул и сказал: такое впечатление, что для меня время остановилось я и запутался в каком-то коллапсе.

Тут он увидел брата. Он встал с кресла-каталки, подошел к Ицхаку, обнял его. Тот всё никак не верил своим глазам. Подполковник сидел за столом, обхватив руками голову и смотрел в стул. Бруно же спокойно курил сигару. Магнус смотрел куда-то под углом вверх. Пинхус пришел в себя, освоился и попросил кофе. Ему дали еду, кофе. Он начал жадно есть и запивать это все кофе.

— Что было с моим братом, торопливо, сбивчивым голосом спросил Ицхак у Бруно.

— Что ж, этот вопрос стоит адресовать нашему дорогому монаху. Магнус, объясни нам, пожалуйста, что произошло с братом моего друга?

— Как бы вам это объяснить...— протянул тот, задумавшись,— Все очень просто. Представьте себе, что удав смотрит на кролика. Кролик приходит в некое оцепенение. Затем удав исчезает, а кролик остается в оцепенении. Вот примерно в таком состоянии мы и застали вашего брата.

— То есть, вы хотите сказать, что кто-то превратился в удава и сломал психику моего брата, верно?

— Не совсем так, но если применять аллегорию, то приблизительно картина так и сложилась.

— Зачем ты поехал в Кейптаун? — спросил у Пинхаса радостно недоумевающий брат.

— Ты понимаешь, она меня так разозлила, эта журналистка, я хотел ей доказать, что то, что я делаю, имеет значение в жизни для людей.

— Доказал?

— Нет, — честно ответил Пинхус. Ты хотел доказать ей, но каким способом, что ты собирался делать?

— Я хотел найти одного из бандитов, вступить с ним в поединок, задержать его, доставить в полицию и тем самым доказать ей, что я могу справиться с любым хулиганом, который существует в этом Кейптауне. И... Дальше, я пришел в какой-то квартал, увидел этого парня, подошел к нему, а дальше я ничего не помню...

— Ну, как я и сказал, повторил Магнус. Обратите внимание, ваш брат пошел гулять по криминальным кварталам, искать приключений. Он нашел приключения, в результате чего у него сработала затормаживающая функция психики. В результате, ваш брат попал вот в это особенное состояние, в котором он пребывал до недавнего времени. А сколько это состояние могло продолжаться, не знали бы вы Бруно Джоварзи? Ваш брат мог бы вообще никогда не выйти из этого состояния, — сказал монах.

— Поведайте, пожалуйста, Магнус, а вы-то откуда все это знаете?

— Это достаточно риторический вопрос, — сказал монах. Бруно же поблагодарил Магнуса за помощь и попросил присутствующих отпустить монаха, потому что у него наверняка скопилось множество дел.

Машина подъехала к столу, монах попрощался, сел на заднее сидение, и автомобиль скрылся в воротах.

— Итак, констатируем факт, продолжил беседу подполковник, — ни один израильский врач не смог вылечить твоего брата. Затем мы прилетаем на Сицилию, появляется какой-то монах, быстро исцеляет твоего брата, показывает мне, что мои ноги могут не ходить и в результате исчезает вот в этих воротах на машине.

— Вам не кажется, что это какой-то спектакль, Бруно, спросил недоумевающий подполковник?

— Обратите внимание, парировал с улыбкой Бруно, — что еще десять минут назад вы так не считали. Вы сидели, обняв свою голову руками и пытались изменить свои убеждения, но у вас ничего не получилось. А так как это прочно устоявшиеся у вас догмы, то с вами можно делать все, что угодно, например вас убить. Любой человек, который понимает те заблуждения, в которых вы находитесь, может этим воспользоваться и что-то нехорошее с вами сделать. Ну, например, привести вас в такое же состояние, в каком пребывал брат моего делового партнера.

Ицхак пристально взглянул в глаза Бруно:

— Объясни мне, откуда этот монах все это знает и все это умеет?

— Буду краток, сказал Бруно,— Я не думаю, что вам это будет интересно и вряд ли вы когда-нибудь еще попадете в такую же ситуацию. Это монах ордена францисканцев. Этот орден веками контролировал оккупированные территории Испанской империи. Таковые люди — одни из самых образованных на земле. Это они и построили современную и до-современную науку. Ну например, откуда ваши врачи знают, как лечить грипп,— спросил Бруно?

— Предположу, что они проводили исследования, разрабатывали вакцины и прочее,— ответил Ицхак.

— Ну вот считайте, что эти люди занимались тем же самым, но параллельно. Просто они умеют это делать, а ваши врачи нет. Не научились еще пока,— сказал Бруно.— Так проще. Вам так должно стать проще понять.

Бруно пристально посмотрел на исцеленного Пинхуса.

— И скажите, пожалуйста, вы до сих пор считаете, что то, чем вы занимаетесь, имеет какое-то значение в жизни?

— Нет, господин Джоварзи, я так не считаю,— незамедлительно ответил Пинхус.

— А вот и переоценка ценностей пожаловала, о которой я говорил. И тут уж вмешался Ицхак:

— Прошу пролить свет, Бруно, и ответить: так любого человека можно сломать?

— Безусловно, конечно. Все естественно зависит от уровня подготовки человека и его убеждений, но в принципе такое перевернёт любого.

— А почему ты так с уверенностью об этом говоришь?

— Ну, потому что все люди, живущие на земле, пребывают в заложниках своих заблуждений. Вот, например, подполковник считал, что он в одно движение справится с монахом, но он не смог даже встать из-за стола. Скажи, пожалуйста, а твой монах может заставить меня встать с инвалидной коляски?

Бруно тяжело выдохнул: — Эх, я не знаю,— сказал он. Пожалуй, нужно спросить у него самого, ты же понимаешь, что я этим не занимаюсь, у меня другие заботы.

— Да это было бы тогда вообще замечательно,— продолжил Ицхак,— я стал бы ходить, и по сути, я сделал бы этого монаха очень богатым человеком.

— Ты немного не понимаешь ситуацию, остановил его Бруно,— этого человека деньги не интересуют, причём уже давным давно. С его способностями и возможностями можно было бы иметь любое количество денег, как ты понимаешь, но он этим не интересуется.

— А чем он интересуется,— спросил подполковник?

— Его занимает исключительно наука.

— Какая наука? Вся наука Израиля не смогла вылечить моего брата. Что это за наука такая, о которой никто ничего не знает, но она творит чудеса у нас на глазах?

— Ну представьте себе, какая-то наука, которая существует параллельно той, что вам преподносят в качестве академической,— весело сказал Бруно.

— Очень сложно себе это представить,— честно ответил подполковник. Ицхак внимательно смотрел на Бруно...

— Бруно, он может сделать так, чтобы я встал с этой инвалидной коляски, я тебя еще раз спрашиваю?

— Я не знаю,— сказал Бруно,— Я не готов тебе ответить на это вопрос.

— А ты можешь у него спросить? Могу, кивнул его сицилийский друг. Но всё же, давайте так: вы отдохните, я поеду работать. Время уже два часа дня. Я вернусь около семи. Мне нужно в контору и еще встретиться с несколькими людьми. А заодно я повидаю нашего друга Магнуса. Если он возьмется исцелить тебя, то я вернусь вместе с ним, договорились? Вот и славно. Затем Бруно Джоварзи скомандовал охране подать машину, автомобиль прибыл на уже привычное для него место, Бруно сел на заднее сидение, и автомобиль исчез за воротами

За столом повисла гробовая тишина. Люди не знали, о чём говорить друг с другом. Пинхус встал первым и сказал: — Я бы поспал.

Прислуга любезно отвела его в отдельную комнату, где он благополучно и уснул. Подполковник отправился гулять по саду, а финансист так и остался сидеть в одном положении, молча глядя на ворота. Его сейчас ничего, кроме собственного исцеления, не интересовало. Около семи часов вечера вернулся Бруно, но без Магнуса.

К боссу палермской мафии, владельцу множества ресторанов, сельскохозяйственных угодий, отцу Винченсо, того самого, в ресторане которого работают мальчики, и ничего про это не знают, приехали друзья. Была суббота. Он встретил своих друзей в ресторане. Они пили, ели, отдыхали. Дети где-то шатались по улицам, жена ушла к подруге. Отец, довольный вечером, проводив своих друзей, решил остаться и посидеть в уединении в своем ресторане. Он любил иногда побывать в одиночестве, придаваться своим мыслям, попивая вино. Он поставил стакан, взял бутылку вина, на столе стояли сицилийские фрукты. Вдруг он услышал голос

— Не хорошо пить одному,— сказала говорящая голова в чёрном капюшоне. Здравствуй

— Здравствуйте, падре — не очень уверенным голосом ответил он.

— Возьми второй бокал, сын мой.
Тот трясущимися руками взял стакан и поставил на стол.

— Налей нам вина,— скомандовал монах.
Руки не слушались человека.

— Ну что ты так разнервничался? Монах взял из его рук бутылку и налил вино в стаканы.

— Зачем ты убил родителей этого ребенка? — спросил Магниус.

— В квартале должен быть порядок,— ответил мужчина.

— Понимаю. Готов ли ты встретиться с господом, сын мой? — спросил его Магниус. Не делай глупостей, не тянись за пистолетом в барную стойку. Неужели ты не слышал с детства, что на всё воля Божья?! Человек обреченно смотрел в чёрный силуэт капюшона.

— Смотри, сын мой,— в руках монаха оказалось две таблетки. Одна из них с ядом, вторая нет. Выбирай любую и положил их на стол. Вторую съем я. Если Бог существует, то умрешь ты, а если Бога нет, тогда умру я,— спокойно произнёс Магниус.

— Я не стану этого делать!

В руке монаха сверкнул клинок. Станешь, иначе я тебя убью. Так у тебя нет ни одного шанса, а выбрав таблетку один из двух, 50 на 50.

Непослушными пальцами мужчина начал перебирать две таблетки.

— Возьми ту, которая тебе нравится, а вторую подвинь ко мне,— сказала говорящая голова. Мужчина долго не мог сделать выбор. Он осознал своё положение. Руки его то и дело перебирали таблетки. Всё это время Магниус сидел спокойно в одном положении и молчал. Наконец выбор он сделал.

— Эта

— Хорошо. Пей,— сказал монах.

Резким движением, уже без раздумий, человек положил таблетку в рот и выпил стакан вина залпом. Магниус на его глазах положил вторую таблетку себе в рот и тоже выпил бокал вина. Началось тягостное ожидание. Как вдруг человек побледнел, яд подействовал, и он просто закрыл навсегда глаза. Монах встал, забрал бутылку с собой и тихо вышел из ресторана, прикрыв дверь.

Ребята по привычке пришли к храму в два часа дня

— Здравствуйте, падре.

— Здравствуйте, ребята. Как ваши дела?

— У нас горе. У Винченко умер отец!

— Я знаю, дети мои. Скорблю вместе с вами.

— Чем мы будем сегодня заниматься,— немного погодя, спросил Джузеппе.

Те с надеждой смотрели на Падрэ.

— Время поговорить с Богом, дети мои.

И монах пошёл к алтарю, ребята последовали быстрым шагом за ним.

Подойдя к зеркалу, всматриваясь в его бездну, они постепенно перенеслись к картине ясного дня, освещавшего редеющий лес, по которому ехало трое всадников. Судя по всему, они никуда не спешили. Вероятно, это была прогулка, а может быть, и нечто большее... Но Джузеппе волновало не это. Он снова увидел того самого монаха, а потому сосредоточился, замирая в надежде услышать, что он скажет на этот раз.

— Отношение Бога и человека — это сакральная тема. И пусть множество овец болтают языком, представляя себе, что они всё знают о боге, и могут с ним «говорить лично», суть не в том. Суть заключается в Порядке. А порядок Един и установлен он Богом, и он ведом каждому следующему науке Дестрезы. Без понимания характера отношений Бога и человека никому не подвластно и невозможно причаститься к Божественной духовной силе. А значит, не сила Бога будет вести его, а собственное иллюзорное представление Бога. И ждёт такого человека... либо раскаяние, либо расплата.

Запомните непреложную истину: у Бога с миром отношения, как у Главнокомандующего и его Войска. И называется этот порядок — Абсолютная монархия. Сегодня в более постом понимании некоторые из вас называют такой порядок «партнёрством». С Человеком же Бог установил иной порядок да назвал его сотрудничеством. Суть сотрудничества такова: у каждой стороны — свои обязанности. У Бога перед человеком — свои, у человека перед Богом — свои.

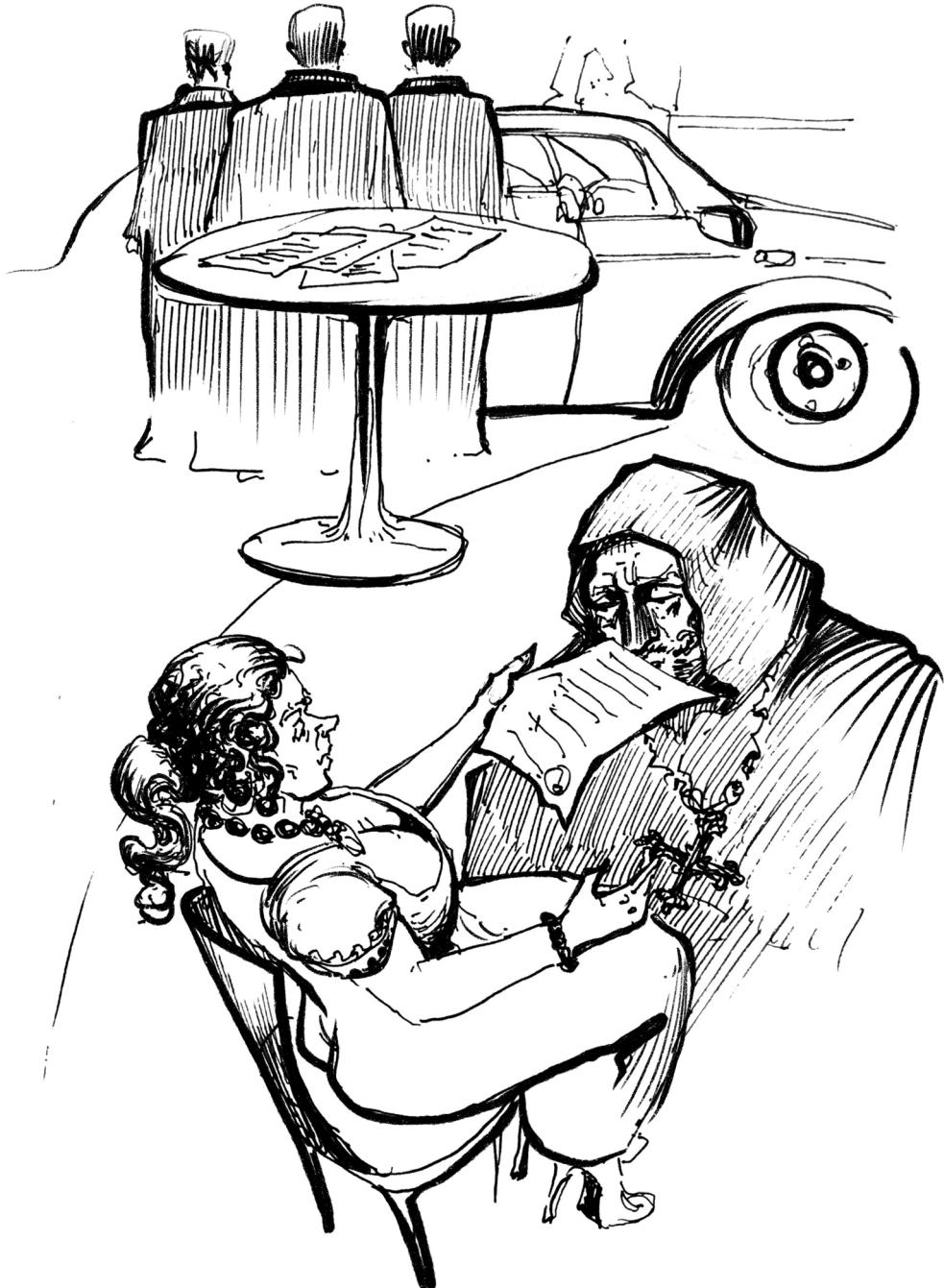
И всякий раз, как человек, вместо сотрудничества, по какой-то ему лишь ведомой прихоти, определяет с Богом отношение партнёрское, он просто тем самым не желает жить в ответе за самого себя. Так он Бога делает Отвечающим за жизнь его, а по сути, виноватым во всех несправедливостях и несвершениях. И ждёт такого человека печальный исход, ибо оно свою малую единицу силы противопоставляет всему миру, всему войску, которое служит лишь Военнокомандующему. Как и у Бога с миром, так и у человека — едино должно партнёрство. Ибо так человек себя частью войска Божьего делает и нет более в его жизни отчаянного сопротивления и войны с самим с собой, со своим естеством, с другими людьми, с жизненными событиями, ход которых ему становится неподвластным и с тем, что прочие называют Неизбежность и Безысходность.

Помни эти простые истины, дети мои, и никогда не забывайте.

Джузеппе и Винченце — каждый молча обдумывал увиденное.

— Идите с миром, дети мои,— сказал им Падрэ.— Жду вас через месяц в это же время на это же месте.

В ресторане теперь нужно было помогать маме вдвое больше. Так как теперь у обоих мальчиков не было отцов, все бремя содержания легло на их плечи. Очень скоро мама устала и в ресторане фактически управлялись ребята сами. К тому же приходилось помогать и в других ресторанах тоже, так как у отца Винченсо их было несколько. Поэтому работы было много, свободного времени почти не оставалось, практически все время мальчики проводили на работе.

На заднем дворе ресторана они продолжали упражняться с деревянными клинками ежедневно и ждали тот месяц, по истечении которого они встретятся с Магниусом. Но время за работой летело быстро. И вот в один из дней в ресторан вошли четверо неизвестных людей: в шляпах, в плащах и о чём-то разговаривали с матерью Винченсо. Ребята в этот момент были на заднем дворе, поэтому их никто не видел. Они начали прислушиваться, о чём был разговор. Оказалось, что отец Винченсо остался должен этим людям большие деньги. Так они сказали. И эти четверо пришли получить долг. Показали документы, расписки, векселя и попросили её заплатить. Да, матери осталось огромное хозяйство, оно давало неплохие деньги, но сумма в этих векселях была втрое больше, чем всё состояние их семьи.

— Но у меня нет таких денег,— простонала мать, со слезами на глазах смотря в расписки. Как же мой муж мог взять у вас такие деньги, когда у нас никогда таких больших сумм не было.

— Вы не всё знаете, синьора, про своего мужа. Документы говорят об обратном. Ваш муж должен нам эту сумму. Или платите по счетам или отдавайте своё состояние. У вас семь дней.

Мать пыталась что-то возразить, объяснить, но... эти люди оставили ей копии документов, и вышли из ресторана. Семь дней, синьора.

Мать сидела за столом, на столе лежали документы, на ней не было лица. Она понимала, что документы были настоящими. Что делать в этой ситуации она не знала.

Ребята выбежали из-за угла, откуда они подслушивали весь разговор, и Винченко спросил

— Мама, что происходит?

Мать молча протянула ему документы. Мальчики смотрели на них и видели в них большие суммы денег.

— А что это? — спросил Джузеппе.

— Это долговые расписки, как они сказали, моего мужа. Они в три раза превышают всё состояние нашей семьи. И, если через неделю, мы не отдадим это долг, то они всё, абсолютно всё у нас заберут, все наши поля, дома, рестораны. Мы останемся ни с чем.

Мальчики переглянулись. Джузеппе сказал

— Тётя Роза, а можно я возьму эти документы на один вечер?

— Зачем они тебе, Джузеппе?

— Я покажу их своему знакомому, он очень знающий человек. Я хочу знать, что он скажет по этому поводу.

— Конечно возьми, — сказала обреченно мать.

Ребята взяли бумаги, положили их в папку и побежали в храм. Встреча с Магниусом у них была назначена на десять часов вечера. Придя в храм, Магниус уже стоял, в привычной позе, у алтаря и смотрел на крест.

— Падре, у нас к вам просьба.

— Знаю, дети мои. Давайте свою папку.

Монах сел на деревянную лавку, открыл документы и начал их изучать.

— Они хотят отобрать всё, что у вас есть, — сказал Магниус, смотря на Винченко. Это не справедливо, — сказал он. Нельзя у людей забирать всё.

— Но что же делать, падре?

— Есть два пути. Но давайте послушаем Господа, сказал Магниус. Он свернулся папку, подошёл к зеркалу и погрузился во мглу...

И снова, снова Джузеппе наблюдает за поединком монаха. Это уже второй поединок на его памяти. Однако он совсем иной — нет уже той смертельной ненависти противника, напротив, даже некое уважение.

Этот поединок был тренировочным. Да, монах определённо желал не задеть своего подопечного, но дать ему нечто иное.

— Твои свойства — свойства твоего духа, предаются изменениям — и это хорошо. Это угодно Господу. Прежде ты должен понять, что все менять и почему. Как увидишь, станешь готовым к тому, что и ты, и тело твоё приняли новое содержание, новое умение. А для того требуется прежде измениться, стать готовым принять это содержание, а затем уже и дорогой тренировок, усердия, старания и дисциплины, перенять это содержание, сделав его частью себя — своим естеством.

— Учитель, вы так много делаете для меня... И я искренне вам благодарен, что вы находите слова для души моей и силы направлять сердце моё.

— В том мой Долг, сын мой. Как и Господь наш, так и Учитель — сколь бы влик он ни был, не унизвившись, не снизошедши по уровня ученика своего, он ни его никогда не взрастит, ни сам не возвысится.

И помни, ты в ответе завой Выбор, свою душу и свой Долг

Поединок продолжился и мальчики с восхищением и неутолимой жаждой следили за каждым движением монаха, постигая свет Дестрезы, древнейшей науки жизни.

Как только всё закончилось, Магниус вернул их внимание на бrenную землю.

— Итак, настало время собирать камни. Мальчики переглянулись.

— Вы должны понять, что всего существует только два пути — с кровью и без крови, сказал Магниус, когда они закончили смотреть сцену в зеркале.

— Падре, пожалуйста, не могли бы вы пойти с нами и объяснить это тёте Розе,— обратился Джузеппе.

— Конечно. Идёмте.

Зайдя в ресторан, они нашли мать в очень скорбном состоянии. Весь её вид говорил о том, что вся эта ситуация её очень и очень гнетет.

— Приветствую вас, сеньора Розария,— обратился к ней Магниус.

— И вам добрый вечер. Кто вы?

— Я друг ваших сыновей

— Тот самый человек, про которого они мне рассказывали?

— Да, сеньора Розария,— бархатным голосом ответил монах.

— И что Вы думаете об этих бумагах?

— Я уже ребятам сказал, что есть путь с кровью и без крови.

Она испугалась. Что значит с кровью?

— С кровью — это значит, что вам придётся убить этих людей, иначе они заберут всё ваше состояние.

— А без крови?

— А без крови — вам нужно переписать половину вашего состояния вот на этого мальчика — и он указал на Джузеппе. Подарите ему половину состояния, и всё произойдет без крови,— сказал Магниус.

Розария насторожилась. Что значит подарить?

— Просто возьмите и подарите. Этот мальчик заслужил право на половину вашего состояния.

— Вы мне угрожаете,— воскликнула Розария.

— Не говорите глупостей, сеньора. Как вы понимаете, в моих силах сделать так, что всё состояние вашей семьи станет принадлежать этому мальчику, поэтому делайте, что я говорю, и эти люди больше никогда не появятся в вашем доме. Когда вы приняли в доме Джузеппе, он стал вашим сыном. Поделите состояние между двумя сыновьями. Одну половину отдайте Винченсо, вторую- Джузеппе, и я обещаю — эти люди никогда больше не придут в ваш дом, в ваши рестораны и на ваши земли. Я даю вам слово.

Розария его не понимала.

— Почему я должна это сделать?

— Потому что иначе я заберу всё, что у вас есть, и сделаю вместо вас, сеньора Розария то, что говорю сделать вам. Есть какие-то в этом сомнения? — ответил Магниус, глядя на неё стальными глазами.

Повисла тишина.

— Сеньора Розария, просто поделите все состояние между мальчиками пополам и этих людей вы никогда более не увидите. Но если вы этого не сделаете, тогда я вместо этих людей отберу у вас всё, что есть, перепишу всё ваше состояние на Джузеппе, и с этого дня вы будете работать на него.

— Но почему я должна это делать?

— Потому что ваш муж — был не просто владелец ресторана.

— А кто же он был? — воскликнула Розария.

— Ваш муж был не простым человеком. И те документы, которые вам принесли — абсолютно подлинны. И они сделаны на случай его смерти, для того, чтобы всё его состояние вернулось в ту организацию, к которой принадлежал ваш муж. Он подписал эти документы давным давно. И всё, что у него есть, принадлежит той организации, которая ему это всё дала. Понимаете, сеньора Розария?

— Начинаю понимать. Вы хотите сказать, что мой муж Капо общества?

— Верно, сеньора.

— Это не правда! — простонала женщина.

— Правда! И вы знаете это, не хуже меня.

Джузеппе и Винченсо стояли с раскрытыми ртами и смотрели на всё происходящее с очень удивленными глазами. Джузеппе спросил

— Магниус, а кто такой Капо общества?

— Это бандит, мальчик мой, преступник, он зарабатывает деньги преступным путём и у него очень много помощников.

— Магниус, скажи мне, а они похожи на тех людей, которые пришли и убили моих родителей?

— Да, сын мой.

Сеньора Розария, как любая сицилийская женщина, вспылила:

— Вы что, хотите сказать, что мой муж убил родителей Джузеппе!

— Абсолютно верно, сеньора Розария. Именно так и было.

— Это не правда!!!

— Правда, Розария. Правда. Именно ваш муж отдал приказ убить родителей этого мальчика. Поэтому вы ему должны половину вашего состояния. Немедленно поделите его между детьми и останьтесь для них просто опекуном.

Возникло длительное молчание. Магниус сидел без движений. Розария что-то очень бурно крутила в своей голове. В конце концов, она посмотрела на монаха и спросила «Кто Вы?»

— Если я вам скажу правду,— начал Магниус — то у вас может случиться инфаркт, прям здесь, сеньора.

Она медленно подошла к шкафу, достала какую-то книгу, открыла её, положила на стол, развернула к Магниусу, посмотрела на него, на рисунок в книге, и тихо, почти шёпотом, произнесла «Беати Паоли»

Магниус улыбнулся. Вы проницательны, донья. И застыл в очень недоброй улыбке. Делайте, что я вам говорю, иначе последуете за своим мужем.

Розария спокойно закрыла книгу, подошла к полке, поставила книгу на место, повернулась к монаху, посмотрела ему в глаза. Наконец-то она поняла, что всё это правда. «Вас же давно нет» — вскрикнула она- «этого не может быть». Магниус смотрел на нее пристально, всё с той же недоброй улыбкой.

Розария причитала «Этого не может быть. Беати Паоли это выдумка. Это миф»

Взгляд Магниуса не изменился. Не сводя с неё глаз, он резко отдал приказ — Делайте, что я сказал.

— А если не сделаю?

Магниус откинулся на спинку стула, снял капюшон, посмотрел печально в её глаза «Тогда этим двум мальчикам не понадобиться опекун», — почти бархатным голосом сказал он. Она прислонилась к шкафу и сползла по нему вниз. Вы убьете меня прямо сейчас?

— Нет. Тяжело вздохнул Магниус и повернулся к выходу.

Дверь отворилась, и в ресторан вошли четыре человека. Зашли и стали за спиной у Магниуса. Одеты они были в точно такой же монашеский балахон, как и Магниус. Все четверо сняли капюшоны...

Это были те же самые люди, которые приходили к Розарии, те самые четверо, которые приносили ей документы. Зачем нам вас убивать, сеньора? Вот документы, мы просто у вас всё отберём ровно через неделю. Лучше вам делать то, что я сказал. Всё имущество общества должно вернуться в это общество, а эти два мальчика — члены этого общества, поэтому, если вы оформляете имущество на них, то всё остаётся в обществе, если нет, три моих брата позаботятся о том, чтобы у вас не осталось ни копейки. Я понятно говорю? — спросил Магниус.

Было такое впечатление, что те четверо, которые стояли у него за спиной, были очень сильными, могущественными, очень даже страшные люди. Но по сравнению с Магнусом в этот момент они были чуть ли не ангелами. Магнус был словно исчадие ада в этот момент. В его присутствии они стояли по стойке смироно.

— Ну что, донья — ласково посмотрев в глаза, сказал Магниус — теперь вы поняли, что происходит?

— Это Вы прислали этих четырех, ко мне

— Наконец-то до вас дошло. Да. Это всё я.

— мой муж, если бы мой муж был жив...

— Ваш муж никогда больше не будет жив,— прервал её Магниус. А вы отдадите всё ваше состояние детям. Как с вами, с женщинами сложно. Особенно с вами, донья. И он улыбнулся.

— Я завтра пойду к нотариусу и всё сделаю,— сказала Розария. Я всё перепишу на мальчиков, которые, безусловно, мои сыновья.

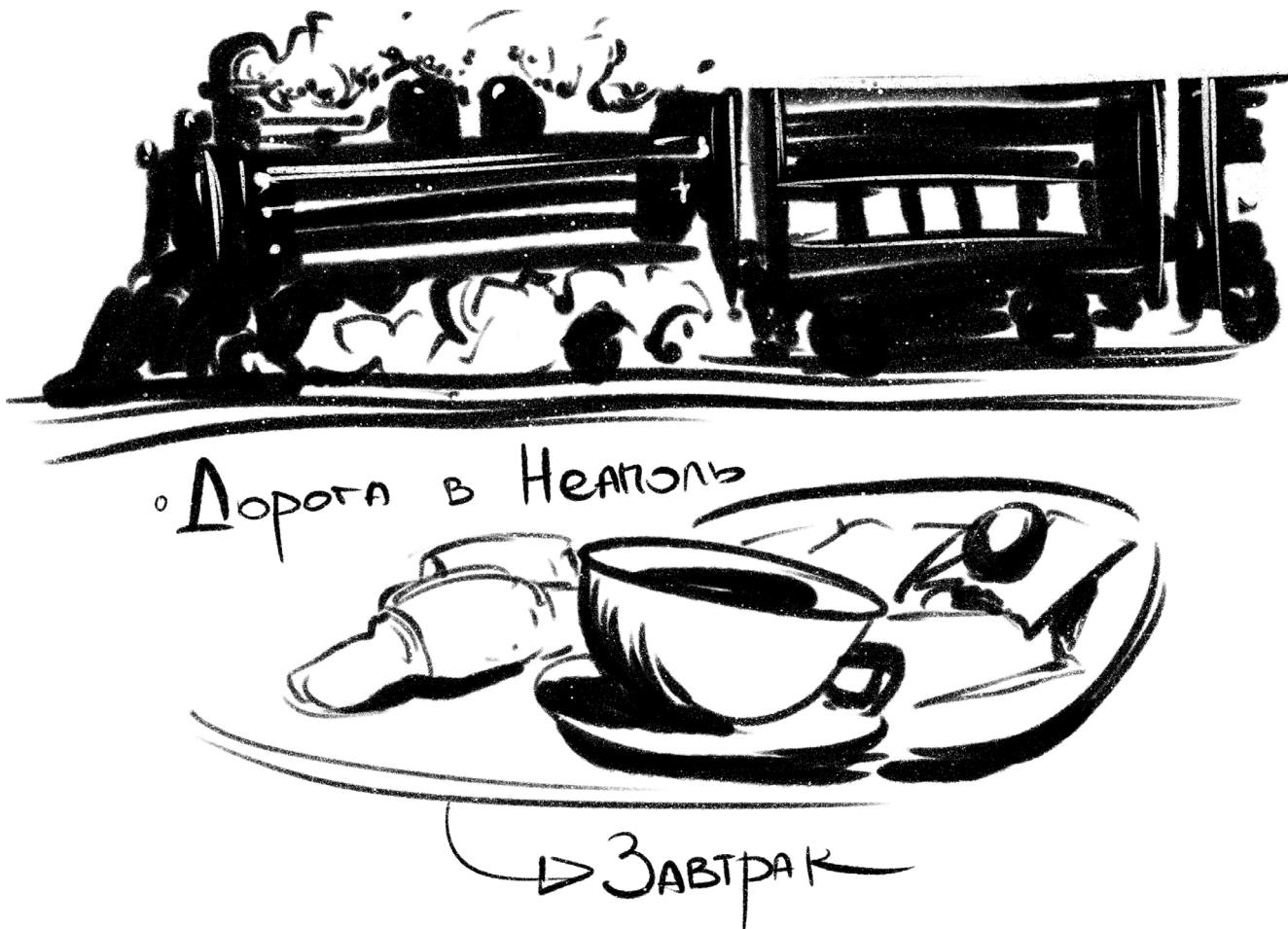
— Прекрасно. Он повернул голову, и четверо исчезли в дверях. Я рад был нашему первому знакомству, сеньора. Я думаю, мы еще не раз встретимся. Buonanotte,— сказал Магниус, встал и точно так же исчез в дверях.

В комнате остались Джузеппе, Винченко и несчастная Розария.

— Кто этот человек? — спросила она, собираясь выпустить весь свой гнев на этих двух детей.

Но парни стояли недвижимо и острым взглядом смотрели на неё. Это монах,— твёрдо сказал Винченко. Если мой отец убил родителей моего друга, это бесчестный подлый поступок, сказал он. Твой отец не могу убить! Магниус за три года нас ни разу не обманул и то, что он говорит — всегда сбывается. Скажи мне, отец убивал родителей Джузеппе? Я не знаю,— простонала мать. Вот видишь, ты сама не уверена. Мы друзья и мой отец совершил бесчестный поступок, и я не понимаю, почему ты его защищаешь,— выпалил Винченко. Наверное, мальчики, вы стали взрослыми,— сказала Розария. Занимайтесь сами всеми вопросами, оставьте меня в покое. Давайте я буду заниматься ресторанами, а вы занимайтесь всем остальным. На этом и договорились.

С этого дня Винченко и Джузеппе стали заниматься всеми сельскохозяйственными угодьями, помогать матери в ресторанах и приносить плоды пользы обществу. Нет, не тому обществу, про которое вы все думаете, а тому, которое приходило ночью. Именно этому ночному обществу доставалась львиная доля доходов. Но ребята в тот момент времени о деньгах не думали. В один прекрасный день Магниус пришел навестить мальчиков в ресторан.

В этот момент Брикчес очнулся... Он был в самолете и проснулся резко, потому что самолет начал движение на посадку — вокруг мигали красные лампочки, а улыбающаяся стюардесса настойчиво указывала на то, что надлежит пристегнуться.

Самолет пошёл на посадку в Рим, снижение длилось совсем не долго, вот уже Римский аэропорт, приземление. Все выдохнули, что долетели спокойно. Брикчес охрана и секретарь встали со своих мест, направились на выход из бизнес класса.

Они знали, что у них скоро поезд, а потому взяли такси в аэропорту и поехали на железнодорожный вокзал, чтобы преодолеть расстояние от Рима до Неаполя. Сели они в поезд в Риме, погрузили все сумки, сняли три купе, в одном был Брикчес, в другом секретарь, в третьем было двое охранников и сидели там скучающие да читали газету. Один читал газету, другой хищно осматривался вокруг. Поезд убыл точно по расписанию, дорога обещала быть достаточно длинной, потому что приехать они должны были где-то утром.

Брикчес всю дорогу пролежал на кровати, прочитал Нью-Йоркские газеты, пачку которую он захватил с собой. Отметил что в Нью-Йорке все как обычно, шоу, скандалы и ничего. Прочитал каждый скандал подробно, где-то над кем-то посмеялся, где-то над кем-то ему стало не по себе. В конце-концов отвернулся в сторону и заснул. Приехали они в Неаполь в отель Караваджио около 8 часов утра. Лакеи помогли вынести багаж.

И они направились на такси в эту гостиницу. Брикчерсу достался пяти комнатный здоровенный номер, секретарю номер из трёх комнат слева от его номера, двум охранникам 5-ти комнатный такой же номер справа и там они жили вдвоём. Брикчес дал команду привести себя в порядок, принять ванну и в общем-то готовиться идти завтракать вниз в ресторан отеля. Все, около двух часов себя приводили в порядок, в конце-концов зашла секретарь, постучала и сказала, что все готовы. И Брикчес вместе со своей свитой направился в ресторан.

В ресторане их очень вкусно, должны были по идеи покормить вот этим от завтракам. Покормили и после завтрака Брикчес выразил желание прогуляться по городу.

Они вышли из гостиницы. Двое охранников держали поодаль. Секретарь, так как она Неаполитанка была, повела его показывать ему город. Они шли по разным улочкам, и набрали на лавку определенную. Брикчес хорошо говорил по-итальянски, однако не так хорошо как его секретарь. Тем более у нее неаполитанский диалект, и она говорила просто шикарно. Он поздоровался привычно с владельцем лавки. Лавка была такая, она производила всякого рода металлические изделия — проволоки ... Это бы такой достаточно не богатый квартал, куда они забрали. Брикчес начал с ним разговаривать, спрашивая, как дела. Тот смотря на модного американца итальянского происхождения в шляпе, в общем-то осознавая, что перед ним — гангстер. Он недоверчиво на него посмотрел, то сказал:

— Нечего опасаться. Я просто очень долго не был дома. Я с Неаполя. Решил посетить свою родину, приехал с Америки на свою родину.

Дед расслабился, понял, что ничего плохого этого господин не хочет, от него. И начал его спрашивать, как там в Америке, что там лучше жизнь, хуже. Ну что может интересовать деда, итальянца, как налоги, хуже лучше, что есть, чего нет. Ну он сказал:

— В Нью-Йорке все плохо, все по-прежнему, шоу да скандалы ничего хорошего.

— Я так и знал, мои родственники уехали в Америку, я так и знал, что там ничего хорошего.

— Да это точно, сиди лучше в Неаполе, в Америке делать нечего. Ну там точно крутить проволоку не получиться, то это для Америки.

И тут Брикчес совершенно неожиданно для деда спросил, есть ли у него нож. Дед посмотрел на него. Тот повторил еще раз.

— Сеньор, зачем вам нож? — спросил дед.

— Я же в Неаполе, дома.— сказал Брикчес.— А здесь я без ножа как-то не уютно себя чувствую, если честно.

Дед прищурился, сказал:

— Ножа у меня нет. Но как понимает господин, его изготовят достаточно быстро.

— Милый человек, сделай мне одолжение изготовь нож мне пожалуйста.

— Какой нож желает сеньор?

— Удобный для моей руки, вот такой.

— Хороший нож.— сказал дед.— А для чего сеньору такой нож?

— Для того чтобы себя уютнее чувствовать в Неаполе.

Дед удивился, посмотрел на него, зашёл в лавку, что-то бормоча себе под нос, потом вернулся обратно и говорит:

— Сеньор владеет ножом?

— Да, я хорошо владею ножом.

— Странно, сейчас уже давным-давно все друг в друга стреляют, никто про нож не спрашивает. Если бы они продавались, я бы торговал бы ими уже давно. Вы чуть ли не первый кто спросил. Вон магазин оружия через два квартала. Может быть вы пистолет себе купите?

— Нет нож. Я — Неаполитанец.— сказал Брикчес.

— Вы благородный человек.— сказал дед.— Может быть вы имеете отношение к благородному обществу этого города.

— В какой-то мере.

— Даже так. Я обязательно сделаю вам нож, господин. Приходите завтра, это будет хороший дуэльный нож.

— Прекрасно. Я буду завтра у вас, не позднее 10 часов утра. Вы успеете?

— Да. Сутки — это хорошее время для того чтобы изготовить хороши нож.

Брикчес попрощался с дедом, попросил секретаря запомнить эту лавку и пошел гулять по Неаполю дальше.

Он шел, достаточно долго осматривая достопримечательности Неаполя. Его ничего не интересовало, он не спрашивал ничего у своего секретаря. Он просто смотрел на здания влево, вправо и пытался что-то вспомнить, но ему ничего не приходило в голову, поэтому он просто шел дальше. Так они гуляли где-то около трех часов, после чего вернулись назад в гостиницу.

Брикчес приказал подать обед к нему в номер, сел, по-Неаполитански вкусно пообедал, завалился на кровать после этого и закрыв глаза решил около часа поспать. После этого он собирался прогуляться по вечернему Неаполю. Только он закрыл глаза, тот сон, который у него начался ещё в самолёте.

• Встреча с МОНАХАМИ

ЗАХВАТ
ПЛАНЫСТЫРЯ

Джузеppe Виллардита предавался неспешным разговорам. Ему определённо импонировал Винченце как собеседник.

— Что вы говорите? Настоящая школа фехтования.

— Да, Винченце. Я учу этих людей военному делу, предаюсь размышлению, воспоминаниям. Когда умер Магнус, жизнь моя стала постной и не интересной. Этот старик всегда умел меня чем-то занять. А когда он умер все оказалось каким-то дальше бесполезным.

— Разрешите предложить отправляться спать. Завтра утром у нас запланирована беседа с нашими гостями. Они хотели и с Вами поговорить.

— Хорошо.— одобряюще кивнул Виллардита, спокойно встал, попрощался и отправился в свои апартаменты.

Утром он проснулся рано. Слуги быстро помогли ему одеться. Завтракать он пожелал на веранде в своих апартаментах. Его согревало немое калабрийское утро. Свет падал искоса, создавая свет и тень одновременно, в разных местах, и казалось что солнце вращалось.

Наевшись до отвала, Виллардита-младший встал, взял шпагу, закрепил ее на положенное ей место и спокойно пошел вниз, в зал, где уже его ждали его собеседники.

— Я вас приветствую, Ваше Святейшество! — сказал Джузеppe Виллардита.

— Здравствуйте, сын мой!

Хозяин замка сел в огромное дубовое кресло, даже оказался в положение полулежа, воткнул свой стальной взгляд в трех монахов и спросил:

— Чем могу быть полезен?

— У нас к тебе разговор.— сказал неизвестный монах «Интересно,— подумал он,— к нему еще так никто не обращался».

— Что значит «к тебе»? — спросил Виллардита.

— Все мы под одним Богом ходим,— нисколько не изменивши тон, сказал монах.

— Интересно, ну — ну, продолжай.

— Давеча, как недавно, неподалеку от этого прекрасного места случился инцидент.

— В чем же дело?

— На монастырь напали разбойники, буквально неделю назад. Убили всех прихожан и монахов. Захватили монастырь, и теперь там живут.

— Как? Каким образом?

— Более того, никому нет до этого дела.

— Винченце! — немедля скомандовал Виллардита.

Винченце молча медленно подошел сзади.

— Да, мон сеньор.

— Они говорят правду?

— Правду, мон сеньор.

— Почему так произошло?

— Вас не было мон сеньор, а без вас ни каких решений никто принять не может. Поэтому монахи и приехали.

— Отлично, великолепно даже! То есть, на протяжение уже двух недель, некие разбойники захватили монастырь и теперь там живут, убив всех... я правильно понимаю?

— Да мон сеньор, так и есть. Что прикажите, мон сеньор?

Виллардита довольно ухмыльнулся.

— Ничего не прикажу, я сам туда поеду. Очень хочется на это посмотреть. Ну и возьму тебя и отряд с собой. Готовьтесь, выступаем через 4 часа.

Все наскоро, но тщательно вооружились. Он взял с собой десятерых человек, которые прибыли с Виллардита-младшим, и еще 20 воинов из замка. Троє монахов, также восседая на лошадях, ехали рядом с Винченце.

— Ведите, святые отцы, где там ваш монастырь, с вашими разбойниками, очень уж хочется на них поглядеть — даже с каким.

Но когда они подъехали к монастырю, ситуация ему не показалась смешной. Монастырь располагался на склоне горы и был практически непреступен. Штурм в лоб исключался. Над монастырем развивался флаг черного цвета. Поэтично, подумал Виллардита, они еще и пираты, сделал выводы он.

— Что вы думаете господа об этом фортификационным сооружение?

Винченце начал размежено:

— Наверное вы понимаете, мон сеньор, посему мы не стали штурмовать монастырь. Можно было бы погубить много народа, а вреда от эти разбойников никакого. Разве что убили некоторых прихожан и монахов, и поглощают монастырские припасы. Сидят едят, пьют с утра до вечера. Ничего больше не делают.

— Прекрасно.— сказал Джузеппе.— Что будем делать в этой ситуации?

— Надо как-то попасть внутрь.

— А что, кто-то嘅тался проникнуть уже внутрь? —спросил Виллардита

— Да, небольшой отряд, пришедший на помошь монастырю. Но все погибли.

— Ого. Они еще и головорезы. Очень интересно. Ну что ж, давайте разобъем небольшой лагерь и подумаем, как будем действовать.

Распалили костер. Как по волшебству, в лагере мгновенно появилось множество съестных припасов, все обстоятельно поужинали. На Калабрию опустилась ночь. Виллардита сидел и смотрел на костер и придавался воспоминаниям.

Однажды, точно в таком же лесу, когда они с отцом отправились на небольшую прогулку, им навстречу попались два отчаянных разбойника.

Именно отчаянных — настолько они сами себе казались бесстрашными, да так блестели их глаза при встрече с прекрасной «добычей» в лице двух нерасторопных пеших дворян. Вокруг — никакой охраны. Тишина да благодать.

— Отдавайте всё, что при вас есть — гоните быстро монету звонкую, да камушки ваши... не то живо распрощаетесь с жизнью! — один из разбойников сразу заявил о своих замыслах.

— Господа, вы уверены в своих намерениях? — нисколько не колеблясь, спросил их Франческо Виллардита.

— Ты поговори мне ещё... — закончить фразу разбойник не успел.

Виллардита-старший каким-то стремительным движением, словно из воздуха, обнажил две даги и воткнул обе в бёдра излишне разговорчивому разбойнику. Второй, заскулив, бросился наземь и закрыл руками голову.

— Вот видишь, сын мой, как выглядит сломленная устойчивость. Теперь же мы можем никуда не спешить, эти простолюдины уже никуда не убегут и нескоро кому-то посмеют навредить.

«Отец был гением,— подумал Виллардита-младший, словно возвращаясь из полусна. И теперь я знаю точно, как действовать и как поступить».

— Приведите мне святых отцов.— просил Виллардита,

— Скажите пожалуйста,— спросил он у тех,— а на сколько времени в монастыре осталось съестных припасов?

— Дня на два, на три, мон сеньор, не больше.

— Прекрасно. Значит через три дня господам нужно будет брать где-то еду. Верно?

— Верно.

— Прекрасно, тогда отдыхаем здесь и ждем, когда они выйдут из замка.

Не прошло и двух дней, как отряд численностью 20 человек покинул пределы монастыря и устремился по тропинки в направление своей смерти. Очень быстро организовав засаду Виллардита ждал пока отряд приедет в то место, где ему надлежит остаться навечно. Не прошло и 20 минут как отряд показался из-за поворота.

Прекрасно, подумал Виллардита. Он встал в полный рост и достаточно громким голосом обратился к всадникам.

— Господа, остановитесь, вы окружены. Шансов нет никаких. Поэтому я вас прошу спешиться, сложить оружие наземь и ждать моих дальнейших распоряжений.

Всадники удивленно посмотрели на него. Перед ними стоял один человек, а их было двадцать, и ничего, естественно, делать по его команде они не собирались.

— Кто ты такой? — закричал человек, который ехал первым.

— Я Джузеппе Виллардита.

— А, сын того самого дьявола. Наслышен я про твоего папочку.

— О, хамство ни в каком кругу не в чести. Прекрасно, молодой человек. Тогда я спускаюсь, да и вы извольте спешиться, достать шпагу, и я вам быстро преподам урок того, что сын не хуже отца. Прошу!

Но никто ни с каких лошадей спешиваться не собирался.

— Тебе надо ты и залазь на коня,— сказал он — а я до тебя не снизойду.

«О, господа еще и дурно воспитаны,— подумал Виллардита,— прекрасно».

— Тогда к бою.— скомандовал он

И шестьдесят мушкетов уперлись прямо в разбойников.

— Я сказал слезть с коней и положить оружие на землю.— грубым голосом повторил Виллардита.

Все оцепенели.

— Залп.— скомандовал Виллардита-младший. И десять человек, как покошёные упали сразу с коней.— Мне нужно еще раз повторить?

Все медленно начали спешиваться, снимать оружие и класть на землю.

— Арестовывайте их. Свяжите, положите поперек сёдел и доставьте в замок всех.

Притащив пленников в замок, они бросили их в темницу, в подвал в погреб загнали. Закрыли громадные дубовые двери на засовы и пошли ужинать.

— Что прикажите делать с ними, мон сеньор? — спросил Винченце

— Ничего. Вот этого первого, после ужена привести мне сюда.

Когда они поужинали. Монахи расположились в креслах на ристалище, а Виллардита спокойно восседал в своем дубовом кресле.

— Ведите. — приказал он.

Привели связанного человека с опущенной головой у которого были абсолютно потухшие глаза.

— Сколько людей осталось в монастыре?

— Трое, мон сеньор.

— Откуда вы такие смелые?

— Вы давно здесь живем и промышляем.

— Вы слышали о моем отце?

— Да, мон сеньор.

— То есть, вы часть той структуры, которую отец оставил в Карабрии?

— Да, мон сеньор.

— Почему же вы себе ведёте не по правилам, в таком случае?

Молчание. Чем дальше длилось молчание, тем больше у Джузеппе Виллардита складывалось впечатление, что этот тип явно чего-то не договаривает.

— Прекрасно, молодой человек. Я так понимаю, вы смелый и сильный.

— Развяжите его.

Стражи немедленно сняли с него веревки. Тот потер запястья, размял руки и спросил:

— Что вы от меня хотите?

— Ничего. Бери шпагу.

— Почему?

— Ну, ты же помнишь, что положено за измену.

Тот опешил.

— Я сказал тебе, бери шпагу. Сейчас ты будешь драться со мной, прямо здесь.

— Хорошо. — сказал неизвестный человек, взял шпагу и направился в центр круга.

Виллардита про себя подумал, вот идиот, ну что. Он взял шпагу и тоже пошел в центр круга. «Что они за люди, откуда они появились, почему ведут себя таким наглым и неестественным для этих мест способом? Мой отец навел здесь абсолютный порядок. Почему эти люди считают, что они могут себе позволить убить монахов, захватить монастырь и жить как злагодарассудиться. Так еще и вывешивать черные флаги. Хорошо, разберемся, — подумал он. — В крайнем случае у меня есть еще девять человек, сидящих в темнице.

Два фехтовальщика заняли позиции напротив друг друга.

— Защищайтесь сударь.— сказал Виллардита.

Человек не сдвинулся с места. Виллардита сделал шаг по направлению к противнику и тут же получил два финта после которых удар. Не сказать, что это было сложно для Джузеппе, но не привычно. Человек непривычно хорошо фехтовал.

— Хорошо, сударь,— сказал он.— Теперь попробуйте отбить мой выпад.

Выпад и шпага уперлась ему прямо в горло. Он не стал его убивать, но поранил достаточно ощутимо, чтобы пошла кровь.

— Еще разочек.— скомандовал Виллардита-младший.

Выпад, еще один выпад, встречный удар. Выпад, еще один выпад, опять встречный удар. Человек, по странному стечению обстоятельств был очень хорошим фехтовальщиком. Если бы не отецб ни его уроки, он бы давним давно разделялся бы с ним. Но то, что делал он, было давно известно, поэтому не причиняло Виллардита ни какого вреда. Зато следующий выпад попал прямо в плечо, и уже пробил руку. Вопль. Льющаяся из раны кровь. Виллардита опустил шпагу.

— Вы уверены что вам нечего мне рассказать, молодой человек.— тихим голосом спросил хозяин.— Следующий удар будет смертельным.

Человек молчал. «Странная стойкость,— подумал Виллардита,— Две раны, и он молчит все равно».

— Вы можете продолжать поединок?

Человек стоял на одном колене, держался за рану, шпага лежала возле его ног, и он молчал.

— Не можете. Приведите врача. Перевяжите его и бросьте обратно в темницу.

«Странно,— подумал Виллардита.— Человек вел себя явно неестественно. Виллардита вернулся к монахам и Винченце, и расположился в кресле.

— Браво Маэстро! — воскликнули монахи.

— Браво-то, браво. Но я не понимаю почему он себя так ведет,— сказал Джузеппе.

Монахи любопытно смотрели на Винченце.

— И я не знаю.— сказал Винченце.— Вы же могли его убить, а он все равно нечего не рассказал. Вы оставили ему жизнь, а он все равно не изменил своим взглядам.

— Кто эти люди, я хочу знать!

— Мон сеньор, это выяснить несложно. Дайте мне одного из них, и мы сейчас очень быстро выясним кто это.

— Выясните Винченце.

Винченце ушел.

Вернулся он через 40 минут.

— Один из них погиб, но так и ничего и не сказал нам.

— То есть уже два смельчака? — словно себя самого спросил Виллардита-младший.— Все молчат, готовы умереть, и ничего не говорят. Очень интересно. Вы арестовали тех трех, которые остались в монастыре?

— Да мон сеньор. Они вышли из-за монастыря. Вероятно, хотели выяснить, что стало с их отрядом, который уехал из замка. Здесь мы их всех и связали, и тоже доставили в замок. Монастырь пуст и если Вашему Святейшеству угодно, монахи могу возвращаться в свою обитель.

— Да Винченце, только некому возвращаться, все же убиты, как вы помните. Зачем каким-то разбойникам нападать на монастырь в Калабрии, убивать монахов, при этом зная, что с ними за это будет и при всём сodelанном — молчать, когда они попали в плен. Какую тайну они хранят? Кому они служат?

Ответа на вопрос не последовало.

— Приведите ко мне моего горе-противника.— отдал приказ Джузеппе Виллардита.

Привели человека, перебинтованного, с бледным лицом, он потерял много крови, но при этом старался держаться достойно.

— Как тебя зовут? Это простой вопрос. Я понимаю, что ты можешь умереть и ничего мне не сказать. Но ты же прекрасно понимаешь, что рано или поздно кто-то из вас десяти заговорит и тогда вы девять станете мне не нужны. И я прикажу вас повесить. То есть, по сути своей у вас два варианта: либо ты мне сейчас все рассказываешь, и я подумаю, что с вами делать дальше, либо я все равно найду из десяти слабое звено, он начнет говорить и тогда, как ты понимаешь, вы станете не нужны.

Человек молчал.

— Как тебя зовут? Я еще раз тебя спрашиваю.

— Сеньор Родарио.— представился человек.

— Вот как, ты дворянин?

— Так точно мон сеньор.

— Ты военный?

— Так точно, мон сеньор.

— У тебя есть воинское звание?

— Так точно, мон сеньор.

— Какое?

— Капитан.

— Прекрасно капитан Родарио. А теперь объясните, что военные делают у меня во владениях, о которых я ничего не знаю.

Молчание продолжилось.

— Еще раз тебя спрашиваю. Что вы делаете в Калабрии? Зачем вы убили монахов? Зачем вы захватили монастырь?

Тишина.

— Хорошо, накормите этого человека и отправьте его обратно в камеру.

— Вот скажите мне Винченце. Для чего отряд из 23 человек при-

бывает в Калабрию, они же не местные, врет мне, что они часть той организации, которую оставил здесь отец... молчит, когда я ему задаю вопросы. На что он надеется этот человек? Непонятно.

— Может это разведка, мон синьор? — сказал Винченце

— Вот именно. Именно разведка. Чья? Что они тут делают? Кого ждут? И зачем захватывать монастырь?

— Пока затрудняюсь сказать мон синьор.

— Кто из эти 10 самый слабый?

— Есть там один щедрый такой, бледный паренек.

— Ташите его сюда.

Привели низкорослого человека, который стоял с опущенными глазами и не понимал, что будет дальше.

— Знаешь кто перед тобой? — спросил Виллардита

— Да, вы же представились. Джузеппе Виллардита.

— Прекрасно. Я так понимаю, говорить ты не хочешь.

— Почему же, мон синьор. Я готов рассказать всё, что знаю.

— Прекрасно. Я так понимаю, ты просто хочешь сохранить себе жизнь.

— Да мон синьор.

— Тогда рассказывай.

— А где гарантия мон синьор, что когда я вам все расскажу вы меня не убьете?

— Интересно, ты еще и торгуешься. Прекрасно. Слово дворянина.

— Ну да, вы держите свое слово. Сын своего отца. В таком случае спрашивайте, мон синьор.

— Кто вас послал?

— Мы не знаем его имени, имени этого человека. Но он большой и важный человек.

— Хорошо, допустим я тебе верю.— сказал Виллардита.— Тогда поведай нам пожалуйста, что ты знаешь об этом человеке.

— Я видел его только один раз мон синьор. Мы встретились в Неаполе в порту.

— Что было дальше?

— Он инструктировал нас о том, что мы должны сделать.

— А что вы должны были сделать?

— Захватить монастырь.

— Вы его захватили и что дальше?

— Дальше ждать подхода основных сил.

— Еще будут основные силы?

— Он так сказал.

«Прекрасно, подумал Виллардита,— нам только этого не хватало».

— О каких силах идет речь?

— Не знаю мон синьор, он так сказал захватить и ждать, когда придут войска.

— Вот интересно откуда они придут с моря или с суши? — спросил

Виллардита.

— Я не знаю мон синьор, но этот человек — моряк. Это точно. Он прибыл на большом, огромном корабле.

— Чей корабль?

— Я не знаю, мон синьор.

— То есть силы придут с моря, насколько я понимаю.

— Я не знаю, мон синьор, я сказал все, что мне известно.

— Кто знает?

— Вот этот человек, который у нас главный.

— Спасибо. Идите, мой друг.

Человека сгребли в охапку и обратно отвели в темницу.

— Что будем делать господа? — сказал Виллардита, откидываясь в кресле.

— Если войска придут с моря, ничего сложного я не вижу. Калабрия непреступна с моря.

— В том то все и дело, только никто об этом не знает. Я так понимаю войска появится неожиданно. И пока мы будем собирать всех по всей Калабрии, они уже успеют сделать то, ради чего сюда пришли. Ведь они не знают, что я в Калабрии, они думают, что я в Палермо. И поэтому в отсутствие командования, они могли бы сделать все что задумали, подумал Виллардита.— Ведите того красавца сюда обратно.

Обратно привели бледного человека, всего перевязанного. Бинты наложены на его раны под бинтами по-прежнему кровоточили.

— Посадите его на стул.— сказал Виллардита.— Ему тяжело стоять.

— Итак, как вы понимаете, кое что я уже знаю.

Тот недоверчиво посмотрел на него исподлобья.

— И про Неаполь, и про то, что есть некий человек, который вас сюда послал.

Испытуемый стиснул зубы.

— О видите, я же вам сказал, что один из вас обязательно заговорит.

— Предатели,— прошипел сидевший на стуле.

— Я не знаю, как у вас это называется, предатели или еще как-то.

Я вас в последний раз спрашиваю, будите говорить или нет?

Тот долго молчал и смотрел в никуда.

— Я еще раз вас спрашиваю, станете ли вы говорить? — сказал ненужны.

— Стану.

— Вот и прекрасно.

— И так кто вас послал?

— Я не знаю мон синьор. Он просил его называть Адмирал.

— Любопытно. То есть, вы не знаете человека, который вас сюда послал.

— Так точно, синьор, не знаю. Все что я знаю о нем, так это то, что он просил его называть Адмиралом.

— Хорошо. Когда придут корабли?

- Через три дня.
- Сколько будет судов?
- 16 фрегатов
- Нас ожидает десант?
- Он уверенно качну головой
- Количество людей?
- Сложно сказать мон синьор. Ну, сколько может поместиться на 16 кораблях.
- Что должны были вы сделать конкретно?
- Мы должны указать место штурма.
- То есть, вас послал сюда, для того чтобы вы посмотрели на берег с обратной стороны и нашли уязвимое место для прохода десанта. Верно?
- Верно мон синьор.
- Хорошо. Корабли придут днем или ночью?
- На рассвете мон синьор.
- Есть точно время?
- Да мон синьор.
- Во сколько?
- В 6 утра, мон синьор.
- Прекрасно, вы будете жить капитан, я вам даю слово. Выйдите.
- Виллардита собрал всех за обеденным столом. За столом сидели три монаха, Винченце, главный из его отряда — старый пират, еще два офицера и главы трех семей.
- Внимание.— сказал Виллардита,— Мы знаем, что через три дня сюда придет 16 кораблей и на них будут люди, которые будут штурмовать этот берег. Это всем понятно?
- Всем.
- Жду предложений, что будем делать?
- Все настороженно молчали.
- Прекрасно, допустим мы укажем им на самую защищенную точку. Что они будут делать?
- Тогда они потерпят поражение.
- Абсолютно верно. Но я думаю, что нам нельзя им дать даже высадиться.
- Что вы предлагаете, мон синьор?
- Я предлагаю поставить корабли под огонь батареи.
- Это как?
- Все очень просто. Мы укажем им точку высадки под перекрёстным огнем батареи. И тогда они, войдя для организации десанта, попадут под швальный огонь батарей с нашей крепости.
- Что будет дальше мон синьор?
- Мы уничтожим корабли, не дав им даже высадить бойцов на суши.
- Это прекрасно.

— Но самое главное, нам нужен Адмирал. Вот этот самый человек который послал этих людей. Поэтому главной флагманский корабль мы не тронем, а возьмем его на абордаж.

— Как вы собираетесь, мон синьор, это сделать? — сказал Винченце

— Все очень просто. Во-первых, отдай приказ моему кораблю и всем остальным кораблям, стоящим на якоре уйти в Палермо. Берег должен быть чистым, ни одного корабля.

— Будет исполнено мон синьор.

— Далее. Я возглавлю отряд из своих десяти людей. Еще 7 или 8 я возьму у тебя, Винченце. И возьму твоих монахов.

Монахи настороженно переглянулись.

— Ваше Святейшество. Есть ли у вас два сильных парня, которые хорошо владеют оружием?

— Сын мой, монахам не пристало держать оружие в руках.

— Прекратите, Ваше Святейшество. Я вас еще раз спрашиваю, есть у вас два сильных парня, владеющих оружием?

— Конечно, сын мой.

— Прекрасно, пусть они прибудут ко мне в замок. И так, абордажная команда будет состоять из 20 человек: 10 человек из моего отряда, 7–8 офицеров из отряда Винченце и двух монахов. Это понятно?

— Понятно.

— Тогда по местам и всем за дело. А абордажной команде собраться

Совещание о кораблях.
→ АБОРДАЖ

за столом.

Ровно через 30 минут за столом сидели 20 человек: два монаха, двухметрового роста, косая сажень в плечах с огромными руками, такое впечатление что они могли ствол дерева завязать в узел морской; семь офицеров, прекрасно владеющих оружием и подготовленных, и мой отряд из 10 человек и всего 21 человек.

— Я вам расскажу то, что вам нужно знать при этом абордаже. Мой отец в свое время преподал мне урок, и суть этого урока я вам сейчас расскажу.

Когда мой отец называл то, что я сейчас вам покажу, «танцующими ногами».

Перед глазами у Виллардита-младшего пронеслась картина того, как однажды его отец наказал семерым своим людям тщательно вооружится, сам же в руки взял шпагу и верную дагу немецкую.

После команды «нападайте» произошло то, что вызывало неподдельный восторг и восхищение!

За каких-то полминуты, отец повалил всех своих соперников наземь, не причинив им никакого вреда...

— А теперь ты повтори, Джузеппе,— сказал он сыну...

«Мне тогда было 22! Что ж, благодарю за урок».

Виллардита-младший взял шпагу и дагу, как некогда и его отец, встал в центр зала, и, словно повторяю науку своих предков, попросил своих людей его окружить и вникнуть в объяснение.

— Обратите внимание на особенности абордажного боя,— продолжил он.— Запомните, это не суза, на корабле мало места, потому биться будем короткими клинками.

Дальше все пошло, как по маслу. Абордажная команда усердно тренировалась, пока Виллардита спокойно смотрел на море с крепостной стены.

Молодой человек пристально посмотрел на обоих.

— Почему ты раньше обо всем не говорил? — спросил его старик.

— Понимаешь, Кас, — сказал молодой человек. — Я вообще смутно вспоминаю некоторые вещи. Ты меня никогда не спрашивал по этому я об этом и не рассказывал. Мало того, я думал что вы общаясь с доктором больше мне расскажете про это про все, чем я вам могу рассказать.

Доктор ухмыльнулся.

— Да, мы часто разговаривали на эту тему, но честно говоря ничего объяснить так друг другу и не смогли.

— То есть, по сути с вашей точки зрения, я единственный случай в вашей практики, которой обладает таким феноменом.

Старик посмотрел на парня добрым взглядом и сказал:

— О феномене говорить сложно. Дело в том, что ты обладаешь не только феноменом, но и знаниями. Мало того у тебя все получается. Знаешь, феномен — это человек который попал в ситуацию такую же как ты и сам по себе стал кем-то. Но ты построил огромную организацию, которая функционирует и которой никто не мешает функционировать. Ты на моих глазах управляешь нокдауном 6 человек вооруженных до зубов. Ты за все эти годы остался жив, хотя стреляли в тебя ни раз. Ты финансируешь всю нашу деятельность и при этом всегда твои ставки играют. Очень сложно описать человека, который одновременно и бизнесмен, и боец, и криминальный авторитет и так далее и тому подобного. В тебе сочетаются такие качества, которые не сочетаются в других людях.

— Я никогда не задумывался об этом. — сказал молодой человек.

— Все верно. Потому что ты вернулся из гипноза уже таким. Для тебя твое состояние естественно абсолютно. А для нас — это новость, потому что таким ты не был до этого момента. Скажи мне, а чему тебя учил тот монах?

— Монах. Монах, говорил что система которой он владеет она была призвана защищать его братьев от разного рода нападок со стороны.

— Хм. — сказал врач. — Скажи а он как-то работал с тобой?

— Что вы имеете ввиду?

— Ну может он тебе внушал что-то.

— Ты знаешь, я не сильно разбираюсь в этих терминах, ваших медицинских, но кажется что каждый разговор с этим монахом был неким внушением. Он как будто для этого и был представлен ко мне, для того чтобы доводить до меня правильные мысли, которые отпечатывались в моей памяти и превращались в мои убеждения.

— То есть, вот этот монах, он постоянно тебе что-то внушал?

— Это было не так, что меня кто-то сажал или укладывал на кушетку. Он просто каждый раз когда чему-то меня учил. Он показывал мне, а потом подробно рассказывал.

— Скажи мне, а вот этот вод мастер про которого ты рассказываешь, лучше был чем этот монах?

— Безусловно. Этот монах к этому мастеру относился с глубоким почтением, уважением и считал его величайшим, во всех смыслах этого слова.

— Интересно.— сказал стариk.— То есть по сути своей, если бы мы, наше с вами организацию рассматривали, то я бы был этим мастером, а врач был бы этим монахом?

— Что-то в этом роде.

— По сути, когда ты приехал от туда и своего сна со знанием сюда, то получилось, что мы как бы стали для тебя заменой этих двух людей?

— Что-то вроде этого.— сказал молодой человек.— С тобой, Кас, мне всегда приятно разговаривать о делах, боксе, и так далее. С доктором, с которым, я тоже имею беседы достаточно длительно характера мне всегда хочется понять, правильно я думаю или нет, и доктор мне в этом помогает. По сути, и там во сне у меня было два человека, и здесь, не во сне, а наяву, у меня существует тоже два человека.

— Но мы же с тобой исповедуем разные концепции боя.— сказал стариk.

— Абсолютно верно, это и приятно. Смотри, твой стиль имеет одни характеристики, стиль, который использую я — другие. Тебе подходит тот стиль который разработал ты, а мне — тот стиль, который мне странным способом преподали. При этом мы можем дискутируя между друг другом выяснить, что лучше в одном стиле, а что лучше в другом. Когда мы общаемся на эту тему, мы понимаем что учимся у друг друга. Тебе интересен стиль который тебе не знаком. С твоим стилем я знаком. Соответственно, у меня постоянно бывает время сопоставить эти вещи между собой.

— И к каким выводам ты приходишь? — спросил врач.

— Выводы очень просты. Концепции стилей разные, но система преподавания практически одна и та же.

— То есть, что ты хочешь этим сказать?

— Твоя семья, Кас, родом с юга Италии, с Апулии.

— Все правильно.— сказал стариk.

— Вероятно, вот эта система пришла с твоей фамилией, с твоей семьей, с твоим обществом в котором ты жил в детстве.

— Именно с этих мест.

— Твое Итальянское происхождение говорит о том, что ты имеешь прямое отношения к этому всему. Я когда был там, я слышал об одном человека, его считали Богом, точно так же как считают тебя в боксе,— его звали Франческо Виллардита. Вот этот мастер Чьяккио, был одним из самых близких друзей этого Виллардита. У них были совершенно разные концепции боя, но при этом они были близкими друзьями. Я думаю что речь идет о том, что Чьяккио и Виллардита были совершенно разного телосложения, у них были совершенно разные психофизиологические

характеристики. И каждый из этих людей умел использовать свои психофизиологические характеристики лучше, чем его противники. Понимаешь? Вот если ты занимался боксерами в легком весе, то твоя концепция тоже бы работала, но не так работала как концепция Чьяккио.

— Все верно,— сказал Кас Д'Амато.

— А если бы я занимался тренировкой боксеров в тяжелом весе, то вряд ли я лучше тебя преподал бы, как это делается.

— И это верно!

— Так вот. Представь себе что существует громадный конструктор.

— Представил. Что ты имеешь ввиду?

— Представь что есть 21 кубик.

— Есть. Представил.

— Представь что тебе из этих 21 кубика можно взять только 12 себе для того чтобы твой стиль стал лучше чем у всех остальных. Какие бы ты кубики взял? Безусловно учитывающие твои психофизиологические характеристики твоей предрасположенности, и ты бы представил, что против тебя может быть три вида противников: такой как ты, здоровенный мужик, или высокий с длинными руками, в точности, как у Али. То есть, соответственно ты бы выбрал такие блоки, которые позволяли бы справляться с этими тремя видами противников, учитывая твои психо-физиологические характеристики. Если бы речь шла о тебе, то было бы все по-другому, ты бы сто процентов выбрал бы другие кубики отсюда.

— Вероятнее всего, ты прав.

— Вот именно. Соответственно, появилось бы два стиля имеющих общую основу, но имеющих разный подход, разную тактику и разные системы решения задач внутри самого стиля. Потому что психофизиологические характеристики у нас разные. Но набор из которых мы выбираем это все, он одинаковый. По сути своей коробка одна и та же. Но набор всего лишь из 12 кубиков, а кубиков 21, а не 12.

— Очень интересно.— сказал доктор.— Ты хочешь сказать что существует некий набор из 21 кубика?

— Да, так и есть.

— И что ты взял от туда только 12?

— Именно. Так говорил мой мастер. То есть это 12 кубиков набора из 21 кубика.

— А ты знаешь весь набор кубиков?

— Нет, не знаю.

— Почему?

— Потому что у меня нет этого набора. Я знаю только те 12 кубиков, которые интересуют лично меня, с моими психофизиологическими характеристиками. А например, другой человек взял бы другие 12 кубиков, если бы у него был набор.

— А кто является держателем этого набора? У кого этот набор весь в руках?

— Я этого не знаю.— сказал молодой человек.— Если бы у меня был набор из 21 кубика, и содержание этих блоков полное, я был бы полным владельцем всего этого. Но обрати внимание: всё, что мы с тобой будем делать, все равно будет состоять из двух частей.

— Что ты имеешь в виду?

— Смотри. Монах учил меня философию, пониманию, психологии и определенной концепции — и все это было связано со мной, с моей психофизиологией. Мастер учил меня тактики, техники применения оружия и так далее, и тому подобное. То есть эти люди параллельно учили меня разным вещам, но все вместе это сводится в концепцию боя. Обрати внимание, что и у тебя существует тренер и ты, с твоим бойцом. То есть тренер учит его одному, а ты учишь его совершенно другому, но вместе ваша работа над боксером, делает его чемпионом мира.

— Ну да.— старик задумался.— Именно так.

— Точно так же и здесь. И обрати внимание, что и система организации построена точно таким же способом. Одни люди учат, священник,— нижний модуль, определенного рода вещам: философию, пониманию, техники применения оружия и так далее и тому подобное. Каждый из этих людей стремиться в верхний модуль. И при этом, обрати внимание, многие из них попадают туда, но многие и не попадают и остаются в нижнем модуле. Все зависит только от самого человека, чего он хочет, его не тащит, хочешь иди вверх, хочешь — оставайся здесь. Но все равно ты принадлежишь к одной и той же организации.

Люди приходили в эту организацию для того чтобы, как бы, жить по другому, жить ни так как все люди, жить лучше, чем те, кто живут во круг. Почему? Потому что когда за спиной стоит сильная организация жить проще чем когда ты живешь один. А теперь представь определенного рода людей которые постоянно хотят что-то у тебя отобрать, убить тебя или еще что нибудь, то твоя жизнь превращается в ад. Но если ты принадлежишь к определенного рода организации, то с тобой этого ничего не происходит. Это как бы предохранитель твоей жизни. Другие люди живут просто, они не принадлежат ни к какой организации, занимаются своими делами и их все используют. И государство и вот эти структуры которые превратились в организацию. По сути они единственные беспомощные существа на этой территории, а значит их можно заставлять работать, и прочие прочие вещи с ними делать. И соотнесено, они выбирают между тем государством, и той структурой которая существует, но при этом при всем они получают выбор без выбора, то есть они идут либо к тем, либо к тем, а это все одно и тоже. Это эти люди создали вот это.

— Поэтому — это совершенно бесполезное занятие.— объяснил молодой человек.— Все равно вы будете тем, кем вы являетесь. И если вы не захотите так жить, то вам придется присоединиться к какой-то структуре. А если вы к ней присоединяйтесь не желаете, то будите жить как все. А эти люди они всегда требовали больше хлеба, больше неба, больше воздуха и так далее и тому подобное. И чтобы они требовать перестали, им организовывают вот такие структуры, и требования сразу же исчезают. Возникает беспокойство за свою жизнь, беспокойство за свою семью и прочие вещи. Вот обратите внимание я сколько времени вместе с вами работаю, вы хоть раз видели в моих глазах беспокойство? Нет. Правильно. Почему? Потому что я совершенно точно знаю что я делаю. А эти люди что делать — не знаю. Им обязательно кто-то должен говорить что им делать, а это означает, что каждый из них постоянно зависим от кого-то, кто возьмет их на работу, даст им деньги и прочие и прочие вещи — такое государство является управляемым. Когда люди самостоятельные и все могут делать сами — таким людям никто не нужен, а если им никто не нужен, то государство разваливается, они способны воздвигнуть собственное государство. А никому в государстве, собственное государство ненужно. И это нужно понимать.

— Да...— сказал врач.— Вас послушаешь, можно прямо превратиться в какого-то немецкого или греческого философа. Вот я единственное, о чём думаю, так это о том, как же с тобой всё произошло.

— Я честно говорят, как бы и не знаю,— сказал молодой человек.— Но думаю, что вся эта история очень положительно сказалась на наших взаимоотношениях. И создала тот союз, который представлен сегодня у меня за столом, и этот союз крайне полезен — и мне, и все присутствующим! — сказал молодой человек.

Все трое рассмеялись.

Дорога в Рим была хороша известна. Выехали мы из Палермо не рано, не поздно- около девяти часов утра. Ехали мы по центральной дороге, минуя туннели вдоль моря. Это очень неудобно ехать вдоль моря, потому что на протяжении почти 240 километров там нет ни единой живой души и не единой заправки. Поэтому что по этой дороге ездят люди, которые плохо знают Сицилию, а те, кто знает её едут как раз по центральной дороге. Она всего на 40 километров длиннее, но зато вы ее испытываете никаких проблем и с заправками, ни с отдыхом на дороге. Здесь спокойно можно остановиться, передохнуть, выпить кофе и ехать дальше. Вот, в общем-то, так праздно мы и ехали в Рим: от заправки до заправки. То кофе пили, то, если так можно сказать, наслаждались круассанами. Потому что круассаны надоедают уже на второй раз. То пили не слишком ужасный кофе, потому что в остальной части Италии кофе просто отвратительный и пить его просто не возможно. Так, худо-бедно, добрались до Мессины и стали в очередь на паром. Ехали мы теме же двумя Мерседесами белоснежного цвета. И, пока водители пошли за билетами на паром, мы уже почти проснулись. Дело в том, что после того, как мы поели и поили на заправке, нам всем захотелось спать. И мы немного и подремали, так как ночь выдалась неспокойной. Как вы помните мы «выясняли» истоки фехтования. Вот, в общем-то, так мы и проснулись только тогда, когда остановились на пароме.

Ехали мы вчетвером: два внука, Я и мой друг профессор Джоварзи. Плюс два водителя и впереди по одному телохранителю. Телохранителями этих людей назвал я. По причине того, что никаких признаков охраны они не демонстрировали. Да, они были с оружием, это понятно, но при этом, они не бегали ни за кем, никого не опекали. Мы не чувствовали никакой сдержанности в движениях, ходили куда хотели, а они просто присматривали за нами с стороны и не вмешивались ни в разговоры, ни во что... просто стояли и смотрели. Поэтому, я для себя чётко определил, что это скорее сопровождение, а не личная охрана. То есть это люди, которые должны нас уберечь от разного рода возможных неприятностей, которые могут вдруг возникнуть в дороге... всякие невоспитанные люди или другие товарищи, которые могли бы просто омрачить наш переход. У этих людей не стояла задача нас охранять, а скорее оберегать нас от разного рода эксцессов. Короче говоря, исключать конфликтные ситуации. Такой вывод я сделал, сидя в машине и наблюдая за их деятельностью.

Я до этого на пароме через Сицилию ни разу не переправлялся и, поэтому, мне было очень интересно за всем наблюдать. Первое, что бросилось в глаза, что на пароме гадкой краской затёрто слово Мессина и написано Реджио-Калабрия. И я спросил своего друга Джоварзи, почему на так?

Джоварзи мне объяснил, что до этого паромная переправа принадлежала Мессине, но недавно её купило Реджио-Калабрия и здесь стало всё в порядке, паромы стали чистые, новые, ходить без перебоев, никому не

нужно ждать. И действительно, буквально несколько минут и мы уже погрузились на паром и отправились, и он уже продолжал свой рассказ мне на верхней палубе, где мы стояли и курили, облокотившись на реи корабля. Переправились мы достаточно быстро, я даже не успел до слушать историю до конца о покупке паромной переправы.

Мы спустились вниз, сели в машины и начали выезжать с парома. Выехав с парома, мы опали в какой-то небольшой городок, который мы вынуждены были проезжать по дороге на Рим. Нас с распластёртыми объятиями ждала Реджо-Калабрия. Это город в Калабрии, или, я бы сказал, область, у которой существуют свои провинции. Это та часть, что примыкает к Сицилии. Начав движение по Калабрии, мне показалось, что мы попали в несколько другой мир. За бортом парома осталась Сицилия и мы попали в совершенно какую-то другую страну, страну вечных гор, вечно зеленых лесов, туманов и какого-то определённого гнетущего человека духа. Такое впечатление было, когда мы ехали по Реджо-Калабрия, а потом и по самой Калабрии до Кампании, что с нами обязательно что-нибудь должно было случиться. Потому что это такая земля, что такое впечатление, что здесь вообще никого нет. Вот ты смотришь на эти горы, они вроде как безжизненные и там никого нет.

Когда ты едешь по трассе вдоль гор и думаешь, что там много домов, дорог, но какое-то оно все неживое в этом всём нет движения, всё находится как — будто в некоем монументальном покое. Даже машины на трассе очень сильно изменились. Когда мы ехали по Сицилии мы видели достаточно простые небольшие малолитражки. Когда мы въехали в Калабрию, мы увидели цвет инженерной автомобильной мысли Европы: Mercedes, BMW. Самые дорогие автомобили, которые мы встречали по дороге. Что еще произвело впечатление, что, начиная от Реджио и до Кампании, в Калабрии странным образом оказались очень хорошие дороги. Они прямо, как немецкие автобаны. Настолько хорошие дороги непривычны для Италии. В Италии не плохие дороги, хорошие, но в Германии они лучше. Так вот этот кусок Италии в виде Калабрии он как-то очень похож на Германию своими дорогами: новые, ладно сделаны. Машина не шелохнулась ни на одной кочке, пока мы ехали по Кампании. И, подъезжая к Кампании, солнце уже садилось, и мы решили остановиться на заправке, размяться и перекусить. Студенты наши радостно выбежали из машины, мы с моим другом направились в магазин. Там стояла очень красивая печь, которая делает неаполитанскую пиццу, и мы решили, что пицца будет самым прекрасным предварительным ужином перед приездом в Рим. И, поэтому, мы заказали две огромных неаполитанских пиццы с самыми вкусными наполнителями, которые там только были. Неаполитанская пицца — самая вкусная, которая вообще только есть. Ничего удивительного, ведь Неаполь — это родина пиццы. И спокойно на всю банду мы проглотили эти две пиццы, запили это всё колой, и тронулись дальше в путь. Кампания сама по себе сильно отличалась от Калабрии. Как только мы проехали Калабрию, все стало весело.

По обе стороны шоссе огни, рестораны, люди — началось движение. В Калабрии такого не было. А здесь все резко поменялось. У мен сложилось такое впечатление, что Калабрия — это какой-то загробный мир. Кампанию мы проехали достаточно быстро, Неаполь остался слева и вышли на Римскую трассу. До Рима оставалось 250 километров, я попросил остановиться, так как после выпитого количества колы нужно было сходить в туалет. Мы остановились на заправке, машин на ней не было вообще. Заправка была очень современная, красивая, с горящими везде огнями, с подсветкой цен на бензин, с курсами валют, прогнозом погоды, часами и так далее. Заодно решили и дозаправить машины до полного бака. Кто-то пошёл купить какие-то напитки, кто-то в туалет. Мы вообще никуда не спешили, мы ехали в гости, дела у Джоварзи были только во второй половине дня, до Рима оставалось совсем немного, к вечеру мы уже должны были прибыть, поэтому, в принципе, мы никуда не торопились.

Когда мы уже все вышли к машинам, на заправку заехал спец автомобиль для перевозки трупов с Калабрийскими номерами. Из машины вышли два человека. Один — старик, где то лет под 70, но достаточно бодрый. Он спокойно пошел к заправочной станции, второй — молодой лет 35ти- пошёл внутрь. Машину они не стали закрывать, просто захлопнули дверь, поставили её возле колонки и разошлись каждый по своим делам. На это было смотреть довольно забавно. Машина была очень дорогая, чёрного цвета. Вопросов, конечно, никто никому не задавал. Мы просто стояли и глазели на то, что будет происходить. Молодой парень вернулся достаточно быстро, стал возле автомобиля и ждал своего товарища преклонного возраста. Старик, расплатившись за бензин, медленно возвращался к своему авто. Мы тоже направились к своим авто, и, когда мы проходили мимо них, старик повернулся и Джоварзи услышал калабрийскую речь. Старик, негромко произнес фразу, адресованную Джоварзи:

— Вы едете навстречу свету, когда все остальные люди находятся во тьме.

Джоварзи его спросил

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу вещие сны,— ответил старик.

Они поняли друг друга. Мы все сели по машинам и разъехались в разные стороны. Мы поехали вперед, а спец. автомобиль так и остался стоять заправке. Я попросил Джоврзи перевести мне, что сказал старик. И Джоварзи мне перевел сказанное на английский язык.

— А что это значит?- спросил я.

— Понимаешь, это такой язык специальный, на котором вы не умеете разговаривать.

— Не понял.

— Скажи пожалуйста, у вас существует у криминала свой язык?

— Естественно, и не один,— ответил я.

— Вот видишь, в нашей криминальной традиции тоже существует определённый язык и на нём разговаривают только люди, имеющие к этому отношение. Этот старик увидел меня, и решил проверить имею я отношение к этому всему или нет. Поэтому он и сказал мне эту фразу.

— А что она означает?

— Если перевести это на английский язык,— начал Джоварзи,— то примерно это будет означать следующее: он пожелал нам успеха в жизни, добра, предвидения, знания и сказал, что знания могут быть опасны для человека. Для человека, располагающего большим количеством знаний, иногда это знание может обернуться против него. То есть, Омерта — закон молчания, который существует на Юге Италии, он говорит о том, что человек должен знать столько, сколько ему положено, для того, чтобы молчать. Если человек не знает, то он не сможет и рассказать. Но слова старика намного глубже для нас, чем я могу перевести их смысл на английский язык для тебя, понимаешь?

— Честно говоря, понимаю, у нас тоже своего рода «философы», видел их достаточно и защищал их тоже немало в суде.

На что Джоварзи мне сказал

— Ты зря так. Потому что к таким старикам, как и к моему отцу, всегда следует прислушиваться, они чуши и бесполезного не говорят. Если этот калабриец сказал нам эту вещь, значит, он нас наставил, по стариковски, наперёд.

Мой друг продолжил.

Он видит, что мы на дорогих автомобилях, с нами вооруженная охрана, он понял, что мы имеем отношение к организации определённой на Сицилии, он узнал нас, как братьев и, как братьев, нас предостерёг от того, чтобы мы не сильно расслаблялись в дороге. Потому что, ты сам понимаешь, дороги бывают разные и все они «ведут в Рим», — засмеялся он. Рим — это не самое лучшее место для того, чтобы южно-итальянцу там вообще находиться. Не любят в Риме нас. По большому счёту он нам сказал, чтобы мы искали добра, и не искали зла в жизни, так как мы едем не к себе домой.

— Но, я же так понимаю, что в Рим мы едем в гости к друзьям? — уточнил я

— Это верно. Но мы не едем к себе домой, наш дом остался на Сицилии. Мы должны помнить, что мы в гостях в любом случае, и ты должен это понимать.

Ну, в принципе эта философия не давала нам ничего плохого и ничего хорошего, поэтому я принял ее с радостью. Спасибо большое, что сказал.

На подъезде почему-то всегда воняет. Там такой странный запах. Такое впечатление, что мы попали в болото. Я не знаю, почему там такой запах, но факт остается фактом. Как только вы учуяли запах и начали включать замкнутую систему кондиционирования, значит, вы попали в Рим. Такое впечатление, что самое большое, простите «дерымо» Италии

сосредоточено Риме. Но запах именно такой. Он поганый и противный.

С высоты микроавтобуса было видно, что Рим — это громадный город, расположенный на огромной территории по обе стороны дороги. До поворота на Рим оставалось пять километров. Мы потихонечку начали сбрасывать скорость. Ехать до места назначения нам оставалось около часа.

Свернув на Рим, все ехали молча, смотрели с интересом по обе стороны дороги. Мне тем более было интересно, так как, повторюсь, я никогда до этого не был в Риме. Поэтому, я уставился в окно и рассматривал достопримечательности. В ярком свете городских фонарей они смотрелись особенно красиво. Студенты, сидя на заднем сиденье, о чем-то оживленно беседовали на итальянском языке. Джоврази философски смотрел вперед. Он мне напомнил буддистского монаха, находящегося в медитации, который периодически просыпался, поворачивался ко мне и улыбался своей сицилийской улыбкой и дальше продолжал медитировать. Прошло совсем немного времени, и мы вкатились на очень ладную улицу, где стояли старинные дома. Возле одного из таких домов, где-то на середине улицы, мы как раз и остановились. Наконец-то мы прибыли.

Ворота распахнулись, машины двинулись внутрь двора, который был достаточно огромен: здесь можно было поставить не две машины, а все двенадцать. Мы припарковались и вышли из машин. Я уже примерно полтора часа не курил, поэтому первое, что я сделал, это закурил сигарету, рассматривая дом. Это был огромный, каменный, красивый старинный дом. Сделан он практически весь из гранита, мрамора, дерева, с красивой резьбой, карточными просветами на окнах. Дом был больше похож на венецианский. Я увидел прекрасный сад, две веранды. Наконец-то появились смотрители дома в количестве трёх человек.

Первой вперед вышла «домомучительница». Я сразу понял, что это именно она. Это была высокая женщина, очень худощавая, с черными, как смоль волосами и она сразу начала раздавать указания, кому что делать — я так и понял, что она «домомучительница».

Аппарели микроавтобусов пошли вверх, двое быстро вытащили наши чемоданы, разнесли их по комнатам, а нас пригласили к столу.

Мы пошли знакомиться со своими комнатами. Поднимался я по каменной лестнице, очень добротной, где не было ни оного деревянного крепления. Такое впечатление, что ступени были вытесаны из камня. Быстро, осмотрев свою комнату, я понял, что эти несколько дней жить в ней будет очень и очень приятно. Комната была большая, светлая, с громадной двуспальной кроватью. Отдельную комнату занимал душ, ванная и уборная. Так же имелся небольшой кабинет, где стоял письменный стол, все необходимые письменные принадлежности, мебель была сделана под старину, а может и была старой, я так и не понял. Свет включался автоматически, как только я попадал в комнату, так что мне даже не приходилось искать выключатель, что очень удобно. Короче говоря, отличная комната для гостя.

Ко мне в комнату пришёл итальянец, высокий, широкоплечий, предложил мне помочь с чемоданом. Я с радостью согласился. Он молча взял его, положил на специальную подставку, и помог мне его открыть.

— Grazie,— поблагодарил я его. Это единственное слово, которое я знаю по-итальянски.

На что он мне в ответ сказал то, что все они обычно говорят

— Prego

И исчез в темноте коридора.

Я быстро нашёл подходящий мундир для вечернего ужина, снял с себя спортивный костюм, кроссовки, пошёл умылся. Увидел, что на лице появилась щетина — пришлось побриться, короче говоря, привел себя в порядок, переоделся, зализал волосы назад, одел рубашку, побрызгался одеколоном, надел пиджак, мягкие туфли и спустился вниз, где уже все сидели и ждали меня.

Домомучительница накрыла уже на стол: фрукты, вино и всякие разные вкусности и все время интересовалась «Чего желает господин». Господином был студент. Это было очень смешно. Она с ним обращалась, как с английским лордом. Было такое впечатление, что он чуть ли не

ровня английской королеве, а домомучительница танцевала вокруг него и все время спрашивала, что желает господин. «Господин» не желал ничего, кроме чипсов, кока-колы и прочей подобной еды, поэтому выглядело со стороны это крайне смешно и забавно.

Мы откупорили бутылку красного вина, разлили по бокалам и принялись его употреблять. Честно сказать, бутылка ушла мгновенно, с дороги хотелось пить, да и вино было прекрасным — потому что мы привезли его с собой с Сицилии, в Риме никакого прекрасного вина, как вы понимаете, не может быть. Мать Джоварзи положила нам это вино в корзину с собой. А так как бутылок было двенадцать, то нам было, что пить, и поэтому, долго не думая, Джоварзи достал вторую бутылку из корзины и опять выпили её довольно быстро, потом третью... где-то на четвертой бутылке я начал понимать, что ноги мои начинают отказывать. Вино само по себе было, как компот — ну очень вкусное, сладкое, но, как оказалось, по голове было так, что не нужно было ничего большего для того, чтобы парализовать человека.

Я понял, что мне нужно останавливаться, потому как напьюсь, а завтра буду в непотребном состоянии. Джоварзи увидел это положение вещей. Его, кстати говоря, вино тоже малость развезло, но он держался лучше меня. Молодежь вообще практически не пили, выпили всего одну бутылку вина и убежали спать. И мы с Джоварзи остались вдвоём.

— Что у тебя за дела в Риме, — спросил я его, — если это, конечно, не секрет

— Нет, не секрет. В римском университете есть несколько профессоров, которые занимаются сходной с нашей с тобой проблематикой, — сказал мой друг. Они написали несколько интересных работ. Я бы хотел, чтобы мы с тобой поехали к ним. Во-первых, забрать работы, которые они написали, чтобы прочитать их, во-вторых, побеседовать с ними. Они люди гостеприимные, будет обед — и мы в сиесту победаем с ними и заодно зададим им вопросы, которые нас интересуют.

— Хорошо. Когда поедем?

— У нас есть время отдохнуть хорошенъко. Давай, ложимся спать, до 12 высыпаемся, перекусим и поедем спокойно.

— Договорились, нет никаких проблем, — сказал я.

И мы отправились спать. Ночь пролетела быстро, как это обычно бывает после выпитого хорошего вина.

Проснулся, если честно, не совсем в лучшем виде, но это не составляло проблемы, так как я знал, как быстро привести себя в полный порядок. Несколько не хитрых процедур сделали свое дело. Я спустился вниз, по старой украинской привычке откупорил бутылку вина, налил себе стакан вина, выпил — и мне сразу же стало хорошо. Потом поднялся, принял душ, привел себя в порядок и жизнь наладилась. К 12 я уже был в полном сборе, и я вышел в сад. Джоварзи вышел сразу же за мной. Молодежь уже сидели за столом и что-то ели, я не понял, что это было за блюдо — видимо какое-то их национальной сицилийской.

Нам предложили на выбор несколько вариантов завтрака. Я выбрал самую простую для себя еду — сосиски, сыр, сок и кофе.

После завтрака мы сразу же пошли в машину, Джоварзи сел за руль, с нами увязался его сын, и таким составом мы и поехали по делам. Машина мягко выехала за ворота. Дорога была очень спокойной, никаких кочек, машину не тряслось, как это бывает часто у нас на Украине. Доехали достаточно быстро до университета, видно было, что Джоварзи знал Рим очень хорошо.

И вот мы уже поднимались по лестнице Римского университета.

Действительно, друзья Джоварзи оказались очень гостеприимными и добрыми людьми. На кафедре университета нас приняли, как дорогих гостей. Уже на столе было приготовлено и вино, и фрукты...

Я спросил, везде ли так в Риме гостеприимно принимают гостей?

— О, конечно, нет, что ты?! — несколько с укоризной сказал Джоварзи. Просто эти люди Сицилийцы, просто работаю они в Риме. Поэтому и ведут себя так. Римляне же ведут себя совершенно иначе, еще успеешь убедиться в этом. Обычно это наглые типы, совершенно безнравственные и бестолковые. Конечно, всех под одну гребёнку нельзя определять, но ничего хорошего в Риме нет, и это все прекрасно знают.

Мы уселись в удобные кресла, для приличия пригубили вина, и Джоварзи зада первый вопрос

— Что получилось в ходе твоего исследования? — обратился он к кудрявому человеку, я так и не запомнил его имени, начал спокойно говорить

— Ты знаешь, я давным давно занят неаполитанской каморрой.

Про каморру я, конечно, слышал.

— И я в архиве нашел несколько интересных материалов, которые тебе было бы тоже небезинтересно услышать, — продолжил итальянец. На самом деле, отчет об исследовании вот у меня в руках.

И протянул папку Джоварзи, которую профессор положил на стол.

— В двух словах расскажу следующее. Наше представление о каморре, которое у с сегодня существует, сильно расходится с представлениями о каморре учёных до 1920 года.

Для удобства мы все говорили на английском языке. Я приподнял руку и попросил задать вопрос.

Я спросил.

— А в чём разница между представлениями?

— Ты понимаешь, в наше время написано огромное количество книг, и это огромное количество книг совершенно не отражает фактическое положение истории каморры.

— Каморра, я так понимаю, это организованная преступность Неаполя, верно?

— Абсолютно верно. Вы ученый?

— Да, — ответил я.

— Какая у вас учёная степень?

— Доктор философии.

— Тогда в принципе, я так понимаю, что Вы с Джоварзи заняты в одной плоскости.

— Абсолютно верно.

Джоварзи меня поддержал и «кудрявый» охотно стал отвечать на мои вопросы.

Буквально через сорок минут я уже имел полное представление о каморре, как об организованной преступной организации Неаполя, при этом ранее я никогда не интересовался этой организацией и, в общем-то, знать про неё практически ничего не знал.

Второй его коллега сидел молча и сверлил меня серыми глазами. Я еще задал два вопроса и замолчал. Джоварзи продолжил беседу ними.

— Если ты не против, я прочитаю отчет, и, если у меня будут вопросы, я либо напишу тебе, либо мы еще раз приедем.

— Без проблем, будут вопросы, пиши, звони, я постараюсь максимально удовлетворить твоё любопытство и на всё ответить.

Аудиенция была закончена, мы пожали друг другу руки, попрощались и двинулись в направлении автомобиля.

Блоки необходимые упаковать:

- ① Разница Бокс из Дисткин до
- ② Элементы рук
- ③ Проблемы системы Брюса Ли
- ④ Описания проблем
- ⑤ Структурк. доказуз 2^х Трактатов Павловичных.

В машине нас ждал наш студент, явно заскучавший. Он очень ловко забрался на переднем сиденье, Джоварзи сел за руль, а я умостился на заднем сидении.

Джоварзи включил итальянскую музыку и плавно мы покатили в сторону дома. Я спросил его

— Какие дела у нас еще в Риме?

— Я бы хотел для начала, если честно, прочитать отчёт, если ты конечно не против. Исходя из того, что я прочитаю, дела либо будут, либо нет.

— Но я так понимаю, что они будут,— улыбнулся я,— потому что ты будешь читать, как всегда, очень подробно и дотошно.

— Абсолютно верно ты думаешь. Я вообще думаю, что нам придёт вернуться и задать еще вопросы этим двум уважаемым господам.

— А зачем ебеж то всё, Джоварзи? — не удержался я. Ты Сицилиец, живешь на Сицилии, Каморра в Неаполе, чем она тебе так интересна эта неаполитанская организация?

— Понимаешь, мой друг, все дело в том, что неаполитанскую каморру организовал как раз таки сицилиец.

— О, это очень интересно. Тогда поясни мне, каким способом это вообще произошло?

— Всё очень просто. Дело в том, что, если ты помнишь европейскую историю, и Сицилия, и Неаполь это одно и то же королевство — Королевство двух Сицилий. Это было вообще одно и то же государство.

— Честно, Джоварзи, об этом я не знал,— довольно удивленно отметил я.

— По сути своей, Кампания, Калабрия и Сицилия

— Да. Это, по большому счету, одна и та же земля. Так что нет причин для удивления, что сицилиец организовал каморру. Ведь от Неаполя до Палермо на пароме ходу-то всего два часа.

— Ну да, под парусом, в принципе, часа четыре ...

— Совершенно верно. На яхте еще быстрее. При хорошем ветре, час, и ты там... Так что действительно нет причин для удивления, если это одно и тоже королевство, то все дворянство палермитанское и неаполитанское было при одном дворе, они ездили туда сюда...

— Дааа... задумчиво протянул я. То есть, правильно ли я понимаю, что некий сицилиец организовал в Неаполе некую структуру, которая превратилась в мощное организованное сообщество...

— Что-то в этом роде, ответил Джоварзи. Если до примитива свести, т приблизительно так.

— Понятно. А известно, как его звали?

— Это да, известно конечно. Леонардо Чьякио.

— Понял. Есть некий Леонардо Чьякио и ты проводишь расследование его деятельности?

— Что-то в этом роде, как ты говоришь,— с улыбкой ответил Джоварзи.

— Ты хочешь разобраться, как действительно устроена каморра? — не унимался я с вопросами

— Вот ты смешной,— неужели ты считаешь, что я не знаю, как устроена каморра?!

— Вот и я удивляюсь, Джоварзи. Зачем тебе эти исследования

— Дело всё в том, что эти исследования хранят в себе огромное количество тайн.

— Оооо, тайны это, как раз, по нашей с тобой части.

— Вот именно.

— Так а что ты хочешь от туда вытащить?

— Ты понимаешь, друг мой, по сей день никто не знает определенных вещей, например, Леонардо Чьякио — про него практически ничего не известно. Известно, что он сицилиец, палермитанец, родился в провинции Палермо. Это практически всё, что известно. Мне бы хотелось знать биографию этого человека, откуда такая радость, как он создал такую организацию? Кто ему, возможно, приказал создать её. Мне бы хотелось понимать, что стояло на вооружении у них. Разобраться, почему она была такой, и почему сегодня стала иной. Потому что, сегодняшняя каморра кардинально отличается от той, которая была ранее. В чем причина всех этих вещей.

— То есть ты хочешь сказать, что сицилийская организация не поменялась с тех времён, а Каморра сильно видоизменилась? — мои вопросы не заканчивались. Уж очень интересная тема.

— Абсолютно верно.

— А почему так, как ты думаешь, Джоварзи?

— Всё не сложно на самом деле. Сицилийская структура замкнута на острове, а неаполитанская организация находится на материке и там существует огромное количество влияний: Рим, Калабрия, Апулия.. хватает векторов влияния, для того, чтобы это все трансформировалось.

— А ты, как учёный, что хочешь сделать?

— научную работу. Я собираюсь писать большую научную работу по криминалу Неаполя и вот понемногу собираю материал для этого.

— Ты хочешь открыть миру Леонардо Чьякио?

— Что-то в этом роде, как ты говоришь,— снова засмеялся Джоварзи.

Пока шел этот разговор, мы уже и подъехали к дому. Ворота автоматически открылись, машина вкатилась во двор и остановилась прямо возле входа. Мы спокойно покинули автомобиль, и он ушел на парковку. Наша молодежь сидела на террасе, и я увидел, что они, держа в руках какой-то странный предмет, похожий на большую советскую энциклопедию, с оборванными концами, что-то яростно обсуждали между собой.

— О чём спор молодежь? — не замедлил спросить Джоварзи сына

Молодые люди показали некую книгу, которая была исписана чернильной ручкой размашистым почерком.

— Что это? — спросил я
— Пока не знаю, сказал Джоварзи.
Студенты четырьмя удивленными глазами смотрели на нас.
— Так спор о чём все-таки? — повторил вопрос Джоварзи.
— Мы нашли книгу, — сказал Андреа. В ней нарисовано и написано очень много всего на староитальянском языке. И мы думаем, как это правильно читается и понимается.

Джоварзи взял книгу в руки. Пролистав десять страниц, он уставился на Андреа и с некоторым удивлением и спросил

— Где ты это взял?
— В библиотеке.
— Я правильно понимаю, что у тебя в доме, в библиотеке лежит эта книга?
— Да
— Ты её просто достал с полки?
— Да
— Ты никогда её до этого не видел?
— Нет, сеньор Джоварзи. Если честно, я вообще до этого никогда в библиотеку практически не заходил.
— Очень интересно. Ты не бываешь в библиотеке в своём доме? — несколько с улыбкой спросил Джоварзи.

— А что мне там делать? Мне университета хватает.
— Очень интересно... ты никогда там не бываешь, но вы залезли в библиотеку, увидели книгу и притащили её сюда, я правильно понимаю?

— Да, всё было именно так.

В воздухе в этот момент повисла почему-то гробовая тишина. Джоварзи открыл титульный лист и показал нам. На титуле стоял вензель и роспись — Джузеппе Паллавичини.

— Очень весело. Перед нами документ 17 века, — нарушил тишину Джоварзи. Андреа, ты знаешь потомком кого ты являешься?

— Родители рассказывали, что он был знаменитый фехтовальщик на Сицилии, дворянин Джузеппе Паллавичини. Он переехал потом в Рим. Мам что-то говорила, что этот дом остался от него в Риме. В общем — то это все, что я знаю.

— Это рукопись твоего предка, датированная 17м веком.

Так как до этого разговор шёл на итальянском языке, а мне не терпелось узнать, что же все-таки происходит, я попросил Джоварзи пояснить мне и перевести на английский о чём они говорили.

— Объясняю, мой друг. Эти два юнца, залезли в библиотеку, и выкопали там рукопись Паллавичини 17 века и сидят и спорят между собой, как читается это слово, — и пальцем он мне указал на страницу книги. Вот всё, что происходит.

— Могу я тебя спросить, если это, конечно, не секрет. Не считай меня глупым и не образованным, но кто такой этот Паллавичини? — спросил я.

— Ооо... понятно. Ну что ж. У тебя компьютер с собой?

— Ну конечно. В чемодане лежит.

— Тогда неси его сюда.

Я быстренько притарабанил ноутбук, Джоварзи мне незамедли-тельно перекинул два файла.

Я открыл два документа на итальянском языке, которые ознако-новались «Трактат Джузеппе Паллавичини. Палермо. Том 1й и том 2й». Я бегло пролистал его и понял, что этот человек в 17 веке написал трактаты по фехтованию. Пока это было всё, что я понял.

— Теперь ты знаешь, кто это такой,— сказал Джоварзи, дождавшись пока я закончу просматривать документы. А вот это,— Джоварзи показал ту самую книгу, которая вызвала спор у молодежи,— как ты выразился похожая на советскую энциклопедию книга — это рукописи за всю его жизнь. Смотри сколько здесь рисунков о фехтовании, сделанных чернильной перьевой ручкой!

И действительно, практически на каждой странице были рисунки, которые что-то поясняли, но к сожалению, итальянского я не знал, а древне итальянского уж и тем более, поэтому понять, что там было написано, конечно же, я не мог. Кроме рисунков я ничего и не увидел.

Джоварзи предложил мне сесть. Я посмотрел в его глаза и сказал, с достаточно задумчивым, видом

— Я так понимаю, дела у нас в Риме появились?!

— Ты прямотаки провидец,— неменяясь в лице, сказал Джоварзи,— Как видишь, появились. Помнишь, на заправке старик сказал, что мы едем навстречу свету?!

— Помню

— Ну вот одно из назначений света — это знание. Перед тобой до-кумент 17 века, который тебе, как специалисту в области фехтования, вооружения, криминастики, должен быть крайне интересен.

— Мне очень интересно, Джоварзи, просто я вообще не понимаю, что здесь написано.

— Ничего страшного, я тебе переведу. Не торопись.

— Отлично, тогда я пойду, попрошу, чтобы нам сделали кофе,— воодушевленно предложил я.

Он вспомнил как они с Леонардо подъехали к большому забору где было достаточно большое имение, замок. Вспомнил как они вошли внутри предъявив грамоту. Он вспомнил какой переполох начался в доме, когда они приехали. Падре засвидетельствовал подлинность его документа и прочие его регалии. Управляющий на все это смотрел скептически, считая его самозванцем. И говорил, что этого не может

быть и что все люди этого рода давным-давно умерли, и никто не может из родственников здесь находиться, и вообще он во всем сомневается. Пригласили юристов, адвокатов, которых в то время в Неаполе было достаточно огромное количество. Пригласили нотариусов, все проверили документы, сказали, что этот документ абсолютно подлинный, мало того он подписан Королем Испании.

Поэтому даже разговоров не может быть на эту тему, лично монарх подписал этот документ. Даже если он самозванец, то это все ему подарено Королем Испании, потому что все принадлежит Королю Испании.

Подданные приготовились принять своего нового господина. Леонардо еще какое-то время походил по имению, отдал соответствующие распоряжения. Все надо сказать быстро выполняли то что он говорил. Падре перекрестил его как положено. Они сели на лошадь и в коляски, и он остался один в этом имение с этими служами и со всем остальными товарищами.

Молодой парень посмотрел в лицо управляющему и очень твердо сказал:

— Покажите мне мои апартаменты.

Управляющий медленно достал связку ключей и повел его к замку.

— Здесь нет апартаментов,— сказал управляющий.— здесь все это принадлежит вам. Хотя я так понимаю, вы сами почти ничего об этом не знаете.

— Именно так.— сказал молодой человек.

Обращаясь к своему управляющему имения он сказал:

— Дело в том, что я потерял память.

— Хм...— удивился управляющий.— Совсем нет памяти?

— Именно. Что-то со мной случилось или в поединке, или на войне, не знаю, я не помню, как это произошло. Но я помню все что сейчас, и есть люди которые меня знали до этого. Этих господ ты видел сегодня.

— Это уважаемые люди, очень уважаемые люди в Неаполе. Я бы сказал, что этот падре — это один из первых лиц в церкви Неаполя. Такие люди вряд ли будут врать.

— Так они и не врут. Они меня знали и до этого. И поэтому сделали все, позаботились обо мне после того, как это со мной произошло.

— Все понятно.— сказал управляющий.— Да, а то мне показалось очень странным что вы не ориентируетесь в собственном поместье.

— Я и не могу ориентироваться, я не помню ничего.— сказал молодой человек.

— Хорошо. Тогда позвольте я вас познакомлю с вашим имением.

— Это было бы прекрасно.

Они обошли весь замок. Потом о нем рассказал о полях, о том сколько имение зарабатывает в год. Какие деньги тратятся на содержание имения, сколько денег лежит на его счетах в Неаполитанских банках. Выяснилось, что молодой человек не только владелиц этого всего, но и очень богатый дворянин. Денег на счетах было очень много, поместья были очень доходными, управляющий был очень хозяйственным человеком и отлично управлялся со всеми этими вещами.

— Сколько ты в год получаешь денег? — спросил Брикчерс

Он назвал сумму. Сумма по сравнению с работой ему показалась не большой.

— Давай так, я начну с того, что увеличу твой ежегодный доход на половину.

Управляющий улыбнулся.

— Это очень хорошее предложение.— сказал управляющий

— Да. Ты прекрасно справляешься с моим имуществом, я не хочу, чтобы ты испытывал какие-то финансовые затруднения. Давай, образно говоря ты получаешь 100 рублей, будешь получать 200 рублей. В два раза больше.

Тот сказал,

— Спасибо господин, я не ожидал того, что вы начнете с этого свое правление.

— Я считаю, что нам надо как-то подружиться, по причине того, что нам вместе жить. Тебе учить меня что здесь вообще происходит, я же ничего не помню. Давай займись этим вопросом.

— Нет проблем.

Надо сказать, что управляющий знатно повеселел, узнав, что денег будет в два раза больше, и как-то стал живее с большой радостью начал показывать, рассказывать, водить по всяким погребам винным, показывать вино разных годов. Начал ходить показывать разные смотровые площадки, откуда видно все вокруг и что замок прекрасно защищен и что здесь все под контролем.

— Скажи пожалуйста, а есть ли у нас хоть какой-то гарнизон в замке? Нам бы каких-то людей охрану.

— Да есть, но из не много всего 10 человек солдат, они охраняют замок и его территорию.

— Увеличь до 50-ти человек.

— Будет сделано. Увеличиваю до 50-ти.

Следующим распоряжением молодого человека было приготовить ему одежду.

— Это сложно, так как ее нужно пошить. Но у нас есть свои портные, все сделаем в самом лучшем виде. Будите самый красивый дворянин в Неаполе. Будет что показать. Сейчас соберу людей они начнут этим вопросом заниматься.

Брикчерса повели в определенную коморку — там его измерили всего, с ног до головы! И мужчины, видимо, портные начали придумывать одежду, которую будут ему шить. Он все время ходил в одной и той же одежде, хотелось бы разнообразить наряды и все остальное. Надо сказать, что ребята работали достаточно быстро, к утру уже пару костюмов было готово для него. Он принял ванну, переоделся в новое белье, новый костюм. Одел сапоги новые, которые ему сделали за ночь. И получился такой очень серьезный неapolитанский щеголь. И они сели на коней с управляющим и поехали обезжать владения, посмотреть, что там с сельскохозяйственным производством и так далее.

И вот они выехали из замка. Поехали с начало в одни владения там, где производят виноград, чтобы управляющий показал ему как тут все делается — вот здесь виноград производиться вот здесь отжимается, здесь люди работают и здесь люди работают. Молодому человеку нравилось вникать во все тонкости производства, случайно на него свалившегося богатства. Он разобрался с начало с этим, потом разобрался с кузнецким производством, потом разобрался с сельским хозяйством, связанным со злаковыми — здесь пекарня, здесь хлеб делаю. Так они ездили по разным точкам этого поместья и разбирались с этой все штуковиной.

В конце концов уже начало смеркаться, временно пролетело совершенно незаметно, они вернулись в замок. Молодой дворянин взбежал по лестнице к себе в апартаменты и приказал подать ужин в центральную зала. Они с управляющим вдвоем сидели за столом, а слуги подавали в три этапа блюда. Сначала первые блюда, потом вторые блюда, потом закуски всякие, десерты. Принесли прекрасное вино из погреба, по бутылки каждый из них выпил вина. Жизнь несколько наладилась. И вечером пригласили дам, заставили их играть на клавесине, сидели в двух больших креслах, слушали музыку пока молодой человек не сказал,

— Достаточно на сегодня, пойдем спать, завтра много дел, мы поедим в Неаполь с тобой.

Глаза Брикерса открылись, он проснулся уже начинало смеркаться. Он нажал кнопку вызова секретаря. Секретарь постучался в дверь, и босс приказал, что дает им 30 минут привести себя в порядок и что сейчас мы пойдем гулять по вечернему Неаполю.

Выйдя из гостиницы они отправились уже по другому маршруту в другую сторону, шли мимо центральной площади вправу сторону. Смотрели на соборы которые виднелись на возвышенностях, пошли гулять туда выше, смотреть на соборы, стоящие на горе. Шли, шли, дошли до определенных кварталов. Начали подниматься в этих кварталах и в этот момент времени, из подворотни вышло 6 человек, каких-то странных людей, все они были в пиджаках, каких-то драных, непонятная какая-то одежда. Одежда их была достаточно странная. И один из этих людей, а Брикчерс был с девушкой-секретарем, обратился к нему, что-то типа:

— Дядька, дай закурить

Брикчерс спокойно открыл пол пиджака, достал что-то типа портсигара, вынул одну сигару, убрал обратно, и протянул ему эту одну сигару.

— Что это такое? — спросил человек.

— Сигара. — сказал Брикчерс

— А как ее курить?

— Поджигать и курить, что здесь такого.

— Что у тебя нету папирозы? — спросил

— Нет, только сигара.

— А деньги у тебя есть? — спросил второй из толпы.

— Деньги? Деньги есть.

— Много?

— Много.

— Ну раз у тебя много денег, дай нам немного денег, раз у тебя их так много.

— А сколько тебе денег дать?

Молодых людей было шестеро, Брикчерс был с девушкой, но они совершенно не чувствовали, что он их боится.

— Так сколько тебе денег дать?

— Ну может 1000 лир

- 1000 лир? Ты меня прости пожалуйста, мне нужно проконсультироваться.

Он обратился к секретарю и спросил:

— А на доллары это сколько будет 1000 лир?

Она закрыла один глаз и начала подсчитывать, сколько это будет в долларах. Один из парней спросил

— А что, у тебя нет итальянских денег?

— Немного есть итальянских денег, но в основном американские.

— Какая разница, давай американские.

— Так а сколько тебе дать американских?

— Давай 1000.

1000 долларов — то была очень большая сумма в те времена. На что ему Брикчерс ответил, что он не даст ему 1000 долларов, потому что они этого не заслужили. Один из парней вышел вперед, достал нож и сказал,

— А так?

— Даже если вы все достанете по ножу, я не дам 1000\$

Молодые люди удивились.

— Смотри. Иначе мы возьмем их сами.

Брикчерс улыбнулся... и тут из темноты появилось два силуэта. Из воздуха словно материализовались «двою из ларца». Вышли вперед, сняли две шляпы отдали секретарю и направились в сторону молодых людей. Тот что был справа, спокойно без всяких промедлений, достал из нагрудного кармана небольшой пистолет и сказал

— Видишь ту щель в подворотне?

Молодые люди остановились и испуганно смотрели на господина.

— Спрячьтесь туда, в эту щель и оттуда никогда не вылезайте.— сказал тот, у кого в руках был пистолет.

Молодые люди медленно спрятали ножи и скрылись в квартале.

— Прекрасно.— сказал Брикчерс и обратился к своему подручному.— Где ты уже взял пистолет?

— Так сказали же вон напротив магазин.

И все засмеялись.

Второй парень который стоял чуть сзади и держался уступом к этому. Отодвинул полот у своего пиджака и там красовался прекрасный американский кольт.

— О у нас уже два пистолета.— сказал Брикчерс.— Да с такой артиллерией вы разгоните весь Неаполь. Вот парни, блин.

Все засмеялись и пошли дальше. Они шли еще около пяти минут пока не очутились возле собора. Собор был старинный, он как бы нависал над ними со скалы.

— Интересное место.— сказал Брикчерс.— Что-то оно мне напоминает.

И на несколько секунд провалился. Он вспомнил, именно это тот собор, что ранее видел во сне.

— Так я и думал,— про себя подумал Ицхак.— Магнус не согласился? — задал он вопрос другу.

— Согласился,— ответил Бруно Джоварзи.

— А почему ты вернулся без него?

— Он приедет завтра утром, сказал Бруно,— сегодня он занят.

— То есть, я буду ходить?

— Вероятнее всего.

— Слушай, у тебя не дом, а какая-то... поляна сказок. Ты никогда не думал открыть бизнес, чтобы показывать людям чудеса и брать с них огромные деньги?

— Дело в том, дорогой мой друг,— сказал Бруно,— что это не чудеса. Чудеса — это то, что вы пытаетесь объяснить и никак не можете, потому что не можете допустить существование чего-то большего, чем материя в этом мире. Но, здесь, на Сицилии, люди живут иначе. Мышление их построено другим способом. В Кейптауне, например, у людей мышление устроено также иным способом, и оно отличается от вашего, европейского. Соответственно, когда вы встречаетесь с этой неизвестностью, вы попадаете в очень неприятную ситуацию. Вы не знаете, что будет происходить и какая степень воздействия будет в тот или иной момент времени. Мало того, напичканные заблуждениями, еще с университета, вы пытаетесь разрешить эту задачу математическим способом. А она математически не решается. В результате, вас побеждают, довольно просто и быстро. А вы, глядя на это, сильно разочаровываетесь, у вас происходит переоценка ценностей, и срабатывает вытурмаживающая функция, которую мы видели на твоем брате. Все очень просто, друг мой.

Спустя мгновение, Бруно продолжил:

— На самом деле, каждый человек способен на многое. Вот ты, хорошо зарабатываешь деньги, ты богатый человек. Ты родился уже в небедной семье, твой отец сколотил состояние давным-давно, а ты его примишил. И это, в принципе, вся ваша жизнь. Здесь люди живут иначе, в Кейптауне живут иначе, в Мексике тоже живут иначе и т.д. По всей территории мира люди живут по-разному, по-разному все понимают и думают о разных вещах. Кроме этого, степень их интеллектуальной подготовки также совершенно разная. Но ты всех рассматриваешь совершенно одинаково, с точки зрения своего собственного восприятия этого мира, словно со своей колокольни. В результате, любое действие обратной стороны — для тебя полная неожиданность. Вот смотри, Магнус буквально сделал твоего друга подполковника калекой за пол-минуты, при этом, он моментально вернул его в нормальное состояние тоже секунд за 20, не больше. А ведь подполковник, даже не понимает, почему с ним это произошло. Имея другие убеждения, у него даже не хватило бы смелости предложить попробовать силы монаха на нем. Но ему очень хотелось проверить, работает это или не работает. Однако, любой эксперимент, поставленный на себе, рано или поздно, ведёт к по-

следствиям. Вот и то, что Магнус, вероятнее всего, тебя вылечит, тоже будет иметь последствия твоей переоценки ценностей.

— А у моего брата?

— Твой брат, вероятнее всего, уйдет из армии, покинет Израиль и переселится на Сицилию, сюда.

— Что ты такое говоришь?

— Понимаешь, когда у человека происходит переоценка ценностей, он хочет знать, что будет дальше. Твой брат пошел на беспрецедентный шаг, чтобы доказать какой-то девке, что его жизнь имеет смысл. В результате попал в психиатрическую кому. Как ты думаешь, что он будет делать после того, как он пришел в себя? Безусловно, он будет искать ответы на эти вопросы и в Тель-Авиве он их не найдет. Единственный человек, который может ему рассказать об этом,— это монах, который его исцелил, на твоих, кстати, глазах. Поэтому он вернется сюда и будет мучить Магнуса вопросами. Вот, что произойдет.

— А я?

— А ты будешь ходить и радоваться жизни.

— Но Пинхус, хоть будет прилетать к нам в Израиль иногда?

— А зачем? — сказал Бруно,— что делать в Израиле?

— А что делать на Сицилии,— спросил Ицхак?

— Я же только что тебе ответил, искать правду.

— А в Израиле ее найти нельзя?

— Нет.

— Почему?

— Вы там все умнее друг друга. И поэтому у вас, у каждого из вас, своя правда. Ты уж меня прости за откровенность. Каждый из вас правду толкует так, как он считает нужным. А это приводит к всеобщему несусветному числу заблуждений.

— Но, у нас же всё получается! У нас богатая, развитая страна.

— Абсолютно верно! Только к правде это не имеет никакого отношения. Ты знаешь, существует огромное количество людей, которые каждый день воруют по карманам мелочь у других людей. У них собственная правда. Иные люди грабят людей — и у них собственная правда. Есть люди, которые воруют бюджетные деньги у правительства, а иногда и вместе с правительством. У этих людей собственная правда. Скажи мне пожалуйста, они благополучно живут? Всегда вопрос, все относительно. Поэтому ваше благополучие очень относительно. Ваше благополучие не построено на вековой системе знаний, и соответственно, оно очень зыбко. Сегодня вы живете в благополучии, а завтра можете перестать так жить.

— Что ты такое Бруно говоришь? Еврейскому народу *** туча лет. У нас существует огромное количество знаний и тайн, которые хранит еврейский народ.

— Абсолютно верно,— сказал Бруно,— а теперь я задам тебе один вопрос, на который ты попробуешь мне ответить честно.

— Я жду.

— А что ты конкретно об этом знаешь?

Возникла гробовая тишина.

— Ну, я слышал, что существует Кабала и многое другое...

— Абсолютно верно, ты все слышал, но ничего не знаешь. В этом-то вся и беда. Ты очень много слышал, но ничего не знаешь. И вот в этом все ваши неприятности. А Магнус, как ты видишь, не только слышал, но и знает, и более того, умеет.

— Бруно, а почему тогда не умеешь ты?

Бруно рассмеялся: — тебе интересно, умею ли я так, как Магнус?

— Конечно интересно!

— Можно я не стану отвечать тебе на этот вопрос?

— Почему?

— Потому что ты мой друг. Потому что, если я скажу тебе, что я так умею, ты потребуешь немедленно тебя исцелить. А я не хотел бы этим заниматься. Знаешь, врачи не оперируют собственных детей. А если выяснится, что я так не умею, то получится, что я, занимая определённое, тебе известное положение, ниже какого-то монаха по статусу и т.д. В результате, у тебя в голове начнется такая неразбериха, которая, на мой взгляд, совершенно ни к чему, поверь мне. Давай дождемся утра, приедет Магнус, мы завершим наши дела, и я вас благополучно провожу вечером в Тель-Авив. Самолет твой уже готов, поэтому, как только мы закончим, можешь спокойно лететь домой.

Ночь пролетела очень быстро. Утром все собрались за столом. Как только завтрак закончился, беззвучно заехала уже знакомая машина и остановилась возле веранды. Из задней двери вышел Магнус и спокойно проследовал к столу.

— Будите ли вы завтракать, Падре? — спросил Бруно.

— Я бы выпил кофе, — ответил монах.

Из белого фарфорового кофейника в чашку полилась горячая ароматная жидкость. Монах спокойно выпил чашку кофе. Все ждали чудес.

— Ну же, Магнус! Исцелите нашего друга, — сказал подполковник.

Магнус спокойно повернулся, посмотрел на сидящего в коляске Ицхака и сказал:

— А зачем его исцелять? Он здоров.

— Что? — сказал подполковник.

— Я говорю, что его незачем исцелять, он и так здоров.

— То есть вы хотите сказать, что мой друг не является инвалидом, может встать и спокойно идти?

— Абсолютно верно, — сказал Магнус, продолжая пить кофе.

— Ну, — сказал подполковник, — мой друг, тогда вставай и иди. Я хочу посмотреть, как этот боголюб справился с той задачей, которая перед ним стояла.

В этот момент, Ицхак заплакал, горючими слезами. Никто из присутствующих за столом людей, никогда не видел, чтобы кто-то так стре-

мительно и сильно ревел, буквально навзрыд. Слезы текли в три ручья, и он не мог объяснить себе, почему они не останавливаются. В итоге, он оперся о ручки коляски, встал, немного поймал равновесие на сведенных ногах, сделал шаг, затем второй, третий, четвертый, а потом еще несколько, уже более уверенно. Затем развернулся, прошелся до коляски и обратно. Подполковник, чуть не сошел с ума.

— Что происходит? — произнёс он в полной растерянности. — На моих глазах, какой-то монах, в третий раз, беспощадно издевается над моей психикой! Он вылечил уже трех человек. Сначала он лишил меня ног, потом вернул их. Затем вывел из психиатрической комы Пинхуса. А теперь, он заставил тебя ходить! Тебе не кажется, что здесь происходит что-то паранормальное?

— Успокойтесь подполковник,— сказал Бруно,— Ваши эмоции связаны лишь с вашим невежеством.

Затем он перевел глаза на Ицхака и спросил:

— Как ты себя чувствуешь, друг мой?

Ицхак постепенно смолк и успокоился, вытер слезы, подошел к столу, сел на обычный стул и оттолкнул ногой коляску, которая ему больше была не нужна. Затем налил себе кофе, пристально уставился в чашку, повернулся к Бруно и сказал:

— Как может себя чувствовать человек, мир которого рухнул?

— Что ты имеешь в виду? — сказал Бруно.

— А что я могу иметь в виду? Всё, во что я верил, всё, о чем я думал, знал, мечтал, оказалось просто сделанным из картона.

— Магнус, как вы это делаете? — спросил подполковник.

Монах пристально уставился на военного.

— Силой мысли, сын мой,— сказал он.

— Это внушение?

— Пусть, с вашей точки зрения, это называется внушением.

— Я когда-то слышал, что в бывшем Советском Союзе, еще до революции, существовал академик Бехтерев, у которого слепые видели, хромые ходили, парализованные вставали с кровати и шли. Это гипноз?

— Представьте себе, что это некая смесь гипноза и еще кое-чего,— сказал Магнус.— Так вам будет понятнее.

— Скажите, а где вы учились?

— Глупый вопрос,— сказал Магнус.— Я монах ордена Францисканцев. Я учился в ордене, где же еще?

— Вы закончили университет?

— Я закончил три университета,— сказал монах.

— Какие, простите за назойливость?

— Римский, Падуйский и Мюнхенский.

— То есть, бывает, когда вы не ходите в этой одежде?

— Безусловно. Иногда яхожу даже в костюме.

— А почему тогда вы к нам явились в этой черной страшной мантии, и с таким угнетающим видом?

— Это удобная одежда для того, чтобыходить в монастыре. Я не понимаю, почему вас беспокоит то, как я одет?

— Ну вы же могли прийти в костюме и выдать себя за врача. Зачем нам рассказывать, что вы монах ордена Францисканцев?

— А зачем скрывать то, что очевидно? — сказал монах.— Для чего?

— М-да...,— подполковник всё никак не мог угомониться, он переживал какую-то стадию дикого шока и неприятия.

— Итак,— сказал Бруно,— мы поели, я выполнил все свои обещания. А теперь, самое время вам ехать домой.

— Бруно, что мы должны за все это? — спросил Ицхак.

Бруно пристально посмотрел на него.

— Дружбу за деньги не купишь,— сказал Бруно.

— Это правда,— согласился Ицхак.— Это правда...,— повторил он еще раз.

— Езжайте с Богом,— сказал Бруно.— И постараитесь помнить те вещи, о которых я вам здесь говорил.

Возле беседки остановилось два автомобиля. Вещи были уже собраны, их погрузили в машину. Гости вежливо и даже как-то трогательно и сердечно попрощались с Бруно и с монахом, сели в машины, и кортеж тронулся в сторону Палермского аэропорта. Дорога заняла около 40 минут, как и в прошлый раз. Кортеж вкатился на взлетную полосу и остановился возле частного самолета финансовой компании исцеленного Ицхака. Все быстро поднялись на борт, заняли свои места. Командир корабля обратился к Ицхаку:

— Мы можем взлетать?

— Да. Курс — Тель-Авив,— ответил он.

— Принял, спасибо,— сказал командир и скрылся в кабине самолета.

Самолет плавно вырулил на взлетную полосу, запросил разрешения на взлет у диспетчера и через несколько секунд взлетел, не замедлительно скрывшись в облаках. Полет прошел довольно быстро и легко. Все оживленно дискутировали, спорили и обсуждали то, что произошло в доме Бруно на Сицилии. В один момент, Ицхак обратился к присутствующим:

— Я надеюсь, вам не нужно объяснять, что все, что здесь произошло, должно остаться между нами?

— Почему? — спросил подполковник.

— Потому что так я обещал Бруно.

— То есть, мы не можем ни с кем поделиться этой историей? — продолжил подполковник.

— Именно так, даже с женой,— настоятельно сказал Ицхак.— Я дал слово, а это не мало.

Пинхус пристально смотрел в глаза брата.

— Ну, мне-то вообще нечего рассказывать, я практически ничего не помню, одни обрывки воспоминаний... Поэтому, на меня, точно можно расчитывать,— сказал он.

Подполковник кивнул: — Значит все останется между нами.

— Именно так,— заверил Ицхак.

До аэропорта оставалось где-то около тридцати минут. Командир корабля вышел в салон и, уже по-свойски, спросил:

— Разрешите запросить самолет на посадку?

— Да, идем на посадку, и поможет нам Бог.

Командир корабля улыбнулся, развернулся и проследовал в кабину, закрыв за собой дверь.

Самолет плавно начал снижение. Не прошло и 15 минут, как шасси железной птицы коснулись взлетной полосы аэропорта, и совершенно спокойно она проследовал на привычную площадку стоянки.

Спустя еще пару минут к самолету подогнали трап, по которому все благополучно спустились, а затем переместились в автомобили, уже ожидавшие своих хозяев рядом с самолетом. Кортеж тронулся по направлению Тель-Авива. Все приехали в дом Данкевича. Жена, увидев мужа на собственных ногах, чуть не упала в обморок.

— Успокойся Сара,— сказал Ицхак,— так получилось, что вылечили не только моего брата, но и меня.

— Как это произошло? — спросила плачущая от радости Сара.— Ты не ходил двадцать лет!!!

— Я не могу тебе ничего рассказать,— сказал Ицхак,— и ты должна меня понять.

— А как твой брат?

— Он абсолютно здоров,— твердо заверил её Ицхак, кивком указывая на улыбающегося брата.

— Подполковник, скажите хоть вы что-нибудь,— еще более взволнованно сказала Сара.— Вы же единственный здравый человек во всем этом дурдоме.

— К сожалению, Сара, я тоже ничего не могу вам сказать. Мы можем только довольствоваться тем, что имеем и радоваться такому исходу,— философски заметил подполковник.

После множества слёз и радостных возгласов жены, дом словно опустел и двое братьев остались в комнате наедине. Разговор никак не клеился.

— Скажи мне,— спросил Ицхак исцелённого брата,— чем ты собираешься заниматься дальше?

— Ой...Не знаю,— ответил ему Пинхус.— То, что в армии Израиля больше служить не буду, это 100%. Завтра же напишу рапорт.

— Что потом? Станешь заниматься семейным бизнесом?

— Нет, и семейным бизнесом заниматься не буду,— сказал он.

— Чего же тогда ты хочешь?

— Ты можешь договориться с Бруно, чтобы я переехал на Сицилию?

— Хочешь я тебе скажу одну очень смешную вещь? — сказал Ицхак.— Бруно, за день до того, как тебя исцелили, сказал мне, что ты захочешь так поступить, когда все закончится.

— Твой Бруно Джоварзи словно какой-то пророк,— хмыкнул Пинхус.— Но я действительно хочу там жить.

— Почему?

— Я хочу, чтобы моя жизнь имела смысл.

— А почему твоя жизнь не может иметь смысла здесь, в Тель-Авиве?

— Потому что здесь некому отвечать мне на те вопросы, которые лично меня волнуют,— уверенно и очень серьезно ответил Пинхус.

— Хорошо,— сказал Ицхак.— Я договорюсь с Бруно, мы купим тебе дом на Сицилии. Ты сможешь некоторое время пожить там. А потом, кто знает, может ты передумашь и решишь вернуться в Тель-Авив...

— Я не передумаю,— решительно отчеканил Пинхус.

- Что ты будешь делать на Сицилии?
- А что там делают люди? Живут и работают. Вот и я буду там жить и работать. У меня два университетских образования, что-то придумаю. Конечно, мне хотелось бы работать с Бруно, но я не знаю, возьмет ли он меня к себе...
- В качестве кого? — съязвил Ицхак.
- А я не знаю. А кто вообще он такой, Бруно Джоварзи?
- Бруно, мой друг? Как бы это тебе объяснить попроще...
- Я жду, — тоном, нетерпящим возражений, заявил Пинхус.
- Бруно — это представитель некого древнего рыцарского криминального сословия. Я пытаюсь смягчать акценты, как ты понимаешь.
- То есть, он член Мафии? — почти не удивленно спросил Пинхус.
- Что-то типа того. Ты хочешь стать мафиози? — опять язвительно спросил Ицхак.
- Я хочу найти ответы на мои вопросы. Это все, чего я хочу на текущий день моей никчёмной жизни.
- А как же твоя служба, люди в спортзале и девушка в Кейптауне? Может, ты на ней женишься? — еще более язвительно спросил брат.
- Может и женюсь. Но прежде, чем на ком-то жениться, надо что-то из себя представлять. Смотри, ты директор нашей семейной компании. В твоих руках находится весь капитал нашей семьи. Я простой офицер израильской армии. Я получаю зарплату. Безусловно, у меня есть какая-то прибыль от моей части акций в компании. Но, даже если я продолжу так жить дальше, то ничего в моей жизни не поменяется. Я не хочу, чтобы какой-нибудь идиот, снова посадил меня на скамейку и привел в такое состояние, в каком я был не так давно. По меньшей мере, это глупо, думать так, как я думал до этого.
- В этом ты абсолютно прав, — почти одобрительным голосом сказал Ицхак. — Скажи мне, а будешь ли ты приезжать домой, сюда в Тель-Авив?
- Честно, брат, я не знаю, — немного растерянным голосом ответил Пинхус.
- Сколько времени займет увольнение из армии?
- Думаю, около месяца. Но, меня уволят по состоянию здоровья, ведь я попал в очень неприятную психологическую ситуацию, поэтому, мне здесь месяц находиться не нужно. Я напишу завтра рапорт, скажу, что поеду лечиться и через месяц будет готов приказ о моем увольнении. А пока я побуду в отпуске.
- Когда ты собираешься лететь? — спросил Ицхак.
- Если можно, завтра вечером.
- Ты хочешь лететь нашим самолетом?
- Если ты позволишь, — ответил Пинхус.
- Конечно, я все сделаю. Скажи мне, а позволишь ли ты мне тебя навещать на Сицилии?
- Ты говоришь глупости, мой дорогой брат. Мой дом всегда будет

открыт для тебя и всех наших родственников, и ты это прекрасно знаешь.

— Я рад, правда.

— Что будем делать с твоей квартирой в Тель-Авиве?

— Она тебе мешает?

— Нет.

— Ну тогда, пусть остается.

— Значит ты допускаешь возможность, что ты сюда вернешься?

— Допускаю, почему нет. Я многое допускаю. С того момента, как со мной все это произошло, я уже что угодно допускаю.

— Да уж..., действительно, как и предрекал Бруно, переоценка ценностей у тебя произошла кардинальная.

— А у тебя нет? — с любопытством спросил Пинхус своего брата.

— Честно говоря, у меня тоже. Но я не поменял своих взглядов на жизнь, даже в результате моего чудесного исцеления.

— Все верно,— сказал Пинхус.— Но я не думаю, что тебя нужно довести до такого состояния, которое настигло лично меня, лишь для того, чтобы ты изменил свои взгляды. Я думаю, что у тебя это пройдет более безболезненно. Знаешь, когда человек служит в армии, у него складывается определенное отношение к этому миру: война, поединки, боевая подготовка и т.д. Все становится неважно вокруг. И вдруг, ты попадаешь в определенную ситуацию, где ты беспомощен, как маленький ребенок. И ты понимаешь, что всё, что ты делал до этого, не имеет никакого значения. По сути, ты ничего не знаешь и не умеешь. Это работает только против таких же дураков, как и я.

Катарина была абсолютно права. Никакой системы Крав-мага не существует на самом деле. Потому что, если бы она существовала, то я вряд ли бы оказался в этой неприятной ситуации. Надо искать то, что является по-настоящему действенным в этом мире, и прекратить обращать внимание на то, что делают все остальные, повторяя друг за другом, как обезьяны или попугаи. Ты знаешь, мне кажется, что я попал в эту ситуацию, потому что я не хотел идти в стык с обществом. Ты всегда говорил правильные вещи, отец также меня многому учил. Мне постоянно повторяли, что я еврей, что я должен вести себя соответствующим образом, что я должен принять то, что говорят старшие и т.д. И я для себя это принял, как аксиомы. Однако, когда пришлось доказывать это, как теоремы, я доказать их не смог. Более того, я попал в такую ситуацию, что мог до конца жизни остаться в психиатрической больнице. Ты должен меня понять. Любой человек, попавший в мою ситуацию, если он не дурак, а я не дурак, постарается построить свою дальнейшую жизнь так, чтобы никогда не повторить тех ошибок, которые он сделал до этого.

Было уже почти утро. Разговор незаметно затянулся до шести утра.

— Если ты не против,— сказал Пинхус,— я пойду немножко посплю. Встретимся где-то часа в 4. Закажи мне пожалуйста билеты на Сицилию.

— Зачем тебе билеты? — оборвал его Ицхак,— ты полетишь на моем самолете.

— Извини, я забыл — тихо сказал Пинхус.

Затем он встал, подошел к брату, обнял его и пошел в свою комнату.

Через какое-то время Ицхак снял телефон с пояса, нажал несколько кнопок, позвонил Бруно и сказал:

— Ты был прав, мой брат сегодня переезжает на Сицилию. Посели его, пожалуйста, куда-нибудь до того момента, пока мы не выберем и не купим ему собственный дом, где-то рядом с тобой.

Бруно это ничуть не удивило.

— Договорились,— ответил Бруно,— дом уже сняли.— Я сделал это заранее.

— Ты все делаешь заранее, Бруно. У меня такое впечатление, что ты вообще знаешь будущее.

— Если бы я знал будущее, я бы был Господом Богом,— вздохнул Бруно Джоварзи и положил трубку.

Вечером вся семья собралась в аэропорту. Все прощались с молодым майором израильской армии, который уже написал рапорт об отставке, и отправлялся на долгосрочное лечение на солнечный остров Сицилию. Сара подошла к молодому человеку, обняла его и сказала:

— Я думаю, что ты всё делаешь правильно.

Отец пустил скучную мужскую слезу, обнял сына и пристально посмотрел ему в глаза.

— Помни, что мы всегда тебя ждем назад, домой — сказал отец.

Ицхак, стоя на своих ногах, подошел последним, обнял своего младшего брата и вручил ему телефон.

— Это телефон с функцией роуминга, она доступна по всему миру, в любой стране. Он оплачен на год вперед и будет оплачиваться дальше. Вот тебе деньги,— сказал Ицхак и передал толстую кожаную барсетку своему брату.— Здесь 100 тысяч. Деньги тебе понадобятся. Если будут какие-то проблемы, сразу звони мне.

— Я не думаю, что там будут какие-то проблемы,— перебил его Пинхус.

— Я тоже не думаю, но все-таки... Если что, сразу набирай меня, и держи телефон всегда при себе. Мне так будет спокойнее. И пожалуйста, звони мне хотя бы раз в неделю.

Настала пора прощаться. Вся семья стояла и пристально смотрела на своего близкого человека, как бы не отпуская его. В этот момент времени, позади раздался стук каблуков.

— Я попросил Катарину тоже приехать и проводить тебя,— сказал Ицхак.— Мы пошли, а у вас 5 минут. Самолет уже ждет.

Ицхак обоими руками сгреб родственников и отправил их по направлению к выходу из ВИП-зала аэропорта.

Катарина села напротив молодого человека, посмотрела ему в глаза и спросила:

— Ты решил изменить свою жизнь?

— Да,— сказал Пинхус.

— Ты упертый.

— А ты оказалась во всем права. Твои расследования, статьи, публикации... Это все было правдой. А моя жизнь оказалась сплошной ложью. Я за это дорого заплатил и теперь мы в расчете.

— Звони мне,— сказала Катарина, протягивая визитку.

— Я помню твой номер телефона наизусть,— сказал Пинхус и повторил номер вслух.

— У тебя отменная память.

— Какая есть. Хотя лучше бы я не помнил всего того, что со мной произошло.

— Если бы ты не помнил всего, что с тобой произошло, ты не смог бы изменить свою жизнь,— философски сказала Катарина.

— Именно так,— согласился Пинхус.— Извини, мне уже пора.

Он взял кейс, открыл его и положил барсетку с деньгами во внутрь.

— До свидания,— сказал он.

Катарина пристально посмотрела на него и тихо сказала: — До свидания.

Он вышел в дверь ВИП зала, где его уже ожидал автобус.

Ицхак брел к автомобилю. То чувство, когда ноги касаются асфальта, было для него еще слегка непривычным. Вдруг зазвенел мобильный телефон. Он поднял трубку.

— Алло!

— Это командир корабля. Ваш брат на борту, разрешите взлет?

— Взлетайте. Курс на Палермо.

— Есть! — сказал командир корабля и положил трубку.

— Вот вам и плата за исцеление,— подвел итог Ицхак.

Один из охранников открыл ему заднюю дверь лимузина, он удобно уселся на мягкое кожаное кресло, дверь закрылась, и машина медленно, но уверено выехала со стоянки аэропорта.

— Вот вам плата за исцеление,— повторил он еще раз, но уже мысленно про себя.

Автомобиль скрылся за поворотом. Наступила некая пустота. И эта пустота безусловно должна была чем-то заполниться. События жизни каждую секунду менялись. Но люди менялись медленнее, чем события жизни, поэтому жизнь перемалывала их, как мясорубка перетирает свинину на фарш. Людей становилось все больше, а мир от этого не становился лучше.

И так настал день штурма. Виллардита-младший в 2 часа ночи собрал абордажную команду, прихватил с собой уже пришедшего в себя капитана со связанными за спиной руками и направился в точку подачи сигнала. Все подготовились.

- Скажите, как вы должны были подать сигнал о точки штурма?
- Мы должны развести огонь мон синьюр.
- Приступаем, разводим огромный костер.

Все принялись за работу. Люди быстро соорудили костер и подожгли его. Оставалось дождаться кораблей. Время пролетело незаметно. Около 6 утра над заливом начало подниматься солнце. Минуты ожидания всегда тягостны для человека. Казалось, что прошло более восьми часов, хотя, конечно, это было не так. И вот из-за горизонта показалась первая мачта. Вторая, считал про себя Виллардита, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая... Потому он сбился со счету, короче эскадра идет. Ждем.

Эскадра медленно приближалась к берегу, практически бесшумно. Виллардита подозвал двух монахов.

— Возьмите этого капитана, отведите в крепость, заприте в темнице и возвращайтесь ко мне сюда. А командингу скажите, что огонь по команде, сигналом к ней станет потушенный костер. Пусть внимательно смотрит на пламя. Как только я потушу наш костер — полный вперёд.

Эскадра медленно ползла на берег. Виллардита собрал абордажную команду и взял слово:

— Нам придется каким-то способом попасть на головной корабль. Как вы понимаете, сделать это крайне непросто. Поэтому мы дадим высадиться головному десанту и встретим их на берегу. А потом воспользуемся их шлюпками, для того чтобы попасть на сам корабль. Пока все будет превращаться в ад вокруг, мы используя шлюпки, быстро преодолеем водяную полосу и будем возле борта судна. Дальше по штурмовым трапам окажемся на корабле. Дальше начнётся абордаж, движемся в две колонны слева и справа, с двух бортов одновременно.

— Винченце.

Лейтенант Винченце подошел к Виллардита.

— Вы командуете левой абордажной командой, я командую правой абордажной командой. Внимание, слушайте меня внимательно, движение на берег только по мой команде. А сейчас — всем замереть.

Эскадра медленно приближалась к берегу.

Вдруг головной корабль вышел чуть перед эскадры и начал быстрее других приближаться к берегу.

— Вот это то, что нам и нужно.— сказал Виллардита-младший.— Теперь пошли.

Группа медленно спустилась на прибрежный песок, и скрылась в тени деревьев. От головного фрегата отошли 6 шлюпок.

— Вот и разведка.— сказал он.— Нам нужно поравняться с ними строго, когда они выйдут на берег. Поэтому начинаем медленно двигаться в их направление двумя группами. Ваши левые три шлюпки, мои правые три шлюпки. Начали.

Разведка медленно приближалась на шлюпках к берегу. Вот уже деревянные оставы шлюпок врезались в берег и с них начали выпрыгивать люди.

— Ждать.— сказал Виллардита.— Ждать! Не вздумайте двигаться. Пусть они углубятся в центр береговой полосы.

Противники же собрали оружие, навесили на себя кучу снаряжения и начали движение двумя колоннами, точнее даже двумя стаями или двумя группами двигаться в направление береговой полосы.

— Отлично.— прошептал Виллардита — Вперед!

Они встретились ровно по середине. Правой командой командовал Виллардита-младший, левой — лейтенант Винченце. Виллардита поднял шпагу и сказал

— Господа, мы будем иметь честь вас атаковать!

И началась непередаваемая, жаркая рубка. Продлилось она недолго, как вы понимаете. Каких-то десять минут и все закончено. Все были убиты, а шлюпки так беспомощно и остались болтаться вдоль берега.

Но в этот момент времени грянул залп и началась атака с крепости. Для кораблей это было настолько неожиданно, что все застопорили ход и пытались как-то маневрировать под выстрелами, но ничего не получалось. Шесть кораблей одновременно получили пробоины, потом седьмой, восьмой. Начался пожар. Буквально за 30 минут вся эскадра практически была уничтожена, кроме флагмана.

— Вперед.— отдал приказ Джузеппе Виллардита.

Все прыгнули в шлюпки и двумя колоннами пошли на фрегат.

«Ну что,— подумал Виллардита про себя,— пора мне познакомиться с этим Адмиралом». Матросы налегли на весла, несколько гребков и две колонны шлюпок врезались в борт фрегата.

— Абордаж! — скомандовал Виллардита,— Полетели кошки и штурм-трапы послужили хорошим подспорьем, для того чтобы

мгновенно оказаться с короткими клинками на борту вражеского корабля. А их уже там встречали. Завязалась драка. Длилась она около 40 минут. Значительная часть экипажа фрегата была убита. Все остальные сдались в плен. Но никакого Адмирала на головном корабле не нашли.

— Где ваш руководитель? — приказным тоном спросил Джузеппе Виллардита капитану корабля.

— Я и есть командир корабля,— сказал тот.

— Кто вас послал?

— Адмирал.

— Где он?

— Его здесь нет, мон синьор.

— А где он?

— Я не знаю, мон синьор.

— Так, а кто знает как его зовут?

— Нам платят деньги мон синьор, и мы выполняем свою работу. Имя нашего нанимателя нам неизвестно.

— В шлюпки оставшихся живых. Корабль на якорь.

Оставивши семь человек охраны на корабле, погрузив пленных в шлюпки. Виллардита спокойно отправилась в крепость. На берегу его уже встречали Винченце и 30 человек отряда из крепости, которая только что напрочь разгромила никому не известный флот неприятеля.

— Забирайте их и в крепость всех. Я додоню через несколько минут.

Сам же отошёл в сторону, посмотрел на единственный оставшийся в целостности фрегат и отметил что он испанской постройка. Но больше ничего не было непонятно.

«Да, забавно, подумал он.— Виллардита пересчитал людей: они не потеряли ни одного человека. Практически вся команда фрегата была уничтожена, кроме 6 человек офицерского состава, которые собрались на мостице и были взяты в плен. «Прекрасно, в плен попали одни офицеры, все остальные погибли. Фрегат наш, и мы его можем использовать в своих целях»,— подумал Виллардита.

Прибыв в крепость Виллардита приказал всем приводить себя в порядок и отдыхать. Разгадкой секрета Адмирала так и не веяло. Джузеппе Виллардита так надеялся, что этот человек прибудет на флагманском корабле, и он наконец-то познакомиться с этим наглецом. Но этот человек даже и не думал приближаться к берегу и остался где-то неизвестно где.

— Ну что приступим к допросу пленных.— сказал Виллардита.— Ведите командира корабля.

Привели человека высокого роста, с высоко поднятой головой, рожа у него была бандитская, как в общем-то и у всех прочих.

— Ну что мой дорогой. Меня зовут Франческо Виллардита.

— Я знаю, мон синьор.

— Прекрасно.

— Но не могу понять, почему вы здесь оказались. Вас же здесь не должно быть.— нагловато сказал капитан.

— Абсолютно верно, я должен быть в Палермо. Но по странному стечению обстоятельств оказался у себя дома. Вы же не можете мне запретить посещать мой собственный дом, правильно я понимаю?

— Да, мон синьор.

— Тогда объясните мне, какого черта вы здесь делаете, в моих владениях.

— Нас послали захватить этот берег.

— Хорошо. Кто?

— Адмирал.

— Что это за человек.

— Я не знаю, мон синьор.

— Ну вас он же где-то нанял!

— Он предоставил корабли, нанял нас как команду в одном из портов. Знаете ли, существуют на земле нашей необъятной порты, которые славятся дурной репутацией. Собрал эти команды и отправил к берегу. Сказал, что нам следует взять штурмом этот берег. Занять крепости и ждать, когда он придет. Дальше он скажет все, когда прибудет в Калабрию.

— Он собирался прибыть в Калабрию кораблем или пешим?

— Кораблем, мон синьор.

— Интересно, когда же он должен прийти.

— Никогда мон синьор. Мы же потерпели поражение, зачем ему идти сюда.

— А как он узнает о том, что вы потерпели поражение?

— Не знаю мон синьор. Но он такой человек, что он все знает.

Поэтому думаю узнает мон синьор.

«Интересно»,— задумался Джузеппе Виллардита.

— Хорошо. Отведите его в темницу. Ведите штурмана сюда.

Перед ним оказался молодой, но при этом уже повидавший изнанку жизни человек.

— Вы штурман этого фрегата?

— Да, мон синьор.

— Прекрасно. Вы тоже ничего не знаете и знаете только имя Адмирал. Правильно?

— Правильно, мон синьор

— Прекрасно. Скажите пожалуйста, а зачем вы согласились на это мероприятие?

— Нам заплатили большие деньги.

— У вас не было шанса.

— Адмирал уверял что шанс есть.

— А как он это объяснял?

— Он сказал, что это ничейная земля, хозяин уже давно живет в Палермо и что ее можно захватить и превратить в свою собственность.

— А вам не приходило в голову, молодой человек, что это земля испанской короны. И что вы напали на Испанскую Империю.

— Да мон синьор, но где она теперь эта Испанская Империя? Это так далеко от Испании, что это действительно без вас ничейная земля.

Да... подумал Виллардита. Если бы меня не было, точно была бы ничейная земля. Хорошо. Он долго смотрел на парня, тот был каким-то жалким, несчастным, закрытый плащом, как будто боялся.

И вдруг, Виллардита насторожился. Он как-то по-другому взглянул на этого парня. Глаза этого парня были отдельно от самого парня, как бы жили собственной жизнью. Виллардита-младшему это не понравилось. «Может быть померещилось,— сказал Джузеппе самому себе, поглядывая в сторону и одновременно на своего собеседника.— Интересно, расстояние до меня три с половиной метра, все мои люди стоят достаточно далеко от него и смотрят на наш разговор, вот что он будет делать?»

Виллардита привычным движением положил руку на стелет за спиной. Парень продолжал стоять и смотреть куда-то в пол. «Ну что попробуем, сказал себе Виллардита,— действовать надо тихо». Он сделал шаг к собеседнику, расстояние стало 2,5 метра. Собеседник не двигался. Еще пол шага.

— Как вас зовут? — спросил Джузеппе Виллардита.

Парень медленно поднял голову. В мгновение плащ упал с его плачей, и в руках у того оказалось 2 ножа. Дальше всё произошло молниеносно, он как тигр бросился на Джузеппе Виллардита и получил встречный удар с уходом в сторону и повис на стилете. Стилет пробил его тушу насеквоздь. Парень рухнул вперед носом.

— Интересно. А как это произошло все? — обращался Виллардита к своим подчинённым.

— Не знаем... — послышались недоумевающие возгласы.— Откуда он взял оружие? Мы же обезоружили их всех, до единого!

— Любопытно... Что ж, хорошо.

Джузеппе Виллардита, держа стилет в левой руке, подошел к своему стулу. Сел на него и не выпуская стилет из руки, смотрел на своих подчинённых. «Кто?» — задал он себе вопрос. Все растерянно смотрели.

— Берите шпагу, Винченце.— прервал всеобщее молчание Виллардита.

— Зачем, мон синьор?

— Кроме вас — некому. Все люди, которые здесь находятся, прибыли со мной из Палермо. И уж точно никого в Калабрии не знают. Остаетесь только вы, мой дорогой. Как зовут Адмирала?

Винченце спокойно достал шпагу.

— О... во и разгадка. Как вам могло, Винченце, прийти в голову заниматься таким бесчестием!

— Это не вашего ума дело!

— Хорошо. Извольте.

Положив стилет, взяв шпагу подле капитанского стула, вытащив ее из ножен, он спокойно направился в центр зала.

— Итак. Я даю вам слово, Винченце, что я вам сохраню жизнь, если вы все расскажете. Если нет, то я убью вас с одного выпада.

И переложил шпагу в левую руку.

— Я задаю вам вопрос, как зовут Адмирала?

Винченце молчал и заходил молча за спину Виллардита. Виллардита-младший спокойно повернулся на ногах, левая рука опять стала направлена противника.

— Еще раз спрашиваю вас как зовут этого человека? И почему вы всех предали?

Винченце молчал. Виллардита смотрел в его глаза. В нем не было neither страха, ни отчаяния, какая-то пустота.

— Ну что же — произнёс Джузеппе Виллардита, и начал мысленно считать про себя.

На определённый счет он сделал выпад, несколько повернув руку. Шпага точно попала в шею Винченце... тот даже не успел отреагировать.

За спиной Джузеппе Виллардита зашептали: «Это же... удар сквозь плащ».

Кофе принесли достаточно быстро. Джоварзи сел ногу на ногу, открыл книгу и начал её читать. Пока он читал её про себя, поэтому я сидел и скучал. После прочтения нескольких страниц, он вкратце мне пояснил, что это, вероятнее всего, дневник самого Паловичини, с датами и описанием, какие то выводы изложены.

— Дневник разбит по датам. Такое впечатление, что хозяин дневника вёл его всю свою жизнь. Продолжалось это почти 60 лет. Что интересно, я вижу, что почерк вначале один, а потом, по всей вероятности, другого человека. Надо поискать, где закончил писать автор, а что продолжал пить кто-то другой.

Мы отлистили рукопись немного назад и выяснилось, что, если посчитать даты, то около сорока лет писал Паловичини, а следующие двадцать лет продолжал этот дневник какой-то другой человек. Какой, неизвестно. Почерк совершенно другой, а принцип написания дневника сохранялся — дата и пояснения, дата и пояснения, то дата возникала в середине, то она была вверху, то дата была на новой странице, но всё начиналось с какой-то даты.

Вторая часть дневника, написанная другим почерком, содержала информацию, которая пока не сильно была понятна. Если первая часть была о фехтовании, то на какую тему вторая часть дневника, пока не было ясно. За этим чтением нас и застал ужин.

Ужин начался с молчания. У Джоварзи как-то дьявольски блестели глаза. Было видно, что он что-то нашел и не хочет пока об этом никому говорить. Он повернулся к молодым людям, сидящим за столом.

— Слушайте меня внимательно — неожиданно серьезно обратился он к ним. Хотите неходить в университет год?

Четыре глаза радостно засверкали, как автомат «однорукий бандит», когда он выдает мелочь выигравшему человеку, дернувшему за ручку.

— Год неходить в университет? — недоуменно в один голос восхлинули студенты. Как это? А что я скажу родителям?

— А зачем тебе что-то говорить, если сессии все поставлены и вы отличники в университете оба?! — с таинственной улыбкой произнес Джоварзи.

— Папа, а как это возможно? — спросил его сын.

— Я все-таки профессор Палермского университета, — с долей гордости продолжил Джоварзи. Сейчас я сниму трубку, позвоню в ваш университет, скажу, что я забираю вас к себе в научную группу, и, если вы успешно справитесь с работой, которую я вам дам, я позабочусь о том, чтобы все семестры были поставлены отличными оценками до конца года.

Четыре глаза очень лукаво смотрели на Джоварзи.

— Я даю слово, — уверенно сказал Джоварзи.

Было совершенно понятно, что он не шутил.

— Что нам придётся делать?

— Делать то, что я скажу и больше ничего.

Я повернулся к Джоварзи и с удивлением спросил

— Ты хочешь здесь устроить научное исследование?

— Ты просто не представляешь, что я нашёл!

— Ну, посвяти меня.

— Если ты не против, после ужина.

— Конечно, как скажешь.

Джоварзи снова обратился к юнцам.

— Итак, хотите год не ходить в университет?

— Конечно хотим, папа, — выкрикнул его сын.

— Вот и отлично. Нам понадобиться ваша помощь. Вам придётся делать всё, что я буду говорить.

— Хорошо, а что делать?

— Всё, что я скажу. Я собираюсь исследовать этот документ, и для этого мне нужны помощники.

— Сеньор Джоварзи, почему бы вам не забрать этот документ к себе на кафедру в Палермо и не исследовать его там? — загадочно спросил Андреа

— Все очень просто. Дело в том, что этот документ представляет огромную историческую ценность. Это раз. Во-вторых, он находится в доме моего друга, то есть твоего отца. Если я вынесу этот документ за территорию дома, это может впоследствии превратно истолковано. Я не знаю, как на это отреагирует твой отец и твоя мать. Я не договаривался с ними, что я буду изымать научные документы из их библиотеки и тащить их в Палермо.

Андреа очень уверенно заявил, что отцу и маме эта библиотека, в общем-то, не сильно интересна и что Джоварзи может брать эту непонятную записную книжку, которая весит 2 или 3 килограмма и везти её в Палермо.

— Еще раз объясняю молодой человек, законы Италии не так просты в этом направлении. Если выяснится, что я её взял и вывез в Палермо, это может быть истолковано, как кража путём свободного доступа, если ты не в курсе, то есть такая статья в законе. Поэтому читаю необходимым исследовать документ, не выходя из дома. Другого выхода нет

— Есть, — воскликнул сын Джоварзи. Давай я тебе сделаю фотокопии на планшет и перешлю тебе просто на компьютер — 21й век на дворе, папа. Вы едете в Палермо, а мы год не ходим в университет. Пойдет?

— Нет, не пойдет. Я обещал, что вы не будете год ходить в университет, если вы хорошенко с нами здесь поработаете, а не если ты сделаешь мне фотокопии. Как ты понимаешь, я могу это сделать и без вас.

Сын Джоварзи умолк и сел насупившись.

Я посмотрел на своего друга и очень робко спросил

— А что буду делать я в этом во всём?

— Ты же учёный! — воскликнул Джоварзи.

— Да, но я ничего не понимаю, что здесь написано. Я по итальянски ни слова не могу прочитать.

— Я уже все придумал, не волнуйся. Мы разобьем документ на две части. Эти два молодца будут тебе помогать. Один будет читать, второй переводить тебе на английский. Я буду работать с одной частью рукописи, со второй ты. Делать мы это будем по определённому алгоритму. Я его напишу позже.

— Дино! — крикнул Джоварзи.

Вышел высокий парень, один из его людей.

— Езжайте в хозяйственный магазин и привезите мне вот этот список вещей. О

Он быстро накидал в блокноте то, что нужно было купить. Свел сумму, достал 250 евро и передал всё это Дино и ровно через две минуты тот уже выехал на машине за ворота.

— Итак, мои юные друзья. Или мы здесь с вами плотно три дня работаем все вместе или вы год ходите в университет. И попробуйте только пропустить хоть одно занятие в университете, я лично буду контролировать вашу учёбу и каждый ваш шаг,— очень спокойно, но очень серьезно сказал Джоварзи.

Отпрыски, конечно же, работать не хотели, но предложение было очень интересным и выгодным — три дня, а потом целый год неходить в университет. Юные умы все же понимали привлекательность и заманчивость этого договора. В конце концов, студенты согласились.

Ровно через час все вещи по списку были на столе перед Джоварзи. Это были деревянные предметы, два ножа хозяйственных, веревки и много чего другого.

Джоварзи взял деревяшку в руки, вызвал садовника и попросил распилить её на части. Через несколько минут садовник вернулся с уже выполненным поручением.

А дальше я наблюдал, как ловко, молча мой друг действовал, с полным пониманием того, что он делает.

Джоварзи взял веревку, ленту и очень быстро сделал из этого всего клинки. Ручки обмотал лентой, гарду сплёт из верёвки, короче говоря, получилось четыре деревянных клинка, размером от конца среднего пальца до локтя.

— Зачем это всё? — спросил я

— А как ты собираешься понимать, что написано в этой рукописи? Для того, чтобы понять, что здесь написано, прочитать мало, нужно всё попробовать сделать, а пробовать повторить, что написано нужно с чем-то, как ты понимаешь. Ты же видишь, что на рисунках в руках клинок, и нам понадобиться и парные и одиночные клинки. Поэтому я сделал четыре штуки.

Удобно рассевшись в саду, за столом, мы незамедлительно приступили к работе, которую нам организовал мой друг Джоварзи.

До ужина, с помощью моих юных переводчиков мне удалось закончить работу с первым трактатом и я выделил из первой части 8 технических элементов.

Наступило время ужина. Если честно, мне ужинать совсем не хотелось. Информация, которую я узнал, не давала мне покоя, и мне хотелось, как можно быстрее приступить к изучению второй части трактата. Но, глаза прислуги и Джоварзи настаивали на ужине. На самом деле, поужинать было необходимо, за работой можно все позабыть, а силы нам были нужны. Молодежь уставилась на Джоварзи четырьмя молящими глазами отпустить их погулять в Рим. Но Джоварзи был неумолим.

— Вы понимаете, нам за три дня нужно сделать очень много работы, и вы обещали, что будете выполнять все мои распоряжения, поэтому, быстренько ужинаем и за работу. Можете нести себе кофе, соки, колу, чипсы, что хотите. Если надо, сейчас сюда всего этого вам принесут целый ящик. Но оставайтесь здесь и делайте, что вам говорит мой русский друг Григорий.

Сразу после ужина мы приступили ко второй части.

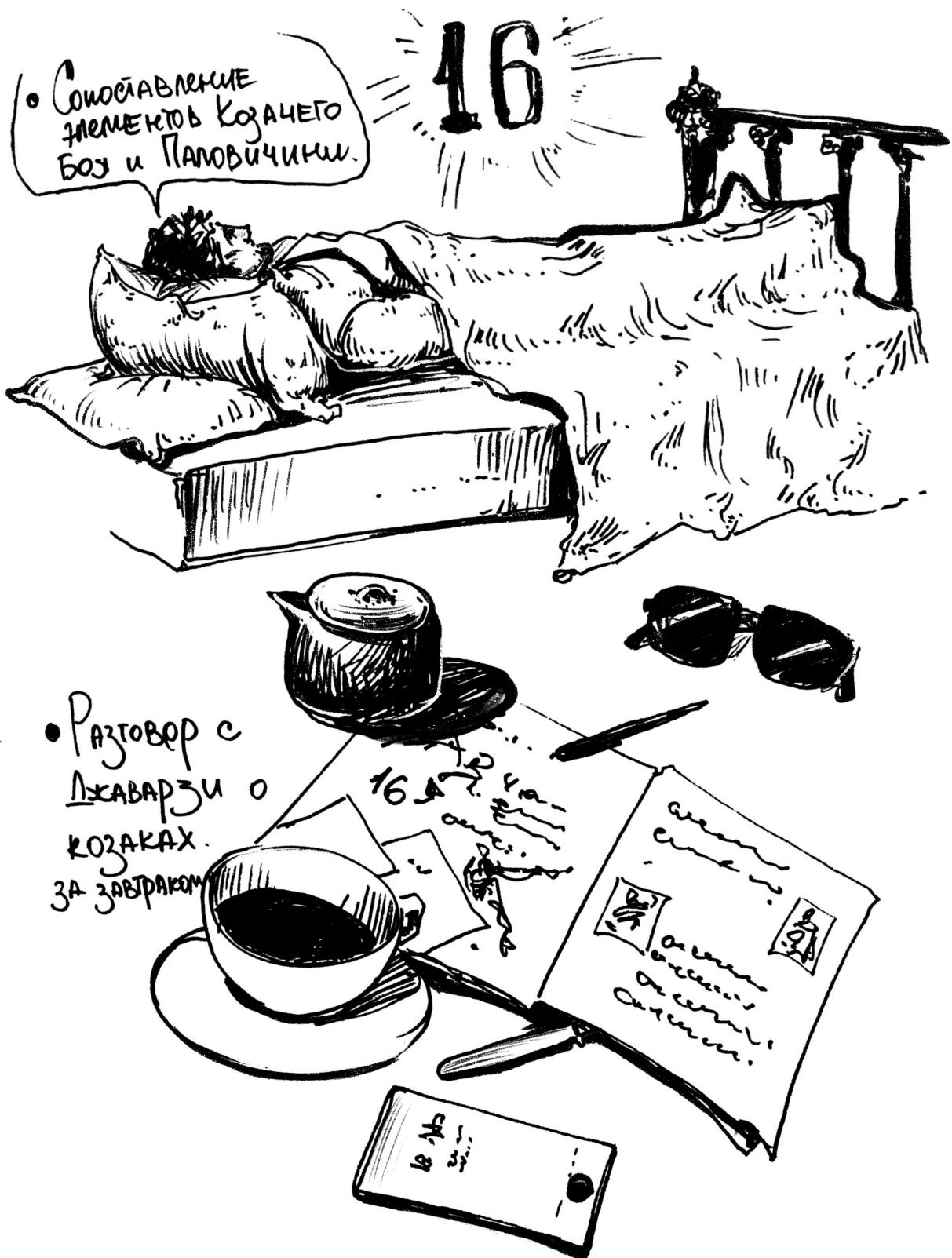
Надо сказать, что я ни разу не работал с Джоварзи и я не понимал откуда у него такая слепая вера в меня, как в учёного. Я, как мудрый человек, воспользовался диктофоном и до ужина записал весь перевод первой части рукописи на него. Где-то около часа ночи мы закончили разбор второй части. Я вывел еще восемь технических элементов.

Парни выглядели уставшими, ну или делали вид, что сильно устали. Хотя, я понимаю, что им было не просто, все-таки читать со старо-итальянского и все это переводить мне на английский... Короче говоря, я их отпустил отдохнуть.

Джоварзи сидел в кресле и с большим вниманием читал страницу за страницей. Я к манускрипту даже не приступал. Зато я понял все технические элементы трактата, так сказать восполнил, то, чего не знал ни я, ни Джоварзи.

Я открыл большой блокнот, который привез с собой и стал описывать для себя эти технические элементы. Закончил я около двух часов ночи. Джоварзи тихо и смиренно продолжал читать. Надо сказать, наблюдать за его работой одно удовольствие. Это какой-то таинственный процесс, хоть внешне ничего особенного и не происходило. У него были созданы все условия для комфортной работы. На улице было необычайно тихо, ночь была тёплой. Он удобно расположился в кресле, укрылся пледом и, не отрывая взгляда, практически не шевелясь, читал. Я тихо встал, чтобы не мешать ему работать, и пошёл спать.

Я долго не мог заснуть. Потом провалился на какой-то промежуток времени и проснулся я примерно в семь часов утра. Проснулся — это ничего не сказать. Я был в таком странном полудремотном состоянии, я как будто находился между сном и явью. И тут я отчетливо увидел цифру 16.

- Сообщавшие злеменковъ Козачего Боя и Паловичими.
- Разговор с Лжеварзи о козакахъ за завтракомъ

Шестнадцать... чего вдруг мне сдалась эта цифра... думал я... Шестнадцать... Шестнадцать... крутилось у меня в мыслях.. Почему шестнадцать.. зачем она эта цифра шестнадцать. ... Так продолжалось не знаю, сколько... как вдруг ... меня осенило.. Ведь ровно столько технических элементов я вывел в казачьем клинковом бою, прямо перед отъездом на Сицилию, когда сидел у себя в кабинете. Я даже засмеялся. Очень странно.

... я продолжал лежать в постели и тут.....Подожди, сказал я себе. Эврика. Их не просто шестнадцать... они абсолютно одинаковые! Вот это дааааа.

Кто бы мог подумать. Трактат Паловичини, написанный 350 лет назад, и моё исследование перед отъездом, совпадали не только по цифровому показателю, но и по техническим элементам. Как это может быть?

Я продолжал крутить мысли в голове: предполагаемый казачий бой абсолютно идентичен элементам техники Паловичини, который написан 350 лет назад. Но как, как такое может быть??? Какое отношение украинские казаки имеют к мастеру фехтования из Палермо?! Еще одна научная загадка? Не могу понять. Но факт остаётся фактом. Я достал блокнот, нашел рисунки, которые я сделала дома в Киеве, и еще раз сравнил с рисунками, которые я сделал вчера ночью из трактата Паловичини — они были абсолютно идентичны, сомнений не осталось. После того, как я это осознал, я снова провалился в глубокий сон.

Проснулся около часа дня. Никто меня не будил. Я спокойно проснулся, принял душ, резко захотел есть. Я спустился вниз. Визу я никого не обнаружил. Сел за стол. Тут же пришла прислуга. На чистом английском языке она у меня спросила

— Что сеньор желает к завтраку?

Я попросил какой-то ненавязчивой еды, бутербродов. Она принесла мне целую тарелку сыра, масло, свежевыпеченного хлеба, налила вкуснейшего ароматного кофе. В этот момент времени, элегантный, как рояль, вышел мой дорогой друг Джоварзи. На нём был нежно коричневого цвета великолепный костюм, чёрные очки.

Он снял очки, сел рядом со мной, попросил ему принести тоже, что и мне, уставился на меня своими зеленющими глазами и спросил

— Ну, как ты провел эту ночь, мой дорогой?

Несколько помолчав, сделав глоток кофе, я, на удивление спокойным, размеренным голосом, сказал ему

— Я сделал странное научное открытие.

Встал, обошёл стол, взял с тумбы свою папку с чертежами и положил их перед Джоварзи.

Он, попивая кофе, а делал он это с особенным наслаждением, начал рассматривать мои художества.

Через некоторое время, откинувшись на спинку стула, мой друг сказал

— Ты совершил какую-то гениальную вещь, но честно говоря, я не совсем понимаю, о чём это.

Я повернул блокнот, перелистнул на свои рисунки, которые сделал дома в Киеве и объяснил ему, что это технические элементы казачьего боя, выведенные из русской криминальной традиции, то есть то, что можно сделать оружием казаков. А вот это шестнадцать элементов из трактата Паловичини. И они абсолютно идентичны. Он задал мне несколько вопросов о казаках, потом, немного поразмыслив, спросил

— А ты уверен в своих выводах?

— Абсолютно. Нет никаких сомнений — сердечники идентичны.

— Ты хочешь сказать, что технические элементы казачьего боя на Украине совпадают с элементами, описанными Паловичини почти три века назад?

— Именно это я и хочу сказать! А что ты накопал, Джоварзи?

Он вкратце мне объяснил, что читает геометрические научные выкладки, обосновывающие фехтование, ссылки на разных мастеров, сами элементы, и оказалось, что эти элементы передали по наследству Паловичини. Он пытается эти элементы искать у других мастеров. Пока мы имеем дело с научным анализом, — сказал мой друг.

Спустя двадцать минут к завтраку спустились молодцы, демонстрирующие крайнюю усталость. Но мы с Джоварзи сделали вид, что этого не заметили и не стали обращать на это никакого внимания. Договор есть договор.

Закончив завтрак, мы приступили к намеченной работе. Мне предстояло разобраться со второй частью дневника Паловичини. «Двоє из ларца» лениво читали и переводили мне текст, я фиксировал, на мой взгляд интересные моменты. Так пролетело пару часов. Надо было сделать перерыв. Я предложил размяться, Джоварзи меня поддержал.

— Не зря же ты принес эти клинки, — с уважением к моему другу отметил я. Давай попробуем повторить то, что нарисовано в трактате.

И началось.

Я с легкостью справился со всеми техническими элементами, так как они все мне были знакомы: и с парными комбинациям том числе. Джоварзи радостно улыбался.

— Я вижу тебе, мой друг, нравится «расследовательская» работа со мной! Переезжай в Палермо, что тебе делать в твоей Украине? Вдвоём мы с тобой сделаем большую научную работу.

— Я подумаю над твоим предложением, мой друг. Давай доделаем сначала ту, что начали, — с улыбкой сказал я.

Я повторял Па раз за разом, пытаясь понять какой-то тайный смысл и ... меня, как током ударило... дело в том, что свою карьеру в воинских искусствах я начинал со стиля Джит Кун-До Брюса Ли, еще в 90х годах. Знаете, в Киеве на книжном рынке продавались пять книг, иллюстрированные фотографиями Брюса Ли, в таких жёлто-оранжевых обложках, переведённых на русский язык и изданные в Москве «Центром

здравья народа». А так как тренированная научная память привыкла всё запоминать, а я этому посвятил ни один год своей жизни, то мне очень отчётливо показалось, что техника Брюса Ли каким-то странным способом похожа на те движения, которые описывает Паловичини. Но, безусловно, с собой пяти книжек в оранжевых обложках у меня с собой не было, я спокойно остановился, налил себе чашку кофе, сел в интернет, вышел на rutracker, ввел в командной строке Брюс Ли, скачал все пять книг.

- Парни, а у вас есть принтер дома? — обратился я к студентам.
- Конечно есть, ответил Андреа.
- Не могли бы вы мне все вот это распечатать сейчас?
- Легко!

Я показал им, что мне необходимо, и они скрылись в дверях дома. Джоварзи смотрел на меня с неподдельным интересом.

— Что еще случилось, скажи мне, пожалуйста? — с загадочной улыбкой спросил он.

- Я тебе сейчас кое-что покажу, — с энтузиазмом сказал я.
- Очередной фокус?
- Можешь называть это и так. Я не знаю, как это на Сицилии называется, — шутливо бросил я в ответ. Но сейчас ты действительно увидишь нечто для себя очень занятное.

Ровно через сорок минут вернулись юнцы и торжественно несли в руках громадную пачку бумаг, это были распечатки листов из книги Брюса Ли. Я аккуратно сложил листы стопкой, взял шариковую ручку и в течении 30 минут пронумеровал технические элементы и обвел кружками те из них, которые строго соответствовали выведенным элементам из трактата Паловичини. Джоварзи склонился над моей писаниной.

— Дааа, сказал он, действительно трудно возразить, технические элементы абсолютно идентичны. Интересно, как это можно объяснить?! — задумчиво, потирая подбородок, произнес он этот вопрос, как будто в никуда, просто в пространство. Ты говоришь, что шестнадцать элементов Паловичини строго соответствуют элементам казачьего боя, которые ты вывел перед отъездом, теперь появляется американский актер и мастер боевых искусств Брюс Ли, который написал пять книг и оказывается, что картинки в этих книгах строго идентичны тем картинкам? Тебе не кажется, что это ну очень странно и очень интересно?!

Это был риторический вопрос, поэтому я даже на него не отвечал, потому как, я сам был в некотором шоке.

— Но картинок в книге Брюса Ли значительно больше, чем в трактате Паловичини, — заметил Джоварзи.

— Да, но это ничего не меняет. Во-первых, они повторяются, во-вторых, технологических здесь все идентично, то есть критическая вероятность совпадений, — ответил я.

— Я не совсем тебя понимаю, Грегорио, если быть честным.

— Я тебе сейчас покажу, как видел Брюс Ли, на основании тракта Паловичини. Я взял два листа бумаги и просто нарисовал все технические элементы Брюса Ли, проиллюстрировав это листами из книги.

— Странно,— сказал Джоварзи,— действительно абсолютное сходство.

Я мучительно пытался вспомнить, где я еще это видел.

— О чем ты думаешь,— спросил меня мой друг,— видя на моём лице эту задумчивость.

— Ты понимаешь, меня не оставляет мысль о том, что есть еще один документ, где показано тоже самое.

— О каком документе ты говоришь, Грегорио?! — Не тяни кота за все подробности.

— Да не могу вспомнить пока, говорю же.

Пока мы с Джоварзи вели эту задушевную беседу, наши юные друзья «резались» в какую-то компьютерную игру. Мы не стали их тревожить. Я продолжал напряженно вспоминать, где же я еще это всё видел?!

Мои раздумья наталкивали меня на то, что вероятнее всего я это мог видеть в документах между 1930 и 1970 годами. Что было издано в эти годы у нас? Ну да, конечно, ответ напрашивался сам собой — книга Нила Ознобишина «Искусство самозащиты без оружия». Но у меня и этой книги не было с собой, чтобы проверить свои предположения. Как всегда, на выручку пришел интернет. Я быстренько скачал её из интернета, благо технологии сегодня позволяют это сделать. Все-таки есть от него польза, подумал я.

Я снова обратился к двум юнцам, которые были очень недовольны, что прервали их игру, и попросил распечатать и это документ. Они побежали исполнять. Наверное, им уж очень хотелось побыстрее вернуться к игре.

Почему-то в этот раз им понадобился час вместо сорока минут на распечатку. Наверное, они там доигрывали в игру, чтобы мы не видели. Но ровно через час с торжественным видом, пока мы беседовали, они, как совершившие что-то невероятное, несли эту пачку бумаги, при этом, грозно сообщив, что бумаг закончилась, и, если нам еще-что-то понадобиться печатать, то за бумагой надо ехать в магазин. Что и было сделано. Джоварзи распорядился и один из его помощников отправился в магазин.

Я положил перед Джоварзи пачку бумаг

— Что ты скажешь по этому поводу?

Он, прищурившись, начал листать документы. Там было все на русском языке, но ему это не мешало, он смотрел только на рисунки.

— Невероятно, но факт,— произнёс Джоварзи.

Картинки из книги Нила Ознобишина строго совпадали с книгой Брюса Ли.

Круг замкнулся.

Только объяснить ни я, ни мой друг, того, что происходило, уже не могли. Итак, 350 лет назад некий Паловичини пишет два тома трактата по фехтованию, я вывожу 16 технических элементов предполагаемого казачьего боя, и они абсолютно идентичны, после этого я сравниваю это с книгами Брюса Ли и получаю тот же самый объем технических элементов сердечника, после этого я открываю книгу Нила Ознобишина 1930х годов и получаю тот же самый сердечник, что и у Брюса Ли. Как это может быть? Один находится в Америке, второй в бывшем Советском Союзе в 30х годах 20 века, третий живет 350 лет назад, история казачества совершенно не изучена и не известно какого времени ведется. Такой географический разброс, а идеи и техника одна и та же. Мало того, это ведь только часть элементов русской криминальной традиции — отметил я. Их там ведь 36, а здесь всего 16.

Джоварзи радостно смотрел на меня.

— А хочешь теперь, тебя удивлю я, — сказал он

Он повел меня к компьютеру и открыл какой-то средневековый трактат. На английском языке он мне объяснил, что это трактат, написанный учеником Луиса Пачеко де Нарваэса, который называется «Уловки простолюдинов вульгарного фехтования». Книга не содержала рисунков, была написана на испано-итальянском языке. Как пояснил мне мой друг, он исследовал эту работу еще два года назад, нашел её крайне привлекательной именно с этой работы он начал исследовать каморру простолюдинов Неаполя.

Он показал мне свои выкладки. В системе было 16 атакующих и пять оборонительных элементов. Но, о Боги, 16 атакующих элементов строго соответствовали трактату Паловичини, а значит и всему остальному.

— Ты хочешь сказать, что неаполитанская «каморра» использовала те же самые 16 элементов сердечника? — спросил я

— На уровне простолюдинов — да! — со странным спокойствием сказал Джоварзи.

— А на уровне дворян?

— Они использовали совсем другую систему.

— Какую? — с нетерпением поинтересовался я.

— Тебя мой отец с ней познакомил совсем недавно, веером, после ужина, если ты помнишь.

Великолепно! — подумал я. Это как — то не по-товарищески напоминать другу о его поражениях.

Я налил себе еще кофе, подошел к фотографиям манускрипта, начала смотреть на рисунки, сделанные Паловичини в 17 веке и понял, что я могу читать его дневник без горе-парней. Вот это номер, — пронеслось у меня в голове.

Развернувшись к Джоварзи, я сказал

— Дорогой мой, я знаю, что здесь написано. Можешь не проверять. Здесь описано обоснование возникновения этой системы.

— Совершенно верно, — воскликнул Джоварзи.

— Смотри, откуда появлялись технические элементы. Но, обрати внимание, что в манускрипте, технические элементы происходят не из поединка, а из поражения противника.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что эти люди не собирались ни с кем вступать в поединок. Они просто убивали людей.

Джоварзи поднял свои глаза на меня. Да, у нас такие существовали в Палермо — их звали Beati Paoli (Beati Paoli). А сам Паловичини древнего францисканского рода.

— Кто это такие? — спросил я.

— А это как раз те справедливые люди, про которых ты говоришь — берут и убивают других, из справедливости, конечно же, как ты понимаешь.

— Ты шутишь? — недоумённо поинтересовался я.

— Нет, не шучу мой друг. Это очень давняя история и мало кто её помнит.

— Расскажи мне эту историю, если тебе не затруднит.

— Хорошо, только, если ты не против, мы пересядем вон туда, — он указал на беседку, — оставим все записи здесь, чтобы они нам не мешали.

Мы пересели в беседку. Тут же появилась «домомучительница», принесла нам кофе и бутылку вина. И я начал слушать рассказ.

Для того, чтобы рассказать про Beati Paoli, понадобился час. Чудо-дети продолжали играть в планшетах, я косил одним глазом на них, и видел, как они радуются, что мы их не трогаем и не привлекаем к нашей работе.

Мне было практически всё ясно, не ясно было только одно, как эти вещи могут быть идентичны друг другу.

Джоварзи закрыл один глаз, посмотрел на меня и спросил

— Ты сможешь восстановить всю систему теперь? И клином и голыми руками?

— Это теперь совсем не сложно — с легкостью ответил я.

— Сколько тебе на это понадобится времени?

— Думаю, сутки.

— У тебя эти сутки есть. Потому что послезавтра мы возвращаемся на Сицилию. Тебе эта беседка подойдет для работы?

— Более чем.

— Тогда за работу, мой друг.

Эти сутки прошли для меня, как во сне. На самом деле, и суток то не понадобилось. К утру на столе лежал научный труд, который описывал систему, уходящую корнями в глубокое прошлое, начиная с палермитанских Beati Paoli, каким-то непонятным способом касаясь украинских казаков, той системы, которая стояла на вооружении «простолюдинской каморры» и закончилась смертью великого плагиатора в Сиэтле.

Джоварзи смотрел на меня

— Ты закончил?

— Да. Все ясно, как белый день, как говорят у нас на Украине.

Тогда обедаем и едем обратно, выспишься в машине.

За обедом Джоварзи, с видом хозяина, сообщил двум недорослям, что так как они выполнили только половину договорённостей, пыхтеть им придётся в учебном году, как положено, а за то, что они играли в компьютерные игры, что не было оговорено, он лично постарается, чтобы на всех зачётах и экзаменах в университете к ним подошли с особым пристрастием. Парни понимали, что Джоварзи прав. Мужчина должен держать слово. Это определённо по-сицилийски. Но, так как они все-таки помогали нам, он сказал, что, если действительно возникнут какие-либо проблемы в университете, чтобы они звонили ему, и в таком случае он постарается их уладить.

Чемоданы были собраны, обе машины готовы, и мы сели в одну из них. Кортеж мягко тронулся, и, ведомый невидимой рукою моего друга, направился в сторону солнечного острова Сицилия, где меня ждал гостеприимный дом и еще 35 суток отпуска.

• Первое.
Причаление

В один прекрасный день Магниус пришел навестить мальчиков в ресторан. Они как раз сидели за столом, мать собиралась их кормить.

— Здравствуйте, дона Роза.

— Здравствуйте, ночной гость,— с сицилийским нравом проговорила она.

— Могу ли я поговорить с вашими сыновьями?

— Извольте, разве могу я вам запретить,— и пошла прочь.

— Здравствуйте, падре,— сказал Винченсо.

— Здравствуйте, дети мои. Как ваши успехи? Все процветает?

— Да, падре все в порядке. Единственное, мы же не распоряжаемся всем этим, вы же это знаете. Могли бы мы у вас попросить какую-то часть денег на свои расходы?

— Конечно, дети мои. Сколько вам нужно?

Ребята переглянулись... Ну, переодеться, погулять в городе....

— Возьмите столько, сколько вам нужно, спокойно сказал Магниус. Не беспокойтесь ни о чем. Но поговорить с вами я хотел не об этом. Нам скоро предстоит встреча с Богом.

— Когда, падре?- спросил Джузеппе.

— Сегодня вечером. Я думаю, что пришло время вашего следующего испытания. С этими словами Магниус откланялся и ушел. Ребята стали ждать вечера.

Из ресторана до храма им было идти около получаса. Ровно в 22.30 они вышли и направились в сторону храма. Дверь была, как всегда, открыта. Парни вошли, Магниус их уже ожидал у алтаря.

— Готовы ли вы к встрече с Господом, дети мои?

— Да, падре, мы готовы.

В уже привычной обстановке молчаливого храма все подошли к алтарю. Повисло лёгкое нервное напряжение перед предстоящей встречей. Послышался какой-то тонкий звенящий звук и Магниус повернул голову к зеркалу.

Они увидели двух путников — один из них уже был прекрасно знаком Джузеппе — тот самый монах, но на этот раз он был уже много-много старше. Рядом с ним, также верхом, ехал тот самый юноша, поединок с которым они уже наблюдали ранее.

— Неужели этот самый Франческо ди Паоло, о котором земля слухамиолнится? Чудотворец, который и реки бастоном высекает, и землетрясения взмахом рукава останавливает, и недуги исцеляет, и на плаще перелетает море, перемещаясь из Сицилию в Калабрию?

— Джузеппе, ты же прекрасно понимаешь, в нашем мире невежества всегда есть место настоящему чуду. А тем, кто особенно старателен, чудеса даже придумывать не нужно. Они сами их извлекут, как из-под полы, и расташат по свету — повод только дай.

— Магнус, ну ведь недаром Франческо ди Паоло стал святым! Калабрия и Апулия буквально в каждом храме его почитает, практически как покровителя и отца родного. Есть ведь тому причина...

— Безусловно, Джузеппе. Но если уже говорить о святости, не сравниться никому с твоим отцом. Ди Паоло, может, и святой. Но он святостью своей и спасением душ целого ордена обязан твоему отцу, и он для них — Бог. Бог в самом лице Франческо Виллардита. И существует колossalная разница между твоим отцом и всеми святыми этого региона, по меньшей мере.

— Магнус, прошу не третировать моё терпение... Что же это?

— Я преподам тебе простой урок, который в своё время твой отец преподал ди Паоло, когда он ещё святым и не был. Это урок о достаточности усилия. Кто силой управляет, тот ведает 4 соотношения силы.

Первое соотношение — клинка и формы. Погляди на свой клинок. Разве он меняет форму? Нет, он её хранит неизменно с того момента, как его выковали. Но был ли он таким всегда?

— Нет, безусловно.

— Именно. Прежде чем стать клинком, он был бруском металла, пускай и благородного, но всё же — бесталанного металла. Однако же в металле потенциально заложено свойство к изменениям. Мудрецы говорят, что есть свойства, уже потенциально заложенные в сути вещей, а есть свойства, им не присущие. Так вот и с металлом — он подвластен изменениям. Более того, мы лишь единожды прикладываем усилие к металлу, дабы выковать из него верного друга — твой клинок. Один раз — и не более. И данное соотношение — есть суть и природа договора человеческого. Договор заключается один раз и более не изменяется. Это первый урок, который твой отец, Джузеппе, преподал францисканцам.

Основы второго урока заключаются в постижении соотношения, называемого «камень и свойства». Это ключ к пониманию способностей человеческих. Вот погляди на булыжник, да, на тот, камень, что валяется подле дороги. Разве он может летать? Разве по природе в камень заложено свойство летать?

— Нет, падре, летать камень никак не может, разве что, если его подбросить.

— Джузеппе, камень учит тебя тому, что тебе придётся постоянно прикладывать к нему усилие и постоянно подбрасывать, чтобы он «летал».

— Но что это значит, Магнус? Дело не только в полёте камня, я же пониманию... Что это говорит о человеческой природе?

— Это соотношение говорит о Причине. О той самой пусковой силы. Так вот причина — сродни тому камню. Человеку надлежит каждый день заново самому себе создавать причину, иначе он не станет чего-либо делать, я не говорю о том, чтобы расти и двигаться вверх. Причина требует постоянного приложения усилий. Иначе — из человека ничего не получится. Из ничего — и будет ничего.

— Третье соотношение называется соотношением Солнца и свечи. Солнце... Оно освещает своим теплом и сиянием весь этот мир. И оно вечно. Солнце светить будет вечно. А что свеча? Свеча невечна, более того, свечу всегда можно поменять, ведь важна не она, как свеча, важен огонь. И освещает свеча лишь малую часть вокруг света, а прогорая, не оставляет ничего.

— Так же и живут многие сегодня — как свечи, которые угасают изо дня в день, и как уйдут на тот свет, никто имени их и не вспомнит,— сказал Джузеппе Виллардита.

— Именно так. И учит этот соотношение о той грани человеческой природы, что есть «перспектива». Перспектива сродни пламени свечи, и Человек обязан воплощать свою перспективу, уподобливая всякий раз свои действия, чтобы стать Солнцем, понимая изначальную природу свою — природу свечи, зажжённую Божественным замыслом.

— А как же выглядит четвёртое соотношение усилий? О чём оно говорит?

— Оно называется величие и скромность. Скажи, твой отец велик?

— Это риторический вопрос. Велик и скромен, хоть и слава его обгонит на несколько поколений вперёд.

— Это всё потому, Джузеппе, что в нём пожарищем раздаётся Сила, становясь сильнее день ото дня, с каждым его поступком. Всё силой создано и для неё создана. Так, в лоне силы, и рождается Бог.

На этом зеркало приняло свои обыденные формы и в храме воцарились умиротворяющая тишина.

И тут Джузеппе из дум буквально что-то выдернуло.

Это был Магниус, который повернулся к молодым людям и очень строгим голосом спросил:

— Дети мои, хотите ли вы служить Господу, а не только встречаться с ним?

Ребята опешили

— А что значит служить Господу, падре?

— Служить Господу — это поступать во всём так, как поступает Господь,— сказал Магниус и очень пристально посмотрел на ребят.

— Конечно, падре. Господь — это добро, любовь, справедливость. Конечно мы хотим ему служить.

— Вот и прекрасно, дети мои. Тогда мы с вами прямо отсюда отправляемся в путешествие. Хотите побывать на настоящем корабле?

— Да, конечно да, падре. Конечно, хотим.

— Мы отправимся на другую сторону пролива, где вы примите служение Богу.

Ребята переглянулись, они предвкушали это путешествие, для них это было пока занимательным морским приключением.

— Мы готовы, падре.

— Тогда следуйте за мной. И они пошли вниз в подземелье. Шли они долго, около часа. Вдруг ступеньки резко повернули вверх, где был выход. Выйдя наверх, они оказались в каком-то храме.— Вот мы и пришли.

Пройдя через храм, они оказались прямо в порту. Пройдя еще двадцать метров, они увидели небольшую, но очень красивую яхту. Это была яхта крейсерского типа, с огромными бортами, каютами. Магниус сделал шаг на борт. Команда стала по стойке смирно.

— Здравствуйте, падре — поздоровался капитан.

— Эти два юноши плывут с нами?

— Да

— Куда прикажете?
— Едем ну ту сторону.

Яхта плавно набирала ход. Плыли они около двух часов. Яхта пристали у какого-то никому не известно пирса, ребята сошли вместе с Магниусом на берег. На дороге уже стояли два чёрных автомобиля. Магниус направился к машинам и рукой указал ребятам следовать за ним.

Это были машины похоронного бюро — два чёрных Мерседеса катафалка. Все молча сели. Путь пролегал по извилистой горной дороге. Точкой назначения был какой-то город в Калабрии. Ворота похоронного бюро показались на дороге, они были открыты, куда и проследовали машины. Так же молча все покинули машины, Магниус указал рукой, куда следует идти и вот мы оказались в ритуальном зале. Миновав это помещение, пройдя через дверь, мы оказались в церкви, которая прилегала к этому зданию. Она располагалась прямо на кладбище. По винтовой лестнице мы поднялись наверх. В храме стояли пятьдесят человек. Все были в такой же одежде, как и Магниус — в чёрных балахонах. В центре храма стояла статуя Мадонны, у её подножия алтарь, где зажжены свечи. Свечей было так много, что свет от них освещал весь храм. На алтаре стояла огромная металлическая чаша с вином. Все, находящиеся в зале, выстроились вокруг алтаря, Магниус стоял возле Мадонны, ребята стояли в центре.

— Джузеппе, подойди ко мне. Дай мне руку, которой ты держишь нож.

Он протянул руку. Магниус взял лезвие, перевернул руку Джузеппе над чашей, и сделал надрез на запястье и три капли крови закапали в чашу с вином. Джузеппе отошел вправу сторону.

— Винченко, подойди ко мне. Дай мне руку, которой ты держишь нож. И все повторилось вновь. Джузеппе возьми чашу, выпей эту чашу до половины, и отдай Винченко. Джузеппе покорно сделал, что ему велел Магниус. Винченко допил до дна вино. С этой минуты в нас течёт одна кровь,— произнёс Магниус. С этой минуты вы полноценные члены общества, семьи и мы возлагаем на вас очень большие надежды.

Джузеппе почувствовал, что в глазах у него помутилось, шум в голове. С Винченко было то же самое. Они находились в каком-то трансовом забытии, дальше была пропасть, что было дальше ребята не помнили. Опомнились они уже только в храме у Магниуса, в Палермо. Не понятно для себя как, ка-будто в одно мгновение они перенеслись в Палермо. Было уже раннее утро, около шести часов.

— Как вы себя чувствуете?—спросил Магниус
— Прекрасно,— ответили парни.
— Я поздравляю вас с первым причастием, дети мои. А сейчас идите домой, выситесь хорошенъко.

Неделя прошла для них в привычном режиме, они занимались делами в ресторанах, на своих угодьях. В храм они не ходили, Магниус

пока ничего не говорил им, сами они не смели приходить без указания монаха. Так прошла неделя. И вот, воскресным вечером, ребята сидели в ресторане, посетителей уже почти не было, Магниус, словно тень, появился в дверях. Он спокойно поздоровался со всеми и направился к мальчикам. Он сел к ним за стол и сказал

— Завтра у вас испытание, вы должны прийти в храм в десять часов. Выглядеть вы должны соответственно, поэтому обязательно прилично оденьтесь. Затем Магниус допил стакан вина и ушел.

«Завтра» наступило очень быстро. Парни, как и было велено, оделись в чёрные костюмы, белые рубашки, туфли и в торжественном приподнятом расположении духа явились в храм.

Магниус встретил их и проводил к зеркалу.

Долго ждать не пришлось. Зеркало снова «заговорило образами».

В богато обставленном зале, напоминавшем частную библиотеку какого-то обеспеченного дворянина, сидело двое. Один из них отдалённо напоминал монаха Магнуса, только одет он был как-то по-иному, без привычной рясы, но в плаще цвета глубоко синего цвета морской волны, под которым угадывался богатый чёрный костюм.

Что произошло далее — никто не смог понять. Тот, кто сидел рядом с Магнусом внезапно вскочил, словно в прыжке, в воздухе извлёк из-за спины кинжал и ринулся на Магнуса. Тот, казалось, только и ждал приглашения. И ловким встречным движением ноги он ударил нападавшего так, что тот отлетел и с грохотом повалился на стол, стоявший неподалёку.

— В этом вся твоя проблема, вздохнув, сказал Магнус.— Ты даже убить нормально не можешь. Все твои замыслы легко читаются и легко останавливаются. Ты истинный плод своего поколения — нерадивого и бесполезного. Знаешь, в чём твоя проблема? В тотальной нехватке простейших знаний и навыков. Знаешь ли, в каждом человеке есть и животная, и божественная составляющая. И животная составляющая — это наши импульсы, побуждающие изменять мир вокруг себя. Но что именно желает получить человек — должно быть определено или назначено заранее, самим человеком. Ты же, когда летел на меня и вовсе не означил, что именно ты хочешь — как ударить, как меня поразить. Ты хотел меня убить? Понимаю. Ты далеко не первый, и точно не последний. Но я точно тебе могу сказать — ты никогда не сможешь никого убить, даже самого себя. Ибо ты — невоспитан, глуп, невежествен и испытываешь огромные затруднения с волей. И божественная часть твоей природы просто спит, потухая день ото дня.

— Если ты и дальше будешь вот так набрасываться на тех, кому обязан жизнью, кто-то тебя точно остановит встречным ударом шпаги или даги. Подумай об этом, прежде чем в следующий раз поступать настолько опрометчиво.

— Я не мог...понимаете, не мог иначе! Это...это всё от меня не зависит — мне приказали и я...

— Ты просто результат испражнения того общества, которому скоро придёт конец,— заключил Магнус.— Жди гостей. Сегодня к тебе придут мои друзья, настоящие люди Чести. Знаешь, что их отличает от тебя? Тотальное нежелание стремиться к свободе. У них понятия «свобода», и потому — они сильны и счастливы. Они вообще не свободны, как и сам Господь Бог, который также не может перестать быть Богом. У них в жизни — сплошные «ограничения», которые верно было бы определить, как «Долг», «Отречение» и «Соответствие». И в силу этих ограничений — они Люди, а ты — поглотитель испражнений той массы, которая трусливо сбиваясь в стаю, называет себя обществом.

Быть таковым и далее или нет — решать тебе. Выбор в твоих руках. И жизни хватает, чтобы его реализовать.

На этом монах развернулся и покинул библиотеку, оставил валяться на полу дрожащего от страха простолюдина в одеждах дворянина.

На том видение окончилось, и зеркало вновь заблистало своей безупречной гладью.

В этот раз Магниус не отпустил их сразу домой, как это бывало обычно. А пригласил пройти в зал вниз, в тот самый зал, где они обычно занимались. Спустившись в него, они увидели, что в зале стояли те самые пятьдесят человек. Все они стояли по кругу, горели факелы и Магниус велел Венченко выйти вперед, дал ему нож в руки и один из пятидесяти человек тоже вышел ему навстречу и достал нож.

• Второе
Приключение
→ Поведику .

— У вас сегодня поединок с одним из братьев, вы должны доказать, что каждый из вас мужчина. Можете начинать. Монах очень быстро до первой крови, раздался с Винченсо, после третьего выпада он просто ударил в белоснежную рубашку, и на ней выступило пятно крови. С Джузеппе произошло то же самое, только с ним бой продолжался чуть подольше. Но тоже, после ряда выпадов, рубашка окропилась каплями крови. Магниус поздравил мальчиков с прохождением экзамена. В этот день вы стали мужчинами. И все поздравили Джузеппе и Винченсо со вторым причастием. Все братья обнялись, из рук Магниуса они получили чёрные сутаны и балахоны с капюшонами, сложенные аккуратно на руках одного из братьев. Впредь это та одежда, в которой вы будете посещать все собрания общества.

— Идите с миром, дети мои.

По знакомому маршруту они поднялись наверх, вышли через дверь у алтаря и спокойно вышли их храма на улицу. Идя по улице, они увидели, что кровь на рубашках уже запеклась, порезы были неглубокими. В разговоре они отметили, что пока еще очень сложно с братьями состязаться во владении ножом. Но они были собой довольны, потому что раньше бы они вообще просто сбежали, увидев такую сцену, а сейчас они уже были способны даже сопротивляться. Так они дошли до своего ресторана, решили отметить своё второе причащение, сели за стол и выпили вина. Они еще долго делились впечатлениями друг с другом, обсуждали, как изменилась их жизнь.

С момент их второго причащения прошло две недели. С тех пор они в храме не появлялись. Магниус тоже не приходил. Джузеппе знал, что вот-вот он может появиться. Интуиция его не подвела. Спустя две недели он появился в дверях ресторана и велел прибыть им в храм вечером. Так они и сделали.

Вечером они пришли в храм, Магниус напомнил, что это десятая встреча с Господом и что впереди их ждет еще один экзамен.

Подвел к зеркалу и вскоре они погрузились, словно в тёплое видение в полутьмы стариной залы. Джузеппе даже на мгновение показалось, что потянуло каким-то сдавленным запахом постаревших книг или какого-то залежавшегося сукна.

За огромным креслом в высокой спинкой, с резными деревянными подлокотниками сидел старец. Ему было не менее лет восьмидесяти, но при этом всё в старце дышало какой-то неведомой силой и величием.

За столом, спиной к наблюдавшим за зеркалом сидел ещё один человека. Они не видели, но точно знали, что он находится там неспроста.

— Зачем ты пожаловал ко мне?

— Магнус, я жду объяснений.

— Позволь напомнить, что я не должен тебе ничего. Могу лишь утешить твою раздосадованную натуру добрым словом, в силу прекрасного настроения.

— Зачем вы так поступили с моим братом?

— Ты знаешь ответ и знаешь причину. Его больше нет с нами, потому что он сделал такой выбор. Всему есть цена — и это сила последствий.

Когда всё закончилось, Магниус подошел к ним и сказал. У вас есть два стилета с кровью ваших врагов, вы помните об этом?

— Да, падре. Они лежат в надёжном укромном месте.

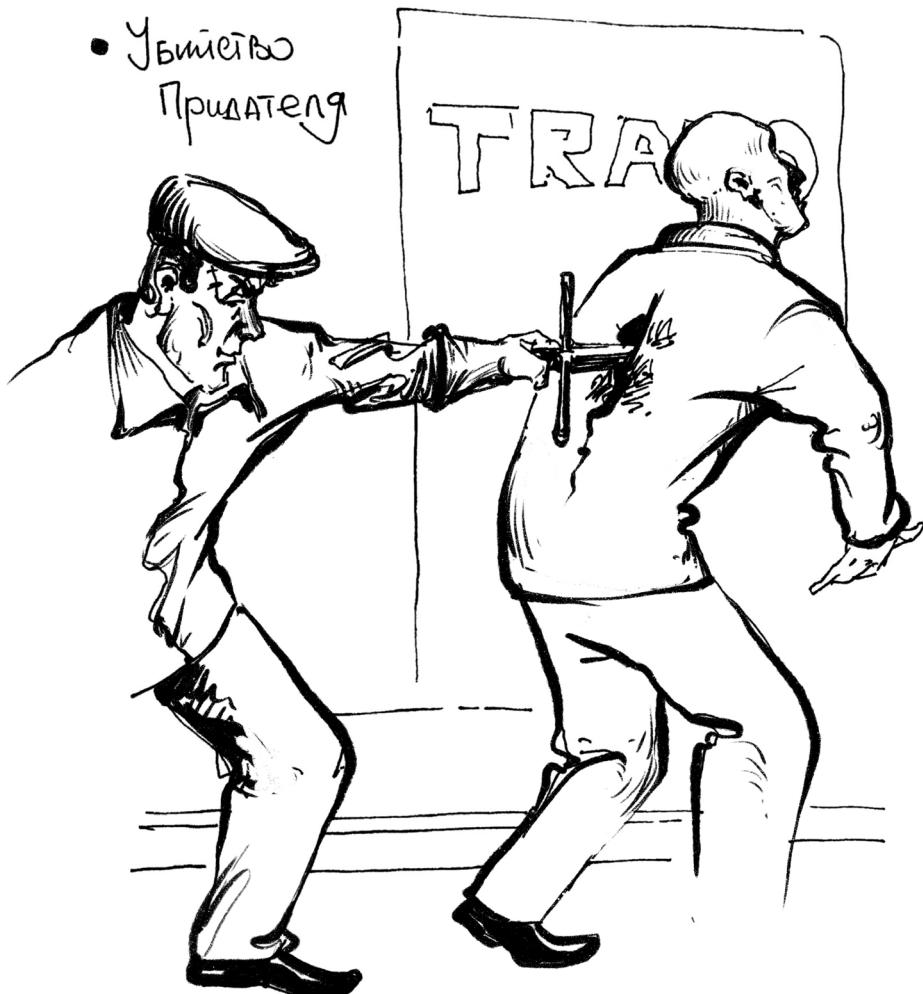
— В городе есть одна Траттория. Там хозяин Сальваторе. Он всегда самый последний закрывает дверь и уходит. Завтра вам нужно пойти туда, дождаться пока он закроет двери и убить его.

Ребята перепугались, их глаза об этом говорили, монах пристально смотрел на них.

— А за что? — спросил Винченко.

— За предательство, — ответил Магниус. Общество людей убивает только за предательство, больше ни за что. Смертный приговор выносится только за предательство.

На следующий день, как и велел им Магниус, они пришли в обозначенное место и стали у ресторана. Они ждали, пока выйдет хозяин и закроет двери. На улице уже было темно, посетители близлежащих заведений потихоньку расходились, улицы пустели.

Парни стояли в сторонке и наблюдали. Вот последние посетители вышли, спустя некоторое время вышли сотрудники, официанты, повара, начал гаснуть свет в ресторане. Это означало, что нужный им человек скоро должен выйти на улицу. Пора. Они оба двинулись к входу. Вскоре вышел Сальваторе и начал закрывать свой ресторан. Проходя мимо него, Винченко замешкался, он находился в какой-то нерешительности. Он остановился. Джузеппо же совсем наоборот: он, решительным шагом сделал движение к мужчине и ударил стилетом ему в самое сердце. Смерть наступила мгновенно. Дальше они спокойно, не спеша, повернули за угол и скрылись в улицах квартала. Обходными путями они добрались до ресторана, где уже сидел Магниус и ждал их. Посадил их перед собой и попросил рассказать их, как всё прошло. Джузеппе рассказал, как всё было. Молодец.

— А ты почему не помог другу,— спросил он Винченко. Почему ты не стал убивать этого человека.

— Я как-то запутался немного, я никогда не убивал людей, опешил я, не знаю, какое-то смятение меня настигло.

— Хорошо. Я понял. Скоро я скажу вам, что делать дальше и ушел.

Парни еще посидели за столом, выпили вина, отпраздновали своё третье причастие, так называемое, поговорили еще какое-то время, и отправились отдыхать по домам.

На следующий день Джузеппе по обыкновению собрался идти по делам, и только он спустился, возле дома его ожидал Магниус.

— Пойдём, я тебя провожу в ресторан, а по дороге с тобой поговорю.

Они шли по улице и Магниус начал разговор. Понимаешь, сын мой, твой друг предатель. Но сейчас он тебя не предаст. Это случится не сейчас. Сейчас он твой друг, но наступит момент, когда этот человек предаст тебя, ты должен об этом знать.

— Падре, а зачем ждать, когда он меня предаст? Может быть сейчас с этим решить вопрос?

— Так нельзя, Джузеппе. Мы очень долгие годы живём и среди нас есть предатели, но убить предателя можно только тогда, когда он предаст. До этого убить нельзя, потому что мы не знаем, предаст ли? Но что касается Винченко, то, как он себя повёл вчера, говорит о том, что наступит день, когда это произойдет. У него есть предел определённый, после которого он решит, что он лучше, чем кто-то. Собой он никогда не пожертвует. Так за разговором они дошли до ресторана. Возле него уже стояли карабинеры. Карабинер обратился к Джузеппе

— Вы арестованы по подозрению в убийстве.

Магниус спокойно смотрит на Джузеппе и говорит ему:

— Иди же, сын мой. Ни о чём не беспокойся.

• Церемония

Внутри горели факела. Молодой дворянин стоял в центре собора, по бокам стояли рыцари. Вверху на уступе стоял Падре, слева от него стоял Леонардо Чьяккио. Над ними возвышалась Мадонна, у которой в груди был кинжал.

— Зачем ты пришел сюда? — спросил падре.

— Для того чтобы стать часть прекрасного общества. — ответил молодой дворянин.

В зале воцарилась тишина.

— Знаешь ли ты что тебя ждет? — спросил падре

— Да. Власть, слава и богатство, — ответил молодой дворянин.

— Готов ли ты к испытанием в жизни? — спросил Падре

— Я прошел все испытания в жизни и пришел сюда. — ответил молодой дворянин.

— Готов ли ты отдать свою жизнь во имя общества? — спросил его дворянин.

— Готов. — ответил молодой дворянин.

— Готов ли ты следовать всем правилам установленным в обществе?

— Готов. — ответил молодой человек.

Воцарилась тишина.

— Готово ли меня принять общество? — спросил молодой дворянин.

В храме стояла тишина.

— Общество радо видеть тебя своим членом. — ответил священник.

Молодой человек пошел к алтарю. На алтаре лежал нож и стояла большая металлическая чаша которую было налито вино. Молодой человек взял нож, перевернул его острием вниз, обмакнул кончик клинка в вино и произнёс.

— Я клянусь всегда оставаться частью этого великолепного общества и мной пролитая кровь, во имя общества, она для всех нас делиться пополам.

Он вытащил клинок из чащи с вином, взял чащу, повернулся к общему собранию дворян, которые стояли и выпил чашу вина до дна. Как символ того, что кровь всех этих господ теперь стала его кровь, а его кровь стала частью господ. Он поставил пустую чашу на стол. Подручный пастыря поставил вторую чашу, а эту чашу подручные унесли. Молодой человек взял клинок, опять опустил уже в эту чашу и

произнес следующую фразу.

— Кровь моих братьев она моя кровь, а моя кровь — это кровь моих братьев.

И вытащил клинок из этой чаши. Дальше по кругу все дворяне начали двигаться к этой чаши делая глоток каждый из этой чаши. Ставя ее на место и по кругу обратно занимая свое положение. Началась процессия, где он стоял рядом с Леонардо со священником. Когда последний дворянин допил последние капли вина из чаши, вина больше не стало и подручные унесли чашу.

Священник обратился к нему с вопросом:

— Что тебе дает право называться главой общества?

— Моя бескорыстная преданность обществу.— ответил молодой дворянин.

Священник обратился к людям, стоящим в зале.

— Есть люди которые считают, что наш дорогой брат, недостоин быть главой общества?

В зале воцарилось гробовое молчание. Молчание длилось около двух минут. Здесь вступил Леонардо:

— С этого дня, наш брат избран всеми главой общества. Возражений, как я понимаю нет.

Тишина опять воцарилась в храме.

— Примите меня как голову этого прекрасного общества.— произнес молодой дворянин.— Разрешите судить справедливо и отдавать приказы, которые не порочат ни честь, ни достоинство общества.

Молодой дворянин взял нож положил его рядом с тем место где стоял бокал с вином лезвием к алтарю. И пошел справа налево к каждому из дворян обнимаясь с ним, и целуя его два раза в каждую щеку, со словами: «два сердца, его всегда больше, чем одно».

Когда церемония завершилась, он стал рядом с Леонардо, на что то обращалась к присутствующим в зале сказал:

— Вновь избранный голова общества приглашает вас всех на обед к себе в замок.

И все благодушно склонили головы и сказали, что приглашение принято, и все отправляются сейчас в замок для того, чтобы отпраздновать сейчас назначение нового главы общества. Из церкви все выходили по одному, по двое, рассаживались в свои кареты. Все знали куда ехать заранее. И поэтому ни у кого не было ни проблем с ориентированием, ни проблем чтобы спрашивать, что будет и куда едем.

Молодой дворянин ехал вместе с Леонардо Чьякио в одной из карет, и спросил его:

— Скажите Леонардо, зачем этот спектакль?

— Это не спектакль.— сказал Леонардо.— Все ты узнаешь несколько позже. Сейчас ты принимай гостей, а завтра утром мы с тобой по дороге в школу гладиаторов все обсудим.

Молодой человек отвлекся от этого всего. Приехал домой чуть позже некоторых членов общества. К тому времени ворота были открыты, все расставили свои кареты на свои места. Надо сказать, что управляющий был отменным организатором, все было организованно как положено. Столы ломились от закусок, еды. Общество расселось все за столом, во главе стола сел молодой дворянин, справа от его руки сел Леонардо Чьякио, справой стороны Падре. Первый тост был за нового главу общества, за его здоровье и благополучие. Все с удовольствием выпили и начали закусывать.

Прошло немного времени, пошел второй тост. Говорил священник, за преданность и самопожертвование. Все выпили и опять стали закусывать после этого. Третий тост говорил сам глава общества, обращаясь к братьям, он сказал, что он крайне ценит высокое доверие которое ему оказано обществом, и что на этому посту он сделает все, для того чтобы общество процветало. Все выпили. Потом уже все начали пить в беспорядочном порядке и закусывать, дальше уже пошел полный шквал. Проснулись все утром.

В этот момент Брикчерс вышел из своего забытья...и продолжил таращиться на храм.

— Да, именно в этом храме, похоже я и стал тем, кем сегодня являюсь.

Больше делать в общем-то сегодня не хотелось, первый их день пребывания в Неаполе уже заканчивался. И с мыслями о Леонардо Чьяккио Брикчерс дал команду возвращаться в гостиницу. Они достаточно быстро, минут за 40, в отель. Все разбрелись спать в ожидание событий следующего дня.

Утром Брикчерс проснулся раньше всех, принял душ, одел новый костюм и раньше всех спустился к завтраку, никого не ставя об этом в известность. Метрдотелю сказал, чтобы спустили этих сюда на завтрак, он поднялся и постучался к секретарю, она была уже практически готова и спустилась к завтраку. Охрана уже стояла в коридоре, им особого приглашения не нужно, зашли, сели за отдельный стол и начали поглощать неаполитанскую еду с особой жестокостью. Съели всё и почувствовали себя полностью готовыми чтобы совершать очередные прогулки. Прогулки им не нравились, потому что они привыкли ездить на автомобили, ходить им надоело. Но бос решил здесь ходить пешком поэтому они молча повиновались потому что привыкли выполнять приказы.

Брикчерс закончив трапезу, рассказал, что у него сегодня в планах: загородная прогулка, что здесь недалеко расположена сохранившаяся школа гладиаторов и он хотел бы поехать туда. Потому попросил нанять такси. В общем-то путь был не близкий около 100 км, от Неаполя. И поэтому в пути ждало их около полутора часов.

Они погрузились в две машины и картеж отчалил от дверей гостиницы и направился в школу гладиаторов. Это известный музей который сохранился. Они ехали по разным улочкам Неаполя, и тут Брикчерс вспомнил что он заказывал нож у определенного господина. Он попросил таксиста свернуть на ту улица им была нужна. Они подъехали к лавке Брикчерс вышел и пошел к деду. Дед хитро ухмыляясь, стоял уже в дверях своей лавки, и вытирая тряпкой руки пристально смотрел на господина.

— Вы не забили про меня господин.— сказал дед.

— Я же сделал заказ. Сколько я должен?

— 300 лир — сказа дед.

• Покупка ножей

Брикчерс кивнул секретарю, секретарь достала из кошелька 300 лир и отдала деду.

— Прошу вас господин, заходите в лавку. Вот три ножа.

Он развернул материю из черного бархата на нем лежало три клинка.

— Выбирайте.— сказал дед.

Брикчерс взял первый нож, взвесил его на руке, положил. Взял второй нож, взвесил его на руке, положил. Взял третий нож, взвесил его на руке, положил. Все три ножа были идеально сбалансированы и все три ножа были дуэльные.

— Прекрасная работа.— сказал Брикчерс.

Старик поклонился.

Брикчерс уперся в него взглядом. И спросил:

— Отец, вы же не ковали эти ножи, правда?

— Не ковал.

— Сколько им лет?

— Много, господин. Им много лет и на них много крови. Вы хорошо разбираетесь в оружие.

— Неплохо. Сколько стоят все три?
— Еще 600 лир.

Брикчерс кивнул секретарю, та достала 600 лир и отдала деду.

— Благодарю вас. Я могу забрать ножи?

— Да. Теперь он ваши.

— Позвольте я возьму и черное бархатное сукно?

— Конечно, они же в него завернуты.

Брикчерс аккуратно свернул три ножа в черное бархатное сукно. И собирался уже уходить и тут дет его спросил:

— Вы знаете что означает черный цвет в Неаполе?

— Да, знаю. Власть и богатство.

— Вы действительно имеете отношение к этому замечательному реформаторскому обществу.— сказал дед.

— В какой-то мере имею.— сказал Брикчерс и вышел из лавки.

Сев в машину он попрощался с дедом пообещав еще раз к нему заехать, чтобы проводить. И они направились в школу гладиаторов. Ехали они уже около 30 минут, и в общем-то Брикчерсу не было скучно, он разложил на заднем сидении ножи и игрался, беря в руки по парно, то одну пару ножей и вторую. Один нож был длинный, дуэльный и в общем-то он сомнений не вызывал — это дуэльный каморристский нож который использовался из века век, как для ограблений, так и для дуэли. Второй нож был короче чуть-чуть, у него была очень удобная рукоятка, и фехтовать им можно было, как обратным хватом, так и прямым фехтовальным хватом. Третий нож было очень небольшой размера, и этот нож скорей всего только использовался обратным хватом. Рукояти были очень удобные, такое впечатление что ножи были специально изготовлены только для него. Он покрутил все три ножа еще несколько минут, сложил их обратно в бархатную материю. И тут он начал думать, как он их довезет до Нью-Йорка, обратно. Но потом понял, что он просто их положит в чемодан и спокойно доедет. Эта проблема его перестала заботить. Он откинулся на мягкое кресло заднего сиденья автомобиля, надо сказать, что тогда автомобили были достаточно комфортные. И решил около 10 минут подремать. И тут он перенесся обратно, в тот момент времени, когда они с Леонардо ехали в школу гладиаторов.

— Почему наше общество называется Каморрай? — спросил молодой дворянин у Леонардо.

— Каморра — эта наука о владение оружием.

— А почему это не называется наукой о владение оружием, а называется каморрай?

— Дело в том, что это тайная наука владения оружием. Есть вещи общедоступные для всех людей. Они описаны в трактатах, они описаны в других документах. Много мастеров пишет разные документы о том, как владеть оружием, военные, просто дворянин, учёные, мудрые мужи. Но каморра — это тайное владение оружием, это то, чего не описано в этих трактатах. Тайное владение оружием делает человека не

победимым. А так как власть наша стоит на умение применять оружие, то каморра — это то, что лежит в основе нашей власти. Запомнил?

— Да.— сказал молодой дворянин.— И так каморра это тайное владение оружием, и я так понимаю мы едим, в эту школу гладиаторов для того чтобы к этой тайне и прикоснуться.

— Абсолютно верно.— сказала Леонардо.— Понимаешь ли мой юный друг, каждый человек, он к технологии применения оружия или системе применения оружия, относиться оп разному. Каждый человек он считает, что вот есть некое оружие, и достаточно научиться им владеть и это в принципе достаточно. В подобного рода организации все не так. Если ты не понимаешь глубины того что стоит за владением оружием, то у тебя ничего не получиться.

— Хорошо. Тогда объясни мне.

— Смотри, во главе всего стоит наш Святой Архангел Михаил.

— Это я понял.— сказал молодой человек.

— Отлично. Этот Святой Архангел Михаил дает тебе в руки оружие, ты как бы становишься этим Архангелом Михаилом в жизни.

— Предположим.— сказал молодой дворянин.

— Прекрасно. У Архангела Михаила всегда в руках оружие, всегда в руках меч. Но так же у него бывает и два предмета в руках: это весы — что означает поединок, то есть, это взвешивание, как бы правосудие; и фонарь — ночью. По ночам Архангел Михаил ходит с фонарем, и это и есть тайна, тайна применения оружия. Этот фонарь означает тайну применения оружия, и мы как раз пристальное внимание должны уделять фигуре с фонарем, то есть тайному применению оружия.

Вся воинская система поделена на две части, на часть монашескую и часть рыцарскую. Рыцарской части отдано три единицы этой системы, а монашеской две. Как бы система поделена пополам. Монахи изучают две части в этом обществе и учат этому простых людей. А дворяне учат три части этой системы и учат молодых дворян трем частям этой системы. Но такие как ты особенные люди в этом обществе, знаю все 5 частей этой системы. И это касается очень малого числа людей этого общества, то есть меня, тебя и еще нескольких человек. Эти люди владеют системой в полном объеме и соответственно спокойно могут противостоять в одиночку и нижней части, и верхней части этой системы. Поэтому они и руководят все.

— Прекрасно.

— Это и есть тайна. Это та тайна с которой Архангел Михаил ходит с фонарем по ночам. Тайна того, что система имеет определенного рода устройство, это знают не многие. Так вот Архангел Михаил дает нам оружие в руки для того, чтобы мы могли совершать определенные действия, которые позволяют нашим подчиненным зарабатывать деньги при помощи оружия.

— То есть грабить.— сказал молодой дворянин.

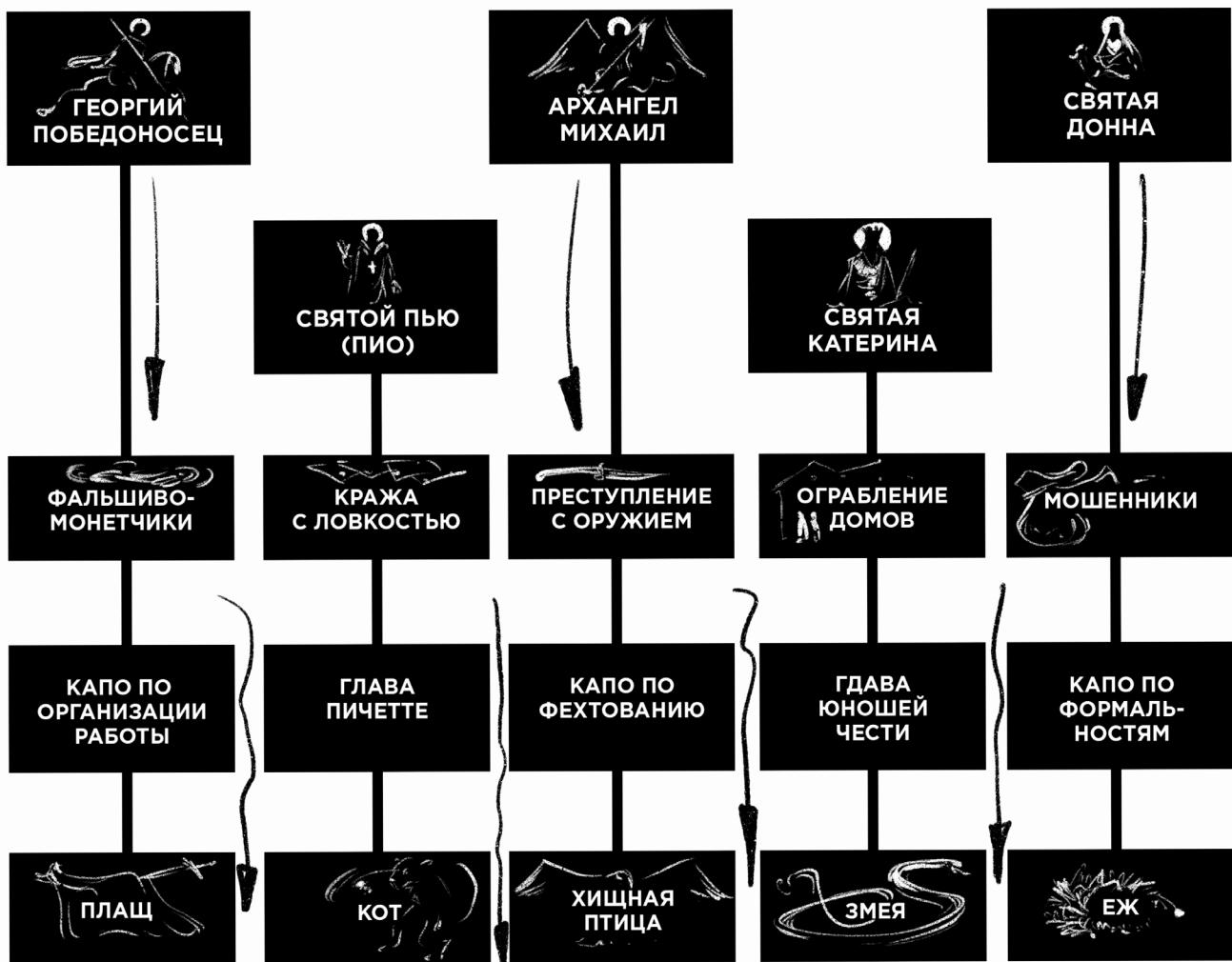
— Именно так. Грабить можно по-разному. Можно людей на большой дороги, а можно поспорить с каким-нибудь дворянином на что-то, обыграть его в бою до первой крови и получить деньги. Разные вещи могут быть. И человек, который владеет секретом этим, он является капо по фехтованию, то есть Мастеров. Символом его является хищная птица — орел. Ты, наверное, видел.

— Да во многих храмах символ норманнской системы и Испанской Империи размещен на стенах храма.

— Вот именно, и это не просто так, как ты понимаешь.

— Интересно.— сказал молодой дворянин.

— Очень. Далее, я хочу познакомить тебя с другим типом — это Георгий Победоносец. Святой Георгий расположен в Неаполе во множестве храмов и это делает наших людей способными зарабатывать деньги, то есть мы как бы открываем путь «молодому юноши чести» наверх. Это лестница которая ведет его в высшее, тайное, реформаторское общество. По сути своей, мы даем ему возможность кем-то стать. И так как это покрыто тайной, то символом этого является плащ.

И человек который умеет добывать хлеб, он становится кало организации работы.

— Я понял.— сказал молодой человек.

— Отлично. Есть, Святая Екатерина.

— Судьба.— сказал молодой человек.

— Абсолютно верно. Она покровительствует мошенникам и фехтовальщикам, но чтобы было все правильно, нужно знать все правила и формальности.

— Я понял.

— И это создает змею — это ограбление домов, это юноша чести. Дальше идет Святой Пио — это кражи с ловкостью, глава Пиччиоти, солдат наших и его символом является кот. И Убиенная Дева, Святая Донна, она покровительница мошенников, кало по формальностям и ее символом является еж.

В этот момент Брикчес пришел в себя по окончанию рассказа; они уже подъезжали к музею. Такси остановились возле музея, Брикчес вышел из такс, следом за ним и все остальные. Пройдя определенные формальности, они попали на территорию музея. Они в течение часа обошли весь музей, посмотрели на все экспонаты и экспозиции, прогулялись по развалинам которые остались от школы гладиаторов. Ничего особенного в это время на произошло. Осмотр был окончен и Брикчес приказал обратно ехать в Неаполь. Прошло не более полутра часа как они вошли в музей и до момента как они отправились обратно в гостиницу.

Он решил отдохнуть, пока едет обратно, но не давала покоя эта школа гладиаторов. Он знал, что он был в этом месте много, много, много раз, почти каждый день и именно здесь Леонардо учил его тайне неаполитанской системы, а старик священник, проводя с ним долгие вечера объяснял ту самую незримую, никому не понятную философию, которая в общем-то являлась углом этой системы. Как все взаимосвязано между собой, святые, профессии криминала, руководящие должности, подчиненные стремящиеся к этим руководящим должностям и система фехтования о которой никто никогда не слышал и про которую никто ничего практически не знает.

Эта система веками держалась в секрете, доступ к ней имели избранные лица. Интересно, подумал Брикчес, даже если ты имеешь к этому прямое отношение ты все рано ничего не понимаешь. И чем выше ты становишься, тем больше знаний к тебе об это приходит. Как грамотно все устроено. Странно другое, что я эту систему смог воспроизвести в США, даже не понимая как я это сделал. Такое впечатление, что это на каком-то бессознательном уровне у меня было заложено. Я просто делал и у меня получилась вся эта система в полном объеме. Особое внимание, что эта система и сегодня в Нью-Йорке является тайной. Меня нет на полосах газет, меня нет нигде, про меня никто не знает. Я очень богатый человек, очень могущественно лицо в криминальном мире, но при этом про меня тоже никто ничего не знает. Мои люди подготовлены на очень высоком уровне, они попросту не лью кровь. По сути свое система работает, такое впечатление, что она просто перекочевала в США из Неаполя и продолжает там работать. И я это все возглавляю как много, много веков назад в моем сне. «Очень интересно», — подумал Брикчес. Тут он на секунду задумался... и опять попал в школу гладиаторов.

Там Леонардо Чьяккио объяснял ему смысл системы.

— Смотри. У системы 5 эшелонов и 12 блоков. Она построена по принципу абордажного боя.

Первый эшелон — называется сломанное копье.

Второй — копье в обеих руках.

Третий — твердость и мягкость.

Четвертый — бьющие ноги.

Пятый — танцующие ноги.
Шестой — сила на силу.
Седьмой — разящие сверху удары.
Восьмой — сломанная устойчивость.
Девятый — дом как крепость.
Десятый — еж.

Одиннадцатый — удары в руки противника. Двенадцатый — укус змеи. По сути своей, вот 12 блоков содержание, которых неизвестно никому. Но на самом деле, если к этим блокам добавить ту систему которую я описал, меняя блок за блоком в поединке, то есть используя тот блок который необходим, с тем разделом который с ним связан — получается стройная система фехтования.

— Правильно ли я понимаю, — спросил молодой дворянин. — предположим, я начинаю с блока «хищная птица» из тех 12 блоков существуют технические элементы, связанные с этим блоком?

— Абсолютно верно — сказал Леонардо Чьяккио.

— То есть все что мне нужно, это только выбирать нужный блок в тот или иной момент времени, а так как к нему примыкают элементы, находящиеся в этих ящиках, то система становится абсолютно неуязвимой.

— Абсолютно верно. Смотри, ты всегда начинаешь с чего-то. Самая большая проблема человека, что он делает ставку на технические элементы. То есть он ищет какой-то секретный удар или какой-то секретный финт, чтобы обмануть противника. В данном случае система работает иначе, просто переходим от эшелона к эшелону в разном порядке. Представь себе, что это 5 игральных карт и всегда у меня в руках пят козырных карт, в том случае если я достаю ту карту которая соответствует той ситуации в которую я попал.

То есть я всегда бью противника, потому что я выбираю козырную карту которая бьет. А козырной ее как раз делают содержание блоков, которые на нее замыкаются, тех 12.

— То есть, если я возьму плащ, то у плаща существует связь с теми 12 блоками.

— Абсолютно верно. Давай я тебе нарисую. Вот 5 эшелонов.

Представь что это пять игральных карт. Перед тобой противник. Противник предлагает вот какую-то двигательную модель. Я выбираю карту, которая бьет эту двигательную модель и выставлю ему.

Что мне позволяет считать, что вот эта карта козырная? Сзади расположаются 12 блоков, которые наполнены техническими элементами. То есть по сути своей — это механизм и полка с техническими элементами. Каждая из этих систем связана с каждым из пяти блоков.

В результате, чтобы карта стала козырной мне необходимо вот здесь с полки взять какой-то элемент технический, подать его вот сюда, на эту карту, и соответственно механизм который реализуют, приводит в действие этот технический элемент. И когда я противопоставляю противнику эту карту, она бьет ту карту которая противника. Так как эти блоки они постоянно находятся в перемешенной колоде, то я выставляю тот блок, который эффективнее чем блок противника в этот момент времени. А техническая система срабатывает тем же самым способом, как и в общем-то я тебе объяснял в первом случае. По сути своей если мы выбираем эшелон змеи, то всегда существует ящик где лежат технические элементы связанные со змеей на полках. Я выбираю тот технический элемент, который наиболее эффективен в тот или иной момент времени, механизм срабатывает, карта становится козырной и бьет карту противника. По сути, эта схема описывает как 12 блоков взаимодействует с пятью эшелонами, которые по сути своей трансформируют технические элемент, в тот или иной момент времени боя, в победоносные.

— Хорошо. Тогда пожалуйста объясни мне,— сказал молодой дворянин.— Почему это устроено именно таким способом?

— Все очень просто, мой юный друг. Смотри. Человек он вообще без оружия достаточно слабая конструкция, если некий зверь может загрызть человека, потому что у него есть зубы, когти. То у человека ни когтей, ни зубов в том виде нет, человек не питается себе подобными. По сути, единственное что он может сделать это научиться у внешнего мира действовать с помощью оружия так, как действует дикий зверь.

— Хорошо. Я это понял.

— Теперь представь. Вот у нас есть орел, у него есть когти и клюв. Когти могут расцарапать, что-то схватить, а клюк может ударить или разворотить что-то так мало не покажется. Для этого не нужно это понимать. Но прежде чем я это стану делать, мне нужно понимать, как орел это делает. И как раз в этих 12 ящиках и лежит понимание того, как каждый из блоков, каждый из животных это делает. Когда я за действую блок, то вот это срабатывает автоматически, потому что вся тренировка как раз и заключается в том, чтобы изучить блок до того, как мы вступим в поединок. Этот блок, этот — и так 5 к 12 блоков. И когда уже эти механизмы связаны между собой, в таком случае ты становишься неуязвимым.

— Хорошо. А не мог бы ты мне это показать.

— Конечно. Бери клинок.— сказал Леонардо Чьяккио.

Я взял тупой нож, который был сломан на кончике и обмотан тряпкой, точно такой же клинок взял Леонардо Чьяккио.

— Атакуй — сказала Леонардо.

Я встал в фехтовальную стойку собираясь сделать выпад. Выпад и я до Леонардо Чьяккио не достал.

— Помнишь, как орел делает вот так крыльями над добычей, зависая как бы?

— Да.

— Вот тоже самое произошло сейчас. То есть, орел не дает под прыгнуть до себя или достать и ждет пока жертва займет такое положение чтобы на нее броситься прямо сверху. То есть отпустить эти крылья и броситься камнем на нее сверху. То, что ты сейчас увидел строго соответствует хищной птице.

— Давай же.

Следующий выпад. Выпад пришелся опять в воздух. Но в этот раз, в место того чтобы я до него не достал, он остановил клинок возле моего горла.

— Обрати внимание, что таким способом всегда действует кот.— сказал он.— То есть ты ударил, он прижался к земле, а потом прыгнул на тебя.

— Понял.— сказал молодой дворянин.

— Давай попробуем провести поединок, так тебе будет понятнее.— сказал Леонардо.— И так, смотри, давай начну атаковать я.

Вот хищная птица — выпад. Ты парируешь мою руку, и вот удар над твоей рукой, и он точно в твоем сердце — это еж.

Дальше все происходило как в каком-то волшебном сне... Леонардо Чьяккио просто называл плащ, кот, еж, хищная птица, змея, еж, кот, и так далее. Он как бы проводил технические элементы и просто называл имена тех животных которых он использует в настоящий момент времени для того чтобы получить результат в поединке. Технические элементы не повторялись, и я в общем-то не мог ничего делать.

— Прекрасно.— сказал Леонардо Чьяккио.— Ты смысл, устройство системы должен был понять.

— Я понимаю абсолютно.— сказал молодой дворянин.

— Теперь давай возьмём кого-то из людей находящихся здесь.

Он пригласил парня, стоящего не далеко и смотрящего на наш поединок. Он взял нож.

— Теперь попробуй ты.

Поединок получился достаточно корявый. Первую часть поединка выиграл мой оппонент, вторую часть поединка выиграл я. То есть ничья в общем-то Чьяккио устроила.

— Теперь все что мы будем делать — это учиться связывать вот эти карты с блоками ящиками, в которых расположены технические элементы. И умно действовать механизмы для того, чтобы срабатывал тот технический элемент который необходим в тот или иной момент времени, который делает мои движения козырными. То есть карта становится козырной и бьет карту противника. В этом и будет состоять наша тренировка.— сказал Леонардо Чьяккио.

Брикчерс очнулся в автомобиле до Неаполя было еще минут 10, они уже ехали по улицам. Все было в общем-то очень загадочно, как во сне. Я вспоминал все больше и больше с каждым днем.

В гостиницу мы приехали около 16 часов после полудня. Хорошо пообедали и пошли отдохнуть. Я пытался заснуть, но заснуть не мог, я многократно прокручивал в голове каждую тренировку Леонардо Чьяккио и вспоминал все больше, больше и больше. Раньше все эти движения были у меня на уровне инстинкта, я как бы делал эти вещи, но не понимал откуда они у меня. Теперь я все больше и больше начинал понимать откуда это. Очень скоро я мог бы написать книгу о системе Леонардо Чьяккио. Интересно, а как же разделяется монашеская система и рыцарская в нашем обществе? Я начал вспоминать и припомнил, не проваливаясь никуда, что Леонардо Чьяккио говорил, что эшелоны змея и кот — соответствуют монашеской системе.

А эшелон — плащ, хищная птица и еж — соответствуют рыцарской системе.

То есть кто-то, скорей всего Леонардо Чьяккио мудро раздели всю систему на две части: на рыцарскую и монашескую.

Монашеская — учила простых людей и делала для нас солдат. А рыцарская создавала новых рыцарей, умеющих владеть оружием, которых мы называли каморристами, происходя от слова — умение владеть оружием. То есть получается, что солдат он умеет владеть оружием как солдат, а дворянин он умеет владеет оружием как дворянин.

То есть начальник должен быть сильнее чем подчиненный. Для этого в общем-то он и осваивает совершенно другую систему, для того чтобы подчинять себе нижний уровень. Мало того, система монахов она больше предназначена для борьбы в городе. А рыцарская система больше предназначена для борьбы на поединке, на дуэли между собой.

Рыцарская система она предназначена против такого же дворянина, как и ты. А монашеская — против людей, ходящих по городу или других людей, которые противостоят структуре на улице. Очень интересно, подумал Брикчерс. То есть по сути солдат учат священники, а новых дворян делают дворяне. Прекрасная идея. Такая организация дает каждому члену то, что ему необходимо для того чтобы ему быть успешным в повседневной жизни. На дворянина вряд ли нападут люди на улице, так как он один практически не ходит, он всегда ходит в каком-то составе. И даже если нападут, то у него шпага и кинжал, и в общем-то ножом против такой пары работать очень неприятно. А люди ходят без оружия, они как бы прячут ножи от людского глаза и если им приходится владеть ножом, то только против ножа. И поэтому кот и змея отлично обеспечивают поединок ножа против ножа. А плащ, хищная птица и еж — прекрасно обеспечивают дуэль на шпагах и кинжале. Но тот, кто знает и то, и то, может владеть любым видом оружия, и тот и держит общество, так как у него в руках Каморра,— тайное знание о владение холодным оружием.

Палермо.

Слепящее и обжигающее солнце не щадит ни единой души, безмолвно становясь свидетелем всех происшествий. На одной из уличек — настоящее столпотворение машин. Несколько человек выходят из здания... Это карабинеры забирают Джузеппе в полицию.

Как только его доставили в управление, сразу же начались бесконечные допросы, «где он был, что делал». Джузеппе просто молчит и всё. Ему следующие вопросы задают, но он никак не реагирует и продолжает молчать.— Я не знаю о чём вы говорите. Я никого не убивал и ничего не знаю.— это единственное, что от Джузеппе в принципе смогли добиться.

Полиция мучает его вопросами, он молчит, следователи меняются, он молчит... Так длилось почти восемь часов. И вдруг раздаётся звонок, заходит респектабельный человек в идеальном дорогом костюме, с кожаным кейсом и говорит. Я адвокат Валенси, вы наверняка слышали обо мне. Да, к несчастью слышали, ответил следователь. Вот и прекрасно. Это мой подзащитный. Что вы ему инкриминируете? Убийство. Предъявите доказательства в таком случае. Мы подозреваем его... Это очень хорошо, наверное, что вы его подозреваете, если у вас нет доказательств, то вы должны были отпустить его еще два часа назад. Либо вы сейчас предъявляете ему обвинение, либо, извините, мы отсюда уходим. Карабинерам ничего не оставалось делать, как отпустить Джузеппе, доказательств у них не было. Адвокат забрал его из управления карабинеров, они спустились вниз, сели в припаркованный Альфа Ромео, и поехали прочь.

— Куда мы едем, спросил Джузеппе
— В офис

Они подъехали к офису адвокатской конторы и поднялись в кабинет. Это был шикарнейший офис, всё в старине, мебель из красного и чёрного дерева, прекрасная бескрайняя библиотека, обставленная с утончённым вкусом.

— С тобой хочет поговорить наш босс, генеральный директор,— сказал адвокат Валенси и указал рукой на кресло. И вдруг, на глазах немало удивлённого Джузеппе, из кабинета напротив выходит Магниус, но уже не в сутане, а в идеальном деловом дорогом костюме, в руках у него трость.

— Здравствуй, сын мой.
— Вы адвокат? — с изумлением воскликнул Джузеппе.
— Да, мальчик мой. Я адвокат.
— Но вы же... священник!

— Одно другому не мешает,— улыбнулся Магниус. В миру я — адвокат, а для Бога я священник.

Магниус посадил его в кресло за стол.

— Ты молодец. Я в тебе не ошибся. Ты мастерски выдержал четвертое испытание, тебя ждет награда за всё за это. В этот миг Магниус протягивает Джузеппе золотой перстень с чёрным камнем, в углу которого был бриллиант. Это тебе мой подарок. А следом придвинул к нему толстый конверт, заполненный деньгами. Это награда за преданность. Возьми деньги и потрать, как ты считаешь нужным. Сейчас тебя отвезут домой.

Когда он зашел в ресторан, там уже не было посетителей, только Винченко сидел за столом и что-то рассматривал в бумагах. Он, завидев Джузеппе, был очень рад, они обнялись.

— Я так за тебя переживал, брат мой, я думал, что они посадят тебя в тюрьму — сказал Винченко.

— Нет, Винченко, всё в порядке, все претензии власти с меня сняли. Меня забрал из управления адвокат, и он же меня и привёз сюда. Так что всё в порядке.

Друзья посидели еще какое-то время, и Джузеппе сказал, что хочет развеяться, пройтись по городу. Джузеппе пошёл по магазинам, тратить деньги, покупать себе костюмы... Зашёл к своему другу, который занимался ремонтом машин.

— Антонио, я тут денег заработал, подбери мне какую-то машину приличную

— Ты знаешь, есть у меня одна машина, она стоит у меня в гараже, здесь совсем рядом. И стоит не таких больших денег, очень хорошая машина. Она не новая, но я её полностью перебрал. Я собирался её продавать, но не хотелось в плохие руки, жалко, потому как сделал её хорошо. Но тебе друг, продам. Пошли, покажу тебе красотку. Он повёл Джузеппе в свой гараж — там стояла великолепная, зеленого цвета Альфа Ромео. Он назвал приличную цену, и Джузеппе сразу же ее забрал. Он сел за руль. Джузеппе был очень счастлив и доволен. В ресторан он вернулся уже на своём автомобиле. Винченко, увидев эту картину, раскрыв рот, выпучив глаза, воскликнул — Джузеппе, где ты взял эту красотку? Ты что утнал её? — засмеялся он.

— Монах подарил, — сказал Джузеппе. Винченко немного поменялся в лице

— Странно, то он для нас двоих всё делал, а теперь подарил машину тебе.

— Не знаю, Винченко, мне неведомо. Магниус сказал купит машину, я купил.

И действительно, подумал Винченко, сказали, пошёл — сделал. У нас тут много не болтают.

С тех пор они вдвоём начали ездить на этой машине, гулять, развлекаться и т.д. К этому времени они успели подыскать себе двух смышлёных мальчишек в квартале, которые за них помогали в ресторане матери... то они сами занимались делами, то кому-то поручали, гуляли, развлекались. Так время и шло...

И в один из вечеров, они как обычно собирались ехать гулять, но пришел Магниус. Одет он был в деловой костюм и говорит

— Джузеппе, я хочу, чтобы ты меня отвёз на машине в одно место.

— Конечно, падре. Куда скажете.

Винченко остался в ресторане.

Едем за город. Выезжай на трассу. Они миновали улочки Палермо, вышли на прямую трассу, повернули налево

— Езжай в Багерию,— сказал Магнус.

И вот, уже в Багерии Магниус скомандовал вправо, по объездной ..
так он ехали, ехали по серпантину, впереди виднелись очертания храма,
с левой стороны — вилла.

— Вот возле той виллы и остановись. Джузеппе в точности выполнил все указания.

— Выходи из машины — сказал Магниус. Джузеппе повиновался. — Давай зайдем в храм, встретимся с господом, предложил Магниус. Внутри стояла огромная статуя Мадонны. Они помолились.

— Идём, я покажу тебе новый дом, в котором ты будешь жить — неожиданно сказал Магниус. Глаза Джузеппе стали больше фар на его новой машине. Пошли, пошли, — улыбнулся Магниус. Этот дом достался нашей организации по наследству. В нём жили великие люди. Но, прежде чем я тебе отдаю ключи, я тебе расскажу об этом. Они сели на веранде, в доме уже была прислуга, они принесли им вино, еду, фрукты. Этот дом, сын мой принадлежал, сыну великого Франческо Виллардита — его звали Джузеппе, Джузеппе Виллардита. В этом доме родилась наша организация и начиналась она с десяти человек, с десяти разбойников, которые жили в окрестностях Багерии и грабили людей. А этот Благородный человек, Джузеппе Виллардита, сделал из них достойных людей, дал им кров, еду, поставил себе на службу и они его не подвели. Из этого мы все и исходим, сын мой. У него был крёстный отец, монах, по имени Магнус.

— Почти как вас звали его, падре.

— Вот именно.

Жизнь Джузеппе Виллардита, сын мой, — это жизнь достойного человека. А наш господин, которого мы поминаем каждый день в наших молитвах, Франческо Виллардита, это Бог. Запомни это. И каждый раз, когда ты подходишь к зеркалу, ты встречаешься именно с ним, с его жизнью, с его подвигами, с его самопожертвованием, сего честью, достоинством и его правильными поступками. И поэтому, каждый достойный человек, должен жить так, как жил Франческо Виллардита, как жил потом его сын и как стремится жить каждый из нас. Магниус закончил свой рассказ о младшем Виллардите, они как раз закончили ужин, Магниус отдал ему ключи от дома, документы на его имя: с этого дня он твой, сын мой. Ты можешь жить здесь, все слуги твои, всё оплачено на много-много лет вперед. Тебе ни о чём не нужно беспокоиться. Живи, работай, развивай бизнес. И последнее, ты тебе предстоит ещё раз встретится с Господом, потому что ты должен услышать еще об одном великом человеке, который был задолго до нас. Идем же в храм.

Они снова вступили в храм, в котором высилась подсвеченная мягким сиянием статуя Мадонны. В стороне от неё находилось... зеркало! Внешне оно выглядело почти так же, как и зеркало из детства, через которое Бог говорил с ищущим ответы Джузеппе.

Магниус подвёл его ближе. Джузеппе, всматриваясь в темнеющую бездну зеркала, ожидал увидеть того самого монаха, который открывал ему двери к Богу.

Монах действительно стоял подле резной мраморной стены, на которой в дорогой раме висела огромная картина.

Вглядевшись пристальнее, Джузеппе понял, что этот был портрет человека с волевыми чертами лица. Но он не знал этого Человека.

Зато он определённо знал тех двоих людей, которые стояли подле того портрета — да, это был монах Магнус и его воспитанник, Джузеппе.

— Это Великий человек, которого и при жизни все величали святым.

— Это он был командиром моего отца?

— Да, святой Иеронимо Санчес де Карранза — Командор Ордена Иисуса Христа, дворянин, учёный, изобретатель, Гений, создатель победоносной Испанской школы, Маэстро Дестрезы, тот, кто воспитал триумфаторов, людей, которых никогда не было и более не будет.

— Это ему мы обязаны священной Дестрезе? — спросил монаха молодой человек.

— Да. Все знания Иеронимо Санчес де Карранзы оставил всем последующим поколениям в одной книге — он назвал её «Философия оружия». В ней описаны все причины того, как человек вправду может менять этот мир, и как этот нелёгкий труд делает его сильным, а итог — наделяет безраздельной властью, природа которой — божественна.

Книга эта состоит из четырёх частей или четырёх диалогов... ровно как и Мир вокруг тебя образуется как результат взаимодействия четырёх категорий: Бог, Жизнь, Наставник, Ученик.

Бог — он всюду, всегда, вне и внутри тебя. Богу ведомы все тайны. Бог — внутри Мира, а сам Мир — внутри Бога. Но чтобы человеку познать Бога, ему мало родиться человеком. Прежде ему надлежит осмыслить, что он должен быть учеником. Мудрецы говорили, что когда ученик готов, Наставник тут же появляется. И вправе ученика просить Наставника помочь ему и вести к Богу, равно как и вправе Наставник принять ученика или не принять, ежели тот причину стремления своего объяснить не способен или не готов. Наставника от учителя и прочих пород людей отличает одно — духовная роль. Эта роль призвана обеспечить взаимодействие Ученика и Бога. Не способен ученик без Наставника познать тайны Бога и уподобиться ему по свойствам. Особенно поначалу: он слишком самоуверен, себялюбив, недисциплинирован и банально глуп. Кто-то должен ему рассказать об истинном положении вещей. И способен это сделать только Наставник, который не только пищу для ума даёт, но и создаёт условия, чтобы ученик его рос, шёл только ввысь и не падал духом, когда встречает сложности на своём пути.

Жизнь же нам отмеряна ровно таким образом и так скроена, чтобы человек сумел, научившись слушать и слышать своего Наставника, познать через него Бога и прийти к Богу. И, уподобившись Богу по свойствам, сотворчествуя с ним, менять этот мир.

— Уподобиться Богу по свойствам? Неужели возможно?

— Джузеппе, ты сейчас смотришь на того самого Человека, на святого, который смог невозможное — привести в этот Мир Бога — твоего отца, Франческо Виллардита.

Всего поплыло как в тумане, что, прочем, происходило уже давно не в первый раз. Джузеппе выдохнул, посмотрел на Магниуса и улыбнулся.

— Что же, раз всё закончилось, поехали домой? — Предложил Магниус. Джузеппе так и сделал. Монах попросил остановить автомобиль около того же ресторана, откуда они приехали. Затем вышел из машины и куда-то исчез. Джузеппе так и не понял, куда. В ресторане же его ждал Винченсо, изрядно подтасчиваемый любопытством.

— Куда вы ездили?

— В Багерию. Он мне показал один дом, сказал, что надо за ним присмотреть, посторожить. Джузеппе решил не говорить Винченсо, что это его дом, после того, как он вспомнил его реакцию на машину. Не стал он ему правду говорить, что это его дом. Поэтому я буду теперь жить там, смотреть, чтобы там ничего не случилось, если хочешь поехали со мной, вместе будем там.

— Я буду к тебе приезжать, то с матерью буду, то к тебе буду приезжать.

— Как тебе удобно. А теперь мой друг, не желаешь ли ты погулять? — задорно предложил Джузеппе. Они взяли деньги, сели в машину и поехали гулять. Они приехали в ресторан, где они часто любили отдыхать, заказали вина. Взор Винченсо привлекла женщина, входящая в двери. Это было мама, а с ней две её дочери. Парни отметили, что девушки были достаточно красивыми. Вечер был приятным, все улыбались и разговаривали. Вдруг к столику, где сидела женщина с дочерьми подошел директор ресторана, что-то ей сказал на ухо, и женщина встала и ушла. Сказав, что ей нужно по делам, а девочки могут остаться здесь. Девушки остались одни за столом.

— Смотри, какие красивые дамы, Джузеппе. Давай пригласим их к нам за стол.

— Приглашай, твоя воля.

Винченсо проявил все свои качества Дон Жуана, дамы захищикали, он очень корректно пригласил присоединиться к ним с другом за стол. В общем, вечер шел прекрасно, они пили вино, разговаривали и Винченсо с одной из девушек очень приглянулись друг другу, они общались друг с другом, всё пошло как-то правильно предложили прогуляться по городу. Джузеппе сказал, что он бы остался здесь, так и получилось, Винченсо ушел гулять, а Джузеппе остался с одной из девушек за столом. Они поговорили, но разговор у них как-то не клеился. Давайте я вас домой отвезу и поеду дальше заниматься своими делами, — предложил он даме. Так я в общем-то дома уже, сказала девушка. Я живу здесь за углом. Это ресторан друзей нашей семьи. Поэтому мы с мамой сюда и ходим иногда ужинать. Джузеппе попросил счёт, рассчитался и провел девушку, сел в машину и поехал в свой ресторан. Поставил машину, сел в угол за стол, где они всегда сидят. Посетителей уже практически не было, он пересмотрел какие-то бумаги, рабочие убирались на кухне. В этот момент зашел Магниус и сел к нему за стол.

— Где твой друг — спросил он.
— С какой-то девушкой пошел
— Прекрасно. А ты чего с девушкой не пошел?
— Как-то не склеилось...
— Видишь, какие вы разные с твоим другом. У него и с девушками клеится в отличии от тебя,— сказал Магниус. У Винченко всё в жизни хорошо получается, а у тебя всё закрыто и тайно, ты ему даже про дом сказать не смог. Это говорит о том, сын мой, что ты становишься настоящим членом организации.

Джузеppe несколько был задумчив. Как-то не очень, Магниус, что ж хорошего, что у меня с девушками не клеиться.

— Пойдем со мной, сын мой, я тебе кое-что объясню.

Они шли по кварталу, по Эмануеле Витторио, направляясь в храм. Они молча подошли к зеркалу.

Спустя несколько минут в зеркале начинали плавно проявляться очертания какого-то алтаря. Это был именно алтарь, позади которого, вместо икон, статуй и изображений, прямо на мраморной стене, было выгравировано огромное Древо.

Отовсюду единовременно зазвучал низкий властный голос, как будто симфонический оркестр обрушился на глазеющего Джузеппе. При этом в храме у алтаря, более никого не было, но молодой человек точно знал — обладатель голоса словно разлился повсюду, проникая во все уголки и заполняя собой все пустоты.

Сын мой, преклони колено, ибо то, что ты видишь — это Дреов Познания, Древо науки. Это оплот и основа нашего общества Чести.

То, что ты видишь сейчас, что воплощено в твоих верных братьях по крови и убеждениям — это истинный сад. Сад из роз, над которым благодатно сияют звёзды, и в котором таких как ты, молодых людей, посвящают в Людей Чести.

Сегодня наше общество — это огромное разросшееся Древо. Но Стебель — это Капо общества; ответвления — те, кто заведуют финансами и обычный мастера; ветви — это камористы по крови, ветки помельче — гарибальдийцы и фехтовальщики; цветками являются молодые люди чести; опадающие листья древа представляли собой предателей Общества Чести, которые в конечном итоге, гниют у подножия дерева науки.

В основе дерева — расположена могила, что напоминает о единственно возможной участи для упавших листьев. Это смерть.

Семя, попавшее на благодатную почву, давшее побеги, листья и плоды — это и есть то Древо, которое рукотворно возводит каждый из нас. И это — твоя Судьба.

Когда Джузеппе очнулся, он понял, что Магниуса рядом нет. Он исчез. Он был под сильным впечатлением от увиденного. Молча он вышел из храма. Он поднял глаза и увидел, что напротив храма стоит машина.

• Встреча с девушкой .

В машине зажжен свет, поднят капот, в самом автомобиле сидит девушка и отчаянно плачет.

— Почему вы плачете? — спросил Джузеппе.

— У меня сломалась машина, и я не знаю, что мне теперь с ней делать.

— Давайте, я вам помогу.

Заплаканная и расстроенная девушка, всплеснув руками, молча вышла из машины. Джузеппе отметил, что она была необычайно красива.

Джузеппе посмотрел под капот и сказал:

— Здесь мы её точно не починим. И потому, у меня есть предложение. Закройте машину, пусть она здесь стоит. В двух кварталах отсюда возле ресторана стоит моя машина, я вас могу отвезти домой, куда вам нужно, а уж там вы разберетесь потом, что делать с вашей машиной, как вызвать службу, чтобы они забрали на ремонт её.

— Это было бы идеально, — сказала она.

Они пошли по улице, подходят к его машине, Винченсо еще не вернулся. В ресторане еще горел свет. Хотите чашку кофе? Да, я замерзла, и кофе мне точно не помешает. Так они разговорились. У них получилась очень интересная, содержательная беседа. Они допили кофе и Джузеппе спросил. Где вы живете? Куда вас отвезти?

— В Багерии.

— Прекрасно, я тоже там живу. Нам по пути.

Приезжают в Багерию и оказывается, что она живёт совсем недалеко от его виллы. Он довозит её до дома, она прощается с ним. Тут уже стоят мама и пapa, вся семья высыпала посмотреть, кто же этот молодой человек, который привёз их дочь, как обычно в Сицилии, здесь по-другому не бывает. Джузеппе открыл ей дверь, помог выйти. Вот ваша дочь. И Джузеппе уже собирался уезжать, как она смотрит на маму и говорит,

— Джузеппе, вы меня привезли сюда, вы мне помогли, родители считают, что без чашки кофе вас отпустить домой будет неприличным. Так что прошу вас в дом, мы вас хотим отблагодарить, примите наше приглашение, пожалуйста.

Джузеппе стоит у автомобиля с открытой дверью, какой-то лихой вереницей в голове проносятся разные мысли, в том числе, соображения, идти к незнакомым людям или не идти. В конце концов, он закрывает машину и направляется в дом.

Приехал в отель. Пойдя отдохнуть, поверочавшись на это кровати, спать не хотелось. Брикчерс вышел на балкон, для того чтобы выкурить сигару. Сел на стул, с видом на Неаполь и решил выкурить сигару и прииться размышлением. Курил он не долго и видимо вот это дыхание сигарой, рюмка коньяка на столе, его расслабила, его мысли поплыли в глубину Неаполя, уже солнце садилось, и он в общем-то попал в некое пограничное состояние между сном и реальностью. И он увидел, как на его глазах какая-то птица, она вспорхнула со своего места, полетела куда-то в кварталы Неаполя и в общем-то исчезла в темноте кварталов Неаполя.

И вот в этот момент времени он как бы очнулся на освещенной фонарями улицы с ножом в руке. И он всегда вспоминал эту дуэль смутно.

Он дворянин и ему надлежало фехтовать шпагой и кинжалом, но в этом случае кроме ножа нельзя было ничего использовать.

Напротив него стоял тот самый молодой человек, с которым они познакомились и подружились, уличен в предательстве. Они молча стояли в квартале друг на против друга, под светом фонарей, молодой дворянин смотрел ему прямо в глаза и вот этот второй парень сказал:

— Кроме тебя об этом никто не знает. Давай договоримся и все останется тайной, тебе же от этого только лучше будет.

Молодой дворянин смотрел ему в глаза стоя на против него с опущенным клинком в руке.

— Ты помнишь, что ты говорил в храме? — сказал ему молодой дворянин. — Ты обещал отдать свою жизнь за общество. Помнишь?

Тот растерянно смотрел на него.

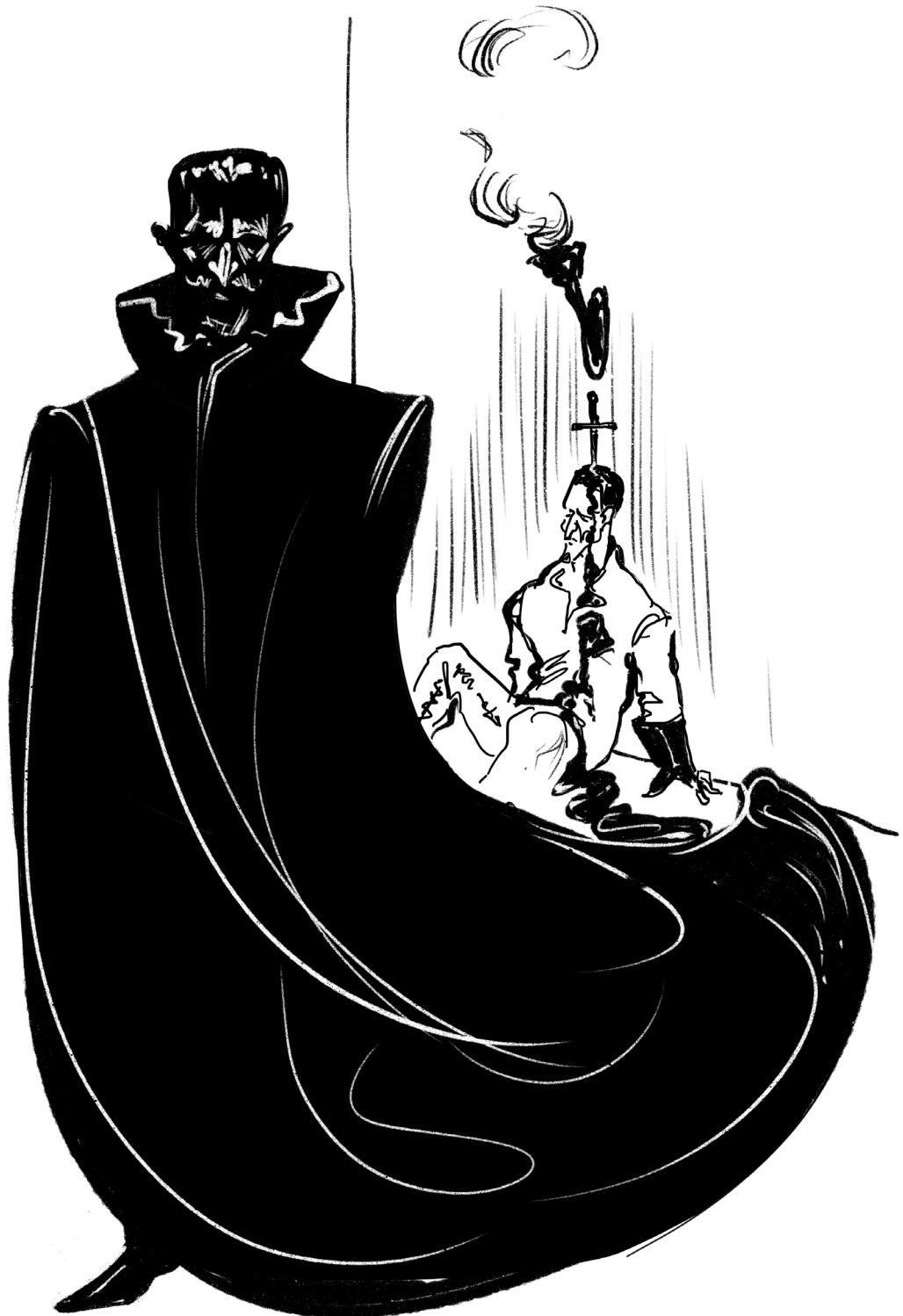
— Отлично. Вместо этого ты предал общество. Подымай нож, и пусть Бог решит кто из нас прав. — сказал молодой дворянин.

Парень нехотя поднял нож, и пошел в левую сторону от молодого дворянина, тот в свою очередь начал движение в правую сторону. Нож его был взят фехтовальным хватом и зажат в левой руке, рука опущена вдоль тела. Нож у второго парня был в правой руке и выставлен вперед. Противники сблизились. И парень, казавшийся вялым и ни на что не способным, резко сделал выпад в сторону молодого дворянина. Но клинок прошел вдоль груди дворянина, а нож ударили строго, по ранее намеченной траектории, в основание руки, в подмышку. Страшный вопль разразил квартал... Нож выпал из руки нападающего. Молодой человек сел на колени, зажав рану.

— Ты будешь убивать меня безоружного? — спросил он

— Нет. — сказал молодой дворянин. — Бери нож левой рукой.

Противник продолжал сидеть на корточках смотря на то как капает кровь из раны и на валяющийся неподалеку нож. Молодой дворянин переложил нож в правую руку взяв его обратным хватом. И вдруг неожиданно второй человек схватил нож левой рукой и снизу-вверх ударил своего противника, но эти усилия оказались четными. Молодой дворянин ушел от удара в обратную сторону и как зверь на охоте ударил своего противника в снование черепа. Нож зашел по самую рукоятку! Была зловещая тишина, ни души на улицы. Противник лежал носом вперед, упавши, и распластавшись на мостовой. А в основание черепа, как крест на храме, был воткнут нож.

— Вот это и есть каморра.— сказал про себя молодой дворянин и медленно пошел прямо, скрываясь в темноте квартала.

• Встреча с
КАПО
общества

Брикчерс очнулся, во дворе уже стояла ночь. Никто его не беспокоил, ни каких стуков в дверь, тишина. Он походил немного по своему номеру. Приказал принести ужен в номер, пригласил секретаря, и стал придаваться трапезе. Они разговаривали о Нью-Йорке, о Неаполе, о происхождение и о семье его секретаря. Она рассказывала ему, не закрывая рот, о Неаполе, насколько он красивый, сколько всего мы не успеем еще посетить. Брикчерс очень внимательно ее слушал, ел, и где-то в середине сказал,

- Я хочу завтра пойти к этому старику, который мне сделал ножи.
- Будет исполнено, ни каких проблем. Я обо всем позабочусь.
- Где Антонио и Альберто?
- Стоят перед дверями.
- Сейчас закончим есть и ложимся спать.— сказал Брикчерс.—

Завтра поедим и с утра пойдем к этому старику.

Они доели. Секретарь нажала кнопку, пришли официанты, все убрали, ароматизировали комнату, чтобы не пахло едой. Брикчерс снял с себя костюм, переоделся в пижаму, взял книгу об истории Неаполя, и пошел в кровать ее читать. Включил свет себе и начал ее читать. Рассказчик истории Неаполя был не очень, он писал не интересно, Брикчерс прочитал несколько страниц, она ему не понравилась, он бросил книгу рядом на тумбочку и решил спать. Ночь пролетела незаметно.

Утром Брикчерс встал, принял все водные процедуры, хорошенько побрился опасной бритвой. Одел свежий костюм, свежую рубашку, свежие туфли, нажал кнопку и приказал всем спускаться к завтраку.

Они достаточно плотно позавтракали и как обычно вышли из гостиницы около 11 утра.

- Идем в квартал к этому деду.— сказал Брикчерс.

Дорога как обычно заняла около 40 минут. Когда они подошли к лавки, дед сидел на скамейки возле лавки и что-то пилил напильником.

- Здравствуйте.— сказал Брикчерс.

— О... мой господин, здравствуйте. Как вам изделие, которое я вам предложил? Они пришли в пору?

— Прекрасные клинки. Я надаюсь что они мне очень долго послужат.

- Несомненно, мой господин.

- У меня к вам просьба.— сказал Брикчерс.

- Какая? — удивился дед.

- Пригласите меня на ужен пожалуйста.

- Вы имеете ввиду в ресторан?

- Нет, к себе домой.

- Я готов все оплатить.

- Но я очень бедно живу, мой господин.— сказал дед

— Ничего. Вот деньги, не могли бы вы организовать ужен у себя дома. Я хочу поужинать в настоящей неаполитанской семье. Это моя просьба, не более. Если вы не согласны, вы можете отказаться.

— Чего же мне отказываться. Все организуем. Живу я тут, неподалеку в двух кварталах. Так что приходите сегодня, через 2–3 часа и мы вместе с семьей будем рады вас видеть.

— Прекрасно.— сказал Брикчерс.

Секретарь отдала деньги старику, и они пошли гулять дальше по кварталу. Два часа пролетело незаметно. Когда они вернулись в тот квартал где располагалась лавка, они без труда отыскали дом владельца лавки и один из охранников постучался в дверь.

Дверь открыла миловидная неаполитанка, видимо дочь этого деда и пригласила внутрь. Мы прошли по крутой лестнице вверх, она наверное была в двадцать ступенек, не меньше. Было достаточно неуютно, узко, по этому всем практически пришлось пригнуться пока поднимались по этой лестнице. Но когда мы вышли туда, мы охренели, перед нами был огромный, очень дорогой дом, на веранде этого дома был накрыт ужин, по самым крутым стандартам неаполитанским, которые только могут быть. Стояло старинное дорогое вино. Наш владелиц лавки вышел в дорогом костюме, в шляпе. Все семейство собралось за столом. Брикчерс спросил куда можно присесть, ему любезно указали место. Рядом расселись все остальные.

— Здравствуйте, Капо общества.— проговорил Брикчерс.

— Здравствуйте, дорогой господин.— проговорил капо общества.— Откуда узнали? — спросил капо общества у Брикчера.

— Я вижу вещие сны.— ответил ему Брикчерс.

Люди поняли друг друга, и хозяин дома предложил начать ужинать.

Ужин был прекрасным. На столе была и дичь, и мясо неаполитанское, огромное количество закусок. Дамы были крайне приветливы.

— Почему вы держите лавку? — спросил Брикчерс

— Мне так удобно.— сказал капо общества.— Я нахожусь среди народа, все вижу, ко мне все приходят, все рассказывают. Меня не считают богатым человеком, я зарабатываю небольшие деньги, якобы содержу свой дом и семью. Все как положено, законы жанра.

Прекрасно, подумал Брикчерс, у нас в Нью-Йорке такого нет, подумал он про себя, ну да ладно Нью-Йорк, есть Нью-Йорк — столица сумасшедших людей.

— Да... красиво у вас здесь.— сказал Брикчерс

— Этот дом мне достался по наследству.— сказал капо общества.— От родителей.

— Прекрасный дом.

— Да, мне очень нравиться, и очень нравиться моей семье.

— У вас прекрасная жена, прекрасные две дочери.

— Да, мой господин, действительно, здесь очень неплохо. Моя семья живет в Неаполе уже много-много лет. И мой статус он предполагает определенного рода деятельность, которая поддерживает порядок в этом районе города.

— Да, это я знаю.— сказал Брикчерс.

— Вы имеете отношение к этому прекрасному обществу? — спросил еще раз старик.

— Имею, только живу я в Нью-Йорке, а не в Неаполе, и наше общество находится там.

— Интересно. Никогда бы не подумал, что неаполитанское общество иммигрировала в Нью-Йорк.

— Я сам никогда не думал об этом. Так просто сложилось исторически, я так думаю.

— Да, прекрасно. У нас здесь существует легенда, что в этом доме, в свое время, молодой глава общества встретился с великим человеком.

— Интересно. Я бы хотел послушать эту легенду. — сказал Брикчерс.

— Все было очень, очень давно. Молодой глава общества, убивший предателя и завоевавший огромное уважение всего Неаполя, был представлен в этом доме Франческо Виллардита, хозяином соседней Калабрии.

— А кто это? — спросил Брикчерс.

— Ооо... молодой человек. Франческо Виллардита считали Богом при жизни. Этот человек был настолько великого ума и великих совершенств, что нынешним укладом жизни вся Европа обязана этому человеку.

— Очень интересно. А существует что-то, где я могу у знать об этом человеке?

— К сожалению, это было очень-очень давно и, наверное, все что есть, и все что могло быть, давным-давно исчезло. Я думаю, что даже в неаполитанской библиотеки нет ни одного упоминания об этом лице. А может быть если и есть, то где-то вскользь.

«Интересно», — подумал Брикчерс:

— Здесь в этом доме, ваш пра-пра-пра-предок организовывал встречу для молодого дворянина и знаменитого Франческо Виллардита?

— Именно так.

— А почему был выбран именно ваш дом?

— Мой пра-пра-пра-прадед был главой общества этого района. Молодой дворянин дружил с ним, и предложил этот дом в качестве встречи. Франческо Виллардита понравилась эта идея, и они с Леонардо Чьяккио прибыли в этот дом, для того чтобы представить Франческо Виллардита этого молодого дворянина. Это все что мне известно от родственников.

— О чем был разговор? — спросил Брикчерс

— Говорят, что вот этот Франческо Виллардита открыл молодому дворянину, здесь в этом доме, тайну жизни и смерти.

— Он знал тайну жизни и смерти? — удивился Брикчерс.

— Говорят, что да, говорят, что знал.

Как Брикчерс не пытался вспомнить, он ничего вспомнить не мог, не получалось.

Они поговорили еще достаточно длительный промежуток времени, около двух часов. Брикчес все пытался выяснить побольше информации о Франческо Виллардита. Но так ничего и не добился. После этого они поблагодарили старика за ужин, обнялись, поцеловали друг друга дважды. Вызвали машину и каким-то образом, какой-то человек позаботился, по приказу хозяина дома, о том, чтобы вызвали две машины такси. Машины подъехали к дому и Брикчес, изменив свои привычки гулять пешком, поехал обратно в отель на машине. Сделал он так, потому что, завтра нужно было ехать обратно в Рим, а оттуда вылетать в Нью-Йорк.

Придя в гостиницу, он приказал собрать вещи.

Дорога назад, в Рим, прошла в размышлениях о том, о чем же говорил Франческо Виллардита в этом доме. Ничего вспомнить так и не удалось. Прибыв в Рим, они прибыли в аэропорт на такси, стали ждать рейса. Рейс был строго по расписанию. Усевшись в самолет, Брикчес мысленно попрощался с Неаполем, мысленно попрощался с Римом, с Италией. Самолет пошел на взлет, оторвался от взлетной полосы и взял курс на Нью-Йорк. Спать не хотелось лететь было, какое-то количество часов (посмотрите сколько тогда летали по часам). Достал блокнот, написал в заголовки «Тайна жизни и смерти Франческо Виллардита» — и в одну секунду вспомнил все. Вспомнил весь разговор, который состоялся в этом доме много-много-много лет назад. Он четко помнил каждое слово. Он видел женщину в храме, когда он становился главой общества, с кинжалом в груди, одетую во все черное, женщину, подсвеченную светом мистических факелов.

Он знал, почему она является символом всей криминальной структуры Юга Италии. И он знал, КТО такой Франческо Виллардита.

•Разговор с Виллардита

Матиас был непреклонен.

— Никаких бежать, мы в точности выполним приказ. Дождемся утра, а затем вернемся к господину Виллардита, как и было велено.

Капитан, я тебя уважаю, но нам надо спасти свои шкуры, и бежать отсюда, пока есть время...

Никуда бежать не нужно,— был прерван спор гулким голосом доносившийся с верхней террасы, из уст человека стоящего во все черное.

Это был Франческо Виллардита.

Недолго думая, Виллардита приказал Олигвэро Матиасу подняться к нему. Тот, медленно опустив, следует к Виллардита, который словно чёрной тенью прирос парапету замка.

Франческо Виллардита говорит ему:

— Итак, пойдём со мной. Они долго идут по коридорам замка до тех пор, пока не приходит в мрачноватую, скучно освещённую, особенную залу. Сама по себе зала была достаточно большая, может, конечно, и не тронная, да не по-королевским меркам, но с другой стороны, для

разговора двух людей она быдла более, чем просторная. В самой зале оказались два замысловатых окна, ещё и защищённые каким-то витиеватыми крытыми стальными ставнями, хорошо защищёнными. Главное, попасть попасть внутрь, через окно, минута ставни было достаточно проблематично, и комар бы не протиснулся. Возле каждого окна стоят багры корабельные которые можно выпихнуть любого человека, который будет лесть в окно.

На стенах залы расположилось разнообразное оружие, шпаги, доспехи, пестрившее яркими отблесками горевшего камина.

Взгляд невольно приковывал и достаточно суровый полукруглый, полу-квадратный, дубовый стол. В центре этого стола стояло огромное кресло, на которое, как на трон в него сел Франческо Виллардита, да жестом показал Матиасу, мол, садись рядом. В этот момент в залу зашёл и монах Магнус.

Виллардита-старший и говорит ему:

— Магнус, попроси, пожалуйста, накрыть нам ужин. Монах кланяется, выходит, растворяется в во тьме коридора с факелами.

— А теперь, подробно и обстоятельно расскажи мне всю свою историю, начиная уже с самого детства. Причём чем подробнее, тем обстоятельней.

— Но, мон сеньор, на это уйдёт не один час разговора,— воскликнул Матиас.

— Ничего, ответил его собеседник властным голосом,— я никуда не спешу.— Извольте мон сеньор, тогда я расскажу вам...

Вся жизнь, как в калейдоскопе пронеслась за этим столом у потрескивающего камина Рождение, дворянство, воспитание, затем кораблекрушение и попадание попадания на корабль попадание к пиратам...

Виллардита — старший его внимательно слушает и как раз, когда Матиас уже оказался на середине рассказа, попросил того ненадолго прерваться, ибо зашли слуги, три человека, накрыли на стол да поставили две бутылки вина. Виллардита небрежно кивнул головой:

— Продолжай и ешь.

Слушал хозяин замка, даже что-то записывал, одновременно ел и продолжал глядеть так остро, словно периодически пронизывая Олигвэрро своим стальным взглядом.

Когда Матиас закончил свой рассказ, Виллардита усмехнулся:

— А знаешь, говорит,— невесёлая биография!

— Ну, какая есть, другой нет,— в свою очередь парировал молодой человек, направив глаза на Виллардита.

— Можно и я задам бес tactный вопрос?

— Ну давай попробуй задай!

— А кто она тебе, эта женщина?

— Как ответить тебе: коротко или длинную историю? А он говорит:

— ...ну, я хочу понимать, кому я служу, мне это действительно интересно.

— Понимаешь, когда человек перестаёт верить в монархию он начинает служить орденом.

— Что вы имеете ввиду мой сеньор?

— Я родился в Испании в знатной тамошней дворянской семье, и меня ждала жизнь обыкновенного дворянского гранда. Я должен был вырасти, дождаться, пока умрут мои родители и принять это все в свое собственное управление и заведовать всем своим хозяйством и служить испанскому королю... это все обязанности, которые у меня были как у дворянина. Если бы понадобилось от меня помочь испанскому королю, я должен был встать и отправиться воевать за свою родину Испанию, вот в общем-то и всё, что меня ждало в жизни.

Но судьба распорядилась иначе: в определённый момент времени я встретил некоего удивительного человека, и уехал с ним в Португалию... да, не удивляйся: немалую часть своей жизни я посвятил Португалии. Затем что?... Да, воевал в Африке, потом попал сюда — и вот, я сижу перед тобой. Собственой персоной — Франческо Виллардита. Глава ордена Иисуса Христа.

Здесь в Калабрии — такая вот история моей жизни.

Матиас спросил его, не раздумывая и не скрывая любопытства:

— А что это за орден?

— Когда произошло некое печальное событие с братьями-Тамплиерами, если ты помнишь, о том стало известно во всех дворах Европы, что якобы, их казнили всех до единого, тогда-то оден Иисуса Христа приняла миссию на себя. Главой ордена Иисуса Христа был назначен избран Иеронимо до Карранза, мой командор, которому я служу и посей день.

— И что же, у вас нет прямой связи с испанской короной? Он говорит у меня есть связь только с орденом, а у моего командора есть и не такая связь, поверь, безраздельно повязаны со многими коронами мира, в том числе, и с Ватиканом.

А знаешь, тебе не сильно заморачивать себя этими вопросами.

Парень же посидел, подумал и задаёт Виллардита следующий вопрос:

— Скажите, а я должен стать членом ордена?

— Нет, не должен.

— А как же я буду вам тогда служить, если я не буду членом ордена?

— Понимаешь ли, здесь главенствует уровень нормы организации братьев-рыцарей, а ты попал ко мне при определённых обстоятельствах; фактически ты мне заменил того человека который погиб среди вас, дона де Оливареса, благороднейшего из мужчин!

— Самое главное, что я думаю вот что: я тебя пригласил исключительно для иного, у меня на тебя другие планы.

И вдруг молодой человек поклонился и говорит:

— Мон синьор, я так подробно расспрашивал про это всё не из

правдного любопытства, а потому...

Франческо Виллардита жестом прервал его.

— Слушай меня внимательно. Мне предстоит реализовать в жизни самое сложную задачу, которая передо мной стоит. Понимаешь, у меня есть сын. Зовут его Джузеппе Виллардита. Я принял решение, что он не будет участвовать вот в этом во всём... ну как ты понимаешь, я хочу сделать так, чтобы он, как можно меньшее имел ко всему этому отношение... и в общем-то, что я должен сделать... я опишу так. То, что я хочу преложить тебе, по идее, я должен был проделать со своим сыном. Но я этого не хочу, мало того я не хочу, чтобы он все время здесь жил, чтобы он здесь оставался, нет мне надо завершить множество иных дел.

Что же, в общем-то я бы хотел, чтобы ты, занял его место возле меня. И да, не удивляйся это не простая вещь как ты понимаешь по сути у тебя без меня нет жизни и соответственно я позабочусь о тебе если ты конечно оправдаешь мои надежды теперь я хочу тебе рассказать, Очень интересная вещь которая тебе пригодится: далеко отсюда, очень далеко, у меня есть громадное состояние, понимаешь, я действительно не-человечески богат не как обычный смертный. Однако же, про это состояние не знает никто, то есть если вот про моё богатство как дворянина знает все, про то, какими богатствами обладает орден и какими богатствами я обладаю лично знают немногие! Лишь некоторые, кроме меня и тебя вот сейчас, не знает не один человек.

И мне в определённый момент времени отсюда придётся уехать, и ты должен это понимать и по сути мне необходимо умереть как ты понимаешь иначе это всё работать не будет. В определённый момент времени мне нужно умереть ну как ты понимаешь умирать я совершенно не собираюсь вот такая вот беда ну чтобы провернуть вот это дело мне нужен хороший подручный... ты должен это понимать. И да, я собираюсь начать подготовку к этой операции прямо сейчас: мне нужно только одно от тебя.

Честный ответ на вопрос: согласен ты на эту идею или не согласен. Действовать нам придётся втроем тебе и мне и моему монаху, других людей посветить в это во всём я не могу мало насчёт подумал какой-то небольшой промежуток времени но я так понимаю раз вы мне рассказали вот это всё У меня просто нет выбора он говорит абсолютно верно потому что если ты откажешься я тебя убью просто я не могу рисковать данного рода информации я тебе рассказала уже достаточно много и поэтому ты либо соглашаешься либо я тебя убью. Повод вот тебе солдаты несу приезжающие более чем достаточно молодой человек говорит я в общем ты не забыл отказываться потому что в общем -то я прекрасно понимаю что если вас не станет то мне это особенно дорога обратно Либо в пираты либо куда угодно заказано только не наверх общество это 100% потому что без вас я никто. Он говорит далее:

— Так вот, это и есть состояние, про которое я тебе говорил... да, я все тебе оставлю. В полном объеме! И то, что я тебе рассказал, возможно

могло тебя временно обидеть, при этом же есть компенсация — все будет принадлежать тебе в полном объеме, то есть я оставлю тебе это всё — и ты будешь несметно богатым.

— Что же,— вздонул Матиас,— до этого ещё надо дожить.

— Неплохой ответ. Франческо Виллардита продолжил:

— А пока нам нужно продумать, каким образом мы это все сделаем с тобой, ведь нужно инсценировать не просто-то какое-то действие цирковое, но мою смерть. Да и инсценировать её таким способом, чтобы я просто растворился, словно в воздухе.

Матиас и говорит:

— А почему бы нам ночью просто не сесть на корабль и уйти?

— Это хорошая идея, но так никто не поверит... нужно чтобы поверили хорошо — А как же нам сделать тогда так, чтобы нам все поверили?

— Ты же прекрасно понимаешь если человек собирается умереть то он Должен заболеть сначала — но долго болеть что-то в этом роде запрещает мне там всякие писать и только потом рад если его конечно не убьют на двери или в баю ну у нас с тобой дуэль исключается будет тоже исключается тут надо все сделать так, что бы, комар носа не подточил.

Он говорит:

— А как же мы это будем делать?

— Вот это я тебе как раз я хочу рассказать, как мы это сделаем, но сначала прежде чем это сделаем нужно мне отойти от дел завтра совет который я назначил сюда съедутся все руководители всех регионов и подразделений я завтра собираюсь им сказать Что я отхожу от дел потому что я заболел поэтому мы с тобой должны присутствовать на совете сейчас иди спать я тебе покажу где твое место. Людей твоих разместят. Кстати ты доверяешь вот этим своим людям он говорит насколько это возможно и вот этим которые вон там стоят внизу?

— Этим? Да, больше чем другим.

— Хорошо, давай, ложись спать. А завтра мы с тобой это все организуем, пойдёшь со мной на совет.

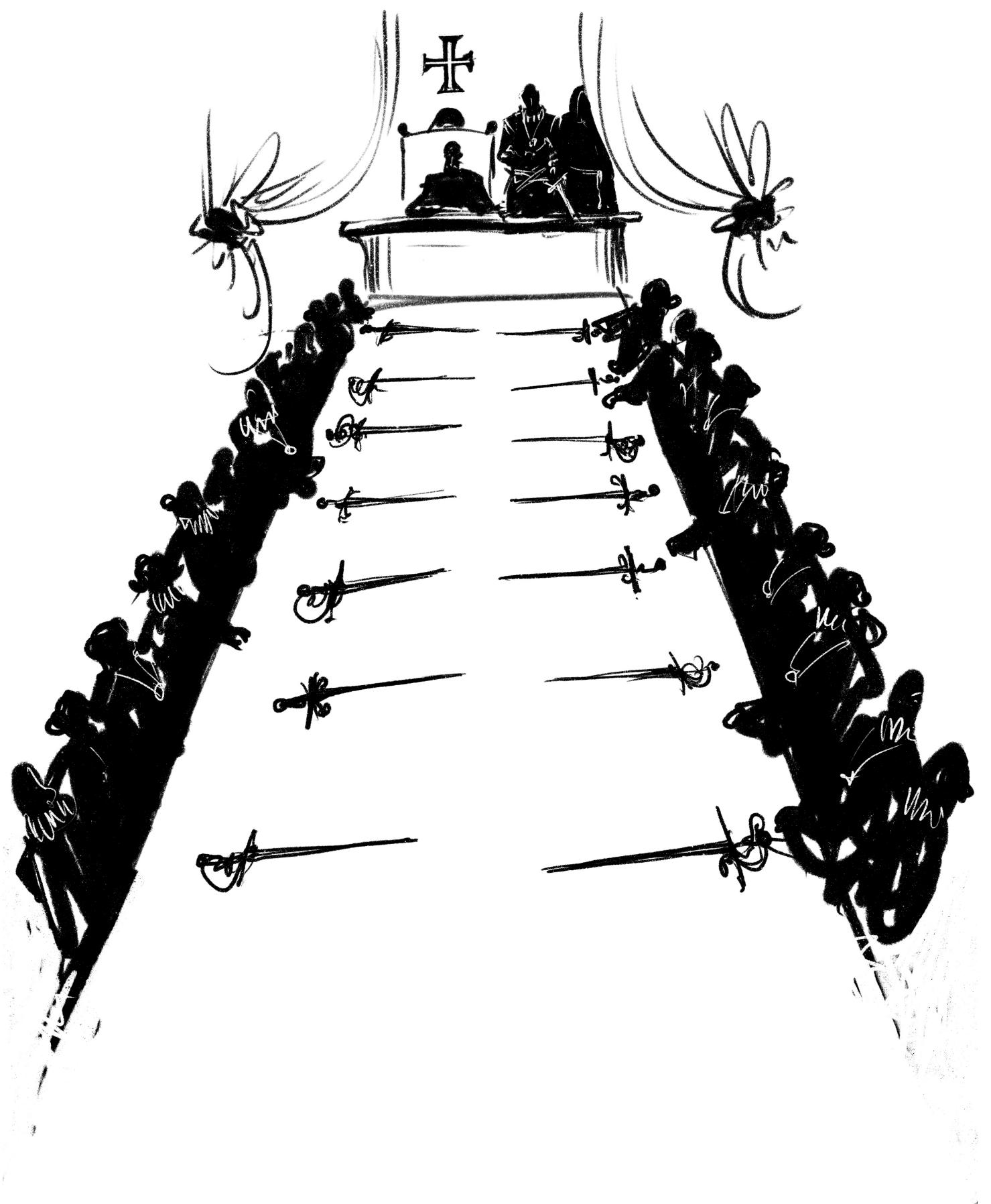
На следующий день начались прямо с утра съезжаться люди да сходиться громадная зала в который раз согласно более чем 100 человек за столами милая птица восседал ну такой кафедре один. А рядом стоял вот этот вот молодой человек одетый как дворянин со шпагой и просто смотрел на всех.

Виллардита начал речь:

— Друзья мои! Ни для кого не секрет, что я уже достаточно стар; мало того, выяснилось, что я болен и долго не протяну. Поэтому я сегодня хочу отойти от дел...

Гул наполнил рыцарскую залу.

— Послушайте! Мы с вами многое сделали в жизни мы с вами много и побеждали в месте очень много очень много побед за всем за этим стоит. Но пришло время мне уйти и по традиции, когда глава

ордена уходит он объявляет всем, кого назначит своим приемником.

И тут Виллардита просто да без колебаний и говорит:

— Вон, глядите, стоит молодой человек, которого я хочу с сделать

своим преемником.

Тот чуть сума не сошел мы говорили вчера о том что будем инсциенировать смерть а тот приемник вместо Виллардита то он конечно чуть побледнел, не тронулся мозгами когда, услышал слова Франчеуско Виллардита.

А все, перешёптываются да спрашивают:

— ... а кто это такой, мы этого человека не знаем и никогда не видели.

— Ну и прекрасно, что никогда не видели не знаете и... начал пересказывать его историю, но отнюдь не ту, которую вчера услышал за столом. Говорит Виллардита-старший так:

— Перед вами — порядочный человек, родовой дворянин. Человек, который доказал свою преданность и то что вы не знаете про его дела — этого всецело достаточно, что об этом знаю я! И поэтому я назначаю этого человека преемником своим. Зал весь замолчал Виллардита ещё раз задал вопрос:

— Так что? Либо вы меня поддерживаете, либо нет.

Из зала начали доносится определенные мнения:

— Мы человека не знаем, мы не можем, ни за не против, мы не можем сказать потому, что видим мы в первый раз в жизни, этого человека. Мы с ним как говорится, тут соли не съели, поэтому нам сложно либо утвердить, либо его либо мы не можем командор мы не можем сказать ничего поэтому поводу конечно мы вам доверяем но как бы поймите нас этот вопрос и нас касается напрямую и поэтому...

— Не лучше не выбрать кого-то из нас? — прозвучал чёткий вопрос.

— Что ж! говорит Виллардита,— я своё мнение высказал, теперь ваша очередь высказывать свое мнение предложите вашу кандидатуру.

Назвали имя достаточно уважаемого среди всех человека. А Виллардита и говорит:

— А здесь я против этого человека.

— Позвольте, монсеньор, но почему же против? Ты про этого человека знаешь видимо, такое знаю чего вам неведомо. А тот человек сразу и сел.

— Достаточно я знаю про этого человека такого, что вам знать не нужно вовсе. Воцарилась опять гробовая тишина...

— Ну, что делать будем? Напоминаю, я предложил кандидатуру, вы её отвергли вы мне предложили кандидатуру — я её тоже не принял. Как поступим в этой ситуации?

Тишина в зале!

Он говорит:

— Что ж, хорошо, тогда я предлагаю другой вариант. Сколько у нас глав подразделений, которые существуют? Насчиталось около двадцати.

Виллардита-старший и предлагает:

— Устроим совет из этих двадцати, которые всей нашей землёй управляют. Потом я предлагаю разделить вот этот совет на три ка-

тегории: на людей, которые будут управлять порядком, на людей которые будут управлять связями с государством и на людей, которые будут ведать политикой.

То есть самые уважаемые должны управлять политикой. Самые честные, которым мы доверяем больше всех, должны управлять связями с государством. А люди самые молодые — они должны управлять порядком.

Вот моё предложение — сделать совет. Сам совет разобьём на три части: на верхушку поставим один совет, затем средний и внизу ещё один совет и каждый отвечает за свое. Мало того могут возникать советы между собой. Можно организовать общий совет, на котором обсудить общий вопрос, если он выходит за рамки компетенции каждого из советов. Эта идея всем понравилось он говорит вот видите всегда можно найти общий язык прекрасно тогда давайте выберем эти двадцать человек вот принесите стол сюда. В центр вынесли здоровенный стол, поставили поставьте двадцать стульев вокруг него Будем сажать эти двадцать человек которые будут этим всем управлять это все штуковина она длилась около 2 часов пока убрали всех двадцать человек и такая вот ситуация все двадцать оказались за столом. Ну как бы сегодняшнего дня вместо меня всем управляет вот этот вот совет — вот моё письменное завещание о том что вот так и больше никак не передал его через монаха стоящего рядом положил им на стол.

Один из советников всё отважился сказать:

— Вы всё-таки командор наш, господин Франческо Виллардита, пока вы живы и как можно дольше здоровы, ещё мы бы не хотели принимать у вас полномочия до того, как вы ... умрёте или с вами что-нибудь случится! До того момента пусть все идёт своим чередом.

Декрет принят, у нас бумаги все готовы, главы выбраны, коммуникация отлажена... Далее мы между собой разберёмся, но всё-таки мы бы желали, чтобы вы управляли вот этим всем до своей кончины.

Виллардита-старший и говорит: н

— Резонно! И я не против вашего предложения дельного: давайте сделаем так, как говорите. Внесём поправку с формулировкой « как только со мной что-то случится» А поскольку уже все сделано, всё сугубо в наличии, то всё и будет ладно работать без меня. Но до того времени управлять нашей организацией буду по-прежнему я.

Стоит ли говорить: этот вариант устроил всех более чем сполна! А после — была грандиозная пьянка, все выпили-закусили, как следует развлеклись иные даже напились, где попало.

А с утра — как будто ничего и не происходило вовсе! Все разъехались прочь из замка.

Франческо Виллардита вызывает Магниуса. Говорит ему:

— Зови нашего нового друга, я хочу с ним поговорить.

Приходит Матиас и сразу получает приказ:

— Значит смотри, действуем так: возмёшь своих людей. Вот тебе

бумага, гляди. В этой точке на карте стоит корабль, готовый к выходу к морю. Как только до него доберёtesь, что недолго, в путь выдвигаетесь немедленно. Как только нога твоя ступит на борт оного корабля вручите этот документ капитану. Затем ждите меня, я буду в полночь.

Матиас всё выполнит в точности: они и его товарищи выдвинулись в точку, куда им было велено. Достаточно долго они добирались лошадьми, а в указанном месте чуть было не упустили корабль, зато увидели шлюпку. И как только Матиас со своими людьми подошёл к кораблю, тот протянул вестовому именной пергамент и велел передать его командиру корабля. Пергамент магически подействовал — и ждать не пришлось ни минуты. Так, они попали на борт и стали ждать полуночи.

И в это время сам Виллардита сидел по-прежнему в зале, за огромным внушительным столом подле камина. А рядом — верный монах, что сидел в кресле напротив него и без обиняков Франческо Виллардита ему и говорит:

— Что же, у тебя все готово?

— Так и есть, отвечает тот,— да, мой господин, всё готово и всё прекрасно.

— Что ты думаешь по поводу этого парня, Олигвэро Матиаса?

— Это очень хороший парень, мой господин, ответил монах.

— Очень хорошо,— сказал Виллардита,— в таком случае мы можем выдвигаться. После чего монах подошел к стене, нажал на каменную полость в нише, дверь повернулась и отъехала в сторону.

Франческо Виллардита взял саквояж в руки, переложил шпагу в левую руку, передвинул дагу на правый бок... И шагнул в темноту. Магнус шагнул за ним вслед, дёрнул за собой дверь, та закрылась...

И стена стала опять такой же, как и была. Затем монах зажег свечу, медленно по ступенькам со своим господином он начал спускаться вниз, в темноту.

Так они спускались достаточно долго, около 30 минут, пока не вышли из пещеры подле основания замка, где уже их ожидали оседланные крепкие кони. Два человека сопровождения молча кивнули. Монах и его господин быстро оседлали лошадей и направились в исходную точку выхода корабля. И двигались они достаточно быстро, так что ровно в назначенный срок, к полуночи они прибыли на корабль.

Воспользовавшись второй шлюпкой, что была заранее искусно прятана у берега, подручные быстро спустили шлюпку на воду. Лошадей они привязали, сами же сели в шлюпку и тронулись в сторону корабля. И как только шлюпка подошла к кораблю, их мгновенно приняли на борт. Виллардита уже знал, что его ждут на мостице. Он сразу же скомандовал капитану ставить паруса, с якоря сниматься, принимать курс — и вслед корабль послушно двинулся по повелению Франческо Виллардита. На этом же корабле он сразу же встретил готового рапортовать Олигвэро Матиаса, но и ему, и его подручным, приказал всем спать.

— Завтра много работы! Все — по каютам!

Матиас проснулся рано утром, корабль, мурко рассекая морскую гладь, шёл под полными парусами по курсу, который указал Виллардита.

Капитан стоял на мостице, рядом с ним — Виллардита-старший. И вот тот указал ему на виднеющуюся впереди чёрную точку, которая постепенно принимала очертания совершенно иного корабля. Я сказал будем швартоваться бортами друг к другу. Они увидели огромный испанский военный корабль, он больше многое крупнее их скромного фрегата. Вот два корабля пришвартовались борт к борту, и потянули фалами с двух сторон корабли друг другу, и быстро команда перешла на тот корабль. Затем Франческо Виллардита скомандовал:

— Внимание! Парусной команде построиться на палубе, сейчас же выставьте паруса на том корабле, и мы расцепляемся.

— Командир, ваша задача быстро развернуть корабль в сторону тех рифов и прыгнуть за борт, после мы вас фалами вытащим из воды. Так и сделали парусная команда поставила паруса, концы отдали — корабль пошёл на полном ходу в сторону рифов. В этот момент времени вся парусная команда попрыгала за борт, а с мощного военного линейного корабля полетели фалы в воду.

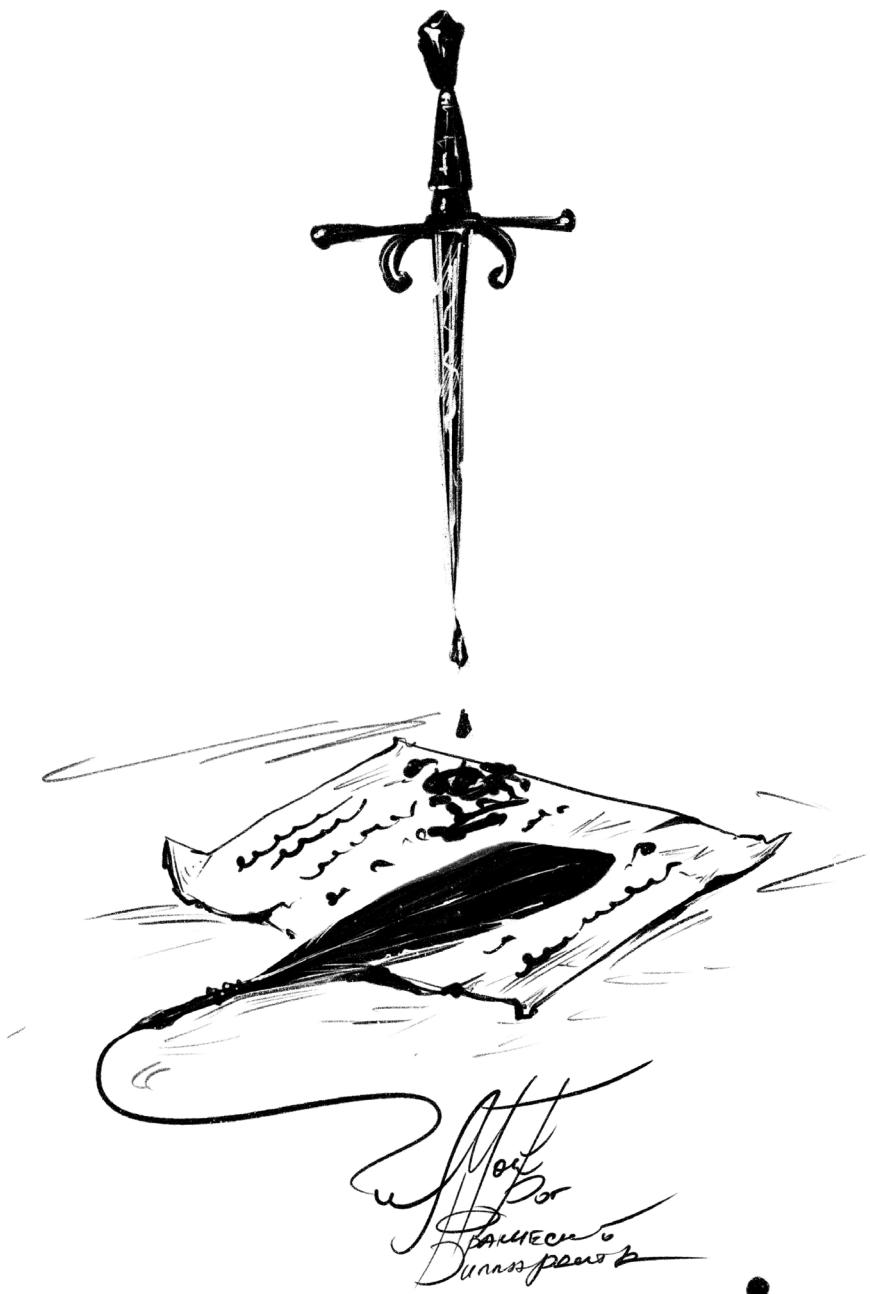
Вся парусная команда зацепилась за фалы и матросы быстро вытащили их на борт, а второй корабль медленно удалялся в сторону рифа... и не прошло и трёх минут, как пустой корабль в дребезги разбился об рифы — одни щепки на воде остались.

И тогда Виллардита скомандовал:

— Приведите людей в порядок, высушите, а вам, Командир, курс зюйд-ост принять, марш! — и испанский корабль начал медленно и горделиво двигаться в сторону горизонта.

Что же происходило в это время в замке Франческо Виллардита? Ровно в этот момент, его люди, по обыкновению, пришли в ту самую залу, в которой трещал молчаливый костёр. Но вместо того, что приветствовать своего патрона, они обнаружили на столе лишь краткую записку о том, что Франческо Виллардита отправился в Испанию на несколько дней, туда и обратно для получения соответствующих распоряжений.

Автор:
Олег Мальцев

Название:
Мой Бог Франческо Виллардита

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я 1212

Свидетельство о внесении субъекта издательской
деятельности в Государственный реестр
издателей, изготавителей и распространителей
издательской продукции ДК № 49018 от 02.08.2012.

Идентификатор издателя в системе ISBN 7761
тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00
E-mail: 7984722@gmail.com
www.isbn.com.ua

